

КОН ГРЕТА ЩИ Я

Для всех,
Умберто
ЭКО
КТО ЛЮБИТ

Надежда Попова

ПРИРОДА ЗВЕРЯ

Annotation

Германия, зима 1394 а.Д. Следователь Конгрегации Курт Гессе и его помощник Бруно Хоффмайер, направленные к очередному месту прохождения службы, застигнуты в пути непогодой. Они вынуждены остановиться на ночлег в придорожном трактире. Разыгравшаяся метель делает дальнейший путь невозможным, и уже следующей же ночью становится ясно, что скука – еще не самая большая неприятность, свалившаяся на их головы...

- [Надежда Попова](#)
 -
 - [От автора](#)
 - [Ради всего святого](#)
 - [Природа зверя](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)

- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)

Надежда Попова

Инквизитор. Природа зверя

Автор выражает благодарность Надежде Шолиной, доценту кафедры всемирной литературы НГПУ им. К. Минина, за помощь в блуждании по дебрям латинских надежей.

© Попова Н.

© ООО «Издательство АСТ

Охраняется законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

От автора

Рассказ «Ради всего святого» был написан еще в 2002 году, за четыре года до первой книги, когда никаких мыслей о чем-то большем еще не было. Можно сказать, что весь цикл «Конгрегация» впоследствии вырос именно из этого рассказа, написанного когда-то по наитию, спонтанно, из заложенной в нем идеи.

Когда дело дошло до публикации, присутствие рассказа в «бумажной» серии все еще было под сомнением: ведь он не связан с событиями основного цикла напрямую, описанное в нем происходит за сорок лет до того, как по Германии пошел железным шагом инквизитор по прозвищу Молот Ведьм. Кроме того, в нем нет ни одного знакомого читателю героя. Но все же было решено, что рассказу в цикле быть. И быть именно сейчас, перед выходом шестого тома, в котором Курт Гессе начнет постепенное вхождение в Большую Игру, которую ведет Конгрегация – для более полного понимания как образа главного героя повествования, так и Конгрегации в целом. А также для того, чтобы увидеть, когда, в каких условиях и как всё начиналось.

Н. Попова

Ради всего святого

Квазипьеса

Num quid lex nostra iudicat hominem nisi audierit ab ipso prius et cognoverit quid faciat.[11](#)

Действующие лица

ТРИ БЕЗЛИКИЕ ФИГУРЫ

ХАНЦ ВОЛЬФ, травник

БАРБАРА ГРЕФ (упоминается)

ПАЛАЧ

СЕКРЕТАРЬ

ЭЛЬЗА ШВАГЕЛЬ (упоминается)

ТОЛПА (незримо присутствует)

Смирненное свидетельство Барбары Греф перед Высоким судом и Всеблагим Господом:

«Я, подательница сего, в девятый день месяца августа года от Рождества Христова 1354 имела беседу с травником Ханцем Вольфом. Проходя мимо него полем, я услышала, как он просит меня дать ему яблоко из тех, что я несла в корзине. Я дала ему яблоко, побуждаемая христианским милосердием. Он же не отошел от меня, а стал вести разговор о том, что я бедна, а моя единственная родственница, дочь сестры моего покойного отца, удачно вышла замуж и теперь наслаждается земными благами. После Ханц Вольф стал мне говорить, что, если бы муж моей родственницы умер, оставив ей все свое состояние, и моя родственница умерла, оставив по завещанию все, что имела, мне, я бы стала богатой.

Он говорил долго и проникновенно, так что я, сама не зная почему, согласилась с его словами и сказала, что это было бы хорошо. Тогда Ханц Вольф спросил у меня, что бы я могла отдать, чтобы так все и случилось. Я в каком-то ослеплении сказала, что отдала бы все, что бы ни попросили у меня. Ханц Вольф на это ответил, что он может устроить все так, что и муж моей родственницы отпишет ей все, забыв про свою родню, и

моя родственница отпишет все мне, забыв о детях своих, и что оба они умрут, и никто не увидит в том ничего подозрительного. Тогда я спросила, чего он за это желает. Ханц Вольф сказал тогда, что за это я должна буду дать ему денег из будущего наследства, сколько он запросит, и отдать ему детей моей двоюродной сестры, не спрашивая, для каких целей и что с ними случилось. И я на это согласилась.

Ханц Вольф тогда велел мне клясться моей душою, что я не нарушу договора, а если нарушу, он придет ко мне и заберет мою жизнь, а душу погубит. Я поклялась ему душою.

В пятнадцатый день того же месяца того же года я от соседки узнала, что муж моей родственницы упал на охоте с седла, и шея его сломалась, а все деньги стали принадлежать моей родственнице, и все его родственники оттого в страшном гневе и горе. Я испугалась, потому что увидела, что все исполняется, и стала молиться, прося Господа простить меня и смириться над моей родственницей и мною, и тогда Ханц Вольф явился мне. Но не во плоти, а как бы дым, призрак, и стал мне грозить, что убьет меня, а душу мою отдаст своему господину Дьяволу, которому он служит. Я испугалась еще больше и молиться перестала вовсе, ни ко сну, ни на рассвете, ни перед пищей не молилась.

А еще через день родственница моя слегла будто бы с нервной горячкой, и теперь жизнь ее уходит, а виновны в том я и Ханц Вольф. Смирренно прошу за то меня простить Господа Всеблагого и Высокий суд матери-церкви нашей, на чью милость теперь я уповаю и вручаю жизнь свою и душу ей и Высокому суду.

Готова повторить все написанное и сказанное секретарю Высокого суда снова и снова и засвидетельствовать пред Господом каждое слово, которое есть истинная правда».

* * *

– Я понимаю так...

Голос тихий и задумчивый, глубокий капюшон приглушает его еще больше, но под каменными сводами, где пока нет никого, кроме них троих, он звучит почти оглушительно.

– Я понимаю так, что речь по-пойдет о смерти адвоката Вернера?

– При условии, что в этих местах в последний раз умирали от падения с лошади на охоте в прошлом веке – да.

Фигура слева колыхнулась в тяжком вздохе, поменяв местами

сложенные друг на друге ладони.

– Мы можем отложить допрос на час-другой, чтобы ты мог отдохнуть с дороги, брат.

– На том с-свете отдохну.

– Ну, как знаешь... Сейчас принесут все бумаги, изучишь дело в подробностях. Когда мы прибыли, нам тоже не удалось найти время для отдыха, сразу же приступили к допросу свидетельницы.

Второй вздох прозвучал уже не столько тяжело, сколько недовольно.

– Как же свидетельницы, если она прямая соучастница?

– Брат, она пришла к нам добровольно. Если бы не ее признание, никому и в голову не пришло бы, что здесь замешано колдовство. И после того, как ей позволили вернуться домой, ни разу не бывало, чтобы ей было велено явиться на допрос, а она это проигнорировала. Барбара Греф раскаявшаяся душа, и разве следует напоминать тебе, брат, что нам более, чем кому-либо, следует быть осмотрительнее в решениях?

– Не заводись. Я лишь не могу понять, к чему вы посылали за мной, если все и так ясно?

До этой минуты молчавшая фигура справа кашлянула с сомнением и поправила рукав, будто не зная, куда деть руки.

– Ясно-то оно ясно, да не ясно. Если б дело было лишь в том, чтобы просто вынести приговор преступнику, когда есть преступление, есть жертва и свидетель – тогда мы справились бы и вдвоем. Бывало и сложнее.

– Но?..

– Но здесь присутствует еще и неизвестный соучастник. Или расшатанные нервы свидетеля. Или излишнее рвение все того же свидетеля из-за этих расшатанных нервов... Да где же секретарь?

– Т-ты сам-то не нервничай, брат... Ну, хорошо, допустим, соучастник. А проблема в чем?

– Проблема в том, что это неизвестно... Хорошо, протокол потом посмотришь, а пока расскажу сам. Барбара Греф утверждает, что после последнего допроса к ней у церкви подошла женщина и велела ей опровергнуть свои показания. Якобы обещала превратить ее жизнь в ад, если она не отречется от своих слов, а если отречется, обещала наградить. Вот так.

– Ну. Женщину н-нашли?

– А дело в том, что, по утверждению свидетельницы, женщина не местная; по крайней мере, она ее раньше не видела... Если она ее вообще видела, и это, повторяю, не ее разыгравшееся воображение или желание помочь суду даже и лжесвидетельством. Сам понимаешь, что мы в

некотором затруднении. Простые меры ни к чему не привели, никто больше женщину, подходящую под данное Барбарой описание, не видел.

– П-понимаю...

– Попробовать саму свидетельницу? Она скажет, что угодно, когда окажется под пыткой. И даже если все сказанное правда, может взять свои слова назад лишь из страха.

– Нет, это н-не выход. А что обвиняемый?

– Ну что – обвиняемый... Как ты думаешь? Сама невинность. «Какие соучастники? Я не колдун»...

Когда приоткрылась дверь, все три фигуры повернули головы к вошедшему синхронно и так же одновременно выдохнули:

– Наконец-то!

– Прошу меня простить, – секретарь поспешно склонился, складывая на стол стопки исписанных листов.

– Дайте-ка...

Бумага зашуршала, переходя из рук в руки; секретарь притих в своем углу, без нужды перебирая перья. Тишина парила долго, тяжело повиснув под камнем сводов. Секретарь неподвижно замер и смотрел перед собой, изредка скашивая взгляд на трех людей за столом.

– Н-да-а... – вздохнула, наконец, фигура слева и, отложив лист протокола, снова сложила ладони на столе. – Откровенно г-говоря, я ожидал увидеть очередную провинциальную тяжбу.

– Ты так мало мне доверяешь, брат?

– Что ты. Просто слишком часто в последнее время ты стал обращаться за п-помощью ко мне там, где можно обойтись своими силами, а ты, – поклон вправо, – брат, уж прости меня, бываешь слишком нерешительным временами.

– Да что уж тут. Я и сам знаю. Но неужели скажешь, что здесь все просто, и мы напрасно тебя потревожили?

– Не скажу. Дело д-действительно непонятное. Оно и просто, кажется, а все-таки сложно... – невидимые в полумраке глаза нашли секретаря, и капюшон кивнул: – Пусть ведут.

Дверь за секретарем закрылась с таким тяжким скрипом и лязгом, что фигура слева обернулась.

– Н-да... И... Вопрос немаловажный, б-братья: протокол дознания – без купюр?

– Конечно. Ведь протоколы только для сугубо внутреннего пользования; все точно, от первого до последнего слова, как же иначе.

– По-разному, брат, по-разному... – один из листов снова зашуршал

под руками. – Бывает и так, что не все можно д-доверять бумаге. Господь наградил вас проницательностью, но кое-что, братья мои, достигается опытом и знанием определенных правил... Почему вам и п-пришлось, собственно, посылать за мной.

* * *

Вопрос. Хочешь ли ты сознаться в сотворенном тобой бесчинстве прямо, откровенно и добровольно, чтобы облегчить свою участь и получить прощение Господа?

Ответ. Мне не в чем сознаваться, я ничего не сделал, я не знаю, за что я здесь.

В. Травы, порошки и мази, найденные в твоём доме, все ли принадлежат тебе, или что-то из них тебе незнакомо?

О. Я не знаю, я просто не могу знать этого – я ведь не видел, что у меня забрали. Если вы мне покажете что-то, я тогда смогу сказать, мое оно или нет, но я не могу знать обо всем, что можно найти в моём доме. Ведь если кто-то хочет меня оклеветать, мне можно подбросить все что угодно – меня почти не бывает дома.

В. По какой причине?

О. Потому что я собираю травы, я почти всегда в полях или в лесу.

В. Зачем ты собираешь травы?

О. Я просто знаю, какие из них от каких болезней надо пить или прикладывать, я их собираю и даю людям, только и всего.

В. Ты лечишь людей?

О. Только отварами и припарками из растений, которые людям давал Господь от сотворения мира! Ведь не грех же использовать в пищу яблоки, от которых польза зубам? Ведь это – не грех? Значит, и готовить отвары из березовых листьев, если мучит ломота в суставах, тоже не грех!

В. Итак, ты помогаешь людям? Ответь просто.

О. Да.

В. Тогда кто и за что может пожелать оклеветать тебя?

О. Я не знаю.

В. У тебя есть ненавистники?

О. Я не знаю... но ведь ненавистники – они всегда так, о них не знаешь, пока они не ударят в спину... Это я так, образно, не в прямом смысле...

В. Ты мог кому-то навредить?

О. Своим лечением? Не знаю. Не думаю. Я ведь еще слишком мало знаю, а потому не могу лечить серьезных, опасных болезней. Поэтому, если б я и ошибался в диагнозе и дал не то лекарство, никакого серьезного вреда это не принесло бы. Я имею в виду такого, чтобы за это желать мне смерти...

В. Почему ты заговорил о смерти?

О. Ну... я ведь... я ведь здесь...

В. И ты так уверен, что тебя непременно ждет смерть? Почему?

Обвиняемый не дал ответа.

В. Отвечай суду.

Обвиняемый не дал ответа.

В. Ты уверен, что Высокий суд предвзят к тебе?

Обвиняемый не дал ответа.

В. Значит, пока выходит так, что это ты предвзят к Высокому суду. Почему? Тебе есть чего бояться?

О. Я не знаю.

В. Или да, или нет. Если ты не знаешь, значит, на твоей совести что-то есть, какой-то грех, и ты лишь не уверен в том, знает ли о нем суд.

О. Нет, на мне нет никакого греха!

В. Никакого?

О. Нет, я не то хотел сказать, я... Я хотел сказать, что никому не причинял вреда сознательно и не совершал преступления. Вы хотите, чтобы я сознался в преступлении, но я не знаю, о чем вы говорите!

В. Использовал ли ты когда-нибудь ядовитые травы, ягоды, грибы или что-то подобное во вред человеку?

О. Никогда!

В. Напоминаю тебе, что ты можешь облегчить свою участь, если будешь говорить откровенно и ничего не утаивая. Спрашиваю тебя снова: использовал ли ты ядовитые снадобья, чтобы причинить вред человеку?

О. Нет, никогда, я никогда ничего подобного не делал! Я лекарь, я помогаю людям, я никогда бы не принес ближнему несчастья!

В. Лечил ли ты когда-нибудь как-либо, помимо отваров и порошков? Лечил ли ты наложением рук, взглядом, словами?

О. Нет, ничего такого.

В. Напоминаю тебе вторично, что ты должен быть откровенным и ничего не скрывать. Ты лжешь Высокому суду. Запомни, что в третий раз я не буду напоминать об этом словесно, и придется причинять тебе боль, чтобы ты осознал, насколько серьезно обвинение. Итак, я спрашиваю снова: лечил ли ты когда-нибудь наложением рук, взглядом, словами?

О. Никогда! Я никогда не делал ничего такого!

К обвиняемому было применено однократное слабое прокалывание кожи за ухом.

В. Зачем ты снова лжешь суду? Свидетели показывают, что ты, готовя некую мазь, а потом – втирая ее в колено больного, шептал что-то, чего разобрать было нельзя. Что скажешь об этом?

О. Это молитва, это просто молитва! Я прошу вас, это просто молитва!

В. Какая и с какими словами?

О. Я читал молитву Пресвятой Деве Марии, я определял по ней время, какое надо варить и втирать мазь, только и всего! Я просил благословить мою работу для людей, а еще я знаю, что мазь бывает готова, когда успеваешь прочесть эту молитву пятнадцать раз, а когда ее надо втирать, то укладывается четыре раза, это все, что я делал! Я не говорил никаких непозволительных слов, я не умею лечить словами или руками, я просто знаю травы, вы должны мне верить! Спросите кого угодно – я богобоязненный человек, я постоянно посещаю церковь, хожу к исповеди, жертвую на церковные нужды, я чту Господа нашего!

В. Успокойся и просто будь честным перед судом, тогда ты избежишь таких болезненных мер. И ответь: не случалось ли тебе замечать, что ты можешь быть причиной несчастий ближних невольно?

О. Нет, никогда я никому не приносил несчастья, я говорил уже, я много раз говорил, что никому не причинял зла...

В. Ты слушаешь невнимательно. Я спросил, не замечал ли ты, что *невольно* становишься виновником несчастий? Не бывало ли такого, что вдруг умирал, заболел, разорялся или иначе страдал человек, на которого ты затаил обиду или которому бросил необдуманное проклятье?

О. Никогда мой язык не поворачивался проклясть человека! Господь свидетель, все знают, я порядочный человек, я никому и никогда не желал зла, я не держал никогда обиды в сердце, а чтобы кому-то сказать что-то непозволительное – никогда, это немыслимо!

В. Возможно, ты просто не замечал этого, или ты самому себе не хочешь сознаться в том, что подобное случалось? Подумай и вспомни, бывало ли такое, и скажи, если это и вправду было. Это поможет тебе и твоей душе. Не бойся сознаться в том, что пока еще можно исправить. Чем дольше ты будешь упорствовать, тем хуже будет людям вокруг тебя и, значит, тебе – хуже них во много раз.

О. Клянусь вам, никогда такого не случалось! Мне не надо вспоминать, не надо думать, я помню все, что бывало со мной в жизни, и никогда по моей вине не страдали ближние – я не вредил ни сознательно,

ни невольно!

В. Я понимаю, что ты напуган наказанием, но прошу, подумай. Если такое случилось, это не твоя вина. Пока не зашло слишком далеко, пока ты не начал пользоваться этим сознательно, пока это болезнь души, которую можно все еще излечить. Теперь – ответ откровенно: такое случилось?

О. Нет, никогда, никогда не случилось ничего подобного!

В. Как ты сходишься с людьми?

О. Что?

В. Как к тебе относятся люди?

О. Какие люди?

В. Люди, с которыми ты общаешься. Как они к тебе относятся? Тебя любят? С тобой приятно общаться? Или тебя терпят, потому что нет другого травника?

О. Я не знаю. Я не думал об этом.

В. У тебя есть враги?

О. Вы ведь уже спрашивали.

В. Отвечай суду. У тебя есть враги?

О. Я ведь говорил вам уже не раз: я не знаю!

В. А друзья?

О. Наверное.

В. Ты не знаешь, есть ли у тебя друзья?

О. У меня множество приятелей, то есть, они даже не приятели, а просто когда-то стали приходить ко мне за советами, а потом уже просто так. Кто-то приносил угощения, чтобы отблагодарить за помощь, кто-то просто заходит ко мне поговорить...

В. О чем?

О. О разном... Новости рассказывают. Я ведь живу довольно далеко, почти не бываю ни в деревнях, ни в городе, ко мне сами приходят, если что-то случается, или присылают за мной кого-нибудь, а я сам обычно дома или в полях... я ведь уже говорил...

В. У тебя есть настоящие друзья? Близкие, которые могли бы желать тебе добра от всего сердца?

О. Но к чему это?

В. Сын мой, здесь не тебе положено задавать вопросы. Кажется, ты все еще не понял, насколько серьезна ситуация.

О. Не надо!

В. Я лишь хотел повторить: отнесись серьезно к своей участи и просто говори правду. Итак. Есть ли у тебя такие друзья, которые, допустим, из благодарности могут сделать для тебя все?

О. Все? Я не понимаю, в каком смысле – «все»...

В. Пусть не все, но многое. Ради тебя рисковать, например, репутацией или даже жизнью.

О. Нет, это... это слишком, таких друзей у меня нет... Если подумать... Теперь я понимаю, что у меня вообще нет друзей.

В. Ни одного?

О. Получается – так...

* * *

Секретарь замер, занеся перо над чернильницей наизготовку, глядя одним глазом на палача (тот неподвижно стоял за спиной обвиняемого), а другим – на самого Ханца Вольфа, молодого человека двадцати шести лет от роду... кажется. Точно секретарь не помнил. Собственно, все, что он записывал, он забывал через мгновение: во-первых, всего не упомнишь, и если все запоминать, не хватит места для мыслей. А во-вторых – не его это недостойного ума дело.

На братьев Высокого суда он не смотрел. По многим причинам, о которых говорить и думать смысла нет...

– Итак.

Секретарь макнул перо в чернила и изготовился записывать. Обвиняемый вздрогнул и покосился на палача за спиной.

– Назови с-свое имя, общественное и семейное положение, возраст.

– Зачем это?.. Ведь вы уже спрашивали, я уже говорил вам...

Мимоходом секретарь подумал, что бумага может передать слова с точностью, если писец добросовестен, но никогда не передаст железа в голосе инквизитора, дрожи в голосе обвиняемого, грохота тяжелой двери и дыхания палача за спиной у полураздетого человека. И протокол никогда не расскажет, как все происходило на самом деле...

* * *

Протокол дознания обвиняемого в убийстве, угрозах убийства и отравлении либо насылании порчи посредством заключения договора с потусторонними силами. Обвиняемый: Ханц Вольф, лекарь. Третий допрос (без применения пытки)

Вопрос. Назови свое имя, общественное и семейное положение, возраст.

Ответ. Зачем это?.. Ведь вы уже спрашивали, я уже говорил вам...

В. Сын мой, будь благоразумным и просто отвечай на вопросы. Назови свое имя, общественное и семейное положение, возраст.

О. Меня зовут Ханц Вольф. Я травник, лекарь, я лечу людей, которым нужна помощь. Я не женат, не имею матери и отца... Мне двадцать семь лет... Что вы еще хотите знать? Я уже говорил это не раз, я не знаю, что еще сказать...

В. Хочешь ли ты сознаться в сотворенном тобой бесчинстве прямо, откровенно и добровольно, чтобы облегчить свою участь и получить прощение Господа?

О. Я уже говорил не раз, что я ничего не сделал!

В. Знакома ли тебе женщина возрастом около пятидесяти лет, с черными волосами, черными глазами, низкого роста и с отсутствующим зубом вверху справа?

О. Нет, никогда не видел такой.

Допрос прерван для совещания.

В. Ты снова говоришь нам неправду, сын мой. Сейчас я повторю свой вопрос, и ты ответишь мне искренне. Знакома ли тебе женщина возрастом около пятидесяти лет, с черными волосами, черными глазами, низкого роста и с отсутствующим зубом вверху справа?

О. Нет, и я говорю правду. Я никогда не видел ее. Да даже если и видел, как я могу запомнить каждого, кто проходит мимо меня по улицам?

В. Ты знаешь, о чем я спрашиваю. Эта женщина знакома тебе близко, и ты должен сказать, кто она и в каких отношениях состоит с тобой.

О. Я не знаю ее! Я не лгу, я не знаю такой женщины.

В. Мы пытались быть снисходительными и терпеливыми.

К обвиняемому применено раздевание, демонстрация орудий и подробный рассказ о назначении орудий. Без применения пытки.

В. Кто эта женщина?

О. Клянусь, не знаю, о ком вы говорите.

В. Ты знаешь, за что ты здесь?

О. Теперь – знаю. Меня обвиняют в том, чего я не делал.

В. В чем именно?

О. Кто-то сказал, что я убил кого-то и что собираюсь убить еще, но я этого не делал! Я лекарь!

В. Ты обвинен в убийстве адвоката Вернера и в попытке убийства его супруги, а также в угрозе убийством ее двоюродной сестре.

О. Теперь я это знаю, но я узнал об этом только здесь, я никогда ни о чем подобном и не помышлял!

Допрос прерван для совещания.

В. Ты снова лжешь. Ты причастен к убийству и болезни ближних своих; если выяснится, что ты сделал это из корысти, убил руками и собирался убить ядом, ты будешь передан светскому суду. Если же это было сделано путем наговора, колдовства, вызова духов, ты понесешь наказание по всей строгости закона Господнего, хранимого Высоким судом. Признайся сейчас, почему и как ты сделал это, и ты облегчишь свою участь.

О. Я этого не делал! Господи, клянусь вам, что не делал ничего противозаконного, ни руками, ни ядами, ни наговорами, я никому не причинил зла! Я просто лекарь! Я помогаю людям, и я никогда ничего злого не совершал!

К обвиняемому применены иглы под ногти четвертого и пятого пальцев на левой руке, несколько раз повторен этот же вопрос, после же того, как он сказал, что не знает, о чем его спрашивают, то же применено к его правой руке. Членораздельного обвиняемый ничего не говорит.

В. Супруга убитого продолжает метаться в горячке, и это дело твоих рук. У тебя все еще есть шанс спасти свою душу, сказав, чем и каким образом ты губишь ее и как это можно остановить. Спаси жизнь ближнего, которого ты толкаешь в могилу, и Высокий суд учтет это.

О. Я не знаю об этом ничего! Клянусь вам, не знаю!

В. Сейчас ты думаешь, что сможешь вытерпеть все, и рано или поздно тебя освободят. Прошу тебя подумать лучше. Подумай, зачем тебе это нужно? Для чего тебе подвергать себя мучениям? Похвальна стойкость, когда она для правого дела, когда – ради страны или защиты веры, но какую веру отстаиваешь ты? За что решился страдать? За гибельное умение приносить боль и несчастья другим?

О. Господи, я не знаю, о чем вы! Я никогда не делал ничего плохого, я никому не приносил несчастий!

Постановлено раздувать угли, обратив обвиняемого так, чтобы он мог наблюдать происходящее. На повторенный вопрос обвиняемый крикнул «Господи!». По делу обвиняемым ничего членораздельного не сказано.

В. Время идет, и полагаться на наше терпение ты уже не можешь. Умирает безвинный человек, и я снова прошу тебя призвать собственное благоразумие, если не совесть. Скажи, что ты сделал, чтобы навести

болезнь, и как прекратить ее.

О. Я не знаю! Я не знаю, не знаю! Я ничего не делал, я ничего не насылал, я просто травник! Я не могу знать, отчего болен кто-то, кого я даже не видел!

В. Видишь? Очаг полон горячих углей. Ты знаешь, что это не сулит тебе ничего хорошего. Так зачем тебе это? Просто признайся, скажи, что ты сделал, и тебя не тронут.

О. Я никого не убивал и не хотел убивать! Прошу вас, я ничего не сделал! Прекратите это!

В. Пойми, еще ничего и не начиналось. И ты не выйдешь отсюда, пока мы не услышим, что ты сделал с несчастной женщиной. Просто подумай и осознай: это будет продолжаться, пока ты не скажешь, какого рода ее болезнь. Это просто никогда не кончится. Понимаешь?

Обвиняемый членораздельного ответа не дает. Применены раскаленные щипцы для пальцев и еще по три иглы под ногти на каждую руку, с зазубринами. Для раздумий обвиняемому дается один час, в течение которого постановлено неизменно держать щипцы на пальцах. По прошествии часа обвиняемый на вопросы не отвечает, прося остановить допрос. Постановлено вырвать иглы.

В. Ты все еще не одумался? Ради твоей собственной пользы прошу: скажи, что и как ты сделал с женщиной?

О. Ничего. Я ничего не делал. Я не понимаю, чего вы хотите от меня. Прошу вас, прекратите это. Я ни в чем не виноват.

В. Я открою тебе небольшой секрет. Когда ты сознаешься, знаешь, что будет записано в главном протоколе? Там будет написано: признался без пытки. Понимаешь, о чем я? По протоколу это и пыткой-то не считается. И эта не пытка длится пока всего лишь чуть больше часа. Подумай о трех часах настоящей пытки. О пяти часах. Десяти часах. Вспомни, для чего каждый из этих предметов, и подумай еще раз. И скажи: как остановить то, что ты делаешь с умирающей женщиной?

Обвиняемый членораздельного ответа не дает. При зажимании тисков два раза крикнул «Прошу вас!» и лишился чувств.

* * *

– К-как вовремя...

– Ты его осмотрел, брат? Как? Сердце выдержит?

– Выдержит достаточно долго. Т-так всегда бывает на первой ступени.

После притерпится, и пойдет легче. П-приведите его в себя, не стоит давать ему время для отдыха.

* * *

Обвиняемый, будучи возвращен к сознанию, закричал, но членораздельного по делу не сказал ничего. Принесены песочные часы на одну минуту и установлены перед обвиняемым. К обвиняемому применено прижигание нервных узлов раскаленными шильями.

В. Видишь часы? Минута. Это на самом деле очень и очень долго – минута.

О. Прошу вас, прекратите, я ничего не знаю...

В. Вот видишь. У тебя уже на пределе терпение, и за это время дважды все тело пронзила невыносимая боль. До самых костей, как будто по ним скрипят напильником. Так? Так. Подумай еще и вот о чем: как это будет, когда действительно по кости скребет напильник... А между тем минута все тянется и тянется. Вот – еще раз.

О. Хватит, не надо, я прошу вас, я ничего не сделал, я невиновен, Господи...

В. Посмотри – еще и половины песка не пересыпалось вниз. Минута, всего одна минута, и так долго и так больно. Ты не видишь песчинок? Как они медленно падают вниз – по одной? Падают и падают, а минута все тянется и тянется. И боль все не кончается и не кончается...

О. Прошу вас, не надо больше, я прошу вас, я ничего не сделал, я ничего не знаю, я ни в чем не виноват...

В. В общем, это, конечно, можно терпеть. Смотри, минута почти кончается. Правда, пока она закончится, ты испытаешь еще множество и множество раз эту боль.

О. Я вас умоляю...

В. Так просто скажи, что ты сделал! Скажи – и все! Меньше минуты, это много меньше минуты – это мгновения! Несколько мгновений – и все закончится! Просто «я все расскажу», и боль уйдет! Ну!

О. Я невиновен! Господи, я невиновен, я ни в чем не виноват!

В. Признайся! Просто не запирайся, облегчи душу, и станет легче телу! Подумай, ты страдаешь за преступление, а из-за него так же тяжело, как ты, страдает невинный – из-за тебя! Зачем это тебе? Ради удовольствия? Ради осознания власти своей, и только? Только затем, чтобы знать, что ты можешь это – повелевать жизнью и смертью других? Но какое

удовольствие в этом, если и ты сам предан мукам?!

О. Я невиновен!

В. Что ты сделал с ней? Что? Говори! Говори, и я прекращу это!

О. Я невиновен!..

В. Ну, вот минута и прошла. Как много всего случилось за эту минуту, да?

О. Я прошу вас...

В. Не шевелись. Тогда шилья не будут скрести по нервам. Это первый выход. Не слишком хороший, верно? Второй – просто расскажи нам, что ты сделал с женщиной, расскажи, как остановить болезнь, и ничего этого не будет. Ни игл, ни огня, ни щипцов, ничего. Подумай, подумай еще раз: зачем тебе упираться? Что ты получишь за это? Принимая муки за Господа, святые мученики получили вечное блаженство. Принимая мучительную смерть за свою страну, воины приносят себя в жертву своим ближним и обретают славу. Возьмем даже пример, противный вере, но понятный греховной человеческой сущности. Наемник, рискуя жизнью за сокровище, надеется получить блага земные, если вытерпит лишения и страдания. А что получишь ты? Вечное проклятье? Плевок на свою могилу из уст родных тех, кого ты погубил? Что еще? На что ты надеешься?

О. Я надеюсь, на то, что Высокий суд... я прошу вас... что признают мою невиновность, потому что я невиновен...

В. Если бы ты не был тем, кто ты есть, я восхитился бы тобой, правда. У тебя сильная воля. Видишь, я не необразованный фанатик, и я не обвиняю тебя в том, что это Дьявол придает тебе сил. Я знаю, что не он поддерживает в тебе такое упорство...

О. Потому что я невиновен...

В. Нет, не поэтому. Что касается Дьявола – непосредственно он или кто-либо еще не дает тебе силы. Но и злые силы все-таки тут замешаны. Каким образом? Таким, что там, за стенами этого подвала, есть у тебя сообщница, которая уже сама по себе злая сила, ибо старается помочь тебе, а, согласись, ты не добрый человек. Вот мысль о том, что рано или поздно она каким-то образом поможет тебе выбраться, и поддерживает твоё упорство. Поэтому восхищаться тобой мне не хочется. Ты жалок. Понимаешь? При всей твоей стойкости ты жалок, ибо стойкость эта позорна и бессмысленна. И унижительна – в первую очередь для тебя. Ты похож на верного раба, умирающего за своего хозяина. Но твой хозяин – не человек, освященный добродетелями, и даже не просто тот, кому ты обязан служить по закону, твой хозяин – ненужное, глупое и ни к чему не ведущее тщеславие. Так к чему тебе наслаждаться своей властью над жизнью и

смертью других, если ты сам сейчас на грани жизни и смерти?

О. Я не понимаю, о чем вы говорите... я невиновен, я никому не причинял зла, я прошу вас, вы не можете мне не верить, я ведь невиновен!

На вопросы обвиняемый отвечать перестал и при каждом вопросе просил вынуть шилья. Применено раскаление шильев в теле обвиняемого и связывание рук за спиной от запястий к локтям. На заданный снова вопрос обвиняемый отвечать не стал, сказал два раза «Прекратите», но по делу ничего. Применено сдавливание рук, и обвиняемый стал плакать. По делу обвиняемым ничего не сказано.

В. А прошло всего-то минут пять. Или шесть. Не больше. А это, между прочим, все еще продолжается та часть допроса, при которой все еще будет стоять пометка «признался без пытки».

О. Я невиновен...

В. Но ведь мы оба знаем, что это неправда. И я знаю, на что ты надеешься.

О. На оправдание... я ничего не сделал...

В. Нет, я ведь только что говорил: понимаю, ты надеешься на сообщницу. Кто она? Твоя наставница? Мать?

О. У меня нет матери... у меня нет наставницы, я не умею колдовать...

В. Не надо надеяться на помощь. Никто не поможет тебе, кроме тебя самого; признайся во всем, и тогда уже я помогу тебе заслужить прощение Господа и людей, которым ты принес зло. Просто признайся и расскажи все.

О. Мне не в чем признаваться!

В. Надеешься на то, что твоя сообщница придумает, как устроить так, чтобы ты вышел отсюда оправданным... Я знаю. Ты надеешься, что тебе надо только немного потерпеть, совсем немного, а она за это время придумает, как это можно сделать. Если ты признаешься, ты, по моему мнению, все испортишь. А так – потерпеть немного, и она все сделает. Только не так все просто. Сейчас я снова говорю, взывая не к совести твоей, а к твоему разуму. Подумай. Вот прошла еще одна часть минуты, причем не самая большая, а у тебя уже темно в глазах, и тело горит – от плеч и шеи до ладоней. Подумай, как это мучительно – считать такие мгновения и минуты. И вспомни, как неслось время, когда ты был там, за этими стенами. Ты просто не замечал этого времени.

Применено вторичное сдавливание рук и раскаление шильев в теле обвиняемого. По делу обвиняемым ничего не сказано.

В. А еще вспомни, как тебе всегда не хватало времени, когда надо было что-то сделать как можно быстрее. Ведь бывало же так, что тебе надо

успеть что-то сделать, а дни летят, летят так быстро... Какие тут минуты – часы пробегали незаметно. И сейчас, если она действительно хочет вызволить тебя, попробуй представить, как она изыскивает всевозможные средства к этому, как ей кажется, что времени совсем нет, что оно летит так скоро. Представь. Для твоей сообщницы сейчас неделя пробежит в одно мгновение. А для тебя здесь каждый час теперь станет вечностью. Поверь мне и осознай это: ни одного часа без боли ты не проведешь здесь. Ни одной минуты. Это не пустые слова, это истина. Ни минуты. Ни единого мига без боли. Сколько мгновений в одном дне? В одной ночи? Сможешь сосчитать? Это будут дни и ночи боли, пока ты не осознаешь и не станешь говорить откровенно. Для твоей сообщницы там – дни, для тебя – вечность. И это, сын мой, кроме того, что никто не станет заботиться о том, чтобы помогать тебе. Подумай: к чему ей это? Зачем? Она попыталась напугать свидетеля, но это ей не удалось. Больше она не появлялась. Почему? Как ты думаешь? Потому что она уже далеко. И о тебе забыла, кем бы она ни была. Кстати, кто она?

О. Я не знаю... Господи, я не знаю, я ничего не знаю... прекратите это, я не могу... я не знаю...

В. Нет, это нельзя говорить так. Или ты больше не можешь – и тогда начинай говорить правду, или ты по-прежнему утверждаешь, что ни в чем не виноват – и я не смогу это прекратить. Ну же, помоги себе, скажи: кто она и что ты сделал с женщиной?

Обвиняемый членораздельного ответа не дает. Решено вырвать шилья. Применено дальнейшее сдавливание рук и подвешивание за запястья. Обвиняемый членораздельного ответа не дает.

В. Вскоре, даже скорее, чем ты думаешь, ты можешь смириться с тем, что твоя сообщница о тебе забыла. Ты можешь оставить мысль когда-нибудь выбраться отсюда. Но ты можешь также при всем этом, как ни удивительно, прийти к решению умереть, ничего не рассказав, назло всем. Это я знаю. Такое случается. Будучи виновным в преступлении, которое тебе предъявлено, ты можешь решиться умереть молча. Но, видишь ли, умереть я тебе не позволю. Позволю подойти к краю жизни, заглянуть за край – тоже, но умереть – ни за что. Пойми это.

О. Вы все равно приговорите меня к смерти! Даже если я сознаюсь!

В. Вот видишь, как быстро мы шагнули вперед. В этом разговоре уже есть смысл. Вот и будем продолжать говорить о здравом смысле. О твоей совести поговорим после. И знаешь, почему? Потому что обещаю: если ты расскажешь все чистосердечно и откровенно, я сохраню тебе жизнь. Конечно, не позволю выйти за пределы этих стен, но я прекращу все это,

заменяв смертную казнь ввиду твоего признания на заключение в тюрьме. Вот тогда уже и поговорим о совести и покаянии. Пока же я просто прошу тебя подумать здраво.

Обвиняемый опущен на пол достаточно, чтобы он мог стоять, касаясь его стопами.

В. Так тебе будет легче думать, я полагаю. Так вот, подумай: с одной стороны – мука и в конце концов смерть, смерть мучительная, ты это знаешь. С другой стороны – исправление совершенного тобой злодеяния. Тогда прекратится эта боль, а главное, ты сохранишь жизнь и получишь время для покаяния. Неужели это такой уж сложный выбор? Не бойся. Признание не повлечет за собой гибели, напротив, оно отсрочит ее надолго.

Обвиняемый не дал ответа.

В. Так что же? Ты хочешь, чтобы все продолжалось, или ты решил спасти себя?

Обвиняемый не дал ответа.

В. Я не стану ждать долго. Итак, что же?

О. Я невиновен, мне не в чем сознаваться.

Применено слабое вздергивание обвиняемого над полом. Обвиняемым по делу ничего не сказано.

В. Напрасно. Но этот миг, который ты сейчас, я знаю, считаешь мгновением слабости, обнадеживает. Значит, мы все-таки можем к чему-то прийти. Пусть со временем, но я надеюсь, что благоразумие возьмет верх. Тебе больно? Я знаю, очень больно. Сейчас суставы в запястьях перекрутились так, что вот-вот выскочат. Локти хрустнули, и ты это слышал. Сейчас они горят от боли, а еще у тебя в ушах так и звучит этот хруст. И он тебе не кажется. Это хрустят суставы в плечах. Через полчаса они вывернутся так, что боль немного утихнет. А потом, когда ты снова будешь опущен на пол, боль рванется в голову, и она будет еще пронзительнее, чем сейчас.

О. Зачем вы это делаете со мной! Я не виноват! Я ни в чем не виноват! Я никому не причинил зла, клянусь, я невиновен, Господи! Прекратите это! Мне не в чем сознаваться, я прошу вас!

В. Ни мгновения без муки, подумай над этим. Посмотри на часы. Сейчас снова будут раскаленные шилья, но теперь с неровными, зазубренными остриями. Это неприятно, потому что выдергивать их тебе не захочется, даже когда каждый нерв будет гореть и кричать. А не захочется, потому что вырвутся они с обрывками плоти – крохотными, даже кровотечения как такового почти не будет. Но стоит только вообразить, какая это боль, и ты станешь молить, чтобы эти шилья

оставили в твоём теле. Итак, первое шило и – я переворачиваю часы. Пошла минута. Ты помнишь, какая она долгая? Ещё одна долгая минута. Ещё одна просьба подумать, сколько таких минут будет у тебя впереди.

О. Я ничего не знаю! Я ничего не сделал!

В. Это все, что ты можешь сказать? Если так, то палач будет продолжать, пока сыплется песок. Это все?

Обвиняемым по делу ничего не сказано. Дважды повторил «Господи!» и «За что?», после чего стал содрогаться на веревке.

В. Кусает губы. Не хочешь кричать? Бывает. Просто понимаешь, чувствуешь, что, если сейчас крикнешь – потом не сможешь остановиться и будешь кричать, пока не охрипнешь. Это как слезы, которые сейчас бегут по твоим щекам. Как бы ты ни сдерживался, а это тебе не подвластно. Долго ты не выдержишь – скоро закричишь. Зато станет легче. Ненадолго, но крик помогает. Кричи, не стесняйся. Чем скорее ты поймешь, что силы твои не беспредельны, тем быстрее осознаешь и то, что пора меня послушаться. Минута еще не прошла. Она еще дольше сейчас, ты это чувствуешь? И каждая следующая будет все длиннее и длиннее. Смотришь на часы? Понимаю. Нельзя не смотреть. Не хочется, а все-таки смотришь. И умоляешь песчинки падать быстрее. А они так медленны, как будто снежинки за окном, когда нет ветра. И весь твой мир сейчас сосредоточился в этом стеклянном сосуде... А ведь все можно прервать так просто! Просто – «я все расскажу»! И этому конец!

О. Мне нечего...

В. И губы – до крови... Вот видишь. Дополнительная боль. И для чего? Чтобы отвлечь себя от другой боли. Неужели ты этого хочешь – чтобы вся твоя оставшаяся жизнь превратилась в постоянную боль, только боль и боль? Хочешь, чтобы тебе приходилось причинять боль самому себе, заглушая ту, что причиняют другие? Если ты не будешь благоразумен, скоро твои губы превратятся в окровавленные куски голой плоти с содранной зубами кожей. Это больно, поверь мне. Сколько дней ты уже не получал воды, ты помнишь? Два. Только два дня. А теперь жажда усилится, потому что – знаешь, как горят и просят воды искушенные губы? От этого захочется лезть на стену. Неужели тебе все это надо? Не может быть. Тогда почему бы просто не рассказать все и не избавить себя от мучений?

О. Мне нечего рассказывать...

В. Что ж, минуту ты пережил. Еще одну минуту из десятков тысяч минут. Сколько десятков тысяч таких минут ты сможешь вынести?

Обвиняемый на вопросы отвечать перестал и начал просить прекращения допроса. Допрос прерван на половину часа, к обвиняемому

рекомендовано применить раскаление шильев в течение перерыва и продолжение подвешивания. По истечении отпущенного времени обвиняемый, по делу не говоря ничего, стал просить прекращения допроса, говоря все время только, что он невиновен. Применено вырывание шильев. Обвиняемый издавал крики, но по делу не было сказано ничего, только повторял снова, что он невиновен. Рекомендовано бичевание.

В. Сейчас тебе, я знаю, кажется, что наступили мгновения передышки. После того, что сейчас было, это тебе кажется чем-то обычным и совсем не страшным. Страшное заблуждение. Это можно перенести даже без единого стога, если позволяет выдержка, но – если ты лежишь на скамье или стоишь у столба. Когда ты висишь на руках, вывернутых за спину, поверь мне, каждый удар отзывается болью не только в коже, которая лопается под ударами, не только в мышцах, которые ты не можешь в этом положении расслабить, но и в суставах, потому что твои собственные руки будут заставлять тело раскачиваться и подсакивать в воздухе, и с каждым разом суставы будут все больше выворачиваться, а треск собственных жил тебе снился бы ночью, если бы тебе позволено было заснуть. И напоминаю: это все еще та часть допроса, после которой признание твое будет считаться добровольным, а в протоколе будет проставлено то самое «признался без пытки». Ты понимаешь это? И все еще не хочешь ничего рассказать? Пока палач не начал – может, ты передумал?

О. Нет. Мне нечего сказать...

В. Тогда я снова ставлю перед тобой часы. Начинается следующая минута твоей боли; считай, когда она закончится и начнется следующая. Или все-таки ты передумал?

Обвиняемый снова стал издавать крики, но по делу не было сказано ничего, только повторял снова, что он невиновен. Перед обвиняемым были установлены часы, и ничего больше не говорилось. Слабое бичевание длилось, пока опустела верхняя колба. Обвиняемому был повторен вопрос, не желает ли он говорить правдиво, и тот по делу ничего не отвечал, потому что снова почти лишился чувств. Применено закапывание в ноздри укуса, и обвиняемый снова стал просить прекращения допроса.

В. Я оборву все это сей же миг. Ты будешь говорить откровенно?

О. Мне нечего сказать вам, я ничего не знаю, я... прекратите это, прошу вас, я ничего не сделал...

В. Если ты будешь говорить только это, все продолжится, а потом повторится сначала. Пойми это. А вот после этого и начнется собственно пытка. О которой будет вскользь упомянуто в протоколе. И потом только – пытка настоящая, о которой будет составлен отчет. Только ведь это для

меня будут различные процедуры, а для тебя все это сольется в один непрекращающийся кошмар. Когда ты будешь стоять на пороге смерти, все это не прекратится, чтобы дать тебе собраться с силами для новой боли, просто боль эта будет другой, не такой сильной, не такой убивающей. И ты даже пожалеешь об этом, потому что боль нарастающая будет погружать тебя в состояние, в котором ты не различаешь, когда болят раздробленные кости, когда – кости, по которым скребут бруском ржавого железа, когда горят мышцы от раскаленных штырей, а когда – от того, что на них льется расплавленное олово или кипящее масло. А в те минуты, когда тебе будет позволено отдохнуть под бичом или в колодках, ты очнешься, и твой разум, твое тело вспомнят, что боль бывает разная, ты снова станешь способен разделять ее на более или менее сильную, снова станешь понимать, какую из частей твоего тела рвут на куски. Так неужели тебе это по душе? Ты все еще надеешься, что тебя спасут? Вызволят из этих стен? Ведь нет же, ты уже не веришь в это. Ты уже смирился с тем, что придется умереть здесь. Или на костре. Ты и с этим смирился. Смерть в огне уже кажется тебе временным неудобством, после которого наступит покой. Но ты ведь даже не предполагаешь, сколько времени пройдет прежде, чем тебе позволят умереть. И сколько это будет – для тебя. Ведь всего каких-то два часа назад ты пребывал в полной уверенности, что скоро окажешься на свободе, и теперь – вот, ты уверен в другом, ты уверен в смерти. Как это, оказывается, много – два часа, правда? Целая жизнь. Так почему бы тебе не заставить время течь так, как ему положено? Почему бы не прекратить все это? Почему не сознаться?

О. Я... невиновен...

В. Не хочется ронять достоинства; понимаю. Слабость. Это кажется тебе слабостью – признать, что ошибался, что стал служить не тем силам, не тем желаниям, признать, что так стойко переносил страдания за всего лишь пустое и злое тщеславие. Но это не слабость, это тоже стойкость, только другая. Надо иметь силу, чтобы признать свою ошибку, и чем ошибка страшнее, тем больше духовной силы надо иметь, чтобы сказать: «Я сделал это, но я раскаиваюсь в том, что делал». Не направляй крепость своего духа не в то русло, не трать его силы на то, что тебе предстоит. Просто откровенно, честно, без утайки, расскажи все.

О. Мне нечего рассказывать... я прошу вас... я ничего не сделал...

В. Своим упорством ты только делаешь хуже. Хотя... Могу тебе сказать, что в твоем ближайшем будущем намечена некоторая определенность. Это в чем-то хорошо, согласишься, когда ты знаешь свое будущее. Ведь это одна из тайн, которые привлекают человека от

сотворения мира, ради одного этого многие готовы продать душу кому угодно. Тебе о твоём будущем расскажу я. Это будет чередоваться: иглы, шилья и бич. Через три или четыре часа ты поймешь, что больше всего на свете тебе хочется двух вещей: сначала глотка воды, а потом – лишиться рассудка. И, напоминая, это все еще продолжается та часть, о которой будет сказано «без пытки». Она будет продолжаться день или два. Или неделю. Хотя, может, час. Этого я еще не решил. Что поделать, знать будущее полностью не в силах человека. Но ведь тебе, я уверен, не очень хочется знать подробности того, что тебя ожидает. В одном ты можешь быть уверен: ничего этого не будет, если ты просто оставишь ненужный героизм и поговоришь со мной откровенно. Просто поговори со мной.

О. Прощу, я ничего не знаю...

Допрос прерван на неоговоренное время, к обвиняемому рекомендовано в течение перерыва продолжение подвешивания и применение зазубренных игл под ногти обеих рук. Рекомендовано чередование раскаленных шильев с бичеванием, каждая процедура по одной минуте, причем рекомендовано отмерять время наличествующими часами. Обвиняемый издавал крики, но по делу не было сказано ничего, только повторял снова, что он невиновен.

* * *

- Может, тебе лучше передохнуть, брат? Ты неважно выглядишь.
- Нет. Мало времени, а этот юноша довольно к-крепкий, неизвестно, сколько еще часов придется добиваться от него признания.
- А ты уверен, что от него возможно чего-то добиться?
- Уверен. Я – д-добьюсь.
- Может, ты хотя бы приляжешь?
- Нет. П-прерывать допрос сейчас нельзя.
- Тебе не обязательно присутствовать.
- Обязательно. Пусть п-пройдут сутки...
- Уже прошли сутки, брат.
- Для нас. Для него прошло неизвестное к-количество этих минут. Так вот, пусть пройдут сутки, двое, ч-четверо, и он постоянно должен слышать только меня. Тогда эти минуты вытянутся еще б-больше и станут еще мучительнее. Поверь. Уж я-то знаю.
- Тебе виднее, разумеется, но ведь ты же не можешь не спать четверо суток подряд.
- Усмешка – похожая на стон.

– Разве?..

* * *

В. Ты не решился говорить правду?

О. Я не знаю, что вы хотите от меня услышать... дайте воды, я прошу вас... я ничего не сделал...

В. Пошел всего лишь третий день без воды, а ты уже просишь пить. А пить хочется страшно, правда? Ты устал, у тебя искусаны губы, ты взмок и потерял немного крови. Немного, но сколько в ней воды...

О. Я прошу вас...

В. Не проси. Просто перестань зря страдать, просто начни говорить правду. Женщине стало хуже. Ты не мог этого сделать отсюда, значит, или ты отравил ее, и яд продолжает действовать, или ее убивает твоя сообщница. Или ты убиваешь ее иным способом?

О. Я не знаю, о ком вы говорите, я не умею делать ядов... дайте воды, прошу...

В. Если ты просто отравил ее, скажи, чем, чтобы мы успели ей помочь. Если это было сделано колдовством, назови имя своей сообщницы и скажи, где ее искать.

О. У меня нет никаких сообщников... Господи, умоляю вас, воды...

В. Глупо. Просто глупо. Воды? Конечно. Только будь откровенен, и все это прекратится. Боль прекратится, прекратится жажда... ты хочешь спать? Будет сон. Долгий, спокойный сон, и никто тебя не разбудит, чтобы поднять на дыбу. Тебя осмотрит врач и перевяжет каждую рану. Просто скажи: что ты сделал и как это остановить?

О. Я ничего не делал...

В. На что ты надеешься? Надеяться на оправдание ты уже не можешь. Сейчас ты уже осознаешь это так ясно, что тебе страшно. Ты не хочешь думать об этом, но это все время лезет в мысли. Ты думаешь: «Я останусь здесь до конца жизни. Я не выйду отсюда. Это конец». И это действительно так. Оправдания ты не услышишь, понимаешь это? Просто подумай, и ты поймешь, что рано или поздно я все-таки услышу от тебя признание. Ты сознаешься во всем, в каждом проступке, расскажешь мне все до мельчайших деталей, это только вопрос времени. От тебя зависит, будешь ли ты еще в состоянии оценить дарованную тебе жизнь, или к тому моменту ты уже будешь стоять у края могилы. Не губи себя. Не заставляй себя страдать. Говори правду.

О. Я невиновен... заклинаю, воды...

В. Я понимаю твоё состояние. Некоторое время ты ещё будешь отрицать все, не понимая, зачем ты это делаешь и чего хочешь добиться. Некоторое время ты даже не сможешь думать над этим. Просто будешь отрицать, даже не замечая, какие слова произносишь. Это потому, что ты устал. Но очень скоро усталость дойдет до предела, и ты все мне расскажешь. Ты ведь знаешь это, хотя и не позволяешь себе об этом думать. Ты расскажешь все. Но до этого мы доставим друг другу массу неприятных минут. Мне будет неприятно, потому что придется ждать, пока ты образумишься, тратить на тебя время. Но тебе-то будет неприятнее во много раз, потому что каждая моя минута для тебя будет нескончаемой. Понимаешь это? Вот, смотри, сейчас я переверну часы – и снова пойдёт минута. В твою боль принесется небольшое разнообразие. Тебя опустят на пол, и вывернутые суставы начнут гореть невыносимо. И тут же поднимут. Представь себе, как это отзовется во всем твоём теле. И опустят снова. И опять поднимут. Это будет длиться минуту. Тебе ведь этого не хочется. Не буду говорить, что мне этого не хочется тоже. Пойми, на тебя лично мне наплевать, и я не буду убеждать тебя, что мое сердце обливается кровью при виде твоих мучений. Мне все равно. Я просто не желаю слишком долго ждать твоего признания, а потому все то, что обычный обвиняемый выносит за неделю, тебе придется вытерпеть за сутки. Так вот, спрашиваю: ты будешь говорить со мной искренне и без утайки, или мне перевернуть часы?

О. Не надо...

В. Будешь отвечать?

О. Я не знаю... я ничего не знаю...

Обвиняемый опущен на пол, чтобы мог опустить немного руки, и суставы расслабились, после чего поднят снова. Обвиняемый снова стал издавать крики, но по делу не было сказано ничего, только повторял снова, что он невиновен. Тогда снова опустили его на пол и опять подняли, при этом повторяя вопросы, но он только крикнул «Божё мой» и опять просил прекратить допрос. Все продолжено, пока опустела верхняя колба, после чего обвиняемый опять был поднят над полом на небольшую высоту.

В. Одна из самых долгих минут в жизни, верно? Куда ты смотришь? Ах, на часы. Нет, сейчас я их перевернул просто так. Как странно – сейчас эти часы владеют всем твоим вниманием. Ты уже стал отсчитывать свою жизнь минутами. Одна минута игл. Минута бича. Минута вывернутых суставов. Минута – из десятков тысяч минут. Ты уже не можешь оторвать от них взгляда. Так кажется легче. Легче переносить боль, когда ты знаешь,

в какой момент она закончится, пусть он и далек, этот момент. Верно?.. А теперь... Да, посмотри. Внимательно посмотри на эти осколки. Это твое необозримое будущее. Такое же разбитое и не имеющее формы. Странное дело. Я разбил часы – вещь, которая не принадлежит тебе, а ты вздрогнул, и тебе стало без них так одиноко... Ты с ними сжился. Они для тебя стали будто сокамерником, который выслушивал твои мысленные жалобы на палачей, эта бездушная вещица как будто сочувствовала тебе, помогая отмерять минуты, когда кончалась боль. Теперь время будет идти само по себе. Долго, муторно, и ты даже не сможешь понять, прошла ли минута или день. Одно это уже пугает. С этого мгновения ты начнешь понимать, каково грешникам в аду, потому что сейчас для тебя начинается настоящая вечность – без начала и конца. И ты все еще будешь упираться?

О. Прекратите это...

В. Ты будешь отвечать правдиво или нет?

О. Воды, прошу вас...

В. Ты будешь отвечать?

О. Мне нечего! Бога ради, дайте воды!

В. Ты не забыл, что сейчас мы все еще вынуждаем тебя к признанию без пытки? Это пока еще так. Ни о чем из того, что тебе довелось перенести, в протоколе написано не будет. Смотришь на секретаря? Не смотри. Это записи для меня, заметки на память. Не о том думаешь. Думай о другом: к тому времени, как мы подойдем к *предварительной* пытке, на тебе уже не будет кусочка кожи, частицы мяса, косточки, которые не болели бы невыносимо. Прислушайся к голосу разума. Зачем тебе все это нужно? Сейчас ты упираешься уже просто так. Пойми, осознай, что никто не позволит тебе умереть прежде, чем я услышу признание.

О. Прошу вас, прекратите это... мне нечего вам сказать...

В. Похоже, тебе нужно еще время, чтобы подумать. Или все же нет?

О. Я ничего не знаю...

Обвиняемый опущен на пол, и сдавливание рук прекращено. Когда были сняты веревки и руки были завязаны впереди, обвиняемый снова стал издавать крики, но по делу не было сказано ничего, только повторял снова, что он невиновен.

В. Слышишь? Это хрустят суставы. Теперь, когда их вывернули в другую сторону, они будут гореть, как тебе кажется, невыносимо. Но это не так. Невыносимо будет, когда ты окажешься в прежнем положении под потолком во второй раз. Через полчаса твои суставы опухнут так, что ты не смог бы пошевелить руками, даже если бы они были свободны. Ты действительно хочешь перенести все это вторично?

О. Нет... нет, прошу...

В. Уже ближе. Ты будешь говорить?

О. Я ни в чем не виноват... прекратите это, прошу вас, я невиновен...

В. Значит, ты все еще не понял до конца, что у понятия «невыносимо» есть множество степеней, и когда тебе будет казаться, что ты на грани помешательства, это будет степень далеко не последняя. Неужели ты меня не слышишь?

О. Я ничего дурного не сделал... прошу вас, перестаньте...

В. Ты имеешь уши и не слышишь меня. Ты не хочешь, чтобы это продолжалось, но не хочешь отвечать правдиво. Ты просто не оставляешь мне выбора своим поведением. Зачем ты это делаешь? Почему не признаться?

О. Мне нечего вам сказать...

В. Понимаю. Послушай, ты ведь уже еле стоишь. Уже так хочется хотя бы присесть, а о том, чтобы лечь и уснуть, ты даже не мечтаешь. Еще час назад ты об этом мечтал, но теперь уже начинаешь кое-что понимать. Например, понимаешь, что уснуть я тебе не дам. И сесть не позволю. Если только ты не перестанешь вести себя так глупо и не начнешь отвечать правдиво и честно. Начнешь?

О. Я ничего не сделал...

В. Посмотри вон туда. Об этом предмете тебе рассказывали; помнишь, что это? На тебя наденут этот ошейник с шипами, а его закрепят в веревке, на которой ты только что висел, так что ты сможешь только стоять, вытянувшись, почти на цыпочках. Ты не сможешь повернуть голову, когда затечет шея, не сможешь переносить вес то на одну, то на другую ногу, ты не сможешь пошевелиться, не сможешь просто повиснуть, подогнув ноги. Они распрямятся сами собой, как только в кожу врежутся шипы. Тело не послушается тебя, тело захочет жить и прекратить боль, и ты снова вытянешься. Кажется – это ничего, просто стоять; ни бича, ни игл, ни тисков, лишь стоять. Это только кажется, поверь мне. Итак, твой выбор: шипы или откровенный разговор?

Обвиняемый членораздельного ответа не дает. Применено стояние в течение около двух часов, Высокий суд присутствовал. Ничего не говорилось и вопросов не задавалось. Обвиняемый не говорил по делу и не говорил ничего. По истечении двух часов обвиняемый лишился чувств, однако шипы уткнулись в его шею и привели его в сознание. После этого обвиняемый стал просить прекращения допроса.

В. Не прошло и двух часов, а жизнь уже кажется сплошным кошмаром. Я прекращу это. Только одно я и хочу услышать: «Я все

расскажу». Это же так просто.

О. Прошу вас... Господи, я умираю... прошу, это невыносимо!..

В. Зачем ты себя изводишь? У тебя впереди вся жизнь, ты только начал жить, так зачем ты сам приговариваешь себя к смерти? Зачем молчишь?

О. Мне нечего сказать... прошу... Бога ради, снимите это...

В. Ты все еще не хочешь поверить в то, что другого выхода у тебя нет, только признание – полное и чистосердечное. Значит, я мало отпустил тебе времени на раздумья. Придется добавить еще два или лучше три часа.

О. Нет, я умоляю вас, прекратите это! Я ни в чем не виноват, я ничего не сделал, прошу вас!

В. Пойми, прекратится это только в одном случае – если ты дашь признание. Если нет – все это будет продолжаться и повторяться. Итак? Ты будешь говорить?

О. Да! Господи, да! Только снимите это, пожалуйста, снимите, и я скажу все!

В. Знакомая ситуация... Сначала с тебя снимут ошейник, позволят сесть, и от облегчения ты не сможешь говорить. Потом будешь притворяться, что не можешь. Ловить минуты для отдыха и восстановления сил, а с силами придет решимость вытерпеть еще столько же; и ты, может быть, даже выдержишь. Я почти уверен, что выдержишь. Но у меня нет времени и желания ждать, поэтому условие одно: сначала ты рассказываешь все, и только потом я прекращу это. Говори.

Обвиняемый по делу больше ничего говорить не стал, а начал смеяться и ругать Высоких судей, говоря, что ничего не станет отвечать, после чего стал кричать и плакать, но по делу не говорил больше ничего. После получаса стояния обвиняемый снова стал просить прекращения допроса и просить воды, но на вопросы отвечать отказался. Перед обвиняемым поставлено ведро с водой, и Высокий суд удалился.

* * *

– Что ты делаешь, брат? Зачем ты говоришь с ним так? Не такими словами должен убеждать грешника служитель Господень.

– Смотря к-какого грешника. Поверь мне, если бы я говорил с ним только о вере, грехе и покаянии, это вызвало бы лишь еще б-большее озлобление, а злость только придала бы ему сил. Я знаю. Сейчас ведь нам д-действительно в первую очередь важно не его чистосердечное раскаяние, а чтобы он заговорил.

- Но ты говоришь с ним, как палач, брат!
- Для него я и есть палач. Не т-тот, кто все это время мучил его, а я, и пусть это будет так. Пусть все, чему он противостоит, соединится для него во мне, только во мне, тогда т-только со мной он будет бороться, спорить, а потом, наконец, и соглашаться.

* * *

После четырех часов стояния обвиняемому был задан прежний вопрос, не желает ли он говорить откровенно и честно, и обвиняемый снова ничего по делу не говорит, а лишь снова стал просить прекращения допроса и воды. Стояние рекомендовано продолжить. Спустя еще один час применено бичевание.

* * *

– Твои методы я не оспариваю, но не принижают ли они достоинства Господня слугителя, брат? Ты лицедействуешь, говоря греховные слова.

– Нет, потому что это для дела. Он с-сознается, и признается скоро. Скорее, чем перед кем-то другим. Но для этого он должен осознать, что действительно нет другого выхода, он должен испугаться. А это пугает, когда с т-тобой говорит палач, а не оппонент. Идеологический противник вызывает желание настаивать до конца, п-палач же пугает тем, что ему ничего не надо доказывать, тем, что не возникает даже иллюзии того, что можно что-то доказать. Когда говорит п-палач, рано или поздно понимаешь ясно, что есть два выхода: умереть в мучениях или подчиниться. А когда с-сам палач откровенно говорит об этом, становится еще страшнее.

– Но не окажется ли так, что он будет молчать из упрямства? Ведь ты сам говорил, что...

– Не он. Вскоре он устанет б-бороться с тем, кто не обращает внимания на его борьбу; идет тридцать четвертый ч-час непрерывного допроса. Еще немного – и он заговорит.

– О, Господи; ну, пусть. Ты в этом разбираешься лучше, брат.

* * *

После бичевания и одного часа стояния обвиняемому был задан прежний вопрос, не желает ли он говорить откровенно и честно, и обвиняемый снова ничего по делу не говорит, а лишь снова стал просить прекращения допроса и воды. Стояние рекомендовано продолжить.

В. Скоро вся кожа на твоей шее покроется кровоточащими ранами. А ведь мыть инструменты после допросов, как ты понимаешь, никому в голову не приходит. Раны загноятся. Надо объяснять тебе, лекарь и травник, что это значит? Ты умрешь, и умирать ты будешь долго и мучительно. Куда дольше, чем в огне или под бичом. Разве этим ты что-нибудь докажешь?

О. Да... что я невиновен...

В. Нет. Только то, что ты смел и стоек, но глуп. Ведь ты знаешь, что виноват, и я знаю это. Если ты умрешь, ты не получишь ничего, кроме поругания и боли. Зачем? Снова спрашиваю: зачем ты это делаешь?

О. Остановите это, умоляю... дайте воды...

В. Расскажи все, и я это остановлю.

О. Позвольте мне сесть... хотя бы прислониться к стене, прошу вас...

В. Даю тебе минуту. Часов нет, поэтому считай сам, когда она пройдет. За эту минуту подумай, хочешь ли ты продолжать это, или лучше ответить, наконец, честно на все мои вопросы.

Обвиняемый снова ничего по делу не говорит, а лишь снова стал просить прекращения допроса и просить дать ему воды и позволить сесть.

В. Итак? Все начинается сначала, или ты образумился? Что сейчас будет? Ты будешь говорить или согласен снова оказаться под потолком?

О. Я ничего не знаю...

В. Ясно. Значит, снова вывернутые суставы, снова боль, еще более сильная, снова шилья и раскаленные тиски. Вместе. Ты этого хочешь?

О. Господи, нет... я ничего не сделал... я прошу, прошу вас, я невиновен...

В. Так ты будешь говорить?

Обвиняемый на вопросы отвечать перестал. Обвиняемому снова связали руки за спиной, и он опять стал просить прекращения допроса, извиваясь и крича, что невиновен. Когда же его подняли над полом, обвиняемый стал плакать, но на вопросы, как и прежде, не отвечал.

В. Не упрямясь. Это ни к чему не приведет, ты только себе делаешь хуже. Ты проведешь в этом подвале день или три, или неделю, сколько понадобится, без сна, пищи, воды; это будет вечно. Почему ты не хочешь ответить?

О. Прошу вас, я невиновен... я прошу вас...

В. Но ведь это же неправда. Почему ты не признаешься? Признайся сейчас, или через минуту в твои опухшие, горящие огнем суставы воткнутся зазубренные раскаленные шилья. Через минуту их вырвут, а еще через минуту воткнут снова. И все повторится. И повторится еще раз. И еще раз...

О. Нет! Господи, нет! Не надо, нет, я скажу, я все вам скажу, все, что хотите! Я все скажу...

* * *

«Ханц Вольф и Эльза Швагель, рассмотрев пункты, по которым вас обвинили и обвиняют, исследовав ваши показания и [inquisitio](#)^[2] Высокого суда, а также показания свидетелей, Высокий суд основывает свой вердикт на том, что было сказано и сделано во время разбирательства.

На законном основании мы заявляем, что вы, Ханц Вольф и Эльза Швагель, являетесь преступниками пред лицом Господа и людей, как по закону Божьему, предаваясь целиком греховным страстям, так и по закону человеческому, совершая убийства и намереваясь совершить еще. На основании разбирательства Высокого суда вы, Ханц Вольф и Эльза Швагель, бесспорно и несомненно обвиняетесь в убийстве адвоката Генриха Вернера путем наведения порчи на его жеребца, который, взбесившись от навеванных на него дьявольских видений, сбросил с себя адвоката Генриха Вернера, следствием чего явилась смерть вышеупомянутого адвоката. На основании разбирательства Высокого суда вы, Ханц Вольф и Эльза Швагель, бесспорно и несомненно обвиняетесь в попытке убийства вдовы вышеупомянутого адвоката, Анны Вернер, путем изготовления ее воскового подобия и сотворения над этим подобием заклятий и различных действий, приведших к тяжелой болезни вышеупомянутой вдовы.

Также на основании разбирательства Высокого суда вы, Ханц Вольф и Эльза Швагель, бесспорно и несомненно обвиняетесь в вовлечении в грех зависти, сребролюбия и злосердия верной дочери Церкви Барбары Греф. Барбара Греф по завершении разбирательства признана околдованной и оправдана. На основании разбирательства Высокого суда вы, Ханц Вольф и Эльза Швагель, бесспорно и несомненно обвиняетесь в угрозе убийством свидетельнице Барбаре Греф, безбоязненно выступившей с обвинениями и свидетельствами ваших злодеяний.

По всем вышеперечисленным причинам Высокий суд объявляет вас, Ханц Вольф и Эльза Швагель, виновными во всех названных преступлениях. Настоящим приговором вы переданы светскому суду для наиболее достойного и справедливого воздаяния в соответствии с установлениями закона.

Суд, рассмотрев пункты обвинения и доказательства, представленные ему, вынес свой вердикт.

Ханц Вольф, лекарь, обвиненный и осужденный по всем пунктам, с учетом глубокого, чистосердечного и искреннего раскаяния приговаривается по его собственному прошению ввиду осознания своих преступлений к удушению и последующему сожжению, после чего пепел его будет развеян за пределами города.

Эльза Швагель, обвиненная и осужденная по всем пунктам, с учетом ее упорства в своих злонамеренных воззрениях, приговаривается к сожжению без удушения, после чего пепел ее будет развеян за пределами города.

Да будет это наставлением каждому и укреплением в нравственности и добропорядочности, для чего приговор зачитан при всеобщем собрании, с молитвой, дабы Господь и Пресвятая Дева Мария милостивы были к душам грешников, аминь».

** * **

Поздно вечером накануне казни

Полутруп. Застывшие глаза смотрят в потолок. Как знакомо.

Губы похожи на куски сырого мяса. Руки опухли и почти не гнутся. Знакомо.

Во взгляде на вошедшего – немыслимая смесь равнодушия с ужасом. Знакомо.

Грохот двери, закрывшейся за спиной. Знакомо до боли...

– Не бойся. Я п-пришел сюда не затем, чтобы вести тебя снова на допрос.

– А зачем?

– Поговорить.

– О чем?

– О тебе. О т-твоей наставнице.

– Значит, все-таки допрос...

– Нет. Считай, что это исповедь. Это без п-протокола, как ты видишь, и ничего из услышанного мной здесь никто не узнает без твоего желания.

Вздых и молчание, долгое молчание. Знакомо...

– Больше мне нечего о ней рассказать.

– Не надо рассказывать, если не хочешь. Я буду с-спрашивать, а ты – отвечать, если будет желание. Если не захочешь – молчи. Или сам спрашивай, о чем хочешь.

Это должно было быть смехом, хотя прозвучало, как рыдание.

– Я, наверное, брежу...

– Я ведь обещал тебе, что все п-прекратится, если ты будешь говорить со мной честно, и больше допросов не будет. Ты сделал правильный выбор, х-хотя и так поздно.

– Не надо. Если я действительно имею право говорить, что хочу, то говорю: не надо мне о правильном выборе. Любой на моем месте сделал бы то же самое. Только ради того, чтобы прекратить все это...

– Ты и теперь не с-сказал бы мне ничего, не будь пытки? Даже т-теперь? Твое мнение о том, что ты делал, не изменилось? Не бойся ответить. Обещаю, тебе это ничем не грозит.

– Сказал бы.

– А если ч-честно?

Молчание. Знакомо...

– Не знаю.

– Понимаю. Об этом сложно думать, когда уже п-пришлось говорить из-под палки. Сложно признать самому, что ошибался, когда это признание уже вырвали п-помимо твоей воли.

– Чего вы хотите от меня?

– Я уже сказал. Просто п-поговорить. Сказать мне сейчас ты можешь абсолютно все.

– Зачем?

– Я говорил тебе, что подумаю о твоей душе, к-когда все это закончится. А ты сам не хочешь подумать о душе?

– Это означает, что скоро меня казнят?

– Ты боишься умереть?

– Не знаю. Кажется, уже нет...

– Это х-хорошо. Страх мешает думать связно и говорить то, что нужно.

– Кому?

– Т-тебе. И я здесь ради т-тебя. И – нет, это не значит, что тебя казнят.

– Что бы я ни сказал?

– Да.

– Поклянитесь.

– Господь запретил клясться его именем; к-какой еще клятве ты согласишься?

– Не знаю... Не надо. Все равно...

– Ты меня ненавидишь?

Молчание...

Знакомо...

– Не знаю...

– За что именно ты ненавидишь меня? За сам д-допрос или за то, что ты, в конце концов, признался?

Молчание.

– Не знаю...

– Ты ненавидишь во мне человека, к-который причинял тебе страдание, или оппонента, который вынудил согласиться с его точкой зрения?

– Первое вернее...

– Не поджимайся. Я же с-сказал – можешь говорить, что угодно. Я понимаю тебя. Это говорит гордость. Нет, я не с-стану читать тебе проповеди о смирении, я просто хочу помочь тебе разобраться в себе самом. Это чувство человека, к-который доказывал окружающему его миру, что он стоек, т-тверд, непреклонен, и который, в конце концов, сломался. Это неприятно, я знаю. Неважно, по какой причине ты не желал соглашаться с тем, что т-тебе говорили; главное, что тебя переломили. И от этого ты ненавидишь с-себя, ненавидишь того, кто сделал это, а с ним и весь мир впридачу. Ведь так?

– Может быть...

– Главное – то, что какое-то время ты не был хозяином самому с-себе, что кто-то имел власть делать с тобой все, что угодно. Это глубоко ранит самолюбие. Опять же – я не буду г-говорить тебе, что самолюбие – грех; я просто скажу, что иногда его следует забыть и выбросить. Когда генерал посылает солдата в бой, он тоже распоряжается солдатом, решает его участь, но н-ненавидеть его за это глупо, потому что есть цель, и генерал знает, как ее надо достичь.

– Если генерал правильно обучен...

– Верно. Но ведь, в конце-то концов, прав оказался я, с-согласись хоть теперь. Нет, не надо говорить, что я прав, не подумав. Подумай. Я снова призываю здравый с-смысл. Ведь и ты, и твоя наставница – вы убили человека, который лично вам ничего плохого не сделал, едва не убили еще одного, а чтобы с-скрыть свое преступление, готовы были убить и третьего.

Ведь это неоспоримо, так?

– Да...

– Так. Разве это хорошо? Это д-дурно, даже иновѣрцы имеют законы, запрещающие отнимать жизнь у невинного. Ты же никак не хотел говорить правду, п-позволить спасти едва не загубленную тобой жизнь. И что мне оставалось делать? Я не отрицаю того, что эти методы с-страшны, жестоки и безжалостны, но, скажи мне, о какой жалости к преступнику может идти речь, если умирает жертва? Я понимаю, что это почти невозможно, но все же попытайся п-представить, что речь идет не о тебе, а о ком-то постороннем. Что некто, например, похитил ребенка и держит его где-то, дожидаясь условленной по особым книгам ночи, чтобы умертвить его ради своих целей. Если этот некто не х-хочет отвечать, а в это время где-то, неизвестно где, невинная кроха едва жива от страха? Даже если предать казни такого человека, ребенок-то все равно погибнет – некому будет его освободить, п-потому что никто не знает, где он находится. Кроме обвиняемого. К-который молчит. Разве ты не скажешь, что трижды необходимо вытаскивать из него признание щипцами?

Снова смех, похожий на плач...

– Да... вынужден признать...

– Вот так-то.

Молчание. Напряженное. Долгое.

– Отец...

– Да?

– Вы говорили, я могу спросить, что захочу?..

– Разумеется.

Молчание...

– А если обвинение ложно?..

– Понимаю тебя... Но ведь в т-твоем случае это не так.

– Но если бы было так? Тогда вы сами убили бы невинного человека, разве нет? Хорошо, пусть, да, я признался и повторю: я виновен. Это уже... это уже ясно... Но откуда вам было знать, что это так! Посмотрите вокруг – неужели вы думаете, что эти сотни, тысячи казненных – все до единого виноваты в том, что им приписывают?! Один только донос ничего не доказывает! И признание под пыткой ничего не доказывает! Вчера я сознался бы даже, что убил собственных родителей!

Молчание. Выдохся. Мало сил. И страх. Почти ужас, что – перебрал...

– Не бойся. Ты действительно можешь г-говорить, что угодно; я ведь обещал... Что касается тысяч – конечно, нет. Я так не думаю.

– Тогда... зачем!

– Не того спрашиваешь, сын мой. Я над этим не властен, и это не моя вина. А что до т-тебя – не в доносе дело, хотя именно с него все и началось. Я просто *знал*, что ты это сделал.

– Но... – почти шепот, – откуда?..

– Я скажу, откуда. В тебе есть особая с-сила, а я чувствую людей, обладающих ею. Вот и все.

Молчание. Тишина – недоверчивая. Тишина – потрясенная. Тишина – испуганная...

– Значит... поэтому первые два допроса проводили только двое судей... и потом они призвали вас, чтобы...

– Да. Не ты один п-помнишь о тысячах осужденных невинно. Мои братья тоже заподозрили простой донос из злобы или зависти. Тебя спрашивали, есть ли у тебя друзья, которые могли бы рискнуть ради тебя жизнью или репутацией; если бы т-такие нашлись, их вызвали бы в качестве свидетелей, чтобы услышать, что скажут те, кто не боится и не станет наговаривать на тебя. Говорю это, чтобы обелить в т-твоих глазах тех, кого ты для себя уже счел извергами. Чтобы не совершить ужасной ошибки, они обратились ко мне. Я чувствовал, как в тебе вздрагивает дарованная тебе сила, когда спрашивал о совершенном тобой. П-потому я знал, что ты – лжешь.

– Дарованная?..

– Кто-то рождается с серыми глазами. Кто-то одарен мощным т-телом, сильнее прочих людей. Кому-то Бог дал дар складывать стихи. Кому-то Он дает способность творить то, что не могут делать д-другие люди. Ты этот дар применил во зло.

Молчание...

– Вы не похожи на инквизитора, отец...

Усмехнулся. Не выдержал.

– Конечно, я не *похож*, потому что я и *есть* инквизитор. А те, о к-ком ты спрашивал меня, *похожи*. Но ими не являются. Их наказание найдет их еще – в этой жизни или в с-следующей...

– Вы... могли тогда сказать об этом...

– О том, на что я с-способен? И что тогда? Ты признался бы сразу?

Молчание.

– Вот видишь. И я об этом сказал. Я ведь говорил тебе: я знаю, что т-ты это сделал. Ты меня не слышал. Ненавидеть меня ты можешь, я это понимаю. Мы просто люди, и некоторые чувства в нас сильны, и благие, и дурные, но теперь ты можешь сказать, что поступал... неверно? Теперь – можешь с-сказать, что ты был глубоко неправ, когда отказывался говорить

со мной? Когда я не угрожаю тебе ни болью, ни смертью, теперь – ты согласишься, что прав был я?

Молчание...

– Тогда ты ненавидел свою жертву, ты д-думал – зачем я буду позволять им прекращать ее мучения, если из-за нее так мучаюсь я! Ты ведь тогда так и думал – «из-за нее», хотя это просто нелогично, не соотносится со здравым смыслом. Было?

Молчание.

Шепот:

– Да...

– Сначала была надежда – спасут. Я з-знаю. Потом, уже без надежды на помощь, маленький шанс на то, что тебе поверят, ничего не добившись, если немного потерпеть... Да?

Шепота нет. Кивок и болезненный стон.

Да. Было...

– А потом... Ведь нельзя под такой п-пыткой убедительно оправдываться, если не убедить самого себя в том, что чист, если не притворяться от души; и даже были моменты, к-когда ты верил самому себе, и в каждом крике была неподдельная искренность... Было?

– Было...

Было...

– Так скажи мне теперь: к-кто был прав все это время? Ты перенес столько страданий – за что? Помнишь, о чем я спрашивал?

Еле слышно:

– Еще бы...

– Хотя бы теперь ты можешь с-сказать, что заставляло тебя хранить молчание, когда стало ясно, что тебе не поверят, что никто тебя не станет с-спасать? Что, кроме гордости, ничем не оправданной?

– Не знаю...

– Ничего. И гордость хороша, но в разумных пределах. Не тогда, когда она губит тебя п-просто так. И тело, и душу. Хорошо умирать с гордо поднятой головой, когда ты отстаиваешь честь или жизнь, к-когда жертвуешь собою за любовь к ближнему... да к любому живому существу, хоть к цыпленку, но не тогда, когда смерть приходит потому лишь, что ты ошибся и не желаешь из гордости признать это. С-скажи, разве я не прав?

– Вы правы...

– И разве тогда я был не прав? После всего, что ты уже понял, – разве и тогда я был н-не прав?

Молчание. Почти неслышно:

– Тогда я был неправ...

– Хорошо, что ты это понял. Пусть х-хотя бы сейчас. Все еще можно исправить; ты просто оказался рядом не с т-тем человеком, и вся твоя вина не в том, что ты не такой, как множество людей, а лишь в том, что совершил и намеревался совершить преступление. За это ты п-понес уже наказание; ты раскаялся, ты осознал свою ошибку, и всего, что ты перенес, при этом довольно.

Молчание. Тишина. И беззвучные слезы.

Как знакомо...

– Почему ты плачешь?

– Не знаю. Может, я действительно хочу раскаться в том, что сделал. А может, я просто жалею, что не встретил вас раньше, отец. Лет двадцать назад...

– Это п-почти одно и то же.

– Нет. Это не одно и то же...

– Почему?

Молчание.

Не переспрашивать. Сегодня он имеет право не отвечать.

Пусть молчит. Сегодня – как хочет.

Минута. Долгая. Они часто бывают долгими – минуты...

Слабо:

– Я едва избежал смерти, когда мне было семь... Знаете, как это страшно, когда тебе семь лет, ты не такой, как все, когда родителей убивают за то, что сделал ты сам, сделал невольно, бесконтрольно? За случайные шалости... Разбившийся кувшин... Опрокинувшаяся корзинка с зерном... Упавшая на пол ложка... А потом – никогда не смогу вспомнить, что я тогда о себе наговорил. Этого хватило бы, наверное, обвиняемых для трех... Обошлось... всего лишь порка, пока жгли мать и отца. Чтобы я видел. А ведь их убили из-за меня. За то, что я сделал. Я до сего дня не позволял себе думать об этом. Их убил я...

– Их убила людская глупость.

Не то смех, не то стон...

– Нет... Я...

Тишина.

Тишина...

– Но тогда...

Тишина...

– Я тогда решил, что со мной никто и никогда ничего подобного сделать не сможет. Так долго и быстро я никогда не бежал. Сквозь лес.

Через поля. В обход деревень. Пока не упал. Я бы умер, если бы не Эльза. Сейчас я думаю, что это, может, было бы лучше...

– Этого ни т-тебе, ни мне знать не дано.

– Может, вы и правы... Бог или Дьявол распорядились так, что я встретил именно ее, отец?

– Не знаю.

Взгляд – бескрайнее изумление.

– Я это слышу от инквизитора?

– Да.

Молчание.

Пусть.

Пусть учится думать – правильно.

Вздых и закрывшиеся глаза.

– Встретил именно ее... Пусть они там живут себе по законам, которые себе сочинили, а мы будем жить так, как хотим мы. Это сразу стало моим единственным правилом в жизни. Пусть они живут, как хотят... Если им так уж необходимо извергать нас из своего общества – пусть; значит, так тому и быть. Значит, и их законы не для нас. Любые. Если им так надо поставить нас вне своих законов – хорошо, пусть будет так. Значит, и по отношению к ним их законы мы соблюдать не обязаны...

Молчание.

Долгие минуты. Сколько их прошло, минут? Пять. Или шесть.

Разучился отсчитывать минуты. Давно не приходилось...

– Оказалось, что это доходное дело, вы знаете? Когда одному продал целебную мазь, а другого свел в могилу по просьбе родственников...

– Знаю.

– Со временем уже становится все равно, на кого наложить убивающее заклятье. На старого развратника, на молодую красавицу... на ненужного ребенка-наследника...

– И т-такое было?

– Да...

Снова смех – теперь похожий на смех.

– Странно, так легко я в этом сознался... Было.

Было...

– Это как работа наемника, только риска меньше...

Смех затих, и улыбка стала гримасой.

– То есть, мне так казалось. Поначалу. Потом становится понятно, что риск несравнимо больше, но это затягивает, вы были правы, отец. Только – скажите, разве не виноваты в этом те, кто преследует всех непохожих? Что

же им потом удивляться, что непохожим доставляет удовольствие власть над ними – пусть она и не столь явная, пусть тайная, пусть никому не видимая?.. Заставить одного из них корчиться от рези в желудке, умирать от головной боли – за нас, за всех... Или похитить чьего-нибудь ребенка и продать... Пусть они знают, каково это, когда несчастье случается с близкими, а ты думаешь – за что?.. Пусть... Это в самом деле большое наслаждение. Когда смотришь на ликующую толпу, только что с упоением рассматривающую очередную казнь, когда видишь, как каждый из них доволен тем, что – вот они, идут, победители, такие сильные... как стадо быков. Без рассудка, зато – с силой... После этого просто нельзя не изготовить куколку местного судьи... Да, и это тоже я. Это будет в протоколе?

– Нет. Я же обещал.

– Вы странный. Почему я никак не могу возненавидеть вас снова, как ненавидел всего несколько минут назад?.. Еще в одном вы были правы. Минута – это много...

Молчание.

Тишина, за которой слышно, как в коридоре топают чьи-то сапоги.

Охрана.

Знакомо...

– Эльза так и не... признала себя неправой?

Вздых.

– Нет.

– Ее завтра казнят?

– Да.

– Зачем вы это сделаете? Ведь вы поддержите их – тех, кто убивает непохожих, которые не сделали и не сделают им дурного... Да и не только; вы поддержите тех, кто убивает вовсе невинных, вы им поможете этим; зачем?

– А что, п-по-твоему, с ней надо сделать? Содержать ее в тюрьме всю оставшуюся жизнь? П-понимаю, что эта женщина для тебя почти родная, но вспомни, о чем мы говорили, и скажи – что надо сделать? Разве ты поручишься, что она не сможет освободиться из заключения? Пусть не теперь, а через год, три, десять? И к-какой она выйдет оттуда? Насколько более озлобленной?..

Молчание.

– Да... Понимаю...

– Она слишком стара, с-слишком долго жила с ненавистью, чтобы суметь измениться.

– Ее... – красноречивый взгляд, без слов, немой вопрос... – Да?

– Да.

– Зачем... Вам-то это зачем? Ведь надо просто исполнить необходимость, просто обезопасить ваше общество от нее, так сделайте это проще! Дайте умереть в камере...

Молчание.

– Знаю, что н-не у тебя искать понимания, но... Кроме тех, кто никогда не сотворит зла, кроме тех, кто не может творить зла, тех, кто не имеют возможности, не умеют – есть и те, кто умеют, могут, с-сын мой. Но боятся. Потому что однажды... или не однажды... видели, как умирают те, кто пойман за руку. Пусть это и покажется жестоким, но пусть видят. Ты даже не представляешь, сколько из них лишь п-поэтому живут тихо, никому не причиняя вреда.

– Вы это тоже знаете?

– Да.

Молчание.

– Все равно жестоко...

Миг тишины.

– Да...

Молчание...

– Завтра?

– Да.

Молчание.

И коричневые от крови зубы на искусанных губах.

– Вам...

Молчание...

– Вам и не только вам, отец... будет лучше, если я буду с ней...

Осторожно:

– В каком смысле?

– В том же, что и она, – все более решительно, но с каждым словом тише.

– Почему тебе п-пришла в голову эта мысль? Ты хочешь умереть?

– Нет.

Глаза закрыты. Лицо мокрое от сукровицы и слез.

– Нет, отец, я не хочу. Я как никогда хочу жить, но никому от этого лучше не станет. Вы обещали, что я могу сказать все, что угодно; прошу, не перебивайте, или... или я испугаюсь и не сумею договорить... Вы правы. Вы и были правы, а я был неправ, и, поняв это, я чувствую себя... не знаю... Я бы мог сказать, что чувствую себя родившимся заново, но так

нельзя сказать о человеке, который несет на себе такой груз вины и ненависти, как я. Да, я раскаиваюсь в том, что делал. Перед вами признаю это – как перед Богом. Да, я уже не могу ненавидеть вас так, как еще вот только что ненавидел, но избавиться от ненависти целиком не могу. Из-за вас – это из-за вас, и вы не можете этого не признать – я предал женщину, которая с детства заменяла мне мать. Что бы там она ни делала, кем бы она ни была – она любила меня и заботилась обо мне. Я не знаю, что бы со мной было, если бы не Эльза. Вы поведете ее на смерть, вы провели ее через то, через что прошел я; помня, что это такое, я не могу... просто все забыть – не могу. Мне жаль, что я не встретил вас двадцать лет назад, но теперь я буду ненавидеть вас... и почитать. Но ненависть – она сильнее, отец. Поэтому рано или поздно я убью вас. А потом и себя, потому что жить с таким разладом мыслей не в моих силах. На такую пытку, отец, меня не хватит... Поэтому, если вы не хотите погубить и свою душу, и мою, и души тех, кого, возможно, вам еще удастся отвратить от зла удачнее, чем меня – вам лучше позволить мне умереть сейчас. Пока еще я что-то понимаю и в состоянии отвечать за себя. Иначе – два выхода. Или тот, о котором я сказал только что, или – я просто покончу с собой. Если вы действительно имеете ко мне хоть каплю сострадания, вы поведете меня завтра вместе с Эльзой. Вину перед людьми, вы сказали, я искупил на вашем допросе? Дайте искупить вину перед моей второй матерью. Она тоже человек... Вот я это и сказал.

Глаза закрыты. Лицо мокрое от сукровицы и...

И все.

– Теперь мне уже не отступить, да?

Молчание. Тяжелое.

И секунды тоже могут быть бесконечными...

– Нет. Только к-когда записи дела будут переданы властям.

– Тогда сделайте это побыстрее, отец. Я не хочу иметь возможности передумать.

Молчание.

Секунды длиной в бесконечность.

– Ты уверен в том, что говоришь?

– Как никогда...

Молчание. Минута молчания...

– Хорошо.

Вздых.

– Ну, вот и все. Пусть будет так... – глаза открыты. Лицо мокрое от сукровицы... Взгляд блестящий и больной. – Вам придется уйти, чтобы

сделать это?

– Да. Ты х-хочешь, чтобы я ушел?

– Я хотел бы, чтобы вы остались и поговорили еще со мной. Вы ведь можете вернуться потом?

– Конечно.

– И вы будете со мной?

– Если хочешь.

– Всю ночь?

– Всю ночь.

* * *

Пять лет назад.

Дознание по делу обвиняемого в похищении младенца, намерении убийства и угрозах убийством посредством заключения договора с потусторонними силами. Обвиняемый: Альберт Майнц, профессор литературы. Шестой допрос (без применения пытки)

– С какой целью и где вы содержите похищенного ребенка?

– Я не д-делал ничего подобного... Я н-невиновен...

Природа зверя

...omnis enim natura bestiarum et volucrum et serpentium etiam ceterorum domantur et domita sunt a natura humana.^{[\[3\]](#)}

Пролог

– Храни Господь курьерскую службу.

Голос помощника был охрипшим и каким-то мутным – высокий стоячий ворот, кожа которого задубела на морозе, глушил слова, плохо выпуская их вовне. Уже подступающий февраль в этом году тотчас дал понять, что решил обосноваться всерьез и надолго, одаряя род людской всеми прелестями, каковых в Германии не было видано уже давно – ветром, перемешанным со льдом, стужей, от которой в буквальном смысле на лету замерзают вороны, и почти не прекращающимся снегом, творящим едва проходимые сугробы даже посреди дороги и ломающим древесные ветви.

На восхваление курьерам Курт не ответил – сие славословие произносилось уже не в первый раз за время их пути, и в эту минуту наверняка еще не один и не двое говорили примерно то же самое на ином краю страны; и, разумеется, благодарствие вознести было за что. Года три назад кто-то из курьеров, кому надоело морозить себя на ветру и выставлять под дожди и снега, при посредстве сметливого кожевенника вообразил и создал некоего ублюдка фельдъегерской куртки, дорожного плаща и купеческого камзола. Родившееся из сего смешения исчадие, без изысков поименованное фельдроком^[4], выгодно отличалось воротом, в застегнутом виде закрывавшим лицо по самые скулы, пристяжным капюшоном, что лишало необходимости навешивать на себя мешающий движениям плащ, и удлиненными полами, закрывающими ноги до самой середины сапог, по каковой причине, сидя в седле, можно было не беспокоиться о коленях, выставленных под дождь или, как теперь, хлесткий снег. Зимний вариант, кроме того, предполагал меховой подбой, которому в нынешнем путешествии досталось не меньше благих слов, нежели выдумщику из курьерского отделения.

Экипировавшемуся подобным образом упомянутому курьеру позавидовали сперва собратья по должности, но довольно скоро сие творение воспаленного рассудка взяли на вооружение и многие действующие следователи. Как и большинство из тех дознавателей, кто еще не обзавелся ни домом, ни, собственно, постоянным местом службы, располагающим к приобретению такового, и проводил довольно много времени в пути, Курт оказался в числе первых из них. Кроме того, жизнь показала, что даже при некоторой оседлости всякое расследование грозило в любой самый неожиданный момент обернуться тем, что возникнет

необходимость сорваться в путь тотчас, не имея времени не только на сборы, но и хотя бы на то, чтобы обернуться в сторону покинутого временного пристанища. Плодить гардеробы при таком распорядке бытия было не с руки, и Курт предпочел потратить немалые, надо сказать, деньги на приобретение сего наряда *in omnem eventum vitae*^[5], в коем было и не совестно пройтись по центральным улицам любого города, и вполне сподручно пуститься в путь или ввязаться в драку. Помощник, тяжело вздохнув, последовал его примеру, зная на собственном опыте, что любые невзгоды и внезапности, настигающие его начальство, достаются в не меньшей мере и ему самому, причем сполна.

Лошадям приходилось куда хуже – тех грела лишь попона да еще разве что седалища всадников; на темных ресницах нависла изморозь, грустные карие глаза слезились от ветра и мороза, и ноги с облепившими шерсть комьями снега переступали тяжело и неуклюже. Отдых был нужен им уже давно; кроме скверной погоды и долгого пути, жизнь несчастным животным невыносимо портил и немалый вес несомого – наверняка, если взгромоздить на одну чашу весов одного из седоков, а на другую нацепленное на него снаряжение, включая кольчугу под фель드로ком, оружие и дорожную сумку, обе чаши уравнились бы. В иное время кони несли бы этот немалый скарб без особенных усилий, однако холод усугублял усталость, обращая ее в изнеможение.

– Храни Господь курьерскую службу, – повторил помощник, не скрывая раздражения, – и покарай тебя.

На гневный выпад Бруно Курт не ответил тоже, так же слыша его уже не в первый раз.

Отдых не только для коней планировался еще пару часов назад, когда с плохо протоптанного тракта оба заехали далеко в сторону, угадав по наезженной колее близстоящую деревню. Разумеется, Курт предпочел бы хороший трактир с отдельной комнатой и теплой постелью, однако какая угодно крыша и чье угодно тепло в их положении являлись почти небесным даром, а при предъявлении Знака и сурового лица предоставлены были бы быстро и без каких-либо препон.

Деревня показалась за тогда еще редкой завесой снега довольно скоро; точнее, первыми на глаза попались ее обитатели, вопреки ожиданиям, не сидящие по домам перед очагами и не поглощенные заботами о замерзающем скоте – больше сотни человек собралось в плотную темную толпу далеко за пределами поселения, окружив предмет, по долгу службы узнаваемый Куртом за милю, наверное, даже в полуслепом состоянии.

– Столб, – отметил помощник, придержав шаг коня, и он медленно

кивнул, приподнявшись в стременах и всматриваясь в людское собрание. – Только что-то я тут наших не вижу, – многозначительно закончил Бруно.

– За мной, – скомандовал Курт, никак на очевидное замечание не ответив.

К собравшимся они приблизились, когда к окруженному чуть припорошенным хворостом столбу уже шагнули двое с горящими факелами, одаряя привязанного к тонкому кривому бревну человека взглядами ненавидящими и испуганными. В сторону явившихся чужаков собравшиеся обернулись, глядя недобро и настороженно. Заметили их не сразу, всецело поглощенные происходящим.

– Ни шагу больше, – остерег Курт и без того неподвижно замерших факельщиков, и во внезапной всеобщей тишине не сразу отозвался голос стоящего впереди крестьянина.

– А вам-то чё? – выступив чуть вперед, поинтересовался он. – Я староста, суд наш постановил наказание, и все законно. Вы, господин, езжайте себе или обождите, если имеете до нас какой интерес. Я так мыслю, это дело скорое.

– Ошибаешься, – возразил Курт, с неохотой расстегивая ворот и извлекая на свет Божий цепь с медальоном, покрытым всем знакомой чеканкой. – Дело это долгое. Чтобы тело прогорело полностью, нужно несколько часов, а после останки надлежит еще разбить вручную – иначе в прах оно не обратится, останутся обгорелые кости. Да и прежде он будет гореть приличное время, пока испустит дух. Только этого топлива, что вы тут натащили, не хватит даже на козу-недоростка. Уж поверь знатоку... Святая Инквизиция, – представился он, оставив Сигнум висеть поверх фельдрока. – А теперь потрудись разъяснить, что тут происходит.

– Инквизиция!

Вопреки ожиданиям, в прозвучавшем восклицании не было ни ужаса, ни растерянности – скорее, возглас был неуместно оживленным и почти радостным; люди в толпе заговорили разом, переглядываясь друг с другом и устремляя на осужденного ими взгляды грозящие и мстительные, торжествующие, словно бы для подтверждения справедливости их возмездия с небес спустился сам Господь, порицая грешника.

– Весьма ко времени, – одобрил староста, махнув рукою через плечо на молчаливого человека у столба; тот смотрел в небо с нетвердой, подергивающейся ухмылкой на побелевших от холода губах, кем-то уже превращенных в опухшие олады явно не двумя и не тремя ударами. – Вот вы, майстер инквизитор, и покараете нечестивца.

– У тебя появилось новое начальство, – отметил помощник тихо; Курт

раздраженно поморщился.

– Так стало быть, – подытожил он, – представителей Конгрегации я здесь не вижу не по слабости зрения. И все это происходит самовольно, без следствия и суда.

– Это как то есть – без суда? – насупился староста. – Сказано ж вам было...

– Слабостью слуха я также не страдаю, – оборвал Курт. – И ты, если не страдаешь слабостью рассудка, должен знать, что подобные приговоры выносить имеет право только суд Конгрегации.

– Да Господь с вами, майстер инквизитор, какая Конгрегация в нашей глуши? До ближнего города – дня два; и что ж – неделями дело тянуть?

– Хоть год, – отрезал Курт холодно. – Вопрос в человеческой жизни. Хоть сто лет.

– Не человек он! – зло выговорил один из стоящих за плечом старосты. – Зверюга – и та на такое не сподобится.

– Что он сделал? – вмешался Бруно, и староста с готовностью кивнул:

– А я вам сейчас расскажу, господа дознаватели, что. Мерзость, подлинно. Воистину сатанинскую мерзость. Вы вот меня слушаете – и сами ж скажете, что мы все сделали верно; а вот тут и вы, как самим Провидением посланы...

– Говори, – поторопил Курт; староста кивнул снова:

– Извольте, майстер инквизитор... Это лошадиный наш. Разводит у себя, приторговывает, а когда кому из нас нужна лошадь – дает внаем, на время; у нас, понятно, не у каждого ведь имеется своя... а у него их по временам до трех голов бывает... И все мы к нему частенько домой заходим. Ну, и о найме сговориться, и так просто – сосед ведь... А кое-кто, случалось, появлялся в его жилище, когда его самого там не было. Нехорошо, конечно, грех, но тут уж каждому по собственной совести...

– К жене, словом, – вновь оборвал Курт, и староста вздохнул, понуро разведя руками:

– Я ж им не отец. Не прикажу ж. Супруга у него, я вам скажу... гм... Ну да, майстер инквизитор. К жене. В последнее время уж и слухи пошли, но он как-то словно мимо уха все пускал – ни друзьям ни слова, ни супружнице. А намерен позвал их в гости всех, выставил пива, закусок, мяса нажарил... До самой ночи сидели. А после, как выпили, как поели... Кто-то спрашивает – мол, а хозяйка-то что? Как-то оно зазорно – у мужа гости, стол, а жена невесть где. И знаете, что, майстер инквизитор? – почти шепнул староста, дрогнув голосом. – Убил он ее. А после... мясо-то это, что под пиво пошло... Она это была – жена. Он всех позвал тогда, кто к ней

заглядывал, и им всю ее и скормил, прости Господи...

– Ясно, – вздохнул Курт, снова бросив взгляд на искривленное злой усмешкой лицо связанного. – И много народу набралось?

– Что?.. – растерянно осекся староста, не сразу сообразив, что ответить на неуместное любопытство следователя. – Мать Божья, да есть ли разница! Что он сотворил – это что, не мерзость ли? Не попрание ли образа Божьего в человеке? Кары не достойно ли? От того ужина двое рассудка решились. Один представился – так с ума поехал, что кинулся из собственного пуза ножом те куски выковыривать; так и не спасли. А вы – «год, сто лет»... Как на месте еще не прибили.

– Разойдись, – потребовал Курт спустя мгновение тишины, нехотя спешиваясь, и, когда людская масса расступилась, образовав коридор, медленно прошел к столбу, взойдя на образованное хворостом возвышение с нехорошей дрожью в спине.

Лошадник перевел взгляд с мутного, сыплющего снегом неба на инквизитора, глядя все с той же равнодушной ухмылкой, и, казалось, всего произнесенного только что в его присутствии не слышал или не воспринимал. За спиною уже вновь возник гомон, становясь все громче и злее, и Курт повысил голос, всеми силами заставляя себя не оборачиваться ежесекундно на двоих с факелами, стоящих вне поля видимости:

– Молчать.

Галдеж стих, не угаснув совершенно, и он шагнул ближе к связанному, тронув его за плечо.

– Эй, – окликнул Курт и, поймав вопросительный взгляд, уточнил: – Имя.

– Ханс.

Голос осужденного подрагивал от холода, однако никаких чувств, для человека в его положении понятных и естественных, более не слышалось – ни страха, ни трепета перед неминуемой страшной гибелью; Курт нахмурился.

– Тебя обвиняют в убийстве жены, – проговорил он с расстановкой, всматриваясь в не к месту довольные глаза лошаdnика. – Это так?

– Ага, – согласился тот удовлетворенно. – Собственной рукой.

– Я ж сказал! – тоном оскорбленной добродетели вклинился староста, и Курт не глядя отмахнулся, призвав его к молчанию.

– Утверждают также, – продолжил он, – что ты пустил ее на закусь. Это тоже верно?

– Знаешь, что они говорили? – доверительно понизил голос осужденный. – Когда приходили – знаешь, что? Аппетитная, говорили,

такая... Так и говорили – аппетитная. Ну, вот им и выпало, чего желали. И ей того ж – всем по чуть, как хотела. Только там еще на студень осталось, в подполе.

– О, Боже... – тоскливо проронил кто-то, из-за задних рядов послышался явственно различимый булькающий звук, на снег что-то плеснуло, и до слуха донеслись плевки и стоны.

– Чего с ним говорить, майстер инквизитор! – с возмущением и злостью оборвал староста. – Он и не отрекается, изувер, и доказательств, если вы об этом, довольно – у него весь подпол в крови и кишках изгваздан, и впрямь тело ее там лежит... то, что осталось... в самом деле лишь на студень, прости, Господи, люди твоя...

– Вина доказана, – согласился Курт, по-прежнему не оборачиваясь. – Однако это убийство, и не более. Содеяно по обыденной причине и совершено обыденным способом. Малефиции в его действиях не усматривается, посему судить его должно по мирскому закону; а стало быть, такой приговор вынесен быть не может.

– Это... – растерянно проронил староста. – Это как же – за такое вот... и просто веревку накинуть?! Да за такое живьем в геенну надо!

– Ввергнут и без тебя, – возразил Курт. – Или на справедливое воздаяние от Господа ты не уповаешь? С твоих слов я понимаю, что – так.

– Ни в коем разе, – спохватился староста, – я, майстер инквизитор, такого ничего не говорил, только вот как же оно... Нельзя ж так вот просто... И какие тут мирские судьи? Мы ему судьи.

Курт, наконец, обернулся, обведя взглядом собравшихся и видя в толпе одинаковые лица с одинаковым выражением упрямой решимости и озлобления. Если сейчас, повелев передать задержанного светским властям, уехать, за его спиной тотчас загорится этот хворост, которого и в самом деле не хватит для должного совершения казни, но вполне довольно для того, чтобы сделать лошадника нежизнеспособным куском человечины. Мысль же тащить с собою через снега и стужу избитого, связанного, да к тому же невменяемого душегуба вызывала почти отвращение. В одном староста был прав – до ближайшего города пусть не два дня, но уж точно сутки пути. Верхом.

– Вина доказана, – повторил Курт, отвернувшись от насупленных лиц. – Было совершено убийство, чему карой является смертная казнь.

– Вот и я ж говорю... – начал обрадованно староста и запнулся, когда майстер инквизитор потянул кинжал из ножен и коротким движением ударил лошадника в сердце.

В тишине, внезапно окружившей собрание, было, кажется, слышно,

как редкие снежинки падают вниз, ломая лучи о снег под ногами. Отвернувшись от обвисшего в веревках убитого, Курт, не глядя по сторонам, медленно прошагал к своему жеребцу и забрал у помощника поводья.

– Меня зовут Курт Гессе, – отрекомендовался он, взбираясь в седло. – Следователь первого ранга. На случай, если спросят, кто велел отпеть и похоронить вашего лошадирика, как положено. И учтите: я проверю.

– Проверишь? – усомнился Бруно, когда надежда на теплый очаг и горячую пищу осталась далеко позади. – Какой идиот послушается твоего приказа и потащится в эту глушь, которая, замечу, неизвестно как называется, чтобы потребовать доказательств погребения от старосты, чьего имени ты не спросил?

– Мне неинтересно, – отозвался Курт. – И без того всё сделают, как надо.

– Но сделал ли «как надо» ты? – не унимался помощник, и он раздраженно отмахнулся:

– Бруно, только не начинай. Надеюсь, даже твое неправдоподобное человеколюбие не станет утверждать, что я должен был волочить этого чудо-повара с собой, дабы передать местным властям для торжественного повешения. Кстати замечу, именно с точки зрения милосердия к оному и стоило бы задуматься над тем, что не слишком хороша идея умножать его страдания, терзая холодом и усталостью от пешего перехода, дабы так или иначе преподнести в конце пути петлю. Оправдания ему, как ты понимаешь, не светило б.

– Он был не в себе, – заметил помощник. – И как знать, насколько он был вменяем в момент совершения преступления. Помнится, когда речь шла о баронском сыне, ты обещал ему отдельную келью, лекарей и заботу; крестьянина же зарезал без колебаний.

– Значит, я лицеприятен... Бруно, есть все же разница между мальчишкой, мнящим себя потусторонней тварью, и человеком, полагающим, что жаркое из жены неплохая закуска к пиву. Он знал, что делал; и крышу ему подвинула, поверь, не измена супруги, а процедура, что воспоследовала за ее убиением. Как бы ни возненавидел он и ее, и своих приятелей, а все же – потрошение, нарезка, жарка... согласишься, неподготовленному человеку может вдарить по мозгам... Интересно, а сам он это ел?..

– Господи, – покривился Бруно, ускорив шаг коня и выехав на корпус вперед, тем самым завершив разговор на долгие два часа, прерывая затянувшееся молчание лишь проклятиями в адрес присутствующего

начальства и восхвалением курьерского отделения.

Снег меж тем усилился, редкие крупные хлопья словно бы ссохлись на ветру, обратившись в мелкие жесткие колючки, царапающие лицо, и руки под кожей перчаток свело до боли в суставах. Фельдрок уже спасал слабо; мороз отыскивал какие-то невидимые бреши в защите, пробираясь в малейшие складки и щели, леденя неподвижное в седле тело в буквальном смысле до самых костей, и лишь немного утешал тот факт, что ветер не бил прямо в лицо, поддувая чуть справа. Вскоре дорога стала едва видна уже в десяти шагах впереди, снег почти превратился в сплошную занавесь, завиваемую ветром, а кони стали возмущенно фыркать, мотая головой и отказываясь идти сквозь назревающую метель. Когда же при очередной остановке помощник ударил пятками в бока, понуждая своего жеребца шагать дальше, тот взбрыкнул задом, и Бруно, растерянно охнув, завалился набок, едва не угодив под копыта.

– Бог ты мой, – устало вздохнул Курт, следя за тем, как помощник садится в снег, неуклюже поворачивая правую ногу. – Ты издеваешься. Почти шесть лет на службе – и все еще не научился держаться в седле?.. Или, может, просто лошади тебя не любят.

– Приятно, когда друга заботит твое самочувствие, – буркнул Бруно, осторожно поднимаясь, и ухватился за повод, едва не упав.

– Как ты? – с готовностью озабочился Курт. – Ничего не сломал?

– Подвернул ногу.

– Спасибо – снег, – кивнул он, с насмешкой пронаблюдав за тем, как помощник карабкается в седло, и двинулся дальше. – *Nullum malum sine aliquo bono*^[6].

– Скажешь это, выкалывая изо льда мой труп.

– Боюсь, я и сам буду в том же льду, – возразил Курт уже серьезно, оглядываясь вокруг. – Начинает смеркаться; через час-полтора при такой погоде настанет полная мгла, если ненароком собьемся с дороги, заплутаем вконец. И теперь-то ее уже почти не видно. Вскоре придется остановиться. Или – если прибавим шагу, до темноты можем успеть вернуться.

– Надеешься, что те милые люди таки развели костер и дадут погреться?

– Забавно будет увидеть физиономию старосты при моем повторном явлении.

– Ты асоциален, – уверенно сообщил помощник, поморщась, когда ушибленная нога неловко шевельнулась в стремях; Курт отмахнулся:

– Наглая ложь. Я душа компании... Мы возвратимся. Если в ближайшее время не подвернется еще одна деревушка или, на худой конец,

какое-никакое природное укрытие для ночлега. Я свято чту твое душевное равновесие, но придется потерпеть угрюмые рожи и косые взгляды ради возможности пережить ночь, не окоченев до утра. Еще полчаса, – приговорил он в ответ на кислую мину. – И возвращаемся.

Бруно не ответил, лишь вздохнув и попытавшись заставить коня шагать быстрее. Жеребец косился на седока через плечо, точно удивляясь тому, что не последовало праведной кары за столь своевольное поведение, и нервно прядал ушами, отфыркиваясь от летящих в морду снежинок. Снежинки оседали на гривах, на упряжи, смерзаясь от дыхания на ресницах и слепя, и когда в густеющих сумерках замелькали сквозь крапчато-белую пелену бледные огоньки, Курт поначалу счел это обманом зрения, мнимыми искорками в утомившихся за день глазах, не сразу поняв, что видит освещенные окна в темной туше какого-то строения чуть в стороне от тракта.

– Господь услышал твои молитвы, – заметил Курт, подстегнув жеребца, и без того зашагавшего бодрей при виде близящегося окончания пути.

Глава 1

Одинокий трактир, столь уместно угодивший навстречу, был точно облеплен белой мукой по всем карнизам и крыше, и назначение его постигалось по пустующей коновязи, отсутствию ограды и вывеске над дверью, где за примерзшим к ней снегом угадывалось изображение кровати, выполненное тремя жирными штрихами, и стоящей на ней кружки.

Нутро небольшого зальчика было охвачено полумглой; мрак озарял подрагивающий огонь светильников, водруженных на столы и стойку, и большое алое пятно света, порожденное полыхающим почти в полную силу очагом. От внезапного тепла, обнявшего со всех сторон, закружилась голова и уже через два мгновения бросило в жар; Курт торопливо расстегнулся, срываясь с крючков оледеневшими, почти ничего не чувствующими пальцами, и сбросил капюшон на спину, оросив порог снегом. Помощник, на ходу распахивая полы фельдрокса, прихрамывая, прошел к ближайшему от очага столу, бросил на пол сумку и обессиленно уселся, блаженно вытянув ноги.

– Только рискни попенять, – предупредил он тихо, когда Курт, неспешно приблизившись, отошел к самому дальнему краю скамьи, косясь в очаг с недовольством. – Я промерз до самой печенки и с места не сдвинусь ради потакания твоим фобиям.

– Как нога? – не ответив, справился он; Бруно отмахнулся:

– Побаливает.

– Хорошо, – мстительно усмехнулся Курт.

На то, как новый постоялец, гремя оружием, усаживается на скамью, владелец придорожного заведения взглянул привычно и равнодушно, и когда, подойдя, осведомился о желаниях прибывших, в голосе не звучало ни настороженности, ни враждебности, из чего Курт сделал вывод, что на посещаемость тот не жалуется и навидался всякого.

– Комнаты свободные имеются? – уточнил он; владелец махнул рукой к потолку:

– Свободны, господа, почти все. Немного сегодня народу – тракт пустует; кто застрял здесь в непогоду, только те и есть. Извольте снять?

– Одну. И у нас кони снаружи. Хотелось бы, чтоб, собравшись уезжать, мы не обнаружили вместо них ледяные статуи.

– Не тревожьтесь, – улыбнулся трактирщик, кивнув в сторону, где у

порога, тщательно заворачиваясь в тяжелую шубу, перетаптывался молодой парень с обветренными покрасневшими щеками. – Мой сын Вольф. Он все устроит в лучшем виде... Меня зовут Альфред Велле, я здесь владелец и за все отвечаю; если же будут жалобы или пожелания касательно трапезы, моя супруга Берта будет рада вам угодить. Имея в виду погоду и ваш крайне утомленный и озябший вид, господа, могу предложить для начала наваристой мясной похлебки – как нарочно для вас, минуту назад снятой с огня.

– Первое пожелание касательно трапезы, – возразил Бруно. – Без мяса. Жареного, вареного – какого угодно и в каком угодно виде.

– Как угодно, – ни на миг не запнувшись, кивнул Велле, и Курт торопливо вскинул руку:

– Меня это не касается, имей это в виду и не забудь или не спутай, не то он со своими обетами оставит меня голодным. Я, пожалуй, от твоего предложения не откажусь. И от мяса тоже – желательнее с перцем и желательнее покрепче.

– А как насчет, в самом деле, чего покрепче?

– И покрепче тоже, – кивнул Курт, выпрастываясь из рукавов. – Не помешает.

– Занятный мужичок, – определил помощник, глядя вслед удалившемуся владельцу. – И, заметь, его не учили десять лет в академии, не экзаменовали с пристрастием, и он не служил шесть лет следователем, но, тем не менее, типы людские различает сходу. Никаких претензий, косых взглядов и требований заплатить вперед. Он уже точно знает, что мы заплатим, что блюда будем выбирать по желанию, а не по цене, что не станем крушить мебель или резать его ночью, хотя видел нас меньше минуты.

– Наверняка его подкупила твоя постная физиономия. И постные желания. Быть может, он даже узрел нимб над твоей головой.

– Быть может, именно в его сиянии он и не разглядел рогов на твоей.

– Как это недостойно служителя Господнего, – укоряюще вздохнул Курт, бросив фельдрок на скамью подле себя. – Смотри – пожалуюсь отцу Бенедикту на твою гордыню и попрание заповедей, и вылетишь ты обратно в миряне, огребя вящее порицание и пущее осуждение.

– Не надоело? – поинтересовался Бруно с искренним любопытством. – Два года прошло, и по пальцам могу перечесать дни, когда ты не отпускал как правило плоскую остроту в мою сторону.

– Два года и четыре месяца.

– Ты их что же – подсчитываешь?

– Ты принял постриг во вторую годовщину завершения Хамельнского дела, – уже серьезно отозвался Курт, мимовольно скосив взгляд на деревянные четки, перевешенные через свое запястье. – А тот день я до смерти не забуду. Вижу, не забыл и ты; не станешь же ты отрицать, что именно отец Юрген и подвиг тебя принять это решение окончательно?

– Тебе пришло в голову задать этот вопрос только спустя два года?.. – усмехнулся помощник снисходительно. – Отрицать не стану. Ни к чему.

– Было б понятней, если б что-то подобное выкинул я...

– Ты?! Да у меня случится нервный припадок в день, когда я увижу тебя в рясе.

– Я и тебя в ней не вижу.

– Потому что служба под твоим началом – подвиг более жесткий, нежели любое отшельничество.

– Но если всерьез, Бруно? Тогда – я видел то, чего не увидел ты. Тогда – ты не увидел главного. Так почему?

– Я видел достаточно. И чудо отца Юргена, и все случившееся с нами – не одно лишь это вот так внезапно вбросило меня в монашество. Просто это было последней каплей... А, – отмахнулся помощник с напускной легкомысленностью, – тебе все одно не понять. Ты кивнул, принял с благодарностью дар новопрославленного мученика – и пошел по жизни, как ни в чем не бывало; ты хоть раз использовал эти четки по назначению? Разумею – для молитв.

– Ты удивишься.

– Не сомневаюсь... Прекрати коситься на светильник, – сострадающе попросил Бруно. – Он стоит от тебя на вытянутую руку.

– Чуть ближе, – возразил Курт, размяв пальцы, и помощник нахмурился:

– Ты что задумал?

Он не ответил, молча смирив взглядом расстояние до глиняной площадки, глядя на чуть подрагивающий на сквозняке огонек пристально; Бруно понизил голос:

– Не надо.

– Никто не заметит, – улыбнулся Курт, сдвинув левую руку чуть ближе к светильнику, и, переведя дыхание, рывком распрямил сжатые в кулак пальцы, словно сгоняя присевшую на фитиль бабочку. Огонек склонился в сторону, дрогнул и снова распрямился, продолжив гореть, как прежде.

– Зараза, – выговорил Курт недовольно; помощник покривился, скосившись на него с укором:

– Господи. Тебе через месяц с небольшим шандарахнет двадцать семь,

а ты ведешь себя, как ребенок.

– *Nisi efficiamini sicut parvuli, non intrabitis in regnum caelorum.*^[7]

– Еретик.

– Святоша.

– Отвали.

– О, – удивленно отметил Курт и, вздернув с пола дорожную сумку, установил ее на колени, пытаясь раскопать что-то в ее недрах.

– Что ищешь?

– Особую книжицу, – пояснил он серьезно. – Я помечаю в ней те дни, когда тебе случается заговорить, как нормальному человеку. Какое сегодня число?

– Тридцатое января, – буркнул помощник. – День, когда меня одолело искушение совершить грех смертоубийства.

– Мелочевщик, – фыркнул Курт пренебрежительно и отставил сумку снова на пол, выложив на столешницу плоскую шкатулку, покрытую клетчатой двухцветной глазурью. – Решил убивать – убивай с размахом. К примеру, целыми армиями... Партию, – почти приказал он, высыпав из шкатулки крохотные костяные фигурки, и, зажав в кулаках по пешке, приглашающе кивнул. – Выбирай. Пока явится наш ужин, я успею искромсать твоего короля в капусту.

– Повстречать бы того доброхота, что подарил тебе эту штуку, – покривился Бруно со вздохом, не глядя указав на одну из рук, и он усмехнулся, расставляя фигуры по клетчатой поверхности:

– Сохрани меня Господь. Один ты – куда ни шло, один он – терпимо, но два святых плакальщика разом это для моих нервов слишком... Вообще, знаешь, некоторые полагают, что шахматы развивают разум.

– Это когда раз, когда десять в неделю, когда так неделю-две подряд; не возражаю. Но у тебя это начинает походить на *idea fix*, а сие есть признак недужности этого самого разума. У тебя пунктиков и без того хоть отбавляй, а маюсь с ними я.

– Не хнычь, – оборвал его Курт, сделав первый ход. – Дерзай. Как знать – вдруг снова случится чудо, и ты меня обставишь?

Помощник лишь скептически покривил губы, не ответив, и с тяжелым вздохом сдвинул вперед крестьянина.

Ужин был принесен на середине партии; на сильно поуменьшившееся войско с бронзовыми наверхиями, теснимое армией, украшенной черненым серебром, Альфред Велле покосился с впервые проскользнувшим во взгляде удивлением, однако промолчал, лишь пожелав господам приятного вечера, и удалился. Господа поглотили ужин, не

отрываясь от игры, сегодня затянувшейся – Бруно, пытаясь повторить свой редкий подвиг и выиграть у начальства снова, осторожничал и медлил, подолгу раздумывая над каждым ходом. При всех своих стараниях, помощник все же оставался в решениях довольно предсказуемым, лишь изредка выдумывая неожиданные комбинации, и Курт уделял внимание игре мимоходом, исподволь разглядывая собравшихся в трапезном зале немногочисленных постояльцев.

У правой стены, чуть поодаль от очага, восседал округлый, но плотный, как хорошо сбитый бочонок, и такой же лысый мужичок, поглощающий свой ужин спокойно, с достоинством и вдумчивостью. Хлеб он кусал душевно, размеренно, склоняясь при этом к стоящей перед ним площадке со снедью, а употребив кусок целиком, механически сгреб крошки со стола и стряхнул во всю ту же площадку. И так, из деревенских. Быть может, даже обитатель той самой оставшейся позади деревни, которому посчастливилось не попасть на празднество, учиненное тамошним лошадиником; или из города, но обосновавшийся за его каменными стенами не так давно, горожанин в первом поколении. Привычки к долгим путешествиям, а стало быть, и трактирам – нет. Куда бы он мог направляться и зачем? Зима, торжища сейчас хилые, на ледовщика или торговца дровами и углем не похож... К родне, разве что, или от оной, зачем еще быть крестьянину в пути, кроме, разве, торговли. Наряд не обыденный, но и не вычурный, однако вполне благопристойный, даже, можно сказать, по-своему представительный. Так можно было бы приодеться, имея в планах посетить кого-то, кому имеет смысл казаться значительным.

В самом углу двое – женщина, относительно еще молодая, вряд ли достигшая третьего десятка, и парнишка лет пятнадцати. Либо рано вышла замуж, либо тетка или сестра. Скорее всего. Так парни его возраста к матерям обыкновенно не льнут – в такие годы уже блюдут дистанцию, дабы, не приведи Господь, не подумали, будто он нюня и висит на мамочкином фартуке. Этот смотрит вокруг с враждебностью, будто весь мир против него, и лишь с ней говорит спокойно, даже улыбается. У нее же вид усталый и немного растерянный, то и дело порывается тронуть парня за плечо или погладить по голове, но сдерживает руку. Наверняка сестра. Ну, или родственница, приютившая после смерти матери. Н-да. Самому майстеру инквизитору во время оно не так повезло... Пища умеренная, пьют воду. Судя по скромной одежде, не из личных предпочтений, а экономии ради. Куда могут направляться эти и зачем? Да куда угодно.

В зале больше никого, однако, если судить по состоянию прочих

столов, еще pro minimum двое постояльцев имеются – столы свежевывертытые...

– Комната готова, господа, – ненавязчиво сообщил Альфред Велле, появившись рядом на мгновение. – Как только пожелаете, Вольф вам ее укажет.

Однако ж, кое в чем помощник прав: владелец этого заведения личность интересная. Положим, признать в двух новоприбывших «господ» несложно – оба в одинаковой, как солдаты, но явно недешевой одежде типа «exclusio», при оружии, да и нельзя не заметить герба на навершии Куртова меча; стало быть, один из гостей уж точно «господин рыцарь», а кто второй – подробности неважны. Важно различить манеру держать себя запросто, угадать взгляд, ни перед кем не склоняющийся, и тон, привыкший приказывать. Однако запросто держится и сам Альфред Велле – речь гладкая, без запинок или заискивания; наверняка с тем крестьянином владелец говорил иначе. Быть может, на «ты», перемежая речь вульгарными словечками и оборотами. А ту женщину с парнем, быть может, величал «дочкой» и был отечески ласков. *Calculis subductis*^[8] – Велле души не чает в этом месте, в своей работе, и занятию этому предается с упоением. В держании трактира его, быть может, привлекает не только доход и собственное жилище, не подпадающее под перипетии городского законодательства, но и люди, с которыми доводится встречаться, подолгу говорить, а порою и просто слушать. Таким, как он, славным незнакомцам, утомленные дорогой и жизнью путешественники, задержавшись у стойки, частенько склонны выговориться под пиво или «что покрепче». Вообще говоря, если взять такого учтивого и приятного в общении трактирщика за шиворот, припереть к стенке и грамотно пригрозить, из него можно будет вытрясти невероятное количество самой разной информации...

На распахнувшуюся дверь обернулись все присутствующие без исключения, с любопытством осматривая нового члена этого маленького сообщества товарищей по ненастью – тот ввалился в трапезный зал в клубах пара, торопливо захлопнув за собою дверь, и, отступив от порога, обернулся назад, словно пытаясь увидеть что-то сквозь толстые доски.

– Слава тебе, Господи, – облегченно выдохнул явившийся, срывая с головы шапку, и поспешно распахнул облепленную снегом тяжелую шубу, как две капли воды схожую с той, что согревала хозяйского сына. – Уж думал, там и лягу... Прости, Альфред, я тут у тебя снегу натряс.

– Ничего, – благодушно улыбнулся трактирщик, выходя гостю навстречу. – Трупом на пороге не упал – и ладно. Куда это тебя в этакую непогоду понесло?

– Когда вчера выезжал – лишь поземка мела, – возразил посетитель, тяжело падая за стол, и, пыхтя, неловко выбрался из рукавов. – А сегодня, смотри-ка, и дороги не видать. Не знал бы, куда ехать, и мимо б прошел – не заметил бы; веришь, Альфред – огней в твоих окнах не разглядишь в десяти шагах.

– Верю, – кивнул тот, глядя на, судя по всему, давнего знакомого с состраданием. – Как я понимаю, Феликс, ты б не отказался...

– Неси, – отмахнулся новоприбывший, не дослушав. – И согреться неси, и поешь. По такому морозу в пути-то толком не перекусишь. Помираю с голоду... Слышь, Альфред! – не стесняясь наличием прочих постояльцев, вслед уходящему крикнул он. – И волки! Волки бродят!

– Волки? – тихо проронила женщина с мальчишкой, и Феликс кивнул:

– Они самые. Видеть не видел, но слышал – и близко, у меня кони чуть умом не тронулись; я и сам уж всем святым перемолился, кого только вспомнил... Вольф! – обрадованно воскликнул он, завидя хозяйского сына. – Мальчик мой, будь так уважителен к старику: там повозка моя стоит и коней двое; пока я тут отогреваюсь, их, небось, уж по самые холки завалило.

– Повозка – пустая или как? – уточнил Вольф, и гость отмахнулся:

– С товаром, но товар не портящийся, так что ее куда-нибудь в сарайчик, и ладно. Коней главное, их пристрой. Накормишь, а? и чтоб им там хорошо было, а?

– Обижаете, Феликс, – повел плечами тот.

– Волки, – повторил Бруно, задумчиво передвигая короля подальше от наступающей зондергруппы Курта. – Они в такую погоду злые.

– Голодные, – откликнулся Феликс. – Вот и злые. Вы б, думаю, тоже были и на всех кидались, если б по снегу босиком, и ребра к спине прилипли... Слава Богу, что Велле свой трактирчик тут держит. Вот не было б его – и что? Пришлось бы ночь проводить вон там вот, в пургу и мороз, и там-то б они меня и прихватили. Как подумаю – жутко делается.

– А я слышал, – нерешительно вклинулся парнишка, – что зимой они не так опасны, как говорят. Что, напротив, травоядное зверье умирает от голода, и у волков, выходит, еды в достатке.

– Городские, – пренебрежительно усмехнулся лысый бочонок, и Курт мысленно склонился сам перед собою за верно сделанный вывод. – Умные все стали, а простых вещей не соображают... Зверье травоядущеедохнет от голода. Чего это значит? Это значит, что оно тощее, кожа и кости, а много ты напитаешься такой снедью? А его ж еще надо сыскать, по снегам побегать, да и не так уж оно частодохнет, парень. Чаше слабнет просто. И

их еще догнать надо. Вот и думай.

– Так оно и бегать должно не так прытко, – возразил обладатель телеги с товаром. – И сил надо меньше, чтоб догнать; вот и ловили б их, ослабших. А они, гады, к людскому жилью лезут – вот скажи, чего ради?

– К жилью не они лезут, – возразил крестьянин, наслаждаясь всеобщим интересом к его познаниям. – Когда вот такие зимы, холодные и снежные, старые волки, бывает, молодняк из стаи гонят прочь, чтоб не объедали старших. А те, понятно, в охоте не слишком-то наторели, вот они к людям и жмутся: скотина домашняя – она и откормленная, и, ежели повезет до нее добраться, безропотная. И человека жрут – потому же. Вон такие господа, – почтительно кивнув в сторону Курта и Бруно, отметил крестьянин, – может статься, добыча и нелегкая, а мы с вами – отбиться сможем ли?

– Дьявольские отродья, – махнул рукой торговец. – Господь человека над всеми тварями поставил, а они все желают переменить Господень порядок. Надо, как у нас годов тому десять назад было: объявить охоту на этих тварей и за каждую шкуру платить – после того их года два не слышно было и не видно, и люди ходили спокойно.

– Мат, – вполголоса констатировал Курт, и помощник вяло отмахнулся, завалив своего короля набок.

* * *

Утро постучалось в окно, забранное дешевым кусочным стеклом, пробудив ото сна; мелкая белая дробь колотила в зеленые мутные стеклышки назойливо и упрямо, стук казался раздражающе громким в тишине трактирной комнаты. Глаза Курт разлепил с неохотой, ощущая щеками, что нагретый с вечера воздух за ночь выветрился и остыл.

Комната, выделенная им владельцем, отличалась от прочих сравнительной благоустроенностью, ибо, кроме полагающихся удобств вроде квадратного низкого стола с парой табуретов и двух деревянных кроватей, имелась в ней еще и печь. Собственно, это не являлось полноценной печью – просто четырехногая жаровня, укрытая колпаком и топящаяся исключительно недымным, тлеющим углем; колпак давал бульшую прогревающую поверхность, а уголь дольше держал жар и не требовал отдушины. Судя по тому, что под толстыми чугунными ножками доски пола не протерлись, а на стене за печью не образовалось темного пятна, сия constructio не находилась здесь неизменно, а перемещалась из

одной комнаты в другую в зависимости от случая. Случаем, как несложно было догадаться, являлся постоялец, готовый раскошиться на подобное дополнительное благоустройство своего бытия. О том, готовы ли к подобному повороту дела господ, Велле не осведомился, однако совершенно явно не сомневался в том, что бунтовать по предъявлении счета оные господа не станут.

С вечера Вольф Велле жахнул на жаровню добрую порцию угля, отчего первый час было не вздохнуть; пробыв в комнате неполных пять минут, Курт спустился снова в обеденную залу, где и провел следующие два часа за шахматами, медленно потягивая легкое пиво и пытаясь выиграть у самого себя. Когда жар несколько разошелся, а угольный треск стал потише, он, наконец, смог заставить себя войти в комнату снова и, повалившись на кровать, уснуть, предусмотрительно почти не раздеваясь, благодаря чему вылезать из-под одеяла утром оказалось не так противно. Однако же для совершения необходимых утренних забот так или иначе пришлось выставить себя на мороз, и по возвращении в трактир его хватило даже на то, чтобы вытянуть к очагу в зале окоченевшие руки.

Пока еще тихая трапезная комната мало-помалу заполнялась людьми и голосами, владелец принимал и выставлял заказанное, и вид при том Альфред Велле имел наидовольнейший. Удовлетворенность его, равно как и недовольство многих постояльцев, были вполне понятны: выйдя этим утром за пределы стен, явственно можно было понять, что о продолжении пути не может быть и речи, сколь бы ни была важна цель. Метель не ослабла, а даже и усилилась, ветер царапал лицо и слепил, снег стал чаще и жестче, и дорога, проходящая в десяти шагах от двери, исчезла из глаз вовсе. Владельцу сей малоотрадный факт сулил немалую прибыль от застрявших здесь постояльцев, постояльцам же – нарушение планов и лишние расходы, отчего увидеть хотя бы равнодушие на лице кого-то из них было сложно. Лица хмурились, брови недовольно сдвигались, и то и дело раздавался чей-то тяжелый вздох.

– Я вижу, только нам и все равно, – тихо заметил Курт, когда крестьянин, бросив уже далеко не первый тоскливый взгляд в окно, отвернулся, обреченно подперев голову кулаком.

– Тебе все равно, – поправил Бруно; он отмахнулся:

– *Abi sis.*^[9] Куда нам спешить? Наслаждайся бездельем; хороший повод.

О том, что на установленном месте службы надлежит появляться вовремя, помощник напоминать не стал, обратившись снова к столу, и Курт продолжил разглядывание окружающего общества, сегодня дополненного

еще тремя постояльцами.

Неподалеку от них, заняв тот самый ближний к очагу стол, где они отогревались вчера, обосновался статный поджарый человек с надменным, сухим, как корка, лицом. С этим все ясно. Меч с гербом не оставил в комнате, держит при себе, рыцарская цепь на шее выставлена подчеркнуто напоказ, однако кольчуга недорогая, простая, одеяние без причуд, да и с явно заметными следами чинки. Собрат по сословию – бывший все равно-кто, ныне «господин рыцарь», за какие-то заслуги возведенный в звание или же принявший сие звание в порядке наследственной традиции, когда, кроме этой самой традиции, наследовать уже нечего. Можно смело спорить на что угодно: денег у славного воина куда меньше, чем спеси и гордости, и эта цепь – самое дорогостоящее, что наличествует в его имуществе, после меча. Или наоборот. Судя по какому-то прибитому виду, за этим столом отогревается у очага после ночи, проведенной в комнате, которую снабдить печью у него не достало средств. Вряд ли даже он к своим явным сорока с хвостиком стяжал хоть какую-то землю, и на вопрос о том, куда держит путь этот человек, наверное, не ответил бы и он сам. Такие могут за всю свою жизнь не увидеть никакого иного жилища, кроме трактирных комнат да, разве, сокрытых во тьме опочивален наиболее благосклонных к странствующим рыцарям воздыхательниц. От встреч с которыми, кстати заметить, временами может перепасть и нечто более материальное и полезное, нежели безусловно приятные дары их благосклонности...

У стены, через стол от дамочки с мальчишкой, тихо переговариваются парень и девица примерно одних лет, и лет немногих. Быть может, двадцати или около того. Сидят не врозь, но и не обжимаются. Друг на друга поглядывают, словно два ребенка, тайком от родителей забравшихся в кладовку и уничтоживших все найденные сладости, попавшиеся на глаза. Вот кому этой ночью наверняка было тепло безо всяких печей... Не новобрачные. Это уж точно. Куда бы могли направляться эти? Быть может, и никуда. Быть может, этот трактир и есть цель их путешествия – попросту провести несколько дней там, где никто не увидит и куда не вломится внезапно родня со скорбными воплями... Хотя – не похоже. Лица ублагодворенные, но недовольные, и все те же нетерпеливые взгляды в окно. Тоже торопятся уехать, как все. Или, возможно, просто подходят к концу средства, скопленные ради этого маленького любовного странствия, и теперь впереди маячит выбор между влезанием в долги и скандалом с владельцем – и риском потеряться в снегах и замерзнуть насмерть...

Когда рывком распахнулась дверь, на нее снова обернулись все присутствующие, и на миг стихли и без того вялые и негромкие разговоры.

– Гляди-ка, кто-то все же прошел и не заблудился, – отметил Бруно; Курт пожал плечами:

– Счастливчик.

На особенно счастливого, однако, вошедший похож не был – путник напоминал весьма удрученный сугроб; дорожный плащ топорщился оледенелым колоколом, высокие сапоги обросли снежными колодками едва не доверху, и когда пришелец сбросил на плечи капюшон, на пол хлопнулся большой снежный ком. Под капюшоном обнаружилось молодое лицо, задубевшее от ветра и мокрое от растаявших снежинок, с белыми от мороза щеками. Примолкшее собрание он окинул быстрым взглядом, на миг задержав его на Курте с Бруно, на полмгновения дольше – на девице подле парня и, наконец, остановил на поспешно вышедшем навстречу владельце.

– Господи Иисусе, – сострадающе проговорил Велле. – Да вы на ногах едва стоите... Идите скорей к огню.

– Успеется, – возразил гость, прокашлялся, изгоняя хрипоту из промерзшего голоса, и кивнул на дверь: – Конюшня у тебя имеется, любезнейший?

– Ну, само собою! Мой сын займется вашим конем, а вы...

– Лошадью, – поправил тот. – А я – пойду с ним.

– Хотите проследить за моей работой? – чуть оскорбленно вклинился Вольф, влезая в свою шубу. – Напрасно будете морозиться. Я здесь занимаюсь лошадьми с малых лет. Поверьте, все будет, как надо.

– Хочу видеть, что у вас за конюшня, – твердо возразил пришелец, и Велле лишь пожал плечами:

– Ваша воля.

– Учти – какой-нибудь хлев моей малютке не сгодится, – пояснил тот, и дверь захлопнулась за его спиной снова, утаив от присутствующих продолжение лекции о правильном содержании лошадей.

Еще одна интересная личность. Уже столь неотступная забота о средстве перемещения кое о чем говорит, а вкупе с виднеющимися над горловиной плаща рукоятями двух мечей, закрепленных за спиною, и ручным арбалетом, до этой минуты наверняка покоящимся в чехле у седла, говорит о многом. Профессиональный вояка. Пока еще, судя по взгляду и непринужденным движениям, удовлетворенный жизнью; тут сказывается возраст. Если убрать из внимания многодневную небритость и обветрившееся на этой метели лицо – парень ровесник мастера инквизитора с помощником, а то и чуть младше. Не оставит своего занятия в ближайшие лет десять – и все переменится...

– Ведь едут же люди, – тихо заметила женщина. – Ведь проехал же он

сюда, значит, можно...

– Прорвемся, мам, – успокаивающе кивнул мальчишка. – Ничего.

Итак, «мам». Все-таки ошибся. Редкий случай полнейшего взаимопонимания меж матерью и сыном. В таком случае, вдова или и вовсе одинокая; словом, за всю жизнь никого ближе матери у парня не было, тут уж без ошибок...

– Куда тебе спешить, – укоряюще возразил владелец, кивнув в сторону окна, где за стеклом завивались непроглядные белые тучи. – Себя не бережешь – ребенка пожалей.

– Я не ребенок, – вполне ожидаемо воспротивился мальчишка. – И торчать тут дальше мы просто не можем.

– Максимилиан, – одернула женщина, и парнишка насупился, умолкнув.

Мужчина в семье, мысленно усмехнулся Курт. Принимает решения, высказывает мнение, на мать не оглядывается... Стало быть, сейчас вывод был сделан верный – без отца он если и не всю свою жизнь, то, по меньшей мере, всю сознательную.

– Если речь о деньгах, – кивнул Велле, – то мы, думаю, как-нибудь столкнемся. Помогите Берте на кухне – и за стол можете не платить; изысков не обещаю, но с голодухи не опухнете. А комната у вас и без того недорогая. Поможете в хозяйстве, пока вся эта канитель – и за нее можете не уплачивать, все равно она пустая будет стоять, напыла, как я мыслю, не предвидится... Словом, не выгоню. Что ж я, зверь?

– Мы подумаем, спасибо, – не дав высказаться сыну, отозвалась женщина, и владелец, удовлетворенно кивнув, с ободрением ей улыбнулся.

– Ты прав, – усмехнулся Курт чуть слышно. – Занятный чудак.

– Сдается мне, – возразил помощник, насупившись, – что ничего чудного в его поведении не имеется. Или, по-твоему, нормальный человек должен был распахнуть дверь и на пинках их отсюда выставить?

– По-моему – да. Разве что, он на нее просто глаз положил; тогда столь человеколюбивые устремления вполне понятны. Видел его Берту? Красавица. Аж в дрожь кидает.

– Ты невыносим, – отмахнулся Бруно. – Признать в человеке что-то хорошее ты не способен принципиально?

– А ты способен увидеть пару конопляных зернышек в куче песка?.. Человек – это злобная, завистливая, трусливая и корыстная тварь.

– А исключения?

– Исключения есть, – кивнул Курт. – Есть достойные люди, небольшая горстка, и весь цивилизованный мир их знает поименно.

– Да, в самом деле?

– Загляни в святцы. Они все там. Хотя, – сам себе возразил Курт, – и с ними не все гладко. Немалая их доля всю свою жизнь была такими же злобными и корыстными тварями, как и весь род людской, и лишь перед смертью они сотворили что-то, отчего удостоились попасть в благочестный список. К примеру, тот евангельский разбойник. Все его заслуги состоят в том, что под конец своей многогрешной жизни он сказал соседу по кресту – «а знаешь, парень, в твоих словах что-то есть». И – оп! – он в Раю. Вообще говоря, нечто подобное я вычитывал в протоколах. Его действия сравнимы с деяниями тех, кто на пороге смерти заключает договор с первым подвернувшимся созданием, которое пообещает избавление если не от мучений, то от паршивого посмертия. Парень рискнул – и не прогадал.

– И сколько народу было затащено на костер за такие речи?

– Не знаю, – передернул плечами Курт, снова занявшись завтраком. – Не подсчитывал.

– ...частенько, – влетел вместе с возвратившимся Вольфом обрывок его речи. Новоприбывший кивал, слушая его с придирчивостью и на ходу дыша на руки. – Вообще, конюшня и без того теплая – на семи ж ветрах стоим, придорожное заведение; кто строил, не дурак был. Стены не свищут, камень изнутри выложен досками – ну, сами ж видели. Но все же печь растапливать туда прихожу – на ночь уж точно; ну, и днем, бывает.

– Я доплачу, – оговорился гость. – Топи и днем тоже, и чтоб не «бывает», а точно.

– Ну, по такой погоде я и днем туда заглядываю...

– Заглядывай чаще.

– Я не возражаю, – неуверенно отозвался Вольф, – только вот конюшня большая, прогревать по несколько раз в день – это дело накладное; я ж не могу ее натопить исключительно подле вашего коня...

– Лошади. Ничего. Только не вздумай после впарить мне счет за якобы сожженные дрова, а все, что впрямь было затрачено – оплачу. Этой лошади цена немалая, и не только в деньгах, я вторую такую просто больше не найду, ясно?

– Всё с вашей кобылой будет в порядке, – с расстановкой проговорил Вольф, и постоялец многозначительно нахмурился:

– Надеюсь... Ну, а теперь можно и о себе. Тут, я думаю, объяснять не надо – чего-нибудь такого и пожевать. Чего – все равно... Не возражаете, господин рыцарь?

Последние слова вояка произнес мимоходом, не особенно интересуясь реакцией обладателя цепи, и тот возмущенно шевельнул бровью, когда на

скамью против него шмякнулись тяжелый арбалет и плащ, а на пол – плотно упакованный дорожный мешок, глухо громыхнувший металлом внутри.

– Дыхание жизни, – блаженно протянул заботливый владелец уникальной кобылы, вставши к очагу вплотную и вытянув руки почти в самый огонь.

– Там... – нерешительно подал голос парень от дальнего стола; девица толкнула своего возлюбленного острым локотком в бок, и тот чуть повысил голос: – Там, снаружи... как?

– Холодно, – отозвался новоприбывший просто, и парень нервно дернул плечом:

– Я понимаю, но... Как вы сумели сюда добраться? Пройти можно? Дорогу видно?

– Здесь есть дорога? – с искренним удивлением переспросил вояка и равнодушно махнул рукой: – Забудь, парень, куда б ты ни спешил. Я таких метелей за всю свою жизнь не припомню; не снег – наждак. Отойдешь от этого не иначе самым Всевышним посланного заведения шагов на десять – и назад после можешь дороги не найти.

– Но ведь вы сюда прошли, – возразил Максимилиан, мельком переглянувшись с матерью. – Значит...

– Ничего это, парень, не значит. Трактир этот я нашел вообще случайно, я и понятия не имел, что тут может обнаружиться что-то подобное; я уж смирился с тем, что до самого города так и придется тащиться сквозь пургу. Если все вы это к тому, чтоб выйти – вперед, если, конечно, надоело жить, а рука на себя не поднимается. Самоубийство, – подвел итог он, поворотившись к очагу спиной, и с наслаждением потянулся, подставляя теплу поясницу. – В чистом виде.

Глава 2

День тянулся неторопливо – нестерпимо медленно тащился сквозь время. Постояльцы разбредались по комнатам, выбредали обратно в зал, заказывая снесь и выпивку различной крепости просто от скуки; Вольф Велле, исполняя указания, трижды за день выходил в метель, чтобы натопить быстро остывающую конюшню, а сам владелец не отходил от стойки, дабы не упустить момента, когда очередной постоялец, в очередной раз соскучившись, попросит очередное блюдо или очередную кружку.

Курт не покидал зала вовсе, намертво приклеив ворчащего помощника к доске. Снова единожды выиграв, Бруно загорелся было и с воодушевлением продержался еще три партии, однако к вечеру оживление несколько спало, и, выставляя вперед последнюю башню, помощник отмахнулся, потирая глаза:

– *Satis*.^[10] Это уже не забавно. Играю последнюю; я устал и начинаю туго соображать.

– Я тоже. Но как раз с этого и начинается все самое интересное. В усталых мозгах, знаешь ли, временами рождаются идеи самые внезапные, любопытные и удивительные. Или, быть может, разум здесь ни при чем? – сам себе возразил Курт, не отрывая от доски задумчивого взгляда. – И в такие мгновения просыпается интуиция. Ведь ходов можно сделать множество – из одной и той же позиции может быть *pro minimum* два выхода; и как ты выбираешь только один из них? Порою – просто не видя второго, порою взвешивая их и предпочитая более верный или более рискованный, в зависимости от собственного расположения духа. Вот это и впрямь забавно. А ведь это игра точная, выверенная, теоретически можно достичь высот, просчитывая заранее на три хода, на пять...

– И?

– И проиграть при том, – dokonчил Курт, переставив крестьянина вперед.

– Что, несомненно, и будет, – кисло согласился помощник. – Сдаюсь.

– Не попытавшись?

– Теперь у тебя две королевы. Смысл суетиться?

Два мгновения Курт сидел неподвижно, глядя на разложенную доску, и аккуратно, неспешно повернул ее, поменяв местами две неравные армии.

– Мой ход, – сообщил он, кивнув. – *Id est*^[11], твой.

– И к чему это? Хочешь доказать, что ты с такой расстановкой сумеешь

меня сделать? Не трудись. Верю. Сможешь.

– Почему?

– Ты лучше играешь, – пожал плечами Бруно, и он усмехнулся:

– Нет, это не ответ. И не объяснение.

– Ну, как угодно. Тогда так: ты увидишь ход, которого я не вижу. Так – сойдет?

– Возможно. Возможно, увижу, а возможно – нет; это ведь тоже зависит от моего расположения духа. Буду ли я внимателен, чтобы увидеть, буду ли отвлечен иными мыслями – и не увижу... В этой точной игре, выстроенной на закономерностях, немало неточных и подчиненных случайностям поворотов.

– Мозг она тебе уж точно повернула, в этом – без сомнений... Все, – повторил Бруно решительно. – Больше я не в силах. Я не внимателен, ничего не вижу и нахожусь в совершенно кошмарном расположении духа.

– Окончи хотя бы партию.

– Не хочу, в конце концов. Имею я право на собственные желания, или вся моя жизнь – потакание твоим прихотям?

– Слабак, – констатировал Курт; помощник усмехнулся:

– Нет, это со мной не пройдет. Не зацепишь.

– *Hasenfuß*^[12], — добавил он настойчиво, и Бруно показательно вздохнул:

– Со всем смирением, возложенным на меня моим чином, прощаю тебе обидные речи, но играть все равно не буду.

– Нечасто доведется такое увидеть.

Курт вопросительно обернулся на владельца редкой кобылицы за соседним столом, и тот, кивнув на доску, пояснил:

– Обыкновенно трактирные забавы – это кости, но вот такое, признаюсь, вижу впервые. Еще я вижу, твой противник выдохся... Не возражаешь?

– Он не возражает, – согласился Бруно, поднимаясь. – Вот тебе новая жертва, причем добровольная. Теперь я, наконец, свободен и могу пойти прилечь.

– Твой приятель, кажется, не слишком-то жалуется эту забаву, – заметил вояка, пересаживаясь к Курту. – А ты, сдается мне, увлечен всерьез.

Сходу на «ты», запросто в разговор... Стало быть, общаться с незнакомцами приходится частенько, и дело это привычное. И далеко не первый уже трактир на пути. Оба меча не оставил в комнате, носит при себе, однако не ради того, чтобы покрасоваться или утвердить свой status, как этот молчаливый неимуций рыцарь, а явно по заведенному

обыкновению, как, собственно, и сам Курт, привыкнув к тому, что оружие может понадобиться в любой момент жизни. Не заговорил больше ни с кем в этом зале, ни к кому не напросился в компанию, кроме него... Либо счел соседа по столу родственной душой, либо это неспроста, как уже не раз бывало.

– Ян, – представился вояка, когда Курт не ответил. – Ван Ален. Играю я скверно, должен предупредить, так что на напряженную схватку не рассчитывай.

– Курт, – отозвался он, расставляя фигуры. – Фон Вайденхорст. Играю неплохо. Напряженных схваток и без того в жизни довольно, посему пусть лучше она будет интересной.

– Этого не обещаю тоже, – вздохнул Ван Ален. – Не самая моя сильная сторона такие игрища. Отец научил когда-то... но как-то жизнь складывается таким образом, что уделить внимание такому навыку не удастся. Или по нехватке времени, или возможностей... ну, и партнера, само собою. Мои приятели развлекаются все больше традиционно – кости, пиво и девки.

– Не самый плохой способ убить скуку, – заметил Курт, и вояка ухмыльнулся:

– Спорить не буду. Но бывает, что охота и пошевелить мозгом; при моем ремесле развлечение нечастое.

– Наемник? – уточнил Курт благожелательно; Ван Ален поморщился.

– Звучит пакостно. Но близко к сути. Скажем так; если поедешь далеко и в одиночестве – могу составить компанию за вполне приемлемую цену. Ну, или если еще какие неприятности подобного толка... За деньги не убиваю, если ты об этом. Людей, по крайней мере.

– Интересный оборот, – заметил он, кивнув на доску: – Право первого хода новичку... Людей, – повторил Курт вдумчиво. – А кого убиваешь?

– Господи... – раздалось из-за дальнего стола, и Ван Ален мельком обернулся через плечо к окну, когда из сгустившихся сумерек донесся далекий, однако отчетливо слышимый даже за воем ветра волчий вой.

– Ну, – пояснил наемник, кивнув в сторону окна, и тронул узкую меховую оторочку на вороте куртки, – вот, к примеру. Если в твою деревню повадится пара волков...

– Еще и охотник.

– А я вообще парень талантливый, – широко улыбнулся Ван Ален и, не задумываясь, двинул крестьянина вперед. – Выжимаю все, что можно, из того, что под рукой. Так как-то жить интересней. Оружие и голова на плечах в наше время способны сильно разнообразить существование.

– И лошадь, – напомнил Курт с усмешкой. – Особенно уникальная.

– Да, – покривился наемник. – Знаю. «На кобылах ездят девки и дети». Только вот при моей жизни главное, чтобы меня не скинули наземь при звуке взрыва, чтобы конь подо мной не шарахался от огня, клинка, все того же волка, медведя – да хоть от вашего брата рыцаря в полном боевом. Тут, знаешь, не на яйца смотришь, а на суть. По сути же Импала – боевая лошадь. Выносливая, быстрая и не робкого десятка. Помесь арабки и испанца.

– Гремучая смесь. Девку с такой родословной я б в жены не взял.

– Да, – почти с нежностью улыбнулся Ван Ален, – характер у малышки не мед. Но – не сказал бы, что это некстати; а сам я с ней общий язык нашел. С такой лошадью главное не собственный норов показывать, не наседать на нее, не ломать – ей понравиться надо. Это или сразу случится, или никогда.

– Наверняка стоило такое сокровище немало.

– Повезло, – сообщил наемник доверительно. – Импалу выставили на торг вместе с прочим имуществом какого-то рыцаря за долги. Говорили, он привез ее прямиком из Испании; вот ему, если не враки – да, это влетело в денежку.

– И куда же ты потащил это сокровище в такую пору?

– Еду навестить брата, – не сразу ответил Ван Ален, опустив взгляд в доску. – Пока заняться нечем, не та пора; решил повидаться.

И наверняка примириться, мысленно dokonчил Курт, уловив мимолетную тень в глазах собеседника. Паршивая овца в стаде? Отец обучил шахматам – скорей всего, славный бургер; куда ехать к брату – известно, стало быть, тот живет жизнью вполне обычной, без ночевки под открытым небом, перемещений на уникальных кобылах и взрывов над ухом. И, быть может, пеняет братцу за то, какая им избрана для пропитания professio...

– Ну, а сам ты? – неопределенно повел рукой Ван Ален. – Чем занят по жизни? «Фон Вайденхорст»... Не похоже, что сидишь у себя в имении и стяжаешь капиталы. Или ты, как вон тот надутый гусь, бродячий?

– А с чего ты вывел, что он из таких? – удивленно поднял брови Курт, и наемник снисходительно отмахнулся:

– Брось ты, это ж за милую различить. Кольчужка – дрянь, меч дешевка, пусть и рыцарский, герб потерялся, свитер зашит коряво, куртка старая... Либо блаженный, либо бездомный. Не удивлюсь, если еще и пеший. А вот по тебе видно – дела в полном порядке, что сейчас, уж простите, господин рыцарь, для вашего брата редкость. Либо ты хорошо пристроился, либо

богатый наследник, либо просто умеешь найти, где пожить.

– За деньги не убиваю, если ты об этом, – повторил за ним Курт. – Я не «барон-разбойник».

– Однако в потасовку ввязаться дело нередкое, тут я не ошибусь.

– На свете слишком много людей, которые тоже полагают, что у меня в полном порядке дела. А также конь, одежда и кошелек. Как правило, подобные личности попадают на пустынных дорогах; отчего-то им кажется, что именно в таких местах путники могут проникнуться состраданием к их горькой доле и поделиться своим добром. Я же человек жадный и не сердобольный, делиться не люблю.

– Господи, – снова пробормотал кто-то из женщин, когда из темноты за окном вновь донесся тягучий, как смола, вой, еще более явственный и недалекий. – И впрямь волки; да близко как...

– Что они тебе сделают, за стенами-то? – возразил трактирщик, снисходительно отмахнувшись, и, повстречавшись взглядом с Ван Аленом, добавил: – А конюшни на запоре. Опасаться нечего.

– Если с ней что-нибудь случится, – тихо пробормотал наемник, все так же, почти не глядя и не задумываясь, переставляя коня, – я с него самого шкуру спущу... Ну а что же твой приятель? Мне почудилось, или он на тебя в обиде?

– Если ты имеешь в виду его недовольную физиономию – это для Бруно обычное состояние, – возразил Курт с усмешкой и, посерьезнев, пояснил: – Он человек ответственный. Даже слишком. В городе нас ждут, а мы вынуждены задержаться здесь; его раздражает, что я не рву на себе волосы по этому поводу. Я предпочитаю принцип «*feras, non culpes, quod mutary non potest*».

– «Сноси, не жалуясь, что изменить не можешь»...

– Неплохо. Познания в латыни в обиходе наемника?

– Чем только не приходится орудовать. Кроме того, девицы клуют на любую тарабарщину, если она красиво звучит... Я так погляжу, все здесь торопятся, – заметил Ван Ален, кивнув на зал, где снова собрался весь комплект постояльцев, и обернулся к окну, бросив недовольный взгляд в затянутое белой пеленой небо. – И всем эта метель некстати... Что-то в последние годы зима вконец обнаглела; не припомню, чтоб в детстве или в юности мне приходилось видеть такое.

– *Omnia vertuntur*.^[13]

– Я слышал, инквизиторы винят в этом малефиков.

– Неужто, – отозвался Курт, снимая его коня с доски. – Ну, ничего нового. Обвинения в порче погоды существовали всегда – с тех пор,

кажется, когда и Инквизиции еще не было на свете. Да и Христа тоже.

– Нет, друг, теперь все иначе, – убирая короля подальше, возразил Ван Ален. – Сейчас инквизиторы стали начитанные, ну, и теории пошли позаумнее. Мне доводилось слышать и такую, что, мол, земля не выдерживает нынешнего количества малефиков, и от этого происходят всевозможные возмущения... – он неопределенно повел рукой вокруг, изображая нечто большое и бесформенное, – где-то там.

– Любопытно, – кивнул Курт, и наемник, скосившись на его усмешку, пожал плечами:

– Ну, знаешь, теория не хуже прочих. Ты смотри: инквизиторы жгут народ пачками, и вряд ли каждого ни за что; так?

– Некоторые полагают, что не так.

– Быдло, – отмахнулся Ван Ален. – Любой, кто повидал что-то помимо собственной задрипанной деревни, знает, что – так. Но! А меньше-то этих гадов не становится. Даже кажется, что больше и больше с каждым годом.

– Проверено на практике?

– С кем только не доводилось сталкиваться на такой работе, – согласился наемник со вздохом. – И все чаще доводится. То есть, выходит, что на каждого убитого приходится пяток живых и здоровых; и каждый что-то такое вытворяет с заведенным порядком вещей. Быть может, впрямь что-то в этой теории есть? Если в этом и *том* мире, как они, ковыряться до изнанки, до потрохов – сколько это может сходить без последствий? Скажется когда-нибудь. Может, вот оно? Сказывается? Зимы стали вон какие, весна приходит поздно, лето похолодало...

– Глад, мор, – продолжил Курт, – а там и Апокалипсис не за горами.

– А черт его знает. Мор был, неурожай и голод мы тоже проходили... Если всевозможную колдовскую шушеру счесть за знамения – может, и не за горами. Может, в данный момент Антихристов предтеча уже в каком-нибудь тайном логове варит какое-нибудь колдовское зелье.

– Может, – согласился Курт, окружая бронзоголового короля маленьким отрядом. – Только вот теория эта навряд ли инквизиторская. Эти ребята пересудов о близком Конце Света не любят.

– Уповают на заступничество праведников или просто не желают разводить панику?

– Или не желают разводить панику среди праведников, – пожал плечами он. – Этим лишь дай повод... Шах. Я в близящийся Апокалипсис поверю, когда увижу кровавые реки, в Антихриста – когда... Тут не знаю. Кандидатов в Антихристы за последние почти четырнадцать веков было уже множество.

– Почти четырнадцать веков, – повторил Ван Ален задумчиво. – Через шесть лет – новое столетие. Еще через сто – середина тысячелетия. Полторы тысячи лет; не столько ли и было отпущено человечеству?

– Отпущено – на что?

– На то, чтобы доказать, что оно может жить в этом доме, – пояснил наемник, поведя рукой вокруг. – Что может уследить за своим жилищем, не развалить его, не допустить, чтобы плодились тараканы и крысы, которые растаскивают это жилище на части. Тысяча лет и еще пятьсот – не довольно ли?

– Полагаешь, Свое тысяча пятисотое Рождество Иисус отметит большим бумом? Знатный рождественский подарок – стереть человечество с лица земли... Говоря откровенно, я слабо представляю этого славного парня уничтожающим всю землю вкупе с младенцами и праведниками за пару крыс в подвале или обосновавшегося в кухне таракана. Но у нас в любом случае в запасе еще столетие с маленьким хвостиком. Ну как передумает.

– Ты еретик?

– И многие отвечали на этот вопрос прямо? – улыбнулся Курт; наемник молча усмехнулся в ответ. – А ты – из тех проповедников?

– Вопящих пророчества, с цепями на шее и непотребно истрепанным Писанием?.. Господь с тобой. Я – из тех, кто считает, что собственный дом надо чистить от тараканов, клоповный матрас – сжигать, крыс – травить, и тогда дом может простоять долго. И, знаешь, лично мне для этого не обязательно надо иметь стимул типа близящегося Конца Света. О полутора тысячах – это я так, к слову. Занятная идея, вот и все.

– Каких только идей не наслушаешься за свою жизнь, – вздохнул Курт, подвинув вперед скорохода. – Шах.

– А ты скептик.

– Мне по душе Фома. Вложить персты...

– На твоём гербе крест, – заметил Ван Ален, заграждая короля. – Я решил...

– Моя семья – люди набожные. А вот у меня с этим проблемы.

– А это? – усомнился наемник, кивнув на четки, висящие на его запястье; Курт пожал плечами:

– Подарок одного священника. Вручил их мне с упреком в том, что молюсь недостаточно часто и вдохновенно.

– Вы с приятелем – как два сапога из одной пары; я был уверен, что вы члены какого-нибудь ордена или общества...

– Общества^[14], – согласился Курт.

– Не хочешь отвечать, – констатировал Ван Ален, выждав два мгновения тишины. – Ну, не стану давить... Шах.

– Однако, – одобрил Курт, пристально оглядев доску. – Парень с сюрпризом...

– Не ожидал от наемника?

– Признаю, не ожидал... Мат.

Ван Ален поджал губы, оглядев доску с некоторой растерянностью, и, вздохнув, уронил набок короля.

Наемник сдал еще не одну партию, однако особенной досады по этому поводу ни в словах, ни в голосе его Курт не отметил, не уловив и тени азарта; казалось, метель, колотящая в стекло, занимала мысли противника куда больше, как, собственно, и всякого в этом зале. Вдоволь навздыхавшись и нажаловавшись друг другу многословно или вскользь на сорванные планы, постояльцы понемногу рассосались по комнатам, и лишь когда никого, кроме зевающего трактирщика, не осталось, Ван Ален, показно вскинув руки, объявил о полной капитуляции.

В комнате, снова натопленной и оттого, невзирая на крайнюю скудость обстановки, уютной, вздымающаяся за окном вьюга казалась чем-то малозначащим и отвлеченным, а мерное подвывание ветра и мелкий перестук снежинок скорее убаюкивал, чем раздражал. В сон Курт погрузился мягко и крепко, без видений, перестав слышать ветер, и когда глаза вдруг сами собою открылись, он не сразу сумел осознать, почему мозг упрямо и назойливо требует от тела проснуться и подняться с постели. Бруно на соседней лежанке так же сонно и мутно хлопал глазами, приподнявшись на локте и озираясь, слушая, как и он, какие-то невнятные, словно размазанные звуки, долетающие с трактирного двора.

– Что за... – начал помощник растерянно, но тут ветер на секунду стих, дабы перевести дыхание и взвыть с новой силой, и в этот короткий миг явственно и четко донесся захлебывающийся, панический животный визг.

– Кони! – проронил Курт, разом проснувшись, и сорвался с постели, различая теперь, как гремят в конюшне копыта и грохочут доски загона.

В сапоги он влез вслепую, бросился к двери, на ходу сдернув висящий на изголовье арбалет, и вылетел в коридор, слыша топот Бруно за спиной. У самой лестницы рывком распахнувшаяся дверь едва не сбила с ног, и Ван Ален, встрепанный и полураздетый, но с уже обнаженным мечом, на долю мгновения приостановился, бросив в их сторону короткий хмурый взгляд.

– Что происходит? – донесся уже в спину голос трактирщика Велле, однако к нему никто не обернулся, пытаясь сбежать по узкой лестнице, не

сбив при этом друг друга с ног.

За дверь Ван Ален вымахнул первым и, не задерживаясь, бросился к конюшне, утопая по колено в сугробах. Курт, щурясь от бьющего в глаза снега, устремился следом, плохо видя за мутной пеленой темнеющий впереди силуэт каменного строения; на три мгновения приостановившись, чтобы разложить и зарядить арбалет, он тут же потерял наемника из виду, лишь по еще более темному провалу в темной стене поняв, куда следует бежать.

Ван Ален, когда он ступил внутрь, обнаружился посреди конюшни; под низкими сводами было темно, и впрямь протопленный воздух проворно убегал прочь через настежь растворенные воротца, а его место заполнялось холодом и снежными мухами. Мухи садились на пол и гибли там, исчезая в черных, пбрящих на морозе лужах подле растерзанных лошадиных тел.

– Твою-то мать... – пробормотал Бруно растерянным шепотом, и Ван Ален вскинул руку, призывая к тишине.

Тишина, однако, и без людских голосов рушилась на куски: в самом дальнем загоне, во мраке, нервно фыркая и посверкивая глазами, топтался, грохоча копытами по камню, сгусток темноты – черная, как адская ночь, кобылица. Согревающая конюшню печь отстояла от нее лишь на несколько шагов, и не погасшие еще угли бросали рдяное пятно света на ее тяжело раздувающиеся ноздри...

Снег позади хрустнул, и все трое обернулись одновременно, вскинув оружие; едва не сжав на спуске палец, Курт зло ругнулся и отвел арбалет от застывшего на пороге хозяйского сына. Лицо парня было ошалелым и испуганным, и на лошадиные тела он смотрел с ужасом, не сразу сумев выдать:

– Что здесь случилось, Господи?..

– Тихо, – осадил его Ван Ален, нерешительно ступив вперед и косясь в темные углы конюшни. Перехватив рукоять меча поудобнее, он опасливо прошел дальше, оглядываясь, вслушиваясь и, кажется, даже приносясь.

Курт двинулся следом, мельком переглянувшись с помощником, изобразившим на лице молчаливое недоумение – к своей вороной наемник не сделал ни шагу, дабы убедиться в том, что его бесценная Импала цела и невредима, лишь удостоил ее одного мимолетного взгляда. Вольф Велле застыл на пороге, запахивая на груди короткую стеганку и зябко втягивая голову в плечи. Не решаясь ни уйти, ни войти внутрь, он молча и напряженно следил за происходящим. Вороная в своем загоне уже не топталась – била копытами возмущенно и зло, не пытаясь, однако,

сорваться вскачь или подойти к хозяину; Ван Ален, мельком обернувшись, приостановился, все так же безмолвно оглядев ее, останки на полу, балки под потолком, распахнутые ворота конюшни, и шагнул дальше во мрак.

– Что он делает? – одними губами проговорил Бруно, нахмурившись; Курт пожал плечами.

Наемник явно был убежден в том, что убивший коней еще здесь, однако что утвердило его в этой мысли, было неясно – никаких следов майстер инквизитор различить не мог, не слышно было ни звука; разве что столь беспокойное поведение вороной могло навести на подобные подозрения, однако поведение это вполне естественно для испуганной лошади. Вот только испуганной – чем или кем?.. Никого вокруг. Никого и – ничего. Грохот копыт, свист ветра и – темнота...

Когда темнота вдруг прыгнула навстречу, лишь в последний миг различились два желтых огонька, и рука с арбалетом вскинулась сама по себе, не дожидаясь, пока мозг осмыслит увиденное и примет нужное решение. Сам сжался палец, спуская струну, и лишь когда стальная стрелка ударила в эту тьму, отбросив ее назад, до сознания, наконец, дошло: волк.

– Вот ты где, тварь... – прошипел Ван Ален почти с облегчением и метнулся вперед, к копошащейся на каменном полу туше.

– Убит? – уточнил помощник неуверенно; Курт передернул плечами:

– Стрелял в сердце.

Зверь приподнялся, встряхнув головой, точно промокший под дождем пес – невероятно крупный, исполинский, невиданного облика, с неправдоподобными, сказочно огромными клыками и широкой, словно у быка, грудной клеткой; умирающий волк тяжело шагнул в сторону и вдруг рванул прочь, замешкавшись лишь на пороге, где, словно окаменев, замер Вольф Велле. Ван Ален бросился следом, ударив вдогонку; меч рассек жесткую шкуру на плече, и зверь рыкнул, кувыркнувшись через голову и сбив хозяйского сына с ног. Поднявшись снова, волк припал на задние лапы и широко, как-то по-кошачьи, прыгнул в ночь, увернувшись от второго удара, и исчез в метели.

Едва не споткнувшись о Вольфа, наемник выбежал из конюшни, остановился у порога, прикрывая глаза от снега ладонью, и несколько секунд стоял неподвижно, держа наизготовку меч и озираясь во вьюжной мгле.

– Дерьмо... – выговорил он, с бессильным злобным ожесточением пнув сугроб. – Дерьмо! – рявкнул Ван Ален уже в полный голос. – Трусливый кобель! Блохастая тварь!

– Господи, что это было...

На сорванный голос Вольфа наемник обернулся рывком, глядя на парня раздраженно и почти свирепо, и медленно провел ладонью по мокрому от снега лицу, прикрыв на миг глаза и глубоко переведя дыхание.

– Волк, – коротко отозвался он, наконец, прошагал к загону, где лишь теперь чуть утихла вороная кобылица, и остановился рядом, осматривая ее со всех сторон. – Идемте-ка отсюда, – приказал наемник непререкаемо. – Возможно, он был не один.

Когда бесценную представительницу породы боевых лошадей, бережно придерживая ладонью за холку, наемник ввел в низкую трактирную дверь, Альфред Велле остолбенел на миг, замерев посреди трапезного зала с приоткрытым ртом и лишь спустя полминуты сумев выговорить:

– Вы что творите?..

– Спасая свое имущество, – отозвался Ван Ален сдержанно. – Найди какую-нибудь комнату на первом этаже, где можно будет ее устроить.

– Да вы с ума спятили, – пробормотал трактирщик оторопело. – Кобылу – в дом...

– Этой кобыле цена больше, чем тебе с твоей забегаловкой вместе! – оборвал наемник. – И если уж твоя конюшня не в силах сохранить ее в целости...

– Что значит «не в силах»? – переспросил торговец Феликс, такой же полуодетый и взъерошенный, как и все постояльцы, собравшиеся в зале. – Что там такое?

– Что происходит? – повторила за ним родительница самостоятельного Максимилиана. – Сына едва не разбудили; что за шум, что случилось?

– Вы с лошадьми? – уточнил Курт, и та замотала головой почти испуганно:

– Господь с вами, откуда такие деньги...

– Значит, у вас – ничего, – пожал плечами он. – Пусть ваш сын спит дальше.

– Волки, – пояснил Вольф Велле, дрожащими руками вдвигая засов, и попятился от двери, нервно озираясь на окна. – Лошадей – в клочья... Я его видел; Господи Иисусе, это адское исчадие...

– То есть как это «в клочья»? – задохнулся деревенский знаток волчьих обычаев. – То есть... Ты что ж это, юнец паршивый, конюшню не запер?!

– Я запираю...

– Врешь, зверье двери открывать не умеет! – сорвался на крик крестьянин. – Раз волчара вошел вовнутрь – стало быть, ты конюшню нараспашку оставил! Да ты знаешь ли, сколько работать надо, чтобы вот

такого коня купить, ты, сопляк безмозглый!..

– Я запираю! – крикнул парень в ответ. – Я за лошадьми хожу с малолетства, сколько помню себя! Да я всю жизнь тем и занимаюсь, что... Я запер дверь!

– Он запер, – подтвердил наемник тихо, поглаживая по шее свое вороное сокровище. – Волк вошел сам.

– Что?.. – в наступившей тишине проронил торговец, и Ван Ален кивнул владельцу:

– Найди для моей лошади, на худой конец, хотя бы какой-нибудь чулан, и тогда я все разъясню. После уж решим, как быть.

Глава 3

Размещение нежданной постоялицы отняло с четверть часа, и все время, пока притихший владелец с сыном сновали туда-сюда с какими-то мешочками и горшками, освобождая место, в трапезном зале царило напряженное затишье.

Курт сидел в углу, ни слова не говоря, отвалившись к стене и уложив на колени арбалет, и оглядывал растерянное собрание. Бруно косился на свое начальство, хмурясь и посматривая на наемника с подозрением, однако хранил благоразумное безмолвие. Торговец Феликс сидел недвижимо, нервно постукивая по полу носком башмака и оглядываясь на зеленое стекло окна, крестьянин продолжал неслышно бормотать ругательства, молодая мамаша смотрела вокруг с плохо скрытым страхом и растерянностью, а Берта Велле спряталась за стойкой, словно там ее не могли достать никакие напасти. Влюбленной парочки долго было не видно, однако вскоре осторожно, словно по тонкому льду, вниз сошел парень, не проснувшийся от шума во дворе, но услышавший ругань и крики, и теперь взирал на происходящее с непониманием. Последним явился странствующий рыцарь, сонный и озябший, и еще с минуту хранил надменное молчание, пока, наконец, любопытство не одержало верх и не вынудило его осведомиться, что же происходит.

– Волк? – переспросил он, нервно дрогнув губами, и, покосившись на невозмутимую вороную у стены, чуть свел брови, сдержав удивление. – Странно.

– Чего странного-то, – довольно неучтиво огрызнулся крестьянин. – Зашел и сожрал!

– Он их не тронул, – тихо возразил Вольф, проходящий мимо с каким-то коробом в обнимку, и приостановился, потерянно глядя под ноги. – Разодрал глотки и бросил – ни одна туша не объедена...

– Молчал бы! – прикрикнул крестьянин зло. – Если б ты свою работу делал, как надо!..

– Я запер дверь, – обессиленно, уже не повышая голоса, возразил Вольф и, подхватив короб поудобнее, ушел на кухню.

– Врешь, – самому себе под нос пробормотал крестьянин убежденно, и вокруг вновь зависла тишина.

Когда вороную, уже совершенно спокойную, точно памятник лошадиному роду, увели прочь, и в зале вновь собрались все участники

этого странного ночного действия, на Ван Алена устремились вопрошающие, взыскательные взгляды, и молчание стало вовсе непроницаемым, словно болотная вода.

– Так что ж, – наконец, переспросил Велле нетерпеливо. – Вы сказали, что волк сам вошел...

– Это в запертую-то конюшню? – снова вскинулся крестьянин. – Увильнуть желаешь? Когда все это кончится – учти, ты у меня по судам набегаешься, как кроль по полю!

– Я возмещу все ваши убытки, если Вольф и впрямь виноват, однако, когда он говорит, что сделал все, как дулжно, я ему верю.

– И правильно, – негромко согласился Ван Ален. – Волк вошел сам, это верно; потому что это не волк. Спроси у своего сына, много ли он видел *таких* зверей.

– Это было какое-то чудище, – чуть слышно отозвался Вольф, когда все взгляды сместились на него. – Огромный... И не только в этом дело; в нем все не так.

– Подобные твари бегали по земле, быть может, когда Господь лишь создал ее, – продолжил наемник, бросив взгляд в мутное окно. – По крайней мере, некоторые так полагают; я не знаю. Говорят, Потоп уничтожил их, потому что Ной не взял их в свой ковчег – в них была темная искра Сатаны. Теперь Сатана наделяет людей неуспокоенным духом давно погибших тварей...

– С богословской составляющей все ясно, – нетерпеливо заметил рыцарь. – Можно теперь по существу?

– Это вервольф, – пояснил наемник коротко.

– Что за бред! – уверенно возразил крестьянин, и Ван Ален вздохнул.

– Спросите у него, – кивнув на Курта, отозвался он. – Он стрелял в эту тварь, а тот лишь встряхнулся и удрал с арбалетной стрелой в сердце.

– О, Господи... – проронила женщина потерянно, и тишина разрушилась голосами, заговорившими разом.

– Стрела стальная, – продолжил Ван Ален, – и повредить ему не может. Остановит, вынудит отступить, но такая рана затянется довольно скоро и просто. И он нападет снова.

– Нападет снова? – нахмурился до сих пор молчащий парень. – Зачем? Что ему надо?

– Тебя, дружок, – невесело усмехнулся наемник. – Меня. Нас всех. Мы – мясо. Лошадей у нас теперь нет, вокруг метель, мы никуда не денемся, и рано или поздно он нас достанет. Ну, он так думает.

– Думает? Эти твари умеют думать? Это ж зверь!

– Это человек. И если он достаточно взрослый, в зверином облике сохраняет вполне здравый рассудок.

– Какой запас сведений, – разомкнул, наконец, губы Курт, и Ван Ален, обернувшись к нему, передернул плечами:

– Работа такая. Когда много странствуешь, когда говоришь с людьми, когда самому приходится темной ночью в глухом лесу... Чего только не услышишь и не увидишь. А ты, кстати, молодец. Не растерялся.

– Меня больше интересует тот факт, что не растерялся ты, – возразил Курт и, когда наемник непонимающе нахмурился, кивнул на его руку: – Занятный у тебя меч. Цвет полотна любопытный. Позволь взглянуть?

– Не позволю, – отозвался Ван Ален, погасив усмешку. – Свое оружие я никому в руки не даю.

– А придется, – вздохнул Курт, потянув цепочку из-за ворота, и тот замер, глядя на стальную бляху Знака.

– Инквизиция, – произнес Ван Ален неприязненно. – «Справедливость и милосердие»...

– Ага, – согласился Курт, кивнув на помощника. – Я – справедливость, он – милосердие. А теперь меч. Покажи мне его.

– Ни к чему, – не сразу выговорил наемник. – Ты прав, меч не обычный. Это чистое железо – единственное, что может причинить серьезный вред вервольфу.

– У тебя при себе два меча, – продолжил Курт, и тот кивнул:

– Я ведь говорил. Со многим доводилось сталкиваться, и готовым надо быть ко всему. Один – сталь, против людей, другой – железный.

– И все? – выждав несколько секунд, уточнил он. – Больше ты не хочешь ничего сказать?

– В чем дело? – вмешался рыцарь, переводя хмурый взгляд с одного на другого. – Инквизиция... вервольфы... Вы здесь из-за него?

– Я – нет. В городе мое новое место службы, мы с помощником в этом трактире проездом, по случаю. А ты что скажешь, Ян? Быть может, правду, наконец?

– В упор не понимаю, о чем речь...

– Да неужто? – оборвал Курт. – Вот тебе пара улик, которые опровергают твои слова. *Primo*. Ты носишь два меча – на разные случаи жизни – однако, услышав лошадей, выбежал именно с этим; и не говори, что перепутал в темноте. *Secundo*. Увидев конские трупы, ты не бросился к своей вороной, дабы убедиться в ее здравии, а провел осмотр места, и весьма уверенно, позволь заметить. Ты просто был убежден в том, что зверь там, хотя нормальные волки так себя не ведут – простого хищника мы

обнаружили бы у тел или не обнаружили вовсе, он убежал бы при виде людей. *Tertio*. Я не могу назвать себя трусом или неопытным человеком, видеть мне доводилось немало и оружие поднимать не только на простых смертных, однако я несколько опешил, увидев то, что увидел – попросту от неожиданности; первый выстрел не убил его – и я растерялся. Ты же не замялся ни на мгновение, ты действовал, как человек, знающий, чего ждать. А теперь – быть может, расскажешь, кто ты такой и что делаешь здесь?.. Колись, Ян, – подбодрил он, не услышав ответа, – пока эти добрые люди не решили, что ты использовал их лошадей и их самих как приманку. Твоя-то Импала жива и здорова.

– Моя лошадь жива потому, – наконец, отозвался наемник неохотно, – что она стоит заплаченных за нее денег. Если ты успел заметить, у вервольфа над ухом была ссажена шкура, а на переднем копыте Импалы – клочок шерсти и кровь. Это как раз то, за что я ее ценю и почему не променяю ни на какого самого породистого жеребца.

– С лошадью все ясно. А теперь о себе.

– Что тут происходит? – с затаенным возмущением уточнил крестьянин, и Курт кивнул:

– Думаю, сейчас мы это узнаем. Ян?

– Я слышал, что в этих местах может повстречаться такая тварь, – пояснил Ван Ален, опустив взгляд. – У меня много знакомых, и самых разных.

– Не пойдет. Когда волк появился – помнишь, что ты сказал? Ты сказал «вот ты где». Так говорят люди, отыскав завалившийся за кровать гребень или человека, с которым разминулись. Когда находят того, кого искали. И поправь, если ошибаюсь, но мне ты показался расстроенным, когда зверь таки удрал. Думаю, не мне одному, и Вольф это подтвердит. Сдается мне, человек в своем уме должен радоваться, когда подобные создания оказываются от него подальше; если, разумеется, этот человек не пытался долгое время оказаться к созданию как можно ближе. Итак, ты выслеживал эту тварь, ты не слышал – ты *знал*, что он будет здесь. Ты ждал его. Брось парить мне мозги, Ян. Кто ты такой?

Ван Ален сидел молча еще полминуты, по-прежнему глядя в пол, царапая ногтем рукоять своего железного меча, и, наконец, тихо выговорил:

– Я... в некотором смысле не совсем наемник... Я охотник.

– *Eia*^[15], — впервые разомкнул губы Бруно, глядя на него, точно на диковинную птицу, внезапно выпорхнувшую из-под кровати.

Охотник... Существо столь же полумифическое, дичь столь же редкая, сколь и виденный сегодня ликантроп. Истребитель тварей на вольных

хлебах...

Нельзя сказать, что отношения Конгрегации с сообществом охотников были скверными, равно как и невозможно было бы назвать их добрыми – никаких отношений не было вовсе; они не пересекались и не вступали в общение или противостояние. О людях, отслеживающих и уничтожающих всё потустороннее и противоестественное, от домов с привидениями до стригов, слышали давно, когда не было еще самой Конгрегации в ее нынешнем виде, зато существовало несметное множество бродячих охотников на ведьм. Истинных чародеев эти предприимчивые ребята, разумеется, вычислить не могли, зато весьма умело собирали плату с обитателей попадающих на пути деревень и городов, которым довольно убедительно доказывали собственную важность и полезность. Наглости и лицедейского дарования им было не занимать, а если удавалось прибавить к сим неоспоримым талантам толику медицинских, алхимических и богословских познаний, выручка увеличивалась в несколько раз, а слава отслеживателя и истребителя нечисти бежала впереди, подготавливая добрую почву для будущих доходов. Разумеется, среди армии алчных стяжателей попадались и те, кто искренне полагал себя борцом за чистоту Господнего мира и пытался отыскать реальную, а не выдуманную угрозу, и доказательством тому служили явно мало преувеличенные рассказы, доходящие с разных концов Германии, в каковых повествовалось о зачищенном ликантропьем логове либо избавлении от назойливого призрака. Истории об уничтоженных колдунах, держащих в страхе всю округу, были наиболее популярны, однако к ним Курт относился с известной долей *skepsis*'а – самой же Инквизицией во дни не столь отдаленные таких «колдунов» было перебито великое множество.

Если не лгали слухи, разрозненные кучки непрошенных пособников Конгрегации уже не одно десятилетие назад собрались в пусть не сплоченную организацию, но все же некое подобие единого сообщества, члены которого предоставляли друг другу случае надобности информацию или поддержку силой. Задолго до того, как затеялись перемены в инквизиторской среде, по дорогам Германии уже разгуливали те, к кому при необходимости можно было обратиться за помощью, а главное – дожидаться этой самой помощи, не боясь, что вместо живущего по соседству стрига на помосте окажется сам свидетель с чады и домочадцы. Самым любопытным фактом в сложившейся ситуации было то, что крестьяне, горожане (и вообще кто угодно) ухитрялись связываться с охотниками по мере надобности, в то время как ни одному служителю Конгрегации ни один истребитель до сих пор не попадался на глаза, и места их сборищ как

будто существовали лишь в изустном предании.

Были, разумеется, и те, кто не думал скрываться, но такие личности как правило не имели отношения к тайному обществу охотников, а были попросту чрезмерно сознательными гражданами германского государства, одинокими в своем стремлении к справедливости или знающими одного-двух таких же, как они сами, одиночек. Эти были просто поставлены перед фактом: или их деятельность сворачивается, или они после надлежащей проверки на благочестивость получают разрешение от Конгрегации и работают в ее подчинении, слушаясь указаний и исполняя поступающие приказы. Фактически они стали первыми в истории новой Инквизиции следователями, взятыми из мирского сословия, обретшими впоследствии Знак и ранг. Самовольное ведение расследований и уж тем паче уничтожение найденного с приходом новой Конгрегации стало незаконным, что тотчас отсеяло из этой сферы всех вымогателей, дельцов и проходимцев – риск попасть под суд был несравним с выгодой, и теперь можно было смело говорить о том, что любой, называющий себя охотником, является добросовестным, преданным и до омерзения честным исполнителем своего дела. Насколько подготовленным и профессиональным – это был уже другой вопрос; однако здесь и сейчас, в применении к конкретному человеку, ответ на него был получен вполне наглядно...

– Настоящий охотник? – уточнил парень; Ван Ален молча передернул плечами.

– Великое дело – случай, – заметил Курт. – Он может просто подарить то, чего безуспешно пытаешься добиться долгими и упорными усилиями. *Accidit in puncto quod non speratur anno*^[16]; вот и довелось повстречаться с одним из вашей братии... Так что ж, Ян? Сказал «А», говори и «Б». Давай уж начистоту до конца, коли начал. Ты ведь ждал ликантропа. Знал, что он будет здесь. Так?

– Не совсем, – отозвался тот по-прежнему нехотя. – Наши выслеживают тварь давно... не суть важно сейчас, как, но они вычислили, что этот гад обретается в здешних краях. На трактир же я набрел и впрямь ненароком, просто переждать метель; здесь я не ожидал его увидеть – мы надеялись повстречать его в окрестных деревнях или в городе.

– «Мы», – повторил Бруно с напором. – Это значит, что удалые парни с железными мечами вскоре будут здесь и помогут нам избавиться от такого соседа?

– Нет, не значит. Они могут быть здесь. Могут появиться тут через час или завтра утром, или через неделю – когда обследуют другие места,

вычеркнут все варианты. Здесь я один, это был мой след. Придется рассчитывать только на себя.

– Иными словами, ты уверен, что в его планах и впрямь перебить всех в этом трактире?

– Он задрал лошадей, – напомнил Ван Ален. – Не затаился в темноте и не стал ждать, пока кто-то из нас выйдет по известной нужде, не завалил одного или двоих, чтобы просто перекусить – он лишил нас средств передвижения. И верхом-то в такую погоду далеко не уехать, а на своих двоих нечего и думать.

– Но ваша-то кобыла уцелела, – уточнил трактирщик Велле. – Значит, мы можем позвать на помощь...

– Позвать на помощь? – пренебрежительно переспросил рыцарь. – Он один, мы за каменными стенами, за запертой дверью, здесь два инквизитора, охотник и я, в конце концов; с вервольфами сталкиваться не приходилось, однако меч мне вручили не за складывание песен. Если он будет настолько глуп, что и в самом деле вознамерится устроить на нас охоту, помощь понадобится ему самому.

– Это вам не лесной зверь, – огрызнулся Феликс. – Это дьявольское отродье, дитя Сатаны, и вы ему, господин рыцарь, на один зуб. Я за то, чтобы звать помощь. Один охотник – хорошо, а все же человек эдак тридцать с факелами – лучше.

– Не думаю, – возразил Курт, и торговец уставился на него с удивлением. – Если сюда набежит толпа – он просто спрячется или вовсе уйдет.

– Ну, и славно, – кивнул трактирщик. – И скатертью ему дорога. Нам-то что – не того ли и надо?

– Да, – усмехнулся охотник, повстречавшись с Куртом взглядом. – Ты сам сказал – нормальные люди радуются, когда такая тварь как можно дальше... Только этот спор не имеет смысла – Импала не позволит на себя сесть никому, кроме меня, а сам я отсюда ни ногой; да, думаю, вы меня и не отпустили б. Посему, друзья мои, предлагаю считать, что лошадей у нас нет. Помощи, соответственно, тоже.

– Ты всерьез полагаешь, что он представляет реальную угрозу? – усомнился Бруно. – Меня тянет согласиться с господином рыцарем: чего нам опасаться за стенами и запертой дверью?

– Не забывай, что, кроме животной сути, в нем есть и человечья, – вздохнул охотник с сожалением. – То, как он повел себя в конюшне, говорит о полном контроле. Он не теряет разума, обернувшись зверем, не забывает себя, знает, что делает. И, напомню еще, днем он – человек. С

руками, ногами, хватательными пальцами и прочими полезными штуками.

– А кроме того, – уточнил Курт, – еще в конюшне ты сказал – «возможно, он не один». Быть может, разъяснишь, что ты имел в виду?

– Ну вот что, инквизитор, – раздраженно выговорил Ван Ален, – здесь тебе не допросная, а это все значения не имеет.

– Имеет, – возразил Бруно настоятельно. – Кому, как не тебе, знать, что любая мелочь, связанная с расследованием, играет свою роль, и немалую в подобных ситуациях.

– С пару месяцев назад, – не сразу отозвался охотник, – они собрались в стаю. На моей памяти такого еще не случалось. Наши говорят, это происходит, только когда затевается что-то; разумеется, у них есть повод собраться и по обыденным причинам – брачные игры, к примеру, или как там у них это называется – но в этот раз они двинулись через полстраны в какую-то одну точку. Сейчас я могу сказать одно: если этот здоровяк именно тот, за которым следил я, если это мой след – здесь должны быть и его приятели, а вот тогда нам придется кисло.

– Но, как я понимаю, если здесь окажутся его приятели, – подытожил Курт, – должны оказаться и *твои*. К каждому ликантропу был приставлен свой охотник; я верно понял смысл проводимых вами действий?

– Понял ты верно, – недовольно согласился Ван Ален. – Только мой от меня оторвался – я блуждал два месяца, разыскивая хоть какой-то след, какой-то знак; и вот – случай, как ты выразился, дал мне то, что я так безуспешно искал. Думаю, сейчас он не намерен удрать снова; выходка с лошадьми говорит о том, что эта тварюга надумала тут задержаться... Так вот, инквизитор, тебе *analogia*: если мой объект оторвался от меня, так же поступили и прочие. Наверняка. И если остальным не посчастливилось, как мне, вернуться на след... Его приятелей ждать можно, моих – не стуйт.

– Но с чего вы взяли, что это существо сделало такое нарочно? – нерешительно возразила белая, как пурга за окном, молодая мамаша. – Быть может, он и не понимал, что делает. Быть может, он просто набросился на них просто так, потому что они попались ему, и теперь уйдет?

– Они ему не попались, милашка, – усмехнулся Ван Ален, – он к ним вошел. Не думаешь же ты, в самом деле, что этот парень, который, по словам его самого и его отца, с малых лет ходит за лошадьми, и впрямь позабыл запереть ворота конюшни?

– А чего б и нет? – буркнул крестьянин. – Не его ж добро.

– Моему отцу платить за подобные ошибки, – одернул его Вольф. – И значит, недоплачивать мне. Выходит – пострадало бы *мое* добро;

и допустить такую оплошность я бы просто не смог, как ты не смог бы штанов не надеть, опроставшись, ясно?

– Старшему не дерзи, малолеток!

– Не тыкай меня мордой не в мое дерьмо – и дерзить не стану.

– Довольно! – повысил голос Курт, и в зальчике снова воцарилась напряженная сумрачная тишина. – Довольно, – повторил он уже тише. – Пререкания сейчас совершенно неуместны; не хватало еще нам здесь перегрызться меж собою.

– А что ж уместно? – уточнил трактирщик Велле. – Что ж делать нам всем?

– Ну, – пожал плечами он, – из вышесказанного проистекает нижеследующее. Коли уж здесь я единственный представитель законной власти, впредь вопрос «что делать» всегда должен адресоваться ко мне. Это – понятно?

– Эк тебя, – хмыкнул Ван Ален. – И много ты знаешь о таких тварях и о том, «что делать»?

– Если, – кивнул Курт, – я не буду знать, что делать, я стану обращаться за советом к тебе. Можешь почитать фактом то, что ты временно перешел в status эксперта Конгрегации.

– Всю жизнь мечтал.

– Мечты сбываются, – незлобиво улыбнулся он, и охотник скривился. – И поскольку мы все здесь застряли, как я мыслю, на срок неопределенный, для начала надлежит друг другу представиться. Согласитесь, не зная, как обратиться к собрату по несчастью, в нашем положении *pro minimum* странно. Я желаю знать ваши полные имена и те обстоятельства, волею которых вы оказались в этом месте, иначе говоря – цель вашего путешествия.

– Я уже отрекомендовался в деталях, – недовольно заметил Ван Ален. – Даже излишне.

– Не сказал бы, – возразил Курт. – Но никто не помешает тебе иметь на сей счет свое мнение... Итак, с нашим главным знатоком мы все ознакомились, дело за мной. Курт Гессе фон Вайденхорст, инквизитор первого ранга. Мой помощник – Бруно Хоффмайер...

– Гессе... – повторил охотник, и уже укоренившаяся в его голосе враждебность вдруг дала трещину, сквозь которую проросло нечто, что Курт назвал бы уважением, не будь Ян Ван Ален тем, кем он был. – Ульм три года назад, история с имперским наместником – это ты?.. Черт, и как же я сразу не допер, следопыт хренов; Курт Гессе, первый ранг, и руки... Гессе Молот Ведьм; это ты, точно.

Взгляды всех присутствующих, разом устремившихся на его руки, Курт переварил уже привычно, без бывшего раздражения, лишь досадливо дернув углом рта. Сняв перед сном перчатки, на шум в конюшне он выскочил, только прихватив оружие, и теперь кожа кистей и запястий, покоробленная шрамами старых ожогов, была у всех на виду.

– Ульм – это я, – подтвердил он; рыцарь нахмурился:

– И что было в Ульме?

– Вы что ж – глухой, господин рыцарь? – уточнил Ван Ален, и тот раздраженно поджал губы. – Этот человек в одиночку зачистил замок, наполненный стригами, освободил от их плена имперского наместника и подружку своего приятеля. А главное – одну из тварей взял живьем; такого вообще никогда не бывало. В центре Ульма на рассвете перед толпой народа сгорел под лучами солнца стриг – как это событие прошло мимо вашего высокого слуха?

– Не прошло, – возразил рыцарь сухо, – и я попросил бы быть несколько учтивее. Элиас фон Зайденберг, – представился он, обратясь к Курту. – Цели мое путешествие не имеет. Как ни прискорбно это признавать, собственной земли и даже жилища в моем владении нет, и я отношусь к разновидности странствующих рыцарей.

– Ну а я тогда странствующий негоциант, – хмыкнул торговец, но, уткнувшись в строгий взгляд майстера инквизитора, посерьезнел, поправившись: – Торговец. Феликс Малер. Торгую я обыкновенно меж городом и окрестными деревнями и сегодня надеялся доставить груз уже в одну из них, но вот застрял тут... Теперь не знаю, что буду делать – без лошадей-то. Какие расходы, мать Божья...

– Разорение, – согласился все еще надутый, как сыч, крестьянин. – Йозеф Хельмер меня зовут. В город ездил навестить сноху. Сейчас еду домой. Ехал бы, если б некоторые исполняли должным образом свою работу.

– Оставь парня в покое, – чуть повысил голос Ван Ален. – И довольно разбалтывать дерьмо в пруду, в котором сидишь.

– Отличная мысль, – негромко подал голос Бруно. – Быть может, продолжим?

– Меня зовут Амалия Хагнер, – после непродолжительного молчания представилась молодая мамаша, пряча глаза. – Моего сына – Максимилиан...

– Черт, все-таки сын, – чуть слышно пробормотал охотник.

– Мы никуда особенно не направляемся... Просто... ищем лучшей жизни.

– Чем не угодила старая? – уточнил Курт.

– Соседями.

– По какой причине?

– Максимилиан – внебрачный ребенок, ясно? – с отчаяньем отозвалась та. – Пока был жив мой отец, соседей еще можно было терпеть, но когда он умер, жить стало попросту невозможно. И мы никуда не идем – просто идем. Туда, где сможем остаться.

– А мне показалось, тебе не терпится покинуть это место. Мне показалось?

– Нет, – опустив глаза еще ниже, еще тише согласилась Амалия. – Просто такая жизнь не дает больших доходов. Господин Велле согласился стерпеть нас еще несколько дней за одну лишь помощь ему по делу, и если б не это, денег нам осталось бы лишь на день, и без пищи.

– Ясно, – коротко подытожил Курт, обернувшись к притихшему парню. – Ну, а ты что?

– Я... Меня зовут Карл... – напряженно сообщил тот. – Штефан.

– Так Карл или Штефан?

– Карл Штефан, – повторил парень нервозно. – Так меня зовут. Уж как Бог дал.

– И куда ж вы направляетесь с подружкой?

– Это не подружка, это сестра, мы едем к родителям.

– Брось, – опередив Курта, поморщился охотник. – Я знаю, как смотрят на сестер, а как – на девок. Вы с ней сошлись не так давно, и, хоть на людях стараетесь не светиться, все равно это всем видно. В иное время я б плюнул, но сейчас не время полоскать мозги. Слышал такое – «в одной лодке»? Вот это о нас. Я б предпочел доверять человеку за своей спиной, и Молот Ведьм вон тоже, думаю, со мной спорить не станет.

– Не стану, – согласился Курт. – Скажу тебе то, что говорю чаще всего в своей жизни: давай-ка правду, Карл Штефан. Если вы в бегах, то мне на это глубоко наплевать – если, разумеется, не в бегах по причине злостного колдунства по месту жительства.

– Она моя подружка, – через силу согласился парень, помедлив. – Мария. Мария Дишер. Мы... мы с ней недавно познакомились, и когда ее родня узнала... В общем, да, мы бежим. Но мы ничего такого не сделали, просто я не угодил ее отцу.

– Зато угодил ей, – хмыкнул Ван Ален. – Уж коли решилась оставить дом и вот так рвануть.

– Надеюсь, майстер инквизитор, – невесело усмехнулся Альфред Велле, – меня вы не станете спрашивать о том, как я оказался в

собственном трактире?

– Отчего же, стану, – возразил Курт, и усмешка пропала, сменившись удивленной гримасой. – Не самый безопасный и приятный образ жизни – вот так, вдали от людей, от городов и деревень. До ближайшего города – всего день пути, до деревни – и того меньше...

– В том и выгода. Тот, кто лишь день назад покинул город, еще не отвыкший от благ, остановится у меня, дабы набраться сил перед дальнейшей дорогой. Ну, и чтоб еще чуть ублажить себя перед ночевками в кустах. Дальше-то трактиров нет, я узнавал. А тот, кто уже в пути долгое время, остановится тоже. До города и близко, вроде, а все же тащиться целый день, когда горячая вода, теплая постель и еда – вот она...

– Принимается, – кивнул Курт. – Будем считать, что я всем вам верю, и среди вас нет злобных малефиков, по ночам читающих заклятья призыва ликантропов... Итак, деревенщина, беглые любовнички, одинокая мамочка с ребенком, торгаш...

– Я бы попросил вас, майстер инквизитор... – начал крестьянин Хельмер, и Бруно вскинул руку, предваряя споры:

– Иными словами, – пояснил помощник, – из имеющих действительный боевой опыт здесь всего четверо.

– С убежденностью можно говорить о троих, – возразил Курт. – На что способен господин фон Зайденберг, я не знаю.

– При всем уважении, майстер инквизитор, когда вы лишь игрались с деревянной лошадкой, я уже был посвященным рыцарем.

– Рад за ваших потомков, которые не преминут отметить это в своей родословной, однако в данной ситуации сия заслуга значимости не имеет. За своего помощника я поручусь, Яна в деле видел сегодня, ваши же возможности пока недоказуемы, посему – во внимание принимаемы быть не могут.

– Однако, – с надеждой закончил трактирщик, – вы трое уже встречались со всякими тварями, ведь так?

– Двое, – поправил Бруно, сожалеюще пожав плечами. – Меня в Ульме не было, и ни одного стрига или ликантропа я до сей поры не видел.

– Майстер инквизитор, как я понимаю, вервольфов не видел тоже, – мстительно отметил фон Зайденберг. – Посему и его возможности при встрече с ними недоказуемы в той же мере.

– Не трусьте, господин рыцарь, – заверил охотник серьезно, – тот, кто вышел из боя со стригом, управится и с вервольфом. Они, разумеется, не менее опасны, но менее быстры. Другое дело – скажи-ка вот что, Молот Ведьм: хоть что-то тебе о них известно?

– Кое-что, – скромно согласился Курт. – Ликантропы типа «двуногие страшилища с лапами, похожими на руки» встречаются наиболее часто. Как правило – тупы и несообразительны; не помнят, что делали в превращенном виде, также не помнят людской сути в виде зверином. Со временем начинают мало-мальски осознавать себя, однако контролировать превращение по-прежнему не могут: волей-неволей оборачиваются в полнолуние. Ликантроп типа «волк», встреченный нами сегодня, в своем роде *unicus*. Стоит на более высокой ступени развития по ликантропье лестнице. Существует версия, что подобные твари однажды могут не суметь обернуться человеком снова; теория не доказана, хотя и не опровергнута. Porro^[17]. И тот, и другой тип, вопреки общепринятому мнению, не страдает от серебра, однако нетерпим к железу. Раны, нанесенные сталью, затягиваются за десятки минут, железом – за часы или не затягиваются вовсе, в зависимости от тяжести ранения. Ликантропом (также вопреки всеобще распространенной легенде) не становятся, выжив после нападения, зато, получив укус или царапину от такой твари, вполне возможно умереть от инфекции, которую не убивают никакие спирты, огонь или *antisepticum*. И, наконец, кандалы из железа, надетые на ликантропа, препятствуют или, в зависимости от степени его развития, усложняют попытки обернуться. Наверняка я что-то упустил, но, думаю, основы изложил верно.

– Верно, – повторил Ван Ален с долей удивления. – Все же доводилось встречаться?

– Спроси у жителей Шёнингена, кто вычислил и изловил тамошнего ликантропа. Думаю, и не только в той дыре тебе скажут, что это была зондергруппа Конгрегации... Кое-что нам известно – то, что наши специалисты успели вывести из собственного опыта. Лично мне – господин фон Зайденберг прав, видеть их лично на долю не выпадало.

– Но этих познаний пока довольно, – признал охотник, – а обсудить детали, которые ты явно захочешь из меня вытянуть, можно и после; к примеру, утром на свежую голову.

– Утром? – переспросил крестьянин с подозрением. – То есть, вы нам предлагаете после всего этого просто пойти спать?

– Как тебя... Йозеф?.. Так вот, Йозеф, – пояснил Ван Ален снисходительно. – Сейчас этой твари будет не до нас – очень долго.

– И с чего это ему не до нас? – не унимался Хельмер.

– У него в сердце арбалетная стрела, идиот; вообще арбалетик у Молота Ведьм хиленький, однако вблизи, как я видел, долбит неслабо. А кроме того, я успел его задеть – уже железом; прорезал ему плечо.

– Вы его ранили?.. – проронила Амалия Хагнер испуганно, и Курт нахмурился:

– Что тебя беспокоит?

– Да то, – снова влез крестьянин, – что раненый зверь еще опасней. Еще страшней. Бог ведает, что взбредет ему в голову.

– Такие раны будут затягиваться до самого утра, – отмахнулся Ван Ален. – К утру он будет как новенький, однако с наступлением рассвета обернется человеком, и на его месте нападать на запертый дом с вооруженными людьми я бы не стал. Полагаю, и он не станет.

Глава 4

Рассвет не принес с собою ничего нового, и ночь прошла в полном соответствии с предсказаниями охотника. За стенами шумели лишь ветер и снег, никто не ломился в окна или двери, закрытые на все запоры, и даже волчий вой, донимавший постояльцев минувшим вечером, стих.

Внизу, когда Курт с помощником вышли из комнаты, тишины не было – голос Ван Алена звучал на весь трапезный зал, отдаваясь от стен и низкого потолка, звучал зло и ожесточенно; отвечали ему два голоса – один такой же озлобленный, другой – тихий и смущенный. Судя по всему, Амалия Хагнер и самостоятельный Максимилиан с раннего утра успели сотворить нечто, вызвавшее праведный гнев охотника, и майстер инквизитор с помощником появились в самый разгар учиненной им воспитательной лекции.

– Сказано было ясным и простым человеческим языком! – подтвердил их подозрения Ван Ален, когда они приблизились. – Или я не тот диалект подобрал?

– Мы все уяснили, – смиренно кивнула Амалия, – не надо. Больше не будем.

– Не будете – чего? – уточнил Бруно, и охотник, не оборачиваясь, махнул рукой в сторону двери:

– Утром встал – внутри перед дверью настоящий сугроб и мокрые следы. И эти тут, все в снегу. Выходили, понятное дело, по нужде. Я не против, возбранить человеку отправляться я не могу – пробку не вставишь; но сказано же было вчера, сказано и повторено: ни шагу на улицу поодиночке!

– Нас было двое, – выговорил Максимилиан, выговорил отчетливо и чеканно, явно произнося эти слова уже не в первый раз; Ван Ален фыркнул:

– Их было двое, слышали?.. Зондергруппа из двух великих бойцов, гроза вервольфов!

– Не смейте кричать на меня, – все так же размеренно произнес парнишка. – Вы указали нам на нашу оплошность, мы восприняли ваши слова. Впредь, когда мне потребуется выйти, позову вас с собой. Надеюсь, вы не станете возражать, если ваши распоряжения я припомню вам среди ночи?

– Хохмач, да? – недобро усмехнулся Ван Ален. – Среди ночи наружу

вовсе носа не казать! Даже из окна не выглядывать! Повторяю это для тебя лично, коли уж твоя матушка страдает глухотой или слабоумием!..

– Полегче, – предостерегающе прервал его Бруно; охотник поморщился:

– Господи, только без этого. Я не намереваюсь ни на кого давить, если кому-то не придется отправиться на тот свет прежде времени – это их дело, но я как человек в своем уме отказываюсь это понимать... Все, – обессиленно отмахнулся он, отвернувшись от насупленного Хагнера. – Я рано встал, поздно лег и хочу есть. И Импала в своей кладовке наверняка уже околевает с голоду. Где наш любезный хозяин? Еще дрыхнет?

– Вышел за дровами, – тихо отозвалась Амалия, и Ван Ален закатил глаза, изобразив нарочито болезненный стон.

– Это просто невероятно, – пробормотал он со злостью; Курт вздохнул.

– Судя по всему, прежде ты ловил ликантропов лишь по лесам? Добро пожаловать в работу с населением. Все ее прелести... Бруно, пройдишь по комнатам. Спят или нет – всех вниз. Общий сбор. Будут выделяться – волочи за шкурку. Судя по всему, вчерашнюю познавательную лекцию о безопасности надлежит повторить, ибо с первого раза усваивать материал здесь, как я вижу, не способен никто.

– Пойду сыщу этого дровосека, – бросил охотник раздраженно, разворачиваясь к двери. – Надеюсь, в данный момент он молится о том, чтобы я не вышел из себя.

– Простите, – несмело заговорила Амалия, когда дверь за ним закрылась. – Мы не думали, что все настолько серьезно. Ведь сейчас день, а он сказал, что днем безопасно.

– Мам, прекрати оправдываться.

– В самом деле, – согласился Курт серьезно. – За что оправдываться? Ян прав. Рисковали вы лишь собственной жизнью, обед изображали лишь из себя самих. Если какие-то чудачки обеспокоены вашей безопасностью, это их дело – что с них возьмешь, с чудаков; верно, Максимилиан?

– Макс, – поправил мальчишка, скрывая внезапное смущение. – Максимилиан – это имя для императора или монаха... Послушайте, майстер инквизитор...

– Гессе.

– Майстер Гессе, – кивнул тот. – Я не хотел вас оскорбить. Не хотел обидеть этого человека или показать, что мы не ценим вашу заботу о наших жизнях. Просто, если на меня, не слушая оправданий, бросаются с обвинениями...

– Понимаю.

– Ведь, в самом деле, ночью этот Ван Ален сказал, что с наступлением рассвета опасаться нечего, и мы решили...

– Тебе его слова передала твоя мама, – возразил Курт, не дослушав, – однако она неверно поняла сказанное. Опасаться надо круглосуточно. Убитые лошади – лишь начало, и начало весьма неприятное... Кстати, о лошадях, – с нехорошим предчувствием спохватился он. – Вольфа вы, часом, не видели?

– Вышел за водой, – тихо отозвалась Амалия, и Курт тяжело выдохнул:

– Ясно. Собственно, я мог и не спрашивать... Я найду его, а вы, будьте уж так любезны, сидите здесь и не суйтесь наружу.

О том, что наружу пришлось сунуться ему самому, Курт пожалел, едва лишь шагнув за порог – ветер пронзил насквозь тотчас, ослепив снегом и стиснув холодом со всех сторон. Перед дверью скопился рыхлый высокий сугроб, в котором едва виднелись следы прошедших до него людей, уже исчезающие под ударами метели, и вперед приходилось идти, утопая в снегу по колено. Вольфа в его тяжелой шубе он увидел в нескольких шагах от двери с двумя огромными ведрами, набитыми снегом; ухватив парня за рукав, Курт втащил его внутрь, бормоча сквозь миглом оледеневшие губы нелестные сентенции. Косясь на притихшую Амалию с сыном, тот выслушал порицания хмуро и недовольно, дыша на побелевшие руки, и, пробубнив нечто невнятное, унес наполненные снегом ведра на кухню.

Трактирщик Велле с супругой и сонные, насупленные постояльцы собрались в трапезном зале нескоро, поглядывая друг на друга, точно школяры, по неведомому поводу вынужденные наставником собраться после окончания всех лекций в их законное время отдохновения. Бруно сидел напротив угрюмого Макса Хагнера, Ван Ален – у самого очага, поворотившись к нему спиной и часто покашливая, и в долгую вступительную проповедь, учиненную на сей раз уже Куртом, не вмешивался.

– Да полно вам, майстер инквизитор, – уловив затишье в его речи, попросил Вольф настоятельно. – Когда-то ведь кто-то должен же все это делать, а? И дрова, и вода – ведь все это там, за стенами. Лошадь господина охотника, опять же, за ночь в кладовой напакостила; не в углу у очага ж это складывать, так? Накормить ее надо было; так ведь, опять же, сено – тоже там, у конюшен...

– У меня все более возникает чувство, что я говорю с глухими, – оборвал его Курт. – Или со слабоумными. Минувшей ночью все было обсуждено, все было высказано ясно и четко, и сейчас, вот только что, я повторил каждое слово.

– Мы вас поняли, майстер инквизитор, – примиряюще улыбнулся трактирщик. – Но в самом деле – нельзя ж, невозможно просто, вот так вот сидеть взаперти безвылазно. Вы поймите сами. Вольф верно сказал: вода – там, дрова, уголь, чтоб нам тут не закоченеть – там. Удобства, простите, там.

– Ночью они будут здесь; я полагаю, у вас найдутся известные вместилища во все комнаты, а не только в те, что повыше ценой. Утром же, если кому-то потребуется выйти, он обращается ко мне, моему помощнику или Яну. Это включая вас, господин фон Зайденберг. Что бы вы там ни мнили о собственных бойцовских качествах, воистину ли они столь хороши или нет – неважно; сомневаюсь, что вы сможете отмахаться хотя бы от зайца, нависая над отхожей дырой с голым задом. Посему повторяю: никто не выходит наружу без вооруженного сопровождения. Это – понятно?

– Но ведь день сейчас, – возразил Карл Штефан. – Они ведь, я понимаю, только по ночам в зверином обличье, так? Сейчас он человек, и господин охотник вон сказал, что не станет он нападать на...

– ...на вооруженных людей, – кивнул Курт. – Так он сказал. Что лишь подтверждает мои слова. И поверьте опыту: в том, что касается тварей, никакие предосторожности не бывают лишними, и ожидать от них можно чего угодно. Кроме того – откуда вам знать, кто он как человек? Вовсе не обязательно, перекинувшись из зверя, утром он отправляется лепить горшки или торговать рыбой; поручитесь вы за то, что в человеческой ипостаси он не профессиональный убийца, к примеру, который и в человеческом виде в одиночку сумеет одолеть каждого здесь и всех разом? Думаю, нет. Мы ничего о нем не знаем, а потому ожидать должны худшего. Поэтому следующее указание: сегодняшней день будет посвящен обеспечению. Когда завершатся все утренние дела вроде посещения упомянутых удобств и завтрака, все возможные емкости будут заполняться снегом, дабы не только наступающей ночью, но и, при необходимости, следующим днем мы не околели от жажды. Не следует забывать и о той постоялице, что сейчас гадит в кладовке: эта будет пить, как лошадь. Есть, замечу, тоже, посему надлежало бы принести пару-другую тюков сена. И, кстати, дабы мы не погрязли в последствиях упомянутого сена, советую припомнить старый добрый способ: привяжите мешок ей под хвост. Выбросить это можно будет хоть из чердачного окна, если придется... И еще одно: в доме должно быть топливо. Столько дров, сколько успеем, принести и сложить их здесь, внутри, а кроме того, угля – он занимает меньше места и дает больше тепла. Подводя итог – никому не известно, что будет завтра, а посему мы должны сделать все для того, чтобы сама

необходимость покидать эти стены стала не столь необходимой.

– И надолго это? – осведомился торговец Феликс скептически. – Не будь пурги – давно уж взяли бы ноги в руки, это понятно, но мести может еще неделю. Долго нам сидеть в осаде?

– Четыре ночи, – отозвался Ван Ален со вздохом. – Вервольфы оборачиваются зверьми не в само полнолуние, как все полагают, а когда луна набирает последнюю силу и только начинает ее терять, то есть – за пару ночей до полной луны и еще пару ночей после. Одна ночь прошла, впереди еще одна и вторая, самая опасная – завтрашней ночью вместе с луной войдет в силу и он. После чего еще две ночи – и мы будем иметь дело лишь с человеком... если, конечно, он сам к тому времени, не сумев нас одолеть, не возьмет ноги в руки.

– А почему он не вошел сюда как человек? – тихо, несмело спросила Мария Дишер, и ее приятель воззрился на нее с удивлением. – Я хочу сказать, – пояснила девушка под устремленными на нее взглядами, – что он мог бы просто дождаться дня и войти сюда. Ну, как постоялец. Если он хочет убить всех нас, он мог бы поселиться здесь, а ночью стать волком и... Почему он так не сделал?

– Хороший вопрос, – заметил Бруно в наступившей вдруг тишине. – Логичный такой. Я б лично так и поступил; для чего рваться в открытую дверь?

– Не додумался, – нерешительно предположил крестьянин. – Тупая зверюга.

– Человек, – наставительно возразил Ван Ален. – Об этом не забывай. И, откровенно говоря, мне самому этот вопрос кажется весьма интересным.

– С другой стороны, – подал голос фон Зайденберг, – и нам вопрос этот пришел в голову не тотчас, может статься, и в самом деле он просто не догадался до такого простого способа. А теперь кусает себе локти.

– Нам многое в голову пришло не сразу, господин рыцарь, но мы-то варимся в этом дерьме меньше суток, а он наверняка свои действия планировал. Стало быть, и времени поразмыслить у него было больше.

– Майстер инквизитор сказал, что мы о нем ничего не знаем, – заметил Феликс. – Может, он и в человеческом-то виде дурень попросту? А то мы таких не видали. Головой стену проломит при открытой двери.

– Ну, это навряд ли, – возразил охотник с сожалением. – Тупица сразу бы и начал с нас, не заботясь о лошадях, именно не догадавшись бы отрезать нам пути к отступлению – попер бы напролом. Нет, этот, может, и не профессор, но не дурак уж точно.

– Как вы отслеживаете ликантропов? – осведомился Курт задумчиво,

и Ван Ален, непонимающе нахмурившись, молча сместил вопрошающий взгляд к нему. – Я разумею, – пояснил он, не дождавшись ответа, – схему ваших действий с самого начала. Ведь не по нюху вы их определяете и не следите за каждым жителем Германии, а не обернется ли кто ненароком. Как вы их вычисляете?

– Это имеет отношение к теме?

– Брось, – покривился Курт, – сейчас не время блюсти профессиональные тайны.

– Да нет никаких тайн, – раздраженно отмахнулся охотник. – Все несложно и скучно; все так же, как и у вас. Бывает, нам о том просто рассказывают. Бывает, доходят слухи – «а в таком-то селении оборотень завелся»... Или, бывает, где-то прошла молва об убитом зверем человеке – и мы просто проверяем на месте. Если успеваем, если есть возможность – осматриваем тело, пытаемся говорить с людьми... словом, все, как у тебя. Ну, а после отслеживаем, не случится ли чего похожего в окрестностях спустя пару дней или через месяц, два, три. Если похожее уже бывало неподалеку – это, соответственно, повод заподозрить.

– А потом, – продолжил за него Бруно, – под подозрение подпадают все пришлые и проезжие?

– Обыкновенно да. Эти ребята не особенно любят буянить в собственном месте жительства; к чему привлекать внимание?.. Предпочитают на охоту отправляться от дома подальше. Но слишком далеко уйти все равно или не успевают, или ленятся, или, бывает, теряют страх и осторожность и начинают пакостить в собственных угодьях. Когда припекает пятки, они просто перебираются на новое место. В этом благословенном государстве его благословенные управители напринимали таких благословенных законов, что творить можно все, что захочется.

– Не по душе – вали домой, – оскорбленно насупился крестьянин. – Понаехало вас тут.

– Я родился здесь, – с подчеркнуто дружелюбной улыбкой возразил Ван Ален. – Моя мать – немка. Это мой родной язык и моя земля. Так, к сведению. Я имел в виду лишь то, что законодательное право на свободу для семи из десяти немцев подразумевает возможность избегать контроля со стороны управляющих этой страной сил. Твори, что хочешь, только не попадайся и плати налоги. И не попадайся, если не платишь.

– Твой человек, – усмехнулся Бруно, пихнув начальство локтем. – Возьми себе в помощники, а я уйду на заслуженный отдых.

– Я все еще не оставляю надежды тебя перевоспитать, – возразил Курт серьезно. – Либерал-пацифист в стане инквизиторских служителей не

должен оставаться без присмотра, это опасно для его души. Кроме того, до *заслуженного* отдыха у тебя еще четыре года.

– Кроме того, – оборвал охотник, – политические прения могут обождать. Могу я узнать, к чему были эти вопросы?

– Когда ты вел эту тварь, – кивнул Курт, – все было так же? Так же были расследования на месте и разговоры со свидетелями?

– Почти так же; за небольшими исключениями. Этот за собою слишком много трупов не оставлял, хотя, конечно, наворотил достаточно для того, чтоб не терять его из виду.

– Однако ты все же потерял, в конце концов.

– И нашел, как видишь.

– Вообще-то, – возразил Бруно скептически, – это он нашел тебя. Быть может, себя он *позволил* найти?

– Твой помощник – самостоятельно мыслящая единица или переводчик твоих мыслей?

– Мой помощник, несомненно, имеет *jus suffragii*^[18], — согласился Курт, – однако в данный момент его мысль есть выражение и моих выводов также. Да, имеется в виду именно это. Он сбил тебя со следа. А стало быть, он знает о тебе. Быть может, не только о тебе, но и тебя. Очно, *id est*. В своем общении со свидетелями ты, часом, не вывел подозреваемого? И тем паче – не дал ли ему повода это понять?

– Хочешь сказать, – неспешно подытожил охотник, – что мы с ним знаем друг друга в лицо?

– Как вариант. Это объяснило бы тот факт, что он не воспользовался возможностями, предоставляемыми этим гостеприимным обиталищем, в которое любой незнакомец имеет право войти и остаться. Возможно, дело именно в том, что он *не* незнакомец.

– Не знаю, – усомнился Ван Ален. – Не уверен. Подозреваемых не было. То есть – людей. Не было тех, кто привлек бы внимание в этом смысле. Разве что ему *показалось*, что я его заподозрил...

– Это значит, – хмуро предположил крестьянин, – что все мы попали в эту историю потому, что та тварь решила разделаться с охотником, который ее выслеживает?

– Ничего это не значит, – возразил Хагнер. – Это просто догадка. Многое объясняющая, но только догадка.

– А тебя никто не спрашивал, малец. Сиди-ка с мамой и во взрослые дела не лезь, что б еще в них понимал...

– *Primo*, – повысил голос Курт. – Высказывать теории, гипотезы, предложения здесь имеет право каждый. Хочу заметить, что на вопрос,

который мы сейчас обсуждали, наше внимание обратила городская девчонка, у которой молоко на губах не обсохло.

– Это не молоко, – чуть слышно хмыкнул охотник, однако мысль развивать не стал, лишь согласно кивнув, когда он продолжил:

– Мы в таком положении, когда любые версии или суждения не отменяются сходу, а подвергаются тщательному осмыслению. *Secundo*. Браниться, цапаться, меряться годами, мозгами и прочими частями тела мы будем тогда, когда все происходящее останется лишь в наших неприятных воспоминаниях и моем отчете. Имейте в виду, что с течением времени желание набить соседу физиономию или покрыть худым словом будет все сильнее. Угроза снаружи, скверная погода, скука пополам с опасностью – условия, в которых у собравшихся в одном месте людей начинает течь крыша. Говорю это как знаток человеческой души; уж в этом факте, думаю, вы не сомневаетесь. К концу обозначенного Яном срока эта самая душа, да и вообще людская натура, запрячется так глубоко, что кое-кого из присутствующих и самого будет не отличить от той твари, что сейчас где-то там, за этими стенами. В каждом сидит зверь. Советую этого не забывать. Не спускайте его с цепи, начинайте следить за ним уже сейчас, или через день-другой мне придется ввести столь неприятную меру соблюдения порядка, как заточение в отдельной неудобной комнате. Это – понятно?

– За собственную крышу вы, как видно, не тревожитесь, майстер инквизитор? – усмехнулся фон Зайденберг; Курт широко улыбнулся в ответ:

– Нисколько. Моя крыша изготовлена лучшими в Конгрегации мастерами кровельного дела и испытана на прочность не раз и не три. Надеюсь, все меня поняли правильно. Ну, а теперь, судя по тому, как нервно подпрыгивает на скамье наша сообразительная девица, самая пора завершить с лекциями и перейти к обещанным утренним процедурам.

– Я в охране, – с готовностью известил Ван Ален, игнорируя подозревающий во всех грехах взгляд Карла Штефана.

* * *

Увлеченность охотника обязанностями сопровождающего сошла на нет довольно скоро – то ли оттого, что в дальнейшем сопровождать доводилось уже не хорошенькую девицу, мило краснеющую при чрезмерно прямых взглядах, то ли по причине ледяной корки, образовавшейся на его одежде и на нем самом после второго же выхода наружу. Курт сменил его в

этом нелегком деле, отказавшись от услуг помощника, дабы собственными глазами при свете дня впервые попытаться взглянуть на место вынужденного заточения внимательней.

Пункт назначения, в каковой стремились поутру все постояльцы, в своем далеком прошлом явно был наблюдательной башней: каменные стены толщиной спорили со стенами самого трактира, округлые бока под самым потолком зияли бойницами, да и потолок прежде, несомненно, был много выше; некогда его либо разнес удачливый снаряд, либо время искрошило кладку, либо сам владелец укоротил своды, устроив комнату задумчивости в былом оплоте порядка. Теоретически здесь можно было бы даже продержаться некоторое время при крайней необходимости – останки лестницы все еще лепились к стене, выводя к потолку мимо бойниц, и, если укрепить дверь, и без того солидную, лишние полчаса-час, в зависимости от сил противника и собственного вооружения, еще можно было прожить. Если, разумеется, дышать как можно реже. Снаружи башня была гладкой, как колено, и без хорошей лестницы или тарана, в общем, неприступной.

Еще более радужные надежды вселяло здание самого трактира: в упомянутые стародавние времена здесь явно располагался блокпост защитников этих владений, откуда в случае опасности направлялся гонец в город, который должен был успеть подготовиться к тяжелым временам, пока здешний отряд обороняет подступы. Хилые деревца, отделяющие близкую полосу леса от двухэтажного строения, наверняка выросли на месте прежде вырубаемых под корень предшественников, а особенно высокая и слишком ровная полоса сугробов скрывала под собою не иначе как остатки полуразрушенной стены. Упитанные бока трактира без единого украшения могли бы выдержать, наверное, и прямое попадание не особенно крупной пушки – по крайней мере, одно; кроме рам, на зиму вконопаченных в оконные проемы, и окованной двери, не имелось ни единой деревянной детали, да и черепичная крыша, устроенная двумя крутыми скатами, исключала возможность для осаждающих напасть на обитателей, бросив на нее факел.

Ожидая, пока сопровождаемый им торговец завершит свои дела, Курт, переминаясь в снегу в окружении ледяной лепящей крупы, озирался вокруг настороженно и раздраженно; капюшон фельдрок он сбросил на плечи, дабы не перекрывать видимости и не глушить звуков, однако за воем ветра и сухим шелестением снега нельзя было бы услышать не только крадущегося шага зверя или поступи человека, но и грохота рыцарской конницы, буде таковая по какой-то неведомой Господней милости возникла бы поблизости. В иное время по следам, оставленным в снегу, можно было

бы с относительной уверенностью говорить о том, есть ли в пределах опасной зоны кто-то посторонний, как давно он был здесь или не был; теперь же оставленный в сугробе отпечаток исчезал в мгновения. Вокруг не было признаков жизни, однако сие не означало, что жизнь эта не притаилась поблизости, наблюдая, что не дышит где-то в десяти шагах за спиною, выжидая удобного момента. Куда исчезла тварь, виденная этой ночью, где переживает день, что сейчас делает и к чему готовится, можно было лишь угадывать...

– Возможно, неподалеку у него лежка, – предположил охотник, когда, возвратившись, Курт выразил свои опасения вслух. – До леса рукой подать; две минуты шагом – и ты там.

– Но ведь холодно, – осторожно заметила чуть осмелевшая после утреннего разговора девица. – Ну, может, ночью, когда он в меху, когда зверь, ему терпимо, но как же он в человеческом облике?

– Дело опыта, – улыбнулся Ван Ален. – Поверь, я за четверть часа на пустом месте соберу тебе из подручных материалов такую берлогу, что в ней можно будет ночевать хоть нагишом. А вервольфы, вообще, твари не шибко теплолюбивые, даже когда люди. Черт ведает, почему. Может, и в человечесьей теле что-то изменяется, как знать.

– Адское пламя их греет, – пробурчал торговец Феликс, яростно дыша на руки. – Загодя. Что скажете, майстер инквизитор?

– Ничего, – передернул плечами Курт. – Изучить этих созданий не было возможности; когда они попадали к нам в руки живыми – не было ресурсов, когда появились ресурсы – они перестали попадаться... Как бы там ни было, одно ясно: ему эта метель помеха слабая. Зрение у него куда как лучше нашего, слух острее, холода он не боится. Уж ночью тем паче.

– Так если днем его здесь нет, – робко предположила Амалия Хагнер, переглянувшись с сыном, – если он где-то далеко... Значит, можно попытаться уйти? Если поспешить, то можно будет успеть добраться до людей. И тогда пусть они присылают сюда силы посерьезней – охотников, инквизиторов...

– Охотник, – представился Ван Ален услужливо и кивнул в сторону Курта: – Инквизитор. Аж с помощником. Лучшее враг хорошего, милашка, сиди и не суетись. Если впредь вести себя в согласии с правилами безопасности, через несколько дней все просто закончится.

– Да и начиналось ли? – усомнился крестьянин, пояснив в ответ на молчаливые непонимающие взгляды: – С чего вообще явилась эта мысль – что нас всех здесь пожрут? Не в обиду, господа дознаватели, только ведь никто здесь вашего вервольфа не видел.

– То есть, что же, – нахмурился охотник, – ты хочешь сказать, что мы все это измыслили – так, потехи ради?

– Вовсе нет. Просто обманулись. Что ж вы – не люди? А люди ошибаются, бывает.

– А ведь в его словах есть доля истины, – со вздохом согласился фон Зайденберг. – Какой-то зверь порвал коней; это есть факт. Но что за зверь? Майстер инквизитор с помощником во всю свою жизнь привыкли видеть вокруг малефиков, оборотней, стригов; вот и увидели. И ты – ведь ты тоже живешь в окружении подобных тварей, привык засыпать и просыпаться с мыслями о них, а не так давно и вовсе преследовал одну из них; вот и ты увидел то, что ждал увидеть. То, что видеть привык. А на деле, быть может, это попросту особо крупный волк, и не более того, и все ваши предосторожности, мягко говоря, излишни.

– А Вольф? Он видел то же, что и я, что и Молот Ведьм – он-то что ж?

– На месте человека, по чьей оплошности погибло чужое имущество, я бы тоже поддержал чью угодно версию, меня оправдывающую.

– Вот-вот! – с готовностью подтвердил крестьянин; Курт усмехнулся:

– *Quam belle*^[19]. Предел мечтаний любого народника – полное взаимопонимание и согласие крестьянства и рыцарства в двух отдельно взятых персонах... Вынужден вас разочаровать, господин фон Зайденберг: волки, даже особо крупные, не имеют дурной привычки бегать со стальным болтом в сердце, а я, предупреждая ваши прекословия, не имею обыкновения промахиваться с расстояния в пять шагов. Это – кроме того, что я, к вашему удивлению, знаю, как выглядит просто волк. Минувшей ночью мы имели дело с ликантропом, и это не подлежит сомнению. Мы можем спорить относительно того, намеревается ли он продолжить то, что начал, появится ли здесь следующей ночью, станет ли нападать или предпочтет затаиться и отлавливать нас поодиночке; спорить можем – но делать это мы будем, сидя здесь, за стенами и запертой дверью. К слову, я видел в кухне еще одну, – обратясь к трактирщику, заметил Курт. – Это второй выход?

– Да, майстер инквизитор. Так сподручней носить дрова или воду...

– Запереть, – велел он коротко. – Ключ – мне; выход будет один, и будет под круглосуточным надзором: попеременно здесь будем находиться я, мой помощник и Ян.

– Меня вы по-прежнему в расчет не берете? – насупился рыцарь; Курт кивнул:

– Беру. Но на крайние случаи. Ваше легкомысленное отношение к проблеме вызывает опасение, что исполнить свои обязанности вы можете

недобросовестно – попросту не придав им должной значимости. Да и, как уже упоминалось, ваши навыки остаются неизвестными.

– Так испытайте их, майстер инквизитор, – предложил рыцарь, даже не пытаясь скрыть оскорбленную гордость. – Докажите хваленое мастерство макарита, о котором все говорят; пока я слышал лишь слова, но не видел дйла.

– Возможно, в ваших словах тоже есть зерно истины, – согласился Курт, – и мне действительно стоило бы взглянуть, на что вы способны, хотя бы для того, чтобы знать, в чем можно, а в чем не следует на вас положиться. Вот только есть одна неприятная деталь: вы не стремитесь обосновать утверждение, что являетесь сносным бойцом, господин фон Зайденберг, не желаете доказать собственную полезность в сложившейся ситуации – вы просто жаждете поставить меня на место и восстановить попорченное самолюбие. Если же я в навязываемой вами стычке одержу верх (а так и случится, всего верней), из вашего раздражения и откровенного нерасположения ко мне вырастет ненависть, а это весьма некстати. Вражда нам ни к чему. Будем полагаться на ваши заверения, а также на то, что прежде, нежели обрести право на рыцарскую цепь и меч, претендент обязан доказать умение владеть этим самым мечом. Бродячий же образ жизни, я полагаю, не способствует тому, чтобы позабыть обретенные навыки.

– Весьма виртуозно вы ушли от вызова, господин фон Вайденхорст, – неприязненно усмехнулся рыцарь.

– Это был вызов? – уточнил Курт с подчеркнутым удивлением. – Наверняка вы знаете, господин фон Зайденберг, что вызвать инквизитора вы не можете; стало быть, учитывая примененное ко мне обращение, вы говорили с имперским рыцарем. К вашему великому сожалению, оный временно почил и воскреснет лишь тогда, когда вся эта эпопея завершится; вот тогда мы и поговорим на эту тему снова. Если останемся живы. Пока же предлагаю не раздувать распри и заняться делами, обозначенными на моей лекции.

– А почему мы должны подчиняться вашим распоряжениям? – усомнился фон Зайденберг. – Кто, собственно, назначил вас главным?

– *Si alii potestatis vestrae participes sunt non potius ego?*^[20] – пожал плечами Курт. – Беретесь поспорить с Господом на эту тему?

– Он инквизитор, – напомнил Ван Ален доброжелательно. – Я б на вашем месте не шибко ерепенился; даже я не бунтую. Признаете вы его правоту или нет, не это главное: главное, что, отчитываясь начальству, он упомянет о вашем поведении, а это будущее не особо радужное.

– Я знаю, как работает инквизиция, – упрямо возразил фон Зайденберг. – Следователи вроде него пишут запросы, а вышестоящие решают, позволить ли им принимать участие в деле и есть ли это дело вообще. Здесь нет вашего начальства, майстер инквизитор, и подтвердить ваши слова может только бродячий авантюрист и разгильдяй-конюх. Ваш помощник же – и вовсе лицо заинтересованное и подвластное.

– В отсутствие начальства любой инквизитор принимает решение сам, в зависимости от ситуации. Если же вы взглянете на мой Знак внимательней, господин рыцарь, вы увидите пометку, свидетельствующую о том, что я следователь, наделенный особыми полномочиями, *id est* мне самому дано право определять важность событий, могущих послужить причиной к расследованию, в иных случаях попирая даже мнение упомянутых вами вышестоящих. В нынешнем положении события сложились именно таким образом. Дело о ликантропе открыто, все присутствующие – его участники, а я – следователь Конгрегации, от чьего решения зависит, что, как и кто будет делать. Моя первоочередная задача состоит в защите свидетелей и потерпевших (словом, всех вас), задача вторая – по возможности нейтрализовать угрозу.

– Все ошибаются.

– Хорошие слова, – согласился Курт. – Весьма своевременные; подумайте над ними. Разве что в понятие «все» вы по каким-то причинам не входите, а потому непогрешимы.

– А я думаю, майстер инквизитор прав, – решительно отрубил торговец. – Вам, господин рыцарь, просто-напросто зазорно повиноваться младшему летам, вот и вся история. А только, знаете, во всяком деле есть свои знатоки; я, к примеру, своему помощнику, что в городе остался, доверяю без страха, хоть ему от роду годов и немного, а вот лучшему своему приятелю не поручу даже груши подсчитать, хоть знаю его не первый десяток лет и во всем прочем уважаю и даже, бывает, слушаю. Не лезете ж вы к портному с советами или к кузнецу с придирками. Смирите гордость, господин рыцарь, она сейчас ни к чему.

– Полагаю, у всех прочих с этим не будет никаких проблем, – пренебрежительно покривил губы фон Зайденберг. – Дело привычное.

– Нет бесчестья в разумении, – наставительно возразил Феликс. – А по моему разумению, здесь есть два человека, которые знают, что творится и что с этим делать, потому и слушать их советов не стыдно, когда сам ни бельмеса, прости Господи, в этом не смыслишь.

– Здесь только я думаю, что тревога возводится на пустом месте? – повысил голос фон Зайденберг, обведя взглядом зал. – Или кто-то еще

понимает, что прав я?

– Я с вами согласен, господин рыцарь, – кивнул крестьянин в окружающей тишине, так же призывно одарив пристальным взглядом всех присутствующих. – А вы – что же? Неужто впрямь верите в то, чего не видели?

– Я бы заметил, Йозеф, – не услышав более ни одного отзыва, вздохнул Курт, – что Христа ты не видел тоже, и из твоей логики вытекают неприятные для тебя выводы, но что-то сегодня я на долгие допросы не настроен... Итак, господин фон Зайденберг, попытка бунта провалилась. На чем порешим? Вы и впредь намерены помахивать ножом у моей спины, или все же мы попытаемся восстановить здесь хотя бы видимость мира и порядка?

– Я вам не подчиняюсь, майстер инквизитор, – все так же не скрывая неприязни, проговорил рыцарь неспешно. – Приказывать себе не позволю. Оставляю за собою право ваши решения оспаривать; я не стану делать вид, что вы пророк Господень, я не буду вам поддакивать. Однако буду помогать вам в том, что вы сочтете нужным сделать – просто для того, чтобы у вас не зародилось подозрений на мой счет, дабы вы не вывели, что я пытаюсь мешать вашей работе, что наказуемо. Обвинения от Инквизиции мне ни к чему.

– Итак, перемирие, – согласился Курт благодушно. – И уж коли вы так рветесь принять участие во всеобщей мобилизации, вам поручается сопровождение наших дам, которые после завтрака отправятся на заготовку воды. Прочие запасаются топливом под охраной Бруно. Под надзором одного охраняющего находятся не более двоих разом, иначе в охране мало толку. Господина фон Зайденберга через четверть часа сменит Ян, моего помощника – я: сопровождающий должен быть в силах, бодрым и не закованым. Вопросы?

Глава 5

Вопросов задавалось немного: нелегкая работа по обеспечению их вынужденного маленького форта необходимым для возможной осады была немудрена и однообразна. Три выхода на звенящий зачерствелым снегом мороз, неподвижное стояние подле объекта присмотра, отогревание застывшего тела внутри, и снова в снег...

Альфред Велле суетился, силясь разложить запасы дров и угля и расставить емкости с тающим снегом так, чтобы не сотворить хаоса в его до вчерашнего вечера тщательно вылизанном уютном гнездышке, Берта пыталась заниматься стряпней, неизменно натываясь в не особенно просторной кухне на очередного водоноса, а притихший фон Зайденберг одарял майстера инквизитора все более недружелюбными взглядами. Максимилиан Хагнер взирал на происходящее из-за дальнего стола с заметной обидой: этим утром парень явился в трапезный зал с нездорово покрасневшими щеками, блестящими глазами и глухим кашлем, посему даже у Курта, обыкновенно не отличавшегося излишней любовью к ближнему, не повернулся язык выгнать мальчишку на мороз, невзирая на его заверения в собственном здравии. Трактирщик, то ли продолжая гнуть линию неправдоподобного человеколюбия, то ли опасаясь за и без того нарушенный порядок в своих владениях, отверг и его предложение помощи по хозяйству, и теперь в глазах парнишки читалось неприятие ко всему миру вообще и наличествующему здесь взрослому люду в частности.

Обед пришелся на время, более приличествующее ужину, когда световой день почти иссяк, а мутная белая пелена за окнами стала пеленой тусклой и мгlistой, и Курт после сопровождения каждого постояльца в монументальное здание бывшей башни наложил veto на любую деятельность вне стен. Обитатели трактира расселись за столами в молчании, утомленные принудительными работами и холодом, и поданный им обед-ужин смели в одночасье, лишь чуть расслабившись, когда от снеди перешли к поглощению напитков, в этот вечер особенно многообразных. Призыв охотника не увлечься был выслушан всеми, всеми пропущен мимо ушей, и Ван Ален умолк, судя по всему, предпочтя не нагнетать обстановку.

Фон Зайденберг, до сего вечера восседавший в одиночестве, перебрался к крестьянину за стол, заведя с тем беседу столь долгую и нехитрую, что Курт мысленно сделал ставку на то, что, скорее всего, знает,

какие в своих скитаниях кичливый ратоборец перепробовал способы добычи пропитания – в последнее время увидеть рыцаря, в полуголом виде копошащегося на крестьянском огороде за мзду, было делом пусть не обычным, но все ж нередким...

Ван Ален, точно не видя испепеляющих взглядов Карла Штефана, перебрасывался с окончательно осмелевшей девицей невзначай общими фразами и весьма откровенными шутками; торговец Феликс, косясь в быстро темнеющие окна, кажется, пытался молиться, хотя, с тем же успехом его бормотание могло быть и выражением иных, более простых и приземленных мыслей и слов. Амалия Хагнер, сидя рядом с сыном, обеспокоенно поглядывала вокруг, по временам прикладывая ладонь к его лбу и что-то тихо ему выговаривая. Максимилиан хмурился, кивая, и в тарелке с несъеденной кашей ковырялся неохотно и равнодушно.

– В такую минуту случается что-то вроде озарения, – тихо заметил помощник, подолгу останавливая взгляд на каждом присутствующем. – Сейчас понимаешь, что вот это – последний раз, когда возможно увидеть всех... вот так. Завтра кого-то из них здесь может уже не быть. Или, как знать, всех нас.

– Да ты *optimista*, – хмыкнул Курт. – Умеешь поддержать в трудные времена добрым словом.

– Не согласен?

– Все не так плохо. В конце концов, кое в чем ты вчера был прав: каменные стены, непрошибаемая дверь. Если никто из них не станет делать глупостей – мы здесь, прошу прощения за *lusus verborum*^[21], как за каменной стеной. Или как у Христа за пазухой; хотя Ян, думаю, предпочел бы оказаться за пазухой Девы Марии.

– «Все не так плохо»? – переспросил Бруно с насмешливым недоверием. – Брось, я тебя знаю, Бог дал, не первый год; ты так не думаешь. Сегодня ты сидишь над своей доской в одиночестве и с упоением пытаешься разгромить самого себя, и ни разу за вечер я не услышал предложения сыграть. Такое с тобою случается лишь тогда, когда все твои мысли заняты чем-то серьезным; а с чего бы тебе так тревожиться, если б ты был уверен, что все в порядке?

– Почему он не вошел сюда? – не ответив, вопросом пояснил Курт. – Если дело в Яне, если он боится быть узанным... Значит ли это, что, стряхнув охотника со следа, ликантроп стал выслеживать его сам? Что он здесь не случайно, а с целью в этом тихом местечке избавиться от преследователя?

– И?

– И это означает, что у него должен быть план. Грызть окованную дверь с ладонь толщиной, согласись, как план не годится. Поджечь ее невозможно, этот трактир снаружи вообще не снабжен ничем воспламеняющимся; ergo, выкурить нас отсюда нельзя. Пушка или тючок с порохом у него навряд ли завалялись в кармане. И, сколько б я ни думал, я просто не могу увидеть слабого места в нашей обороне – кроме, разумеется, самих обороняющихся, могущих выкинуть какую угодно глупость – однако просто сидеть и ждать этого на его месте я бы не стал. А это означает, что у него припрятана пара меченых костей в кулаке.

– Или пара приятелей на подходе? – осторожно предположил Бруно; он вздохнул, неприязненно поморщившись, и убрал битого коня своего *alter ego* с доски.

– Ян тоже это сказал, – не сразу отозвался Курт, глядя на двухцветную поверхность задумчиво. – Он сказал «возможно». А опыт показывает, что наиболее исполняемым в нашей жизни законом является закон подлости, и в соответствии с ним будет именно так: охотников мы не дождемся нам в помощь, а вот явление еще пары тварей вполне ожидаемо.

– Они собрались в стаю; быть может, в этом разгадка?

– Наверняка, более чем уверен.

– И для чего бы? Есть мысли?

– Ни единой. Ян не имеет представления об этом, и опыт зондергрупп ничего не подсказывает, но не думаю, что это просто сезонная миграция. Там, в их внутреннем круге, что-то происходит, возможно, что-то судьбоносное не только для их сообщества... Наравне с прочими я обдумываю и такую версию: задача нашего соседа состояла лишь в том, чтобы задержать здесь охотника, пока остальные совершат то, для чего собрались. Даже если метель утихнет, Ян не покинет этих мест, пока не убедится в том, что ликантропа здесь нет, или пока не убьет его.

– Не особенно радостная новость, – ввернул трактирщик, подступивший к их столу с кувшином, и осторожно установил пузатый сосуд меж стаканов и тарелок. – Не приличествует человеку моего занятия хаять постояльцев, но уж больно постоялец беспокойный.

– Думаю, опасаться тебе нечего, – утешил его Бруно. – Если такое и случится, этот наверняка соорудит себе ту самую берлогу в ближнем лесу и ликантропа будет выслеживать оттуда... Постой, – удержал он, когда Альфред Велле со вздохом развернулся, и кивнул в угол на дальний стол: – Дай-ка парню мясного отвара с перцем. Ну, и его матери чего-нибудь, чтоб она ему в рот не смотрела. Я заплачу, не бойся, – оговорился помощник, и трактирщик с готовностью кивнул, отходя.

– Всякому человеколюбию есть пределы, – заметил Курт с усмешкой. – Все же разориться на нечто большее, нежели блюдо «Не дам подохнуть с голоду», его не хватает. Наш трактирщик праведник, но на поверку не святой. В отличие от тебя... Или бьешь клинья к мамаше?

– Отвали, – равнодушно откликнулся Бруно, наклоня к стакану доверху наполненный кувшин. – Чего, по-твоему, можно ожидать, если ликантроп здесь именно для этого – просто не дать выйти отсюда в ближайшие... сколько? Дни? Неделю?

– Не знаю и, думаю, спрашивать совета в этом вопросе у нашего *expertus*'а смысла нет. Быть может, все ограничится тем, что он просто будет подъедать всякого, кто окажется снаружи в часы его бодрствования в зверином обличье, или станет отлавливать тех, кто решится уйти из трактира вовсе – ведь в любую сторону пешком прежде темноты не добраться.

– Если так, то все мы в относительной безопасности. Если, конечно, то, что они задумали, через месяц не отзовется гибелью Вселенной... Еще версии есть? Эта мне что-то не по душе.

– Есть. Например, такая: наш brave охотник не все нам рассказал. Опасаясь паники или инквизиторского внимания к собственной персоне... либо просто не желая делить лавры. Есть у всевозможных личностей, подобных ему, дурная черта характера вроде профессиональных тайн или личного интереса к делу. Ликантроп задрал его подружку, приятеля, дядю или любимую собаку – и этого вполне достанет для девиза «никто, кроме меня». Возможно, и у него самого зреют тайные планы и имеются в активе мелкие детали, не высказанные нам. Тогда все мои предположения бессмысленны, ибо зиждутся на шатком основании неполных сведений.

– Не желаешь поговорить с ним?

– Не сейчас, – вскользь бросив взгляд в сторону охотника, возразил Курт со вздохом. – Сейчас, даже если я прав, и он что-то скрывает от нас, он ничего не скажет – не оценил еще важности наличия союзников в своем положении. Прежде, судя по всему, ему и впрямь не доводилось работать вот так. Он являлся на место, проводил дознание, отслеживал цель и устранял ее, посему от сограждан ему доставались либо неведение, либо откровенная благодарность – парни смотрят с завистью, мальчишки с преклонением, девицы с визгом виснут на шее... Он просто не знает еще, что такое эти парни и девицы на промежуточном этапе работы. Когда он это осознает, к нему и можно будет подобраться с предложением разговора по душам. Надеюсь, благодаря фон Зайденбергу и этому деревенскому битюгу он постигнет сей прискорбный факт довольно скоро... Гляди-ка, –

понижив голос до шепота, заметил Курт с усмешкой, – похоже, парню твое угощение пришлось не по вкусу.

– Максимилиан! – остерегающе окликнула Амалия, и помощник обернулся, глядя на мальчишку, направляющегося к их столу с решительным видом бойцового пса.

– Вы заплатили за это? – без предварительных вступлений уточнил Хагнер, кивнув через плечо на стол, где перед его матерью исходили паром две внушительные миски; Курт вскинул руки:

– На меня не смотри. Это он.

– Что-то не так? – уточнил Бруно осторожно; мальчишка поджал губы.

– Ответьте, что вам нужно, – твердо потребовал он. – Что за странная заботливость?

– Ни одно доброе дело не остается безнаказанным, – притворно вздохнул Курт, передвигая короля. – Сейчас он повергнет тебя в прах за излишнюю добродетель.

– Ты болен, – пояснил помощник, в сторону своего начальства даже не взглянув. – Я вижу, тебе совсем паршиво. А та снесь, что владелец подает вам с матерью по доброте душевной, не способствует восстановлению организма; кроме того, ребенку в твоём возрасте...

– Я не ребенок, – возразил Хагнер, и Бруно серьезно согласился:

– Я вижу. Жизнь, как у тебя, учит взрослеть душой быстро. Но твоё тело думает иначе, и если ты сейчас продолжишь подыгрывать твоему самолюбию, на свою и без того утомлённую мать ты взвалишь ещё и заботы о больном сыне. Не тревожишься о себе – пожалей хотя бы её.

– Так в этом дело? – с прежней враждебностью уточнил парнишка. – Надеетесь подкатиться к матери, потакая мне? Учтите...

– *Satis!* – повысив голос, оборвал Курт, и Хагнер запнулся, косясь на него с ожиданием. – Стоп, – повторил он чуть тише. – Если твои опасения связаны с благочестием твоей родительницы, можешь успокоиться: мой помощник в этом смысле безвреден.

– Он скопец?

– Хм, – задумчиво проронил Курт. – А столь простое объяснение его воздержанности отчего-то прежде не приходило мне в голову... Нет, мой юный и крайне невоздержанный в словах друг, он сохранил дары Создателя в целостности и сохранности.

– Я монах, – пояснил Бруно с улыбкой. – И следую своим обетам непреложно. Мне ничего не нужно ни от тебя, ни от твоей матери, я просто пытаюсь оказать помощь ближнему. Такое объяснение ты можешь принять?

– С трудом, – чуть сбавив тон, не сразу ответил Хагнер. – До сих пор

мне нечасто попадались люди, желающие блюсти евангельские заповеди. Все больше ветхозаветные, вроде побивания камнями.

– Возвратись к столу, – посоветовал Курт, – возьми пищу свою и ешь. Не то остынет, и все заботы моего помощника пойдут прахом... Мог бы после своих обличительных речей сказать и «спасибо», – заметил он недовольно, когда мальчишка, помявшись, вернулся к матери. – Кроме того, что люди твари злобные, они еще и твари неблагодарные, не находишь?

– И желчные. Нахожу этому подтверждение каждый день по несколько раз.

– И не говори, – согласился Курт сокрушенно. – Искренне сострадаю тому бедолаге, что попытается всерьез заинтересоваться мамашей Хагнер... Если парень будет продолжать печься о благе матери в том же духе, он доведет ее до падучей; слышал, что вытворяют монашки после долгих лет воздержания? Сии протоколы особенно увлекательно перечитывать на ночь.

– Тебе срочно нужна девка, – приговорил помощник категорично. – После пары месяцев одиночества ты становишься невыносим.

– Занятный совет от блюстителя монашеских обетов, – отметил Курт, снова сместив взгляд на доску. – Увы, придется обождать, пока мы доберемся до места – его матушка не в моем вкусе, а Мария Дишер уже, судя по всему, занята со всех сторон. А ведь она девица любопытная, не находишь?

– В каком смысле?

– Она платит, – коротко откликнулся Курт и, повстречав вопросительный взгляд помощника, пояснил: – Я заметил – с трактирщиком за съестное расплачивается она, не парень. И расплачивается, не глядя. Не кажется тебе, что это не то, что принято называть «в порядке вещей»?

– И что, по-твоему, это означает?

– Это означает, что, в связи с ее невеликим возрастом, средства эти не могут быть личными сбережениями – даже при особенно благодушном или напрочь слепом, безруком и глухом отце. О смерти родителей она не упоминала, зато парень поминал ее отца, который вполне жив; стало быть, не наследство. Вернее вот что: перед бегством с этим Карлом или Штефаном она выгребла из отчих запасников все, до чего дотянулась, и опыт показывает, что – наверняка по совету любовничка. А если взглянуть пристальней на ее платье и сравнить с нарядом ее приятеля, история становится ясна, проста и безыскусна: не одаренный судьбой неудачник склеил обеспеченную горожаночку и соблазнил бежать из дому. Полагаю,

они сменяют еще три или четыре трактира, прежде чем она, наконец, проснувшись утром, не обнаружит подле себя его самого, своего кошелька, серег... быть может, даже и платья. Хотя, как знать, возможно, он намеревался провернуть это уже здесь, и лишь вся эта история с ликантропом и помешала ему. В любом случае, – подытожил Курт, поворачивая доску другой стороной, – это для нас неплохо.

– Неплохо – ограбленные родители или брошенная любовница?

– Ограбленные родители, – ответил он серьезно. – Если на бежавшую дочь можно и махнуть рукой, можно повздыхать, обозвать неблагодарной гадюкой и забыть, то деньги имеют обыкновение вызывать к себе куда как больше душевной привязанности. Просто девчонку искали бы лениво и походя, а вот девчонку с домашней кассой ринутся разыскивать всеми доступными силами, средствами и со всей возможной поспешностью. Думаю, как только погода чуть наладится, здесь обнаружится разъяренный глава семейства с пятком братьев, дядей и соседей. Или, в зависимости от количества исхищенного ею, как знать – может быть, они даже не станут дожидаться, пока метель утихнет.

– Ты не полагаешься на собственные силы? – уточнил Бруно с подчеркнутым удивлением. – Рассчитываешь на помощь? Нет, сегодня с тобою положительно что-то не то. Склонился к какой-то особенно неприятной версии, или это просто снежная болезнь и как следствие оной *depressio*?

– Это констатация фактов, – откликнулся Курт. – Как следствие реальности. В главном ты прав: как ни крутись, а жертвы неминуемы. Кто-то из них не послушает меня, кто-то решит, что умнее всех, кто-то обязательно сделает что-то – и все пойдет не по плану. Я не люблю, когда не по плану. Если б речь шла только о расчете на свои силы, даже при наличии хаотического фактора «охотник Ян Ван Ален», все было бы не так плохо. Но факторов чрезмерно много.

– В таком случае, довольно странно слышать от тебя выражение надежды на их умножение.

– Лишние люди, тем не менее, сейчас пришлись бы к месту, – пожал плечами Курт, пристально оглядывая доску. – Чем больше загонщиков, тем проще подобраться к хищнику. Однако это было скорее отвлеченным рассуждением; ни один даже самый закоснелый скряга не сунет носа из дому в такую пургу, и я не вижу ни единого намека на то, что завтра утром она внезапно закончится.

– И, – подытожил Бруно, – сделав круг, мы возвратились к началу: полагаться можно только на себя.

– С учетом всех факторов, – повторил Курт, оторвавшись, наконец, от игры и с усилием потерев лицо ладонями. – Темнеет, – вздохнул он. – Скоро ночь. Ты – спать; я останусь за часового первым, потом разбужу тебя. После очередь Яна.

– А что же наш неугомонный воитель?

– Я с превеликим удовольствием отстранил бы его от любого участия в этом деле полностью, однако это лишь растравит в нем его недовольство, которое – как знать, чем может выплеснуться... Ему оставим предутренние часы. Помимо всего прочего, в подобном распорядке есть и еще один *plus*: отдежурив до утра, следующие полдня он проспит и хотя бы какое-то время не будет путаться у меня под ногами... Партию перед сном?

– Одну, – предупредил Бруно, придвигаясь к доске ближе. – И только из сострадания к твоему мятущемуся духу. Покинуть тебя сейчас в столь угнетенном состоянии было бы крайне немилосердно.

– И несправедливо, – согласился Курт серьезно.

За игрой он почти не следил, без особенного усилия прореживая армию неприятеля; помощник передвигал фигурки лениво, не слишком раздумывая над ходами и явно не заботясь о выигрыше, исполняя обязанность противника лишь ради видимости. Сегодня, однако, напряженных баталий и не желалось – сейчас это апатичное перетаптывание с клетки на клетку было наилучшим фоном для мыслей, каковые, следовало признать, переминались так же вяло с ноги на ногу, точно позабывшие урок школяры. Сейчас эти мысли надлежало выстроить, наделить порядковыми номерами по степени значимости и вероятности воплощения и соотнести с предпринятыми мерами, убедившись в том, что сделано все возможное и ничего не упущено.

В существующем положении выбор средств был, в общем, невелик, и ничего, кроме уже совершенного, сделать было нельзя. Во владении Вольфа имелся старый охотничий лук, с которым тот временами охотился на кроликов, однако пребывало сие оружие в виде непотребном, ибо валялось позабытым уже второй год, да и прилагающиеся к нему стрелы не могли нанести сколь-нибудь серьезного вреда животному крупней собаки. В кладовой каморке Альфреда Велле обнаружили четыре некрупных волчьих капкана, используемые прежде по редкому случаю и позабытые; вряд ли эти ловушки могли нанести существенные раны ликантропу, хотя они были достаточно тяжелы и длиннозубы для того, чтобы доставить ему по меньшей мере основательные неудобства. После совещания с Ван Аленом, однако, идею окружить подходы к трактиру западнями было решено оставить: сугробы вздымались и перемещались, точно барханы в

хорошую песчаную бурю, не оставляя надежными никакие ориентиры, и гораздо более допустимой в свете этого выглядела вероятность обнаружить в одном из капканов кого-то из постояльцев. Снабдиться подходящим к случаю оружием также не оказалось возможным – хваленая сталь высшего качества, предмет гордости мастера инквизитора с помощником и надменного странствующего воителя, сейчас была некстати; разумеется, и она все же имела свой смысл, однако лишь в том случае, если удастся отхватить нападающему конечность или снести голову. Чугунная утварь была сходу забракована: о том, что воздействие на ликантропов имеет лишь способное к окислению железо, Курт знал еще по опыту зондергруппы Конгрегации, с главой которой поддерживал в последнее время отношения постоянные, посему результаты ревизии привели к тому, с чего начали – единственным человеком, вооруженным в соответствии с обстановкой, был и остался Ян Ван Ален. Из недр своего походного мешка охотник добыл набор стрел к своему ручному арбалету, среди которых, как успел увидеть Курт, находились и серебряные. «Стальные, – возразил тот, когда помощник осторожно подивился обеспеченности бродячего ловца живности. – Посеребрены. Решает сразу массу задач: экономит место в сумке – эти приспособлены для боя и с, к примеру, стригом, и с простым смертным тоже... да и стоит меньше. Ну, и смысла будет в серебряном заряде, если попадется стриг в доспехах?». «И часто доводилось встречаться со стригами?» – уточнил Курт, и тот вздохнул: «Да вот все жду».

Унылый юмор обстоятельств заключался в том, что, угрожай им сегодня стриг – и проблем было бы меньше. Как ни странно, с этим созданием, и более скоростным в сравнении с ликантропом, и более живучим, и оснащенным помимо когтей и клыков еще и психическими возможностями, от примитивного умения не дать себя увидеть до способности превратить человека в послушного раба – с ним совладать было бы куда как проще. Серебро, пресловутый чесночный сок, огонь, солнечный свет... Как показала упомянутая Ван Аленом ульмская история – даже освященные предметы нет-нет, да и имеют некоторое воздействие на отдельные разновидности стригов. По иронии судьбы, эта доисторическая блохастая псина является противником гораздо более опасным...

– Парень определенно тобой заинтересован, – заметил Курт негромко, с усилием отвлекшись от безрадостных мыслей. – Почувствуй родственную душу, не иначе.

Помощник удивленно вскинул взгляд, глядя на сумрачного Хагнера-

младшего, идущего к их столу – на сей раз вместе с матерью.

– Может, исповеди возжелал? – усмехнулся Курт и воззрился с ожиданием, когда оба остановились подле, глядя в пол и переминаясь с ноги на ногу.

– Я... – начал мальчишка нерешительно и, прокашлявшись, договорил: – Я хотел извиниться.

– Не хотел, – возразил Курт убежденно, и тот поднял голову, глядя по-прежнему мимо его глаз.

– Да, не хотел, – согласился Хагнер с готовностью. – Я хотел сказать спасибо. Признаю, с моей стороны не поблагодарить вас было неучтиво. Но лично я полагаю, что извиняться мне не за что.

– Максимилиан! – начала Амалия испуганно, и помощник воспрещающе вскинул руку:

– Нет, не надо. Он, в общем, прав. Он заботился о тебе.

– Больше некому, – произнес мальчишка просто; Бруно кивнул:

– Понимаю.

– И все же простите, – неловко улыбнулась она. – И... еще раз спасибо.

– Брось, – отмахнулся помощник. – Было бы за что. И, послушай, пока все это продолжается, пока мы вынужденно заперты здесь – если вам будет что-то нужно, если потребуется помощь...

– Зачем вы это делаете? – перебил Хагнер; Бруно указал на скамью против себя:

– Присядьте. Разговоры о мировоззрениях краткими не бывают... Как ты себя чувствуешь? – поинтересовался он, когда оба осторожно, словно боясь уколоться, опустились на скамью; мальчишка пожал плечами:

– Нормально. Я вообще не болею. Ну, обычно. Через пару дней все будет в порядке. Так зачем вам о нас заботиться?

– Как ты там сказал – «больше некому»?.. Наш радушный хозяин, конечно, добрый христианин, просто выгнать на мороз попавших в беду – да, не отважился, однако на большее и он не способен.

– А вы, майстер инквизитор – самаритянин?

– Я не инквизитор, – поправил Бруно наставительно. – Я лишь помощник. И, коли уж о том речь – отчего бы *помощнику* не помогать? «*Unusquisque proximo suo auxiliatur et fratri suo dicit “confortare”*».

– Всякий помогает своему ближнему и говорит своему брату: «крепись», – перевел Курт, и мальчишка недоверчиво качнул головой:

– Так то ближнему.

– А ближе здесь присутствующих, – возразил Бруно, – к нам сейчас

никто больше не находится. Это просто, Максимилиан...

– Макс.

– Макс. Это просто. Мы сейчас все зависим друг от друга, от благополучия каждого из нас зависит благополучие всех других. Первой называю тебе причину выгодную, потому что именно такому объяснению, кажется, ты скорее поверишь. Вторая причина столь же простая и практичная – я ведь просто могу помочь. Почему б и нет? И третья: как служитель Конгрегации я обязан помогать людям, оказавшимся в затруднительном положении по вине обстоятельств, связанных с чем-либо сверхъестественным. Сейчас это заключается в том, чтобы помочь вам пережить эти нелегкие дни, ставшие особенно нелегкими по вине того создания. Есть и еще причины, к примеру, такая: как монах я обязан блюсти по мере сил и возможностей все данные человечеству заповеди. Ну, а сколько раз Господь поминал о том, что помощь нуждающемуся есть одна из первейших среди них – я боюсь сбиться со счета. И вот еще одно: даже звери, угодив в беду, бывает, защищают друг друга.

– Бывает, – неопределенно повторил парнишка. – А вот о людях такого не скажешь. Хотя зверям никто никаких заповедей не давал.

– Заповеди у них есть, – назидательно возразил Бруно. – Точнее – одна: сохранить свой вид. Это у них в крови. Поэтому они рискуют собой, к примеру, защищая детенышей и тем продлевая существование рода вообще.

– Так я – как тот детеныш? Хотите мною продлить существование рода человеческого?

– А ты против?

– Даже не знаю, – с сомнением передернул плечами Хагнер. – Не думаю, что в смысле блага человечества вы на того человека делаете ставку.

– Максимилиан, – строго повысила голос Амалия, и тот запнулся, смолкнув и отведя взгляд. – Оставь бессмысленные споры. И тебе пора в постель, ты очень нехорошо выглядишь.

– Да, мам, – неожиданно легко согласился мальчишка, поднимаясь, и, помявшись, вздохнул: – Простите, если я вам опять нагрубил. Я просто не привык говорить с людьми.

– Все настолько плохо? – уточнил Курт, когда Хагнер ушел; Амалия смущенно опустила взгляд:

– Последние пару лет мы в неизменных скитаниях. Это, майстер Гессе, не особенно помогает тому, чтобы завести друзей. Да и прежде он приятелями избалован не был – сами понимаете, такая семейная история...

– Я, знаешь ли, с твоим сыном согласен в одном, – произнес Курт с невеселой усмешкой. – Говорил это своему помощнику уже не один десяток раз за время нашей совместной службы, а он все пытается меня оспорить – безуспешно, как правило... Люди, Амалия, премерзкие твари. Твои соседи, которые не давали тебе проходу и плевались в спину Максусу, в тайниках души могли иметь сколь угодно гнусные грехи, перед которым наличие внебрачного ребенка меркнет. Кстати сказать, меня всегда удивляло отношение подобных личностей к самим детям, будто те могли гордо вздернуть нос и отказаться вылезать из невенчанной утробы.

– Он сильный парень, – заметил Бруно негромко. – И в самом деле повзрослел рано... И не будь к нему слишком строга. Ты хорошо его воспитала.

– Жизнь воспитала, – возразила Амалия тяжело. – И, наверное, мой отец. Однажды... Максимилиан тогда был совсем еще ребенок... он пришел домой, плача – кто-то из соседских мальчишек обидел его. Знаете, дети бывают очень жестоки.

– Учатся у взрослых, – пожал плечами Курт. – И превосходят своих учителей.

– Наверное... Тогда мой отец сказал ему, что он не будет вечно рядом, чтобы защищать его, что он не сможет вмешиваться всегда и всегда оберегать и его, и меня. Что надо учиться самому это делать, или жизнь станет невыносимой. Что когда-нибудь ему придется защищать себя и – меня... Наверное, Максимилиан его слова воспринял слишком всерьез.

– Тебе с сыном повезло, – уверенно сказал Бруно. – Да и с отцом тоже.

– Зато с отцом не повезло твоему сыну, как я погляжу, – заметил Курт, и Амалия потупилась. – Где все это время был он? Или...

– Нет, я знаю, кто его отец, майстер Гессе, – оборвала она строго, не поднимая взгляда. – Я была юна и наделала глупостей, но я не была настолько безрассудна.

– А я и не склонен обвинять тебя в чем бы то ни было, – снова пожал плечами Курт. – Поверь, после того, что я насмотрелся на своей службе, столь неудобное устройство личной жизни, по моему убеждению, вообще с трудом тянет на понятие греха. Если тебе не хочется говорить об этом, я не буду настаивать. Просто все та же моя служба показала, что иногда людям хочется поговорить о том, что их терзало всю их предшествующую жизнь, а случайные встречные вроде нас – идеальные собеседники. Инквизиторский Знак на шее, наверное, может несколько подпортить общее впечатление, но ведь не заимела же ты детище от проезжего беса?

А кроме того, закончил он мысленно, глядя, как печально вздыхает

Амалия Хагнер, это уже просто привычка – задавать вопросы и лезть в чужую душу. Как можно пройти мимо чьей-то истории, если она хоть чуть не обыденна и может отвлечь заполненные неразрешимыми вопросами мысли? Чужие проблемы развлекают, в отличие от собственных...

– Его отец не мерзавец, как вы подумали, – выговорила она, наконец. – И он не бросил меня. И мы даже собирались вступить в брак; просто он умер, не успев исполнить своего намерения.

– Мне жаль, – вздохнул помощник; Амалия благодарно кивнула.

– Он нанялся к моему отцу на мельницу, – пояснила она со смущенной улыбкой. – Мне едва исполнилось шестнадцать тогда... Опасный возраст.

– И не говори, – согласился Курт, скосившись на помощника; Бруно нахмурился, исподволь показав начальству кулак под столом.

– Он был сильным. Максимилиан наверняка многое у него унаследовал, кроме имени. Хотя отец говорил, что давать ребенку имя покойника плохая идея, но я думаю – это суеверие. Сколько на белом свете людей с похожими именами, среди них и именами давно почивших?.. Я назвала его именем его отца. Он тоже никого и ничего не боялся...

– И это его сгубило, – предположил Курт; Амалия неопределенно шевельнула плечами:

– Наверное, можно сказать и так... Он любил плавать. Знаете ведь, какие пороги на мельничных реках? Он любил их преодолевать. Камни, низкое дно, коряги в выбоинах, целые водопады – а он их проплывал. Иногда уходил купаться ночью, когда ничего не увидеть – и все равно выплывал невредим, даже не ранился о валуны в воде. Я... я, бывало, приходила на это посмотреть. Это было зрелище жуткое такое и... не знаю... Я, наверное, тогда в него и влюбилась. А однажды он ушел и не вернулся. Мы отправились на поиски, а нашли только одежду на берегу – и все.

– А тело? – уточнил Бруно; ее передернуло.

– Через четыре дня, – ответила Амалия тихо. – На несколько миль вниз по реке; застряло в корягах у берега. Я его едва признала. Знаете, рыбы... и хищники... А через пару месяцев я поняла, что в положении. Отец был в ужасе... Но, накричавшись, успокоился. В этом вы правы, с отцом мне повезло. Я боялась, он невзлюбит внука, но напрасно – пока он был жив, соседи хоть и ворчали вслед, но все ж на откровенные гадости не отваживались. Но когда отец умер, все стало совсем плохо. Работники от меня разбежались, мельница наша в округе не единственная, заезжать к нам перестали... Да и не это главное, выжили б как-нибудь. Тут в самих соседях дело.

– Неужто все было настолько серьезно, что пришлось сниматься с места?

– Нам ворота мельницы облили смолой, майстер инквизитор, – болезненно улынулась Амалия. – И ведь не поскупились же. И сказано было – вроде как и не напрямую, но все ж сказано – что в другой раз смола-то может и загореться... Быть может, и с этим можно было б сладить, но скажите – как мне учить ребенка жить в окружении таких людей? Или он должен будет впредь поставить их на место, или за собой признать место, которое они ему указали, иначе никак. И вот так выходит: или вечная вражда, или унижение. А я ни того, ни другого для своего сына не хочу.

– И сколько ты намерена от этого бегать? – с невольной укоризной спросил Курт. – Ведь не вечно же. Везде будут люди – точно такие же. И проблемы те же самые. А ведь жизнь на месте не стоит.

– Вы к чему это?

– О себе бы подумала. Судя по тому, как твой сын накинулся на моего помощника, ухажерами ты себя не балуешь, и ему сама мысль об этом не особенно приятна.

– Да и мне тоже, майстер инквизитор. Пока Максимилиан был мал, у меня попросту времени и сил не оставалось на такие думы, а теперь... Уж поздно.

– Побойся Бога, – теперь уже с явным укором оспорил Бруно, и та, порозовев щеками, потупилась.

– Спасибо... Только все равно. Не хочется. Быть может, я тогда просто выгорела, и никто другой мне уже не нужен... Вы меня, наверное, не поймете.

– Отчего же, – возразил помощник, кивнув на Курта. – Знаешь, почему он смотрит сейчас на меня с такой же жалостью, что и на тебя? Потому что ему известна одна-единственная причина, которая и подвигла меня помочь тебе и сыну; причина весьма личная. Просто кое-кого вы мне напомнили, кое-что внутри меня разбудили. Я ведь монахом не родился. У меня прежде была семья – жена и сын. Ему сейчас было бы лет девять.

– Он умер?..

– И он, и жена. Я тоже с тех пор ни с кем так и не сблизился, посему – нет, Амалия, я тебя понимаю.

– Потерять ребенка – это ужасно, – с трепетом проговорила она. – Просто... просто не могу себе представить, что бы со мною стало, если б с Максимилианом приключилось несчастье. Тогда уже точно жить было бы не для чего.

– Были и у меня подобные мысли. Порою мысли едва не доводили до

дела.

– И вы спаслись в вере?

– В неверии, наверное, – усмехнулся Бруно, снова указав на свое начальство. – В один прекрасный день мне подвернулся он и взял на службу, особенно меня и не спрашивая. Тогда я полагал, что работа инквизитора – блажь и вздор, но узнал столько нового, столько... страшного, ужасающего порой, что мнение свое переменил довольно скоро. И – нашел себе цель в жизни. Делать то, что в моих силах, пока я в силах это делать. Чувствовать себя нужным – вот чего на самом деле хочет человек. В этом если и не тайна счастья, то некоторый секрет спокойствия уж наверняка.

– Если б все было так просто, – возразила Амалия тихо и, встряхнувшись, тщетно попыталась изобразить улыбку: – Простите. Мне надо уйти. Максимилиан говорит, что чувствует себя хорошо, но я все же хочу быть рядом с ним. У него жар... Он действительно редко болеет, поэтому, когда это все-таки случается, я просто сама не своя. У меня другой цели в жизни нет и вряд ли будет.

– Обращайся, если будет нужна помощь, – повторил Бруно настоятельно.

– Не обратится, – возразил Курт, глядя ей вслед. – Знаю таких. Эти тихони могут поплакать, могут вот так выговориться первому встречному, пожаловаться, раскрыться всей душой, а бывает – и телом, могут вызвать на жалость и добиться того, чего хотят, но, когда речь идет о том, чтобы прямо попросить – тут их клинит. Для себя она просить не будет никогда, да и ради отпрыска попросит, только если он начнет отдавать Богу душу.

– По-твоему, она настолько практична?

– Нет. Она даже не осознает всего этого – действует инстинктивно, а потому с переменным успехом. Просто она никому не верит.

– Тебе это должно быть по душе.

– Никому не верь, – согласился Курт, пытаясь возвратиться мыслями к игре и припомнить, какие ходы выдумал до явления разбитой семьи. – Это хорошее credo. Но пользоваться окружающими надо, тем не менее, уметь, иначе жить будет несладко... И все же не вздумай постучаться к ним в комнату средь ночи с предложением помощи. Не так поймут. Шах.

* * *

Партия завершилась через минуту, и Курт, выдворив помощника и Ван

Алена отсыпаться перед дежурствами, вновь развернул в боевую готовность обе армии, в очередной раз пытаясь сразить себя самого. Над головой время от времени еще что-то шебуршало, кто-то прохаживался по скрипящим половицам, производя какие-то вечерние приготовления, однако все стихло довольно скоро – общаться постояльцам было незачем и не о чем после проведенного бок о бок дня, да и вряд ли у кого-то из них остались на это силы. Тишина не нарушалась ни шагами, ни голосами, и лишь неправдоподобно терпеливая Импала изредка недовольно фыркала, пытаясь устроиться на сон в своей тесной кладовке.

Ночь за запертыми ставнями царапалась в стекло, завывая в трубе и под крышей, однако назойливого волчьего воя сегодня слышно не было. Быть может, и в ту, первую, ночь это в самом деле были просто-напросто волки, которые теперь разбежались, внезапно обнаружив на своей территории чужака, с которым их звериный инстинкт подсказал не связываться и убраться с его пути восвояси? Или голос, слышанный тогда, принадлежал их неведомому противнику? Если в допущениях Ван Алена есть хоть доля вероятности, то вполне может случиться, что это был клич, призыв, посланный находящимся поблизости сородичам, которые этой ночью попытаются предпринять что-то вместе со своим разведчиком, обнаружившим здесь докучливого охотника...

Арбалет Ван Алена, этот переходящий жезл охранителя спокойствия, и две железные стрелы лежали рядом на столе: в случае внезапных осложнений присутствующий в трапезной зале часовой должен был успеть в самом худшем случае задержать здесь нападающего, пока не подоспеет помощь, а в лучшем – пришпилить тварь к стене. Однако ни сам Курт, ни охотник, ни даже Бруно, не имеющий реального опыта встреч с какими-либо существами подобного плана, не представляли себе, каким образом ликантроп может очутиться внутри трактира – вынести эту дверь без пособника и хорошего тарана не смог бы и стриг, чьи невероятные возможности майстер инквизитор некогда сумел оценить лично. Вряд ли сил одного, пусть и очень большого волка хватит на то, чтобы проломить или подвинуть с места два ряда окованных досок, посаженных на петли в два пальца толщиной. Арбалет посему оставался лишь чем-то вроде утешительного талисмана, присутствие коего должно вселять в одинокого часового уверенность в своих малых силах, а вот запертая толстая дверь – охранником, чья защита на поверку куда реальней и надежней.

И талисман, и охранника в неповрежденном и неизменном состоянии Курт сдал Ван Алену спустя три часа. Из-за стен по-прежнему не доносилось никаких иных звуков, кроме тяжелой поступи морозного

бурана, и, засыпая, он слышал лишь снег и ветер. Сон пришел не сразу и был прозрачным, точно паутина, не впуская в себя сполна – когда охотник поднялся в комнату, дабы разбудить в его очередь Бруно, проснулся и Курт, выслушав и без того уже понятное уведомление о том, что все тихо и необъяснимо спокойно. Так же легко, сам собою, он вынырнул из этой невесомой дремы, когда возвратился помощник, сдав дежурство фон Зайденбергу; бросив из-под полуприкрытых век взгляд на то, как Бруно неспешно укладывается, Курт закрыл глаза снова и отвернулся, не задавая самоочевидно никчемных вопросов о ситуации внизу.

Итак, тишина.

Никого. Ни ликантропа, стремящегося проломить ставни и, разбив стекло, вскочить внутрь, кромсая людей направо и налево, ни человека, при свете дня пытающегося напасть на выходящих за пределы стен.

Безмолвие и тишина.

Во дворе трактира – никого, ни следа, только пустой, ровный, как свежесчищенный пергамент, снег. Еще одно утро. Которое по счету?.. Второе? Или третье... День полной силы оборотня... в который – как знать, возможно, тоже так ничего и не случится. Миновавшая спокойная ночь вселила в его подзащитных надежду на то, что ликантроп покинул эти места, и опасаться теперь уже нечего; разумеется, все этому только рады, и сложно их за это осуждать – для этих людей главное, что ничто больше не угрожает их жизням. Разумеется, вне себя от злости Ван Ален. Разумеется, недовольно вздыхает помощник и мрачно раздражается он сам. Для них троих главное, что теперь тварь будет угрожать чьей-то еще жизни – и не одной; и выследить его теперь будет непросто. Непросто?.. Да это фактически неисполнимо. Откровенно говоря, просто невозможно представить себе четкого плана действий в сложившейся ситуации. Вызвать сюда зондергруппу? Но каким образом... Отправить одного за помощью, а кого-то оставить здесь на случай, если ликантроп не ушел? Но кого... Самому осуществить разведку в окрестностях трактира? Это должно быть просто – кругом видно на многие десятки шагов, слышно скрип каждой снежинки под подошвой...

Стоп.

Почему?

Почему под подошвой – снег? Минуту назад была холодная простыня, потолочные балки над головой; как он оказался на улице?

И метель; кругом должна быть сплошная белая стена, метель, непроходимая вьюга, слепящая и оглушающая, воющая, подобно зверю; а сейчас – почему сейчас вдруг тишина и недвижимость, белое,

сверкающее на солнце, ровное покрывало лилейного серебра, словно в волшебном сне?..

Во сне.

Это просто. Просто во сне. Просто сон, в котором – утро, пустота и тишина.

Тишина...

Нет. Не тишина. Что-то есть в тишине. Что-то...

Что это за звук?..

Встать.

«Встать!»; это было так, словно знакомый до боли в буквальном смысле голос инструктора рывкнул над самым ухом, и тело поднялось само собою, исполняя приказ, пока все еще спящий разум силился понять, для чего это вдруг стало нужно, что происходит, да и происходит ли вообще, или все это – лишь игры его, разума, утомленного неизменными раздумьями об укrywшейся в ночи твари.

Бруно сопит в подушку, завалившись спиной кверху, остывающая жаровня уже перестала потрескивать угольками, снег по-прежнему лупит в стекло за ставней – все так, как было, как минуту, как час назад...

Все не так. Что-то не так.

Что?

«Встать»; зачем?..

– Встать!

Помощник подскочил, удивленно воззрившись на него, когда Курт рванул к двери, второпях, на ходу вколачивая себя в сапоги, слыша уже четко и явственно сквозь рыдающую за стенами бурю человеческий голос – на пределе крика, за порогом сил. В пустом трактирном коридоре уже можно было различить вой; не звериный, человеческий. Кто угодно мог спутать, почесть за обман слуха или скрип иссохшего на ветру дерева, за рев того существа, что таится в темноте, но он – он слишком хорошо знал, слишком часто слышал, как звучит человеческий голос, когда от боли вот-вот помрачится рассудок...

Крик ударил по слуху остро, словно плеть, уже близкий и отчетливый, донесшийся вместе с грохотом двери, и скрип засова, точно визг зарезанного борова, убил тишину решительно и бесповоротно.

Позади слышались грохочущие шаги помощника, чья-то дверь распахнулась, ударясь о стену; Курт прыгнул вперед, перескочив последние ступени лестницы, ведущей в трапезный зал, и на миг приостановился, одним взглядом пытаясь обозреть все, чтобы увидеть главное. Дверь –

цела; засов – в петлях, ставни – закрыты, очаг – согревает и дает свет, озаряя заставленную столами комнату и двоих людей, словно закаменевших посреди нее.

Фон Зайденберг стоял кособоко, точно выросшая посреди утеса сосна, пошатываясь, пытаясь нашить столешницу и опереться о нее; руки, грудь и колени его были в свежей крови – густой, яркой, горячей расплавленным рубином в слабом отсвете очага, и половина лица едва различалась за плотной кровавой маской. На полу, в шаге от подрагивающих ног рыцаря, корчился, исходя хрипом, ком мяса с головой крестьянина Йозефа Хельмера, изливая на выскобленные доски широко и свободно бегущий пунцовый ручей, перемешанный с крошками костей и ошметками плоти. Подбитый шерстью намокший кафтан вздулся пузырем, переполнившись всем тем, что прежде было заключено внутри его обладателя, и теперь из-под оборванной полы медленно, переплетаясь, точно змеи, вместе с кровавым потоком выскальзывали рваные зловонные потроха.

В дальних комнатах зашевелились разбуженные криком спящие постояльцы, и Курт, не оборачиваясь, повелел, зная, что помощник рядом и слышит каждое слово:

– Стой тут. Вниз никого не пускать.

– Какого черта!

Он не обернулся и услышав голос Ван Алена, приблизился к безмолвному рыцарю, похожему на призрак, замаранный неотмщенной кровью; на довольно бессвязные ругательства охотника, бросившегося к затихающему телу на полу, Курт внимания не обращал – невзирая на полное свое согласие с каждым произносимым им словом, любые вопросы могли подождать, кроме одного.

– Это зверь?

Фон Зайденберг вздрогнул от звука его голоса, отшатнувшись, смотря ошалело и пусто, и он вздохнул, переглянувшись с охотником; тот лишь покривил губы, присев перед изувеченным крестьянином на корточки. В данной ситуации молчание рыцаря и в самом деле являлось самой наглядной формой признания.

– Вы ранены? – задал Курт следующий значимый сейчас вопрос, и тот, наконец, с усилием разомкнул губы, нащупав-таки стол позади себя и навалившись на жалобно скрипнувшую столешницу всем весом.

– Он – ранен, – промолвил фон Зайденберг сквозь подрагивающие губы, и охотник, поднявшись, поправил:

– Он – убит. *Вы* как?

– Он был жив, когда я втащил его сюда, – возразил рыцарь упрямо. –

Он должен быть жив.

– Ему крышка, – повторил Ван Ален, выговаривая каждое слово четко и громко, словно обращаясь к престарелому соседу. – Это – труп, ясно? Я спрашиваю... черт, просто дай себя осмотреть.

– Я цел, – возразил рыцарь, оттолкнув его руку, – это не моя кровь.

– О, Господи! – прорвался с вершины лестницы полный ужаса голос трактирщика, потонувший в оглушающем визге Марии Дишер.

– Не подходить! – не глядя, воспретил Курт, поморщившись, когда голоса на верхней площадке стали многочисленней и громче.

– Боже мой, он убит! – ахнула Амалия, и помощник шагнул ей наперерез, преградив рукой проход к лестнице.

– Уходи, – попросил он настоятельно. – И не пускай сюда ребенка, ни к чему ему это видеть; уходи. Все! – повысил голос Бруно, заглушив причитания и стоны вокруг. – Уходите в свои комнаты. Заприте двери и сидите там, пока вам не позволят выйти.

– Каждый, кто хочет кончить так же, – кивнул на тело крестьянина Курт, когда никто не двинулся с места, – может послушаться этого указания.

– Где мой арбалет? – спросил охотник настороженно. – Вы брали его с собой, когда выходили?

– Он убит? – шепотом крикнул трактирщик; Курт развернулся, сделав к лестнице два шага, и столпившиеся наверху зрители отпрянули, когда им открылась полная картина, прежде загражденная его спиной.

– Где мой арбалет? – повторил Ван Ален; его снова никто не услышал.

– Этот человек убит, – подтвердил Курт жестко. – Если до сего мгновения кто-то не верил в наличие за этой дверью твари, способной порвать вас на части, заживо пережевывая ваши кишки – любые сомнения, я полагаю, должны развеяться. Он убит – потому что вышел за эту дверь. Потому что *ослушался моего указания*. Повторяю вопрос: в свете этого – есть еще желающие не подчиниться моим распоряжениям?

– Где. Мой. Арбалет.

– Расходитесь, – коротко выговорил Курт, и притихшее собрание, миг промешкав, медленно втянулось в темный коридор.

– Где мой арбалет! – уже на пределе шипения повторил охотник, и фон Зайденберг, так же не глядя нащупав скамью позади, уселся, облокотившись о стол.

– Я его выронил, – отозвался он не сразу. – Когда зверь напал...

– Ты... ты просрал мой арбалет?!

– Тварь размером с быка! – огрызнулся рыцарь. – Посмотрел бы я на тебя на моем месте!

– Не помешало бы! – зло рявкнул Ван Ален. – Не помешало бы тебе посмотреть – и поучиться! Я на твоём месте держался за оружие крепче, чем за собственную жизнь!

– Я потерял нечто более ценное, чем арбалет, я потерял именно жизнь!

– Да десять таких недоумков, как он, не стоят одного такого оружия, особенно сейчас! Ты профукал единственное, чем мы могли ему хотя бы угрожать! И, раз уж на то пошло – да, господин рыцарь бродячего образа! Да! Ты бездарнейше, позорнейше угробил человека!

– Я знаю! – выкрикнул фон Зайденберг ожесточенно, и Курт предостерегающе вскинул руку:

– Довольно, Ян. Довольно, – кивнул он, когда охотник возмущенно развернулся к нему. – Да, ты прав, мы остались без основного, быть может, подспорья – без арбалета твои железные стрелы остаются лишь вялым подобием ножа. Но найти его в таких сугробах невозможно, посему – не стоит и понапрасну сотрясать воздух.

– Он...

– Я знаю, – оборвал Курт. – Но криком ты делу не поможешь... Господин фон Зайденберг, вы успели сделать хотя бы один выстрел?

– Нет. Он напал слишком внезапно. Я... я побоялся попасть в него, – он обессиленно качнул головой в сторону мертвого тела. – Я все пытался прицелиться, но потом просто взялся за меч...

– Бросив арбалет, – уточнил Ван Ален желчно, и рыцарь тяжело повел плечами:

– Я не помню. Просто не помню. Помню, что меч оказался в руке... но не помню, как. Он напал и на меня, когда я... Нет, – нервно передернулся фон Зайденберг. – Он не нападал. Он... словно отмахнулся от меня, так, знаете, лениво, как я сам – от мухи над тарелкой. Просто махнул лапой, и я оказался в сугробе.

– И как же вы смогли отнять у него добычу?

– Сам не знаю. Кажется, я успел его порезать... или, точнее, он сам порезался о мой меч, когда сбил меня с ног. Но я не уверен. Быть может, тварь просто бросила его, как ваших лошадей...

– Как сумели добраться до двери?

– Чудом, – не задумываясь, уверенно ответил фон Зайденберг. – Иначе я этого не объясню. Только чудом.

– Или вы его все-таки задели, причем болезненно либо же попав по сухожилию или артерии... Вы сами – точно целы? Учтите, что сейчас нельзя сказать «просто царапина» и отмахнуться – даже небольшая ранка, нанесенная когтем или клыком этой твари, может привести к смерти.

– Я цел, – понуро повторил рыцарь, поддев пальцем две ровные параллельные прорехи на груди. – Он вскользь... кольчуга спасла.

– Так что же вы оба делали снаружи? Если я верно помню ваши слова, вы намеревались, пусть не соглашаясь со мной, действовать в соответствии с моими идеями. Уж не покидать пределов трактира – действие самое простое. Что заставило вас поступить иначе?

– Сейчас шестой час утра, – не поднимая глаз, ответил фон Зайденберг. – В деревне уже все пробуждаются в это время; он проснулся тоже. Привычка...

– Мне казалось, наш хозяин должен был обеспечить каждого всем необходимым для того, чтобы не приходилось разгуливать по двору.

– Поймите сами, майстер инквизитор – он человек в летах, человек деревенского воспитания, там не принято это делать в доме – в деревне только малые дети, увечные да старики не в своем уме пользуют поганое ведро. Для него это было равносильно...

– ...смерти, – подсказал охотник услужливо. – Из-за того, что не захотел нагадить там, где спит, он уснул там, где гадил – вот только разбудить его теперь сможет даже не всякий некромант. Занятно будет посмотреть на физиономию его благоверной, когда ей скажут, что ее супруг окочурился над отхожей дырой.

– У него нет жены, – возразил рыцарь тускло. – Умерла семь лет назад. И сын умер этой осенью. Остались только сноха и внучка – он ездил в город на ее именины...

– Идите в постель, господин фон Зайденберг, – посоветовал Курт, и тот тяжело выдохнул, закрыв глаза и встряхнув головой. – Вам надо привести в порядок мысли и нервы.

– Вы не скажете «я же говорил»? – вяло уточнил фон Зайденберг. – Не обвините меня в бахвальстве? Не скажете, что я своей самонадеянностью погубил человека?

– Вы не тащили его, упирающегося, во двор. Он вышел сам. Сам сглубил. Сам виноват. А обвинять вас в том, что вы не смогли противостоять тому, с кем опыта противостояний прежде не случалось – это бессмысленно... Идите в постель, господин фон Зайденберг. Сидя здесь, вы не сделаете лучше никому.

– Я не смогу уснуть, – тихо возразил рыцарь. – После такого – не смогу.

– Просто идите, – повторил Курт настойчиво. – От созерцания растерзанного трупа вам легче не станет, а ваша помощь, я думаю, сейчас вряд ли потребуется.

– Любопытно, – недовольно скривил губы Ван Ален, когда рыцарь медленно, точно поднятый из могилы мертвец, втащил себя по узкой лестнице вверх. – Для прославленного живодера Молота Ведьм ты был с ним что-то больно мягок. Этот горе-войка профукал наше единственное стоящее оружие, нарушил правила безопасности, подверг угрозе собственную жизнь и...

– Скажи ему об этом, – предложил Курт, – и господин рыцарь встанет на дыбы... Бруно, найди нашего трактирщика или Вольфа – пусть кто-нибудь спустится и приберется здесь. Не хочу утром завтракать, глядя на вчерашний ужин в его кишках... Он взбунтуется, – продолжил Курт, приблизясь к двери и попытавшись за воем ветра услышать, что творится за толстой створой. – Фон Зайденберг из тех, кто в ответ на обвинения ищет себе оправданий, находит их и выдвигает как аргумент своей защиты, от этой защиты переходя к нападению и в упомянутые аргументы начиная верить сам. Но если погладить его по головке, сказать, что ничего страшного он не сделал, что все простительно – вот тогда он станет бичевать себя так, как не сумеет ни один палач. И в одном он сейчас сказал правду – сегодня он точно не уснет.

– Я тоже, – заметил охотник зло, уронив себя на скамью. – Какой, к чертям, сон... Можешь обвинить меня в ереси или еще в чем, однако ж, не могу не заметить, что вся эта катавасия выглядит довольно... мрачно. Тринадцать человек, в полнолуние запертых в отдаленном доме. Это и не могло кончиться ничем хорошим.

– Ересь, – с готовностью подтвердил Курт, оглядев засов, и отошел от двери, присев в отдалении от истекающего смрадом тела. – Однако если поддержать твою логику – теперь нас уже двенадцать, посему все не так плохо.

Глава 6

Альфред Велле с сыном, с опаской ступая, спустились в трапезный зал через минуту. Убитого крестьянина, завернув во множество слоев мешковины, втащили на чердак, оставив там подле небольшого сквозящего окошка, где холод был наиболее ощутим и позволял сохранить останки до утра, когда можно будет избавить постояльцев от столь неприятного соседства – все же чердачного холода недоставало для должного сохранения тела, и можно было поручиться за то, что спустя некоторое время оно начнет подтекать и распространять по трактиру ни с чем не сравнимые ароматы. Владелец, притихший и содрогающийся, с бледно-зелеными щеками, был отпущен восвояси, и кровавые пятна, разбавленные содержимым внутренностей, замывал Вольф, не пожелавший свалить на родителей сию неприятную миссию. Когда израсходовалось более половины запасов воды, Курт повелел прекратить чистку, и в небольшом зальчике после ухода хозяйского сына стойко водворился мерзостный запах, витающий над темно-коричневыми пятнами, въевшимися в потертые камни пола.

К стенам тем временем подступило утро, не заметное, впрочем, за бушующим с прежней силой бураном и поздней зимней мглой. Помощник, еще молчаливее, чем обычно, застыл в отдалении, отстраненно глядя на темные кляксы, Ван Ален все так же сидел у стола, подперев голову, и поминал утраченный рыцарем арбалет, перемежая свою панихиду срамными словами, от которых Бруно поминутно выныривал из задумчивости и болезненно морщился.

– Выкрутимся, Ян, – дождавшись затишья в речи охотника, попытался остановить его речь Курт, и тот покривился:

– Оптимист.

– Или не выкрутимся, – согласился он легко. – *C'est la vie.*

– Это по-каковски?

– Такова жизнь, – перевел Курт. – Выкручиваешься – или погибаешь; и не всегда все упирается в вооружение. Уж ты-то при своем роде занятий давно уж должен был это усвоить. Утеранный арбалет – не повод отчаиваться.

– Не в том дело, – неохотно возразил Ван Ален. – Его мне отец подарил. Этот арбалет и Импалу.

– Просчитался, – вздохнул он удрученно. – Я вывел из твоих слов, что

брат и отец у тебя добрые горожане, недовольные твоей профессией.

– Он и был добрым горожанином, в ранней молодости, но однажды вляпался в историю с потусторонней подосновой, когда свалил с родины сюда, в Германию... Здесь женился, завел детей, но ступил на кривую охотничью дорожку, и – так на ней и остался.

– Да, – согласился помощник, все так же не отрывая задумчивого взгляда от подсыхающих пятен замытой крови. – Эта работа затягивает.

– Ну, у отца были другие мотивы, – пожал плечами Ван Ален. – Он рассуждал так: попав в переделку, он сумел выкрутиться, но на белом свете множество людей, которые выкрутиться не могут. У него довольно сил, способностей и смекалки, чтобы справиться с другой подобной же проблемой, но есть те, у кого сил, способностей и должной смекалки не хватает. Ну, и из этого он сделал вывод о том, что тем, у кого этих способностей нет, должен помогать тот, кто ими обладает.

– Хм, мне нравится твой старик... А что по этому поводу сказала твоя матушка?

– Сложно говорить из-под крышки гроба, – отозвался охотник спустя мгновенную заминку. – Слышно плохо.

– Она умерла? – уточнил помощник.

– Погибла, – вместо Ван Алена уверенно предположил Курт. – И наверняка в связи с его охотничьими забавами; верно?

– Мой отец, в отличие от меня, со стригами встречался. И мать тоже. Только вот он – может рассказать о том, как все было, а она – уже нет.

– Так стало быть, вот откуда в тебе столь неизбывное рвение к охотничьему делу. Месть...

– Снова промашка, Молот Ведьм, – косо усмехнулся Ван Ален. – Вот отца – да, можно обвинить в этом; думаю, невзирая на его благородные выкладки, все же это чувство в нем пересиливает, и, не погибни мать, он бы повернул жизнь по-другому... Со мной иначе. К делу меня приставил отец, не особенно интересуясь моим мнением, просто натаскивая с малолетства; вон как наш хозяин с пеленок обучил Вольфа драить пол и чесать лошадей. Придет время, и Велле-младший сам станет трактирщиком... Так было со мной – и со мной, и с братом. Это, можно сказать, наше семейное дело.

– Знакомая история. До боли в спине, я б сказал.

– То есть, это правда? – усомнился Ван Ален. – Теперешние инквизиторы возвращены Конгрегацией с пеленок?

– Ну, не с пеленок, хотя теперь, сдается мне, дело к тому и идет – кое-какие малообеспеченные мамы начали подкидывать своих чад к дверям наших отделений. В последнее время этой малышни скопилось столько, что

пришлось создать нарочитую службу для их воспитания; ну и, надо думать, не в метельщики мы их потом отдадим.

– И все-таки – с тобой-то как? «Академия святого Макария». Сейчас у всякого инквизитора на Знаке стоит ее эмблема; значит, каждый вышел из ее стен?

– Академия рекомендует (либо нет) к продолжению службы следователей старой гвардии и – да, все молодые дознаватели это ее выпускники. Я, к примеру. И – да, мы возвращены Конгрегацией; только не с пеленок, что было б, думаю, легче, а с отроческих лет. Нас собирали по улицам, подвалам и тюрьмам, предлагая обучение вместо такой жизни или вовсе смерти. Охоты чему-то учиться тогда особенной не было, однако, когда с одной стороны маячит чернильница, а с другой – петля, выбор кажется очевидным.

– Не слишком стоящий стимул.

– Не скажи, – усмехнулся Курт. – Мне его хватило – на первые пару лет; а после... Бруно верно сказал: затягивает. Кого не затянуло, тот обучения и не продолжил.

– Жесткий отбор.

– Работа такая.

– А не особенно много инквизиторов по Германии, я посмотрю; я видал города, даже немалые, где их и вовсе не было. С чего, если вас вот так, как кур, разводят?

– А курьеры? – возразил Курт наставительно. – А помощники? А попросту священнослужители? А бойцы?

– А палачи, – dokonчил охотник; он пожал плечами.

– И это тоже. А писцы, а служители архивов, а эксперты, а медики et cetera... Не каждый станет следователем; к примеру сказать, среди моих сокурсников, кроме меня самого, Знак получили лишь шестеро.

– И ты доволен тем, что из тебя сделали?

– Я похож на человека, не удовлетворенного собственной жизнью? Или ты спрашиваешь, потому что сам не слишком рад тому, что тебе уготовил отец?

– Не знаю, – неуверенно передернул плечами Ван Ален. – Попервоначально я об этом просто не задумывался; мне нравилось то, что мы делали. Понятно, не всегда – что ж приятного, когда какая-нибудь старая карга, узнав, что я под нее копаю, накладывает на меня порчу в виде поносных мук вкупе с сонливостью и периодическими потерями сознания... Но в целом – да. Повзрослел – и задумался. Хотя, нет, не так, – сам себя оборвал Ван Ален. – Это из-за брата. Он задумался раньше меня, и

ему, надо сказать, эта жизнь с детства не нравилась. Ну, знаешь, неизменные переезды, друзей нет, вместо игр – тренировки, вместо деревянных мечей – железные ножи... Какое-то время он варился во всем этом, а не так давно плюнул и послал нас с отцом куда подальше. Не так чтоб рассорился, но охотничье дело оставил. Поступил в университет. На юридический.

– Это даже неплохо. Прикрытие в миру.

– Так себе прикрытие, – поморщился Ван Ален. – Вот если б он подался в инквизиторы – тогда это имело бы смысл... Он просто порвал всяческие отношения. Ни единой весточки за два года. Знаешь, я ведь сказал правду – я действительно тут случайно, и ехал я к нему. Просто эта история с вервольфами подвернулась под руку, один из них двинулся в ту же сторону, что и я, вот наши и попросили принять участие. Вроде как попутно. Когда мы разобрались бы с тварями, я б поехал дальше.

– Едешь примиряться?

– Еду вбить в него толику совести, – буркнул охотник. – Отец пропал – более полугода от него ни слуху ни духу. Понимаю, такая работа, но... Вдруг. Вдруг он *где-то*, и ему нужна помощь?.. По крайней мере, хочу узнать, где и как он погиб, если так. Уж в этом-то деле он просто не может не помочь, не хватит же у него наглости просто отвернуться в таких-то обстоятельствах... Я надеюсь.

– А ты надеешься? – тихо уточнил Бруно, отвернувшись, наконец, от кровавых пятен. – Отыскать его – надеешься? Германия большая, и куда может забросить человека такого рода занятий...

– Есть зацепки, – вздохнул Ван Ален, потемнев лицом. – Судя по его поведению перед тем, как исчезнуть, он начал копать старую историю со смертью матери. Те стриги, что убили ее – ведь он упустил их тогда; в те дни он был не особенно-то обучен всему тому, что умеет теперь... Я успел побывать в родном городе – его там видели; думаю, я не ошибся. Он нашел что-то, какой-то след, и пытается их вычислить, вот только меня отчего-то в свои дела на сей раз не посвятил.

– Он пытается тебя защитить, – невесело, вскользь улыбнулся помощник. – И без того отец одарил тебя жизнью, которой не позавидуешь, полной опасностей и угроз, от такой жизни и сбежал его сын... Потерять второго – это удар из ударов.

– Значит, защищал он не меня, а себя. Мне двадцать шесть лет, я могу решать за самого себя хотя бы, рисковать ли мне собственной жизнью!.. Ерунда все это, – с усталой злостью отмахнулся охотник. – Просто у него нелады с совестью. Хотите, расскажу, почему он тот, кто есть, почему мать

там, где есть, почему все так, а не иначе?

– Если хочешь; никто не принуждает, – возразил Курт, и Ван Ален раздраженно покривился:

– Ай, брось, Молот Ведьм, не положи мне мозги. Ведь не досужее любопытство тебя одолевает? Ты ж от нетерпения сгоришь, если не узнаешь о каждом здесь все, что можешь. Эта одинокая краля с приплодом вчера с тобою беседовала – и, судя по ее лицу, выложила все, вплоть до подробностей потери девства. Не знаю, как ты это делаешь, может, в вашей академии этому учат – но с тобой, гад, тянет пооткровенничать.

– Не всех, – возразил он коротко, и Ван Ален понимающе хмыкнул:

– Ну, на то при тебе есть другие, кого тоже учат в вашей академии, да? а я расколюсь без палачей... Собственно, скрывать-то смысла нет, – посерьезнев, продолжил охотник. – Одно ведь дело делаем, так? Быть может, эти твари тебе когда попадутся, или... Не знаю. Может, просто я сам хочу кому-нибудь выговориться; согласись – инквизитор для этой роли самое оно. То есть, конечно, все наши уже давно в курсе и моей жизни, и отцовской, и наших семейных дразг, и кое-кого из них порою тянет поиграть в исповедника, только, знаешь, все эти пересуды всегда кончаются одинаково: вижу, что осточертеваю им до синих ежей, что слушают меня, а сами не чают потрепаться о погоде, о девках, о колбасе – о чем угодно, кроме работы и прочих гадостей. У самих проблем не перечесть, а тут я. Один я, что ли, такой. А это потребность души – перелить дерьмо куда-нибудь на сторону, из собственного кармана в чужой. У наших они и своего дерьма полны, так что чужое уже не лезет, посему время от времени ищешь пустой карман и вываливаешь все накопившееся туда. Правда, по этой логике выходит, что твои карманы набиты под завязку.

– У меня их не перечесть. Так кроили.

– Навряд ли, – усомнился Ван Ален. – Это должно быть изначально, заключено в натуре, не думаю, что способность переваривать скелеты из чужих и собственных шкафов можно воспитать. Я так и не научился... да и отец вот тоже. И бережет он не меня, как я уж сказал, а собственную совесть – боится, как бы карман не треснул, не то он в выплеснувшемся дерьме потонет. Я это не к тому, чтоб проявить непочтительность, просто знаю, что думает обо всей этой истории он сам. Если б он в свое время не сглупил, мать, быть может, осталась бы жива... А дело было так, – после мгновенного молчания пояснил охотник. – Обитая еще на родине, отец пробавлялся делами, я б так сказал, не совсем законными; а еще вернее – совсем не законными. В том смысле, что прибирал к рукам то, что плохо лежало, и выходило у него это так хорошо, что ради таких дел его

нанимали те, у кого выходило плохо.

– Над этим можно призадуматься, – все так же тихо произнес Бруно. – Один бывший душегуб и тать стал инквизитором, другой законопреступник – охотником... Следует подать идею нашим исследователям душ человеческих – быть может, это такое предрасположение по природе? Тогда надо плюнуть на академическую выучку и направить вербовщика в преступные шайки.

– Знаешь, почему я не смеюсь? – возразил Ван Ален и впрямь серьезно. – Потому что в твоей шутке самой шутки-то немного. Я не инквизиторский душевед, а посему безо всяких раздумий скажу сразу, отчего так. Все просто: а кто еще станет заниматься тем, чем вы и чем я? Только тот, у кого не все в порядке с головой – нормальный человек по доброй воле не станет искать на свою шею неприятностей, и рисковать за ради интереса не будет. В преступные круги тоже идут те, кому не сидится: если кто-то скажет, что его жизнь вынудила, можно плюнуть ему в очи. Жизнь дает кучу возможностей: иди грузить мешки, если мозгом не вышел, или учиться на писца, если в голове что-то есть. А не идешь – признайся честно, что попросту в заднице зудит поискать на эту самую задницу приключений, и в выборе меж тяжелым трудом и риском выбираешь риск потому, что риска хочется. Ну, а среди любителей риска есть два типа: гады и добрые малые. Гады режут младенцев в ограбленном доме – а ну как на суде опознает...

– А добрые малые идут в инквизиторы?

– Добрые малые идут в охотники, – мрачно возразил Ван Ален. – В инквизиторы идут полные психи.

– Надо почаще выбираться в глушь, – отметил Курт благодушно. – Вдалеке от наших отделений со стражами собеседники смелеют, и сколько откровенностей можно о себе услышать; сколько нового и, главное, интересного... Если не возражаешь, возвратимся к рассказу о вполне конкретном добром малом. Как я понял из вступления, твой отец при очередном заказе попросту не с теми связался. Потому и свалил в Германию?

– Нет, – отмахнулся Ван Ален с усмешкой. – Из Лимбурга мое семейство перебралось еще лет так сто назад, и та история с охотничьими делами никак не связана. Когда кельнский архиепископ накомылялся герцогу Брабантскому в воррингенской резне, мой пращур был предводителем ополчения от своего городка. Хален; ты, думаю, о нем и не слышал даже... И вот в той войне он хорошо отличился. Так-то бы можно было и наплевать; архиепископ особенно не жаждал проходить огнем и мечом по

покоренной земле, но так вышло, что мой предок завалил сына какого-то страшно благородного господина рыцаря. Ну, и шепнули ему, что отец убитого где-то обмолвился – мол, найду этого гада и ему со всем семейством кишки выпущу. Словом, вся выжившая часть семьи подхватила баб и девок и рванула от Халена подальше. Осели в итоге аж в Бретани... Там, к слову, из нас «Ван Аленов» и сделали – ну, не выговаривали тамошние жители «Хален», а еще и местный святой покровитель – святой Алан... Так и пошло.

– Так стало быть, «не на тех заказчиков» твоей отец нарвался в Бретани.

– В некотором роде, – полусогласно кивнул Ван Ален. – В тот раз его попросили украсть ценную вещь – книгу. Цену назначили неплохую, я б даже сказал – сильно неплохую; но тогда он не удивился. Сам знаешь – книги такая штука, дорогостоящая и редкая, а ведь к цене прикладывается не только обложка с камнями, но и то, что в книге этой написано; похождения за Святым Граалем – одна цена, апокрифическая проповедь апостола – совсем другая.

– Ага, – уточнил Курт многозначительно; охотник усмехнулся:

– Нет, Молот Ведьм, совсем не «ага». Существенно хуже, чем просто «ага». Я б так сказал – «ого-го»... Ну, чтоб коротко, дело было так: сама кража прошла легко, добыть книжку отец добыл, однако нарушил главное условие профессионала – решил заглянуть в нее и узнать, что ж это такое оказалось в его руках. Половина была написана вовсе на каком-то непонятном языке, а половина – на кошмарной, какой-то перековерканной латыни, но достаточно внятной для того, чтоб понять ее хотя б приближенно.

– Не томи, – повелел Курт, когда охотник выдержал выразительную паузу.

– Книга была фактически пособием по магии.

– Ох, – показательно схватившись за сердце, проговорил Бруно. – Ты нас сразил. И кто бы мог такое подумать.

– Хохмач, – покривился Ван Ален ядовито. – Не по *колдовству*, мастер помощник инквизитора, а по *магии*. Уж наверное вы оба должны понимать разницу... Не о том, как правильно завязать узел на березе, чтобы сдохла соседская корова, а как и какое движение собственного духа надо совершить, чтобы, к примеру, человеческое сердце остановилось или кровь закипела прямо в венах. Но и это еще не все.

– Одной драматичной паузы довольно, – подстегнул Курт, когда собеседник снова приумолк. – Кроме того, поверь, вряд ли я смогу

услышать что-то сногсшибательное – больно опыт в таких делах немал; посему на особенно яркую реакцию с моей стороны я б на твоём месте не надеялся.

– Пособие предназначалось к использованию стригами, – сообщил охотник; Бруно нахмурился, но промолчал. – Стригами, и только ими. В книге это называлось...

– ...«магией крови», – закончил Курт и, повстречавшись взглядом с Ван Аленом, пожал плечами: – Я ведь говорил. Я в этом смысле слушатель неблагодарный. Хотя, должен сказать, что существование учебника на сию безрадостную тему для меня новость – не неожиданная, однако новость. Или, точнее, новостью для меня является существование человека, видевшего подобный труд въяве.

– Должен сделать основное признание сразу, – предупредил охотник. – Я – не видел. В том, собственно, и была основная проблема, из-за этого все и случилось... За несколько встреч со своими нанимателями отец понял, что с ними что-то не так, а когда заглянул в книжку – понял, что именно...

– Его наняли стриги.

– Да. Его наняли стриги. Не сказать, чтоб он был особенно благочестивым добрым христианином, однако тут его взяло за живое. Отдать таким существам такую вещь, собственными руками преподнести тварям...

– Что он сделал с книгой?

– Он хотел ее уничтожить, – вздохнул Ван Ален. – Сжечь. Но любопытство, знаешь... Хотелось сперва дочитать. Когда еще такое увидишь?

– Да, доводилось подобные слова слышать не раз, – кивнул Курт. – После ареста.

– Воспользоваться советами из этого пособия ни один человек не смог бы при всем желании, если б таковое и возникло. А сведения, которые отец оттуда вычитал, много лет спустя пригодились нашим. Правда, в те дни он и не предполагал, что так сложится; он тогда просто собрал вещички и рванул, куда глаза глядят. Так сложилось, что глаза поглядели в сторону Германии. Слежки за собой он не заметил, никто к нему не приходил, не грозил, не намекал, он уж и позабыл обо всем...

– ...и о своем благом намерении сжечь опасный труд.

– Какой дотошный, аж противно, – поморщился охотник. – Нет, не забыл. Просто отложил в тайник, с тем чтобы рано или поздно выяснить, что это за язык, на котором была написана другая ее часть. Но не станешь же бегать по университетам и монастырям с подобными вопросами –

особенно когда Инквизиция блюдет чистоту веры и помыслов. А инквизиторы в те времена были не чета сегодняшним; хотя, должен сказать, и теперь ваш брат местами зарывается.

– Знаю, – согласился Курт, – и снова не буду спорить... Так значит, по университетам он не бегал, по монастырям тоже... и где ж тогда он искал ответы?

– Да нигде, – вынужденно отозвался Ван Ален. – Со временем – ты прав, он попросту о книге забыл. То есть, помнил, что есть она, что лежит в тайном месте, но поиски перевода забросил – к тому времени отец женился, появился я, кормить ребенка и жену и вместе с тем копаться в тайных языках – согласись, вещи сложно совместные.

– При таких умениях – и испытывать трудности с деньгами?

– Отец, женившись, свое крамольное прошлое забросил. Решил, что рисковать собственной головой – одно, но репутацией и судьбой молодой жены, а после и ребенка – другое. Открыл свое дело, переложил, так сказать, прежние умения в законное русло... Наладка и создание уникальных запоров, ключей, механизмов, починка... Словом, устроился. Мы, конечно, не жировали, но и не сосали лапу. Но, сам посуди, куда тут играть в профессора? Ни времени, ни сил. А потом, знаешь, бюргерская жизнь затянула – оказалось, это не так уж и плохо, когда не надо оглядываться на всякого встречного и шарахаться от городской стражи, норовя удрать в подворотню. И он в своем роде даже прославился – на его замки приходили заказы даже из окрестных городов. В один из вечеров он засиделся в лавке допоздна, а после решил домой на ночь не приходить – каково шататься по ночному городу, знал на собственном опыте. Решил, что просто заглянет к матери утром пораньше – показаться, и снова в мастерскую... А когда пришел, то застал у дверей стражу. Кто-то из ранних прохожих увидел, что дверь распахнута, заглянул... Мать убили стриги. Страже он ничего не сказал, само собой, но сам – сам понял, что именно это были за твари. В совпадения в таких случаях верить сложно.

– А что книга?

– Книга была в тайнике, – напомнил Ван Ален. – Весь дом был кверху дном, стало быть, именно ее они и искали... И пропали мы с братом. Мне тогда было года три, а он месяца два как родился; поначалу думали, что я убежал, прихватив младенца, но нас нигде так и не нашли, а следующей ночью к отцу явился один из стригов и сказал, что с нами на самом деле.

– Заложники, – уверенно предположил Бруно; охотник кивнул:

– Плата за книгу.

– А говорил, что стригов никогда не видел.

– Мне было три года, – напомнил Ван Ален. – Я ни черта не помню. Обрывки лишь какие-то, намеки. Детальности после рассказывал отец: похищение, обмен, книга эта...

– И они не убили всех троих, получив ее? – усомнился Курт. – Не похоже на них.

– Отец был не дурак, – пояснил охотник. – И городская жизнь мозг не заела – он и сам осознавал, что никому из нас было б не жить, выполни он их условия. Был вариант – обратиться к местному инквизитору и на встречу явиться в окружении стражи; но где гарантии того, что мы с братом еще живы, что на встречу стриги придут с нами? Да и в любом случае – даже если б удалось нас отбить, все равно дорога на костер за изучение запретных трудов. О том, что отбить не вышло бы, отец тогда не подозревал; он ведь понятия не имел, каковы эти гады в бою...

– И как ему удалось выкрутиться?

– Он узнал, каковы они в бою.

– Я тоже это знаю, – возразил Курт, – и начинаю с трудом верить в то, что слышу.

– Он работал по металлу, – с видимой гордостью пояснил Ван Ален. – И заказчики у него появлялись обеспеченные, посему – платили они полновесным серебром, и порой – много.

– И все же.

– Отец провел в мастерской весь день до вечера, когда был назначен обмен. Кроме того, именно в мастерской он и должен был проходить – твари сами настояли на этом; судя по всему, они решили, что встреча в разгромленном доме привлечет внимание, на улице можно попасться на глаза нежеланным свидетелям, а светить свое лежбище не хотели...

– Так чем он сумел их одолеть?

– Он их не одолел, – помрачнев, нехотя отозвался Ван Ален. – И даже отдал треклятую книгу; точнее, сказал, где она спрятана – когда получил нас лично в руки живыми и почти здоровыми. Тварей было всего двое, и когда один из них ушел за книгой, другой остался стеречь нас. С ним одним отцу и удалось управиться. Тогда, готовясь к встрече, он подумал, что – как знать, быть может, в рассказах о стригах полно выдумки? И не действует на них либо святая вода, либо чеснок, либо серебро... И запасся всем подряд. Мастерская – сам понимаешь, что такое: навалено вокруг всякого барахла, и поди разбери, что есть что, особенно, когда в этом деле ни черта не рубишь. Стриг, что остался с нами, надо думать, не рубил, посему, когда отец уловил удачный момент, гад получил по полной – и ведро освященной воды на голову, и истолченный чеснок в лицо, и – то, что отец придумал и

изобрел в тот день, накануне. Серебряные монеты, перетертые в песок. Кстати сказать, сейчас наши взяли это в работу, его задумку. Заверни серебряную пыль лучше всего в бумагу; можно использовать и кожаный мешочек, однако тогда приходится кроить его особым образом, чтобы рвался от удара и разбрасывал содержимое как можно дальше. Брось такую штуку стригу под ноги или в лицо, если повезет – и он будет плевать кровью уже через мгновение. Они ведь, вопреки расхожему мнению, не ходячие трупы и дышат, гады.

– Остроумно, – признал Курт заинтересованно. – Если выйду из этого трактира живым – знаю, о чем буду говорить с шарфюрером нашей зондергруппы.

– Дарю идею безвозмездно, – вскользь усмехнулся охотник. – Как идейному соратнику. Штука и впрямь оказалась убойная; хотя много лет спустя стало понятно, что отцу еще и повезло. Судя по рассказам наших, по тому, что удалось собрать из всевозможных источников, да и по его собственному опыту – все так легко прошло, потому что твари были молодые, еще не достигшие силы. Наверняка всего лишь птенцы, которые были посланы добыть книгу для своего мастера. А когда на тебя, облитого водой, сыплется толченый чеснок и забивается в дыхалку металлическая пыль – тут и человеку станет хреново... Словом, как бы там ни было, в тот вечер отец сумел убить тварь и спасти нас. Он много раз говорил потом, особенно после пятого стакана, что, не будь нас при нем тогда – он остался бы и попытался бы уничтожить того, другого. Я его даже понимаю.

– Поэтому такие, как мы, должны быть одинокими, – уверенно приговорил Курт. – Жена, дети, братья и матери – это лазейка в безопасности, которая, как бы ни была крепка, может рухнуть в один миг. С родителями и братьями ничего не поделаешь, но не заводить семьи самому – это в твоих силах.

– А твой помощник, я вижу, с тобой не согласен, – усмехнулся охотник, кивнув на Бруно. – Семейный?

– Я монах, – напомнил тот; Ван Ален отмахнулся:

– Монахами не рождаются. Не сказал «нет» напрямую; стало быть, есть семья?

– Уже нет.

– Убиты?

– Умерли от простуды, – неохотно возразил Бруно. – Задолго до моей службы в Конгрегации. Просто у меня свое мнение на этот счет – быть может, именно поэтому. Я не был инквизитором, не был охотником, никто не хотел подобраться ко мне или чего-то добиться от меня, отомстить мне

или запугать – и все же я потерял близких. Это может произойти с кем угодно. Жены умирают в родах, матери – от старости, дети – от болезней, братья от увечий... Ты не убережешь себя от потерь, замыкаясь в одиночестве.

– Да, – согласился Курт язвительно. – Поэтому ты пошел в монахи.

– Этот выбор – история долгая и непростая, и тебе это известно лучше, чем кому бы то ни было. Кроме того, и это тебе тоже известно лучше, чем многим, и без наличия сородичей есть точки, на которые можно надавить – даже на тебя. Есть друзья, приятели... сослуживцы.

– Если встанет такой выбор, на них можно закрыть глаза, – хмуро отозвался Курт. – Тоже непросто, но проще, чем это было бы с сыном, дочерью, братьями-отцами... разумеется, если с ними нормальные отношения, и ты не мечтаешь с раннего детства увидеть их в геенне огненной. В случае с приятелями дело лишь в привычке, а когда речь идет о близком родстве – тут говорит кровь, против нее переть сложно. А кроме того, все прочие – посторонние тебе люди, которые ничего не должны тебе и которым ничего не должен ты. Заводя же детей, ты обрекаешь себя на вечную перед ними ответственность. «Почитай отца и мать, ибо они произвели тебя на свет»; чушь.

– Опа, – усмехнулся охотник. – Сильно.

– Если б они тебя не породили, – пояснил Курт доброжелательно, – тебе не стало бы ни хуже, ни лучше. Тебя *не было бы*. Ты просто не обрел бы жизни, ты ее не потерял бы. В этом смысле незнакомый попутчик, спасший тебя от нападения разбойников, заслуживает благодарности куда больше: он не дал тебе *утратить* уже полученную жизнь. Потерять то, что ты уже смог оценить. Твое рождение есть лишь потакание желаниям твоих родителей размножиться, а чувствовать себя обязанным за подобное – глупо.

– Циник.

– Реалист. Они привели тебя в мир грязи, злобы, болезней, войн и смерти, в конце концов, просто потому, что им так захотелось; и всего этого не было бы, если б ты так и не проявился бы в бытии. И коли уж так случилось – их долг хоть чуть сгладить то, что они с тобой сделали. Аргумент «мы тебя выкормили» на деле есть тот *minimum*, который является их священной обязанностью. Благодарности достойно лишь то, что сверх этого: они просто *должны* оградить тебя от всей той пакости, что сопровождает их бытие.

– И научить меня *самому* ограждать от всего враждебного.

– Разумеется, – не стал спорить Курт, – однако когда твой сын десяти

лет дергает за хвост жеребца и получает копытом в лоб – в этом виноват он сам: ты говорил ему, что этого делать нельзя. А вот если его похищают стриги, дабы выторговать у тебя магический артефакт – в этом повинен ты. Никто его не тронул бы, не будь он твоим сыном.

– В этом повинны стриги.

– Несомненно. В первую очередь. И ты – во вторую.

– Это наезд на отца? – уточнил охотник ревниво; Курт пожал плечами:

– Это пример. Только лишь. И вот вторая причина, по которой подобным личностям лучше блюсти одиночество: угрожай эти существа смертью лишь ему – как бы он поступил? Кто знает, быть может, решил бы принести себя в жертву и, рискуя жизнью, уничтожить вещь, могущую дать им такую власть и силу. Приносить в жертву ваши жизни он не стал – и пострадало дело. Они получили книгу. И, убив одного стрига, он не остался, дабы попытаться убить второго – потому что на нем висели вы. Но он был обывателем, он, в общем, был не обязан рисковать хоть чем-то; если же говорить обо мне подобных... Не думаю, что кто-то должен обрекать себя на выбор. Пострадает либо дело, либо собственная душа, и при обоих раскладах конец скверный: в первом случае последствия могут быть сколь угодно тяжкими, во втором человек может просто сломаться. Осознание верности выбора не препятствует душевным мукам.

– Говоришь по собственному опыту?

– Мне делать выбор приходилось.

– И как поступил ты?

– Правильно, – отозвался Курт коротко; охотник болезненно сморщился:

– Ясно. И как спалось потом?

– Тогда дело касалось всего лишь сослуживца, но и это было... неприятно. Выбросить на помойку старую куртку, к которой притерпелся – и то бывает жаль, что говорить о людях, с которыми долго и невраждебно общаешься.

– Сравнить приятеля с поношенной шмоткой – это круто завернуто, – оценил Ван Ален. – А моего отца – с предателем идей человеческого единства.

– Он поступил как отец, – возразил Курт. – Спас потомство. Даже будучи охотником, он не принял на себя никаких иных обязательств, это его желание, его способ проводить время, скажем так, от которого он может отказаться в любой момент. Для меня – это служба и обязанность, но и я однажды смогу при желании уйти с должности. Дети же – навечно, пока жив. С этой работы не считаешься.

– По твоей логике выходит, – угрюмо подвел итог Ван Ален, – что делать охотников из нас он тоже был не должен, ибо это ввергло нас в тот самый мир злобы и смерти, а значит, он нарушил отцовский долг и рискнул нашими жизнями.

– По моей логике этого не выходит, – возразил Курт заинтересованно, – однако кто-то тебе это уже говорил. Не сам ли он?

– Брат. С его слов заговорил и отец... Только это бред.

– Согласен.

– Этот мир смерти и злобы в нашу жизнь вошел сам, и отец лишь научился в нем выживать.

– Действительно.

– И раз уж так вышло – он обязан был научить и нас выжить в нем.

– Разумно.

– Он же не брал с нас клятвы кровью, что мы продолжим его дело – выбор остался за нами; брат ведь плюнул на это самое дело и ушел, и никто его за шиворот не хватал.

– В самом деле, – согласился он, и Ван Ален пристукнул ладонью по столу:

– Хватит!

– Как угодно, – передернул плечами Курт. – Мне всего лишь нечего возразить. В его жизнь вторглась смерть; где гарантии того, что она не вторгнется и в вашу, даже если порваться пополам и обеспечить вам государеву должность, жалование мечты и счастливую семейную жизнь? Нет их, гарантий. Идя домой со службы, вы можете попасться на зуб голодному стригу или под клюку ведьмы в дурном расположении духа. Положение, в коем оказались все мы в этом трактире – ясное тому доказательство. Та зверюга явно не рассчитывала на то, что напорется, кроме охотника, еще и на двух инквизиторов; думаю, потому он и не предпринял до сих пор попыток напасть – он не ожидал, что мы сумеем поставить должным образом соблюдение безопасности... почти должным, как показала нынешняя ночь. Но куда хуже этой твари пришлось бы, если б все эти поборники мирной жизни были обучены своими отцами-параноиками хотя бы мало-мальски сносным приемам самозащиты.

– Так мой отец, по-твоему, параноик?

– Надеюсь, – откликнулся Курт, не запнувшись. – Для пользы дела.

– Но, продолжая твою линию – семьи я иметь не должен?

– Я предвзят, – заметил он. – И ты тоже. *Te hominem*^[22], посему поступишь, как поступает человек: последуешь природе.

– Ты тоже всего лишь человек.

– Я инквизитор.

– И что это значит? – уточнил охотник насмешливо. – Что ты природе не следуешь и зов природы игнорируешь?.. Брось, Молот Ведьм; и ты не из железа сделан.

– Увы. Это было бы весьма кстати – меня можно было б выпустить на ликантропа с голыми руками.

– Как приятно, что вы о нем вспомнили, – заметил помощник негромко. – Не хотел бы прерывать столь занимательный экскурс в семейные отношения, однако возьму на себя смелость напомнить господам истребителям нечисти о существовании оной в непосредственной близости от нашего обиталища...

– Бруно, – поморщился Курт, и тот посерьезнел:

– В самом деле. Я привык доверять тебе в вопросах работы, я готов согласиться с тем, что господин великий охотник знает свое дело, однако мне как человеку несведущему неясны некоторые детали. К примеру, такая: не похоже, чтоб вы оба особенно тревожились о том, что происходит снаружи.

– И без того понятно, что, – пожал плечами Ван Ален. – Судя по всему, этот горе-войка и в самом деле сумел задеть зверя – иначе не воображаю, как бы он смог добраться до двери, да еще с раненым на плечах. А коли так – около часу тварь будет зализывать себе рану; а если сумеет найти, чем подкрепиться, то и меньше. Однако вскоре рассвет, и строить планы на его месте я б не стал... И, раз уж зашла об этом речь, – вновь обратясь к Курту, поинтересовался охотник, – отчего это помощник инквизитора «несведущ» в подобных вопросах? Кстати замечу, я вообще не обнаружил особенной информированности в стане Господних служителей. Ведь вам по долгу службы приходится сталкиваться именно с такими вещами, а тут инквизитор в крупном городе на голубом глазу доказывает, что стриг сгорают от удара осиновым колом, а вервольфы боятся серебра.

– Печальный опыт? – уточнил Курт и, увидев, как Ван Ален pokrивился, усмехнулся: – Ошибаешься, Ян. По долгу службы нам приходится сталкиваться с благочестивыми старушками, добропорядочными бюргерами и приветливыми семейными парами, кои на поверку оказываются нечистью хуже вурдалака. Этому и учат. Служака из городской стражи тоже, скажу тебе, не в курсе того, что курфюрст такой-то тайком потрахивает племянницу и точит когти на Императора; он знает, что домушник Пошарь-ка позавчера был замечен на улице больших барышей, где и будет его ловить послезавтра. Когда привычки и стремления курфюрста станут известны с точностью, когда они будут иметь значение

для жизни всего народонаселения, тогда служаку и поставят о них в известность.

– То есть?

– То есть, теперь, когда кое-какие сведения относительно стригов, ликантропов и магически настроенных господ и не господ в некотором роде упорядочены и подтверждены, когда упомянутые персоны вдруг зачастили появляться на людях – думаю, следующее поколение следователей порадует тебя своей осведомленностью. Сейчас, увы, должной информацией обладают лишь немногие. Информация же, Ян, это такая вещь, которая достается с трудом, особенно в нашем случае. На белом свете есть множество людей, которым известно то или другое, но это вполне может быть не известным нам, ибо люди эти распространяться о своих знаниях отчего-то не желают. *Ad vocem*^[23], мне что-то не доводилось видеть выстроившихся в очередь охотников, жаждущих поделиться добытыми данными со служителями Конгрегации.

– Это наезд? – уточнил Ван Ален. – А мы вам не обязаны...

– Не обязаны, – подтвердил Курт, не дав охотнику закончить. – Вы не обязаны делиться с нами сведениями, полученными за многовековую историю существования охотничьего сообщества – сведениями гораздо более достоверными, нежели наши, обретенные за несколько десятилетий собственными малыми силами.

– Итак, это наезд.

– Это объяснение всему происходящему, Ян. То, что мы знали прежде – ты сам понимаешь, сколько в этом истинности и каким образом подобная информация добывалась. То, что нам известно теперь – жалкие крохи. И когда я знаю, что есть люди, знающие больше нас, делающие то же, что мы, но не желающие помогать нам... Давно хотелось встретить одного из этих людей и спросить у него, что это. Дух соперничества? Не думаю, что он оправдан, когда речь идет о людских жизнях.

– Как у тебя все гладко, – фыркнул Ван Ален. – Вы все в белом, а мы самовлюбленные болваны... Ты прав в одном: сведения, которые известны нам – они в самом деле собирались долго. Поколениями. Самой Инквизиции еще в помине не было, когда охотники делали то, что делали. И когда в это самое дело пришли вы – согласись, Молот Ведьм, мало у кого появлялось непреодолимое желание откровенничать с ребятами в рясах, которые готовы были испепелить уже за то, что тебе известно больше них, а посему – охотники просто продолжали исполнять свою работу так, словно вас нет, и попробуй сказать, что это не разумно. Возразишь, что теперь Инквизиция уже не та? А как знать. Во-первых, и теперь еще кое-где

доводится услышать о делах, так скажу, минувших дней. И во-вторых... Быть может, эти самые прежние дни еще вернутся? Сменится ваше руководство, и пришедшие им на смену скажут – все, ребята, поиграли, и будет, хватит маяться дурью, пора бы и вернуться к устоям. Зачистят вас, как ненужную надпись на свитке, прикроют академию или перестроют, подымут вас на помосты как предателей христианских истин, а вместе с вами и всех тех, кто помогал вам утверждаться в еретических помыслах – всех ваших агентов, информаторов, добровольных пособников... Мы существовали веками, передавали знания друг другу, изводили нечисть, и у нас хорошо получалось. *Optima est inimicus bonum*^[24]. Связавшись с вами, мы рисковали бы уничтожить все то, чего удалось добиться.

– Все зависит от желания, – возразил Курт твердо. – От того, что стоит на первом месте – конечная цель в виде очищенного от крыс и тараканов дома или что-то иное. Знаешь, в одном из моих расследований ко мне пришел человек из уличной шайки – дабы сообщить информацию, значимую для того дела. Да, он не подходил к присяге, не подписывал показаний, не озвучивал их перед собранием инквизиторов; он просто сообщил нужные сведения так, как почел возможным, потому что это было важно. Потому что не мог не сообщить. Совесть не позволила... А вам отчего-то позволяет. Не хотите или боитесь явиться лично – подбросьте анонимку, на худой конец!.. Быть может, дело все-таки в том, что это лишь такая форма ревности? Все равно что отдать сотню из кровью и потом накопленной тысячи.

– Если б ты был прав, в этой истории я держался бы от тебя подальше и не ответил бы ни на один из твоих вопросов.

– «Здесь тебе не допросная», – напомнил Курт насмешливо, и Ван Ален недовольно нахмурился. – «Это не имеет значения»... «Не суть важно, как»... Ты и был не слишком-то разговорчив, Ян – мне приходилось вытягивать из тебя ответы. И не застряли б мы здесь на несколько дней, не одолела бы тебя скука, не допекло бы это вынужденное бездействие – ты так и не пустился бы в откровения, продолжая в лучшем случае отмалчиваться, а в худшем – кормить меня сказками. Та теория, высказанная тобою в первый вечер, та, что ты выдал за инквизиторскую... Ведь это не выкладки наших мыслителей. Уж это я знаю. Это ваши измышления.

– Да, ну и что? Какая разница? И теперь ты намерен вменить мне в вину то, что никто из нас не явился на инквизиторский *consilium*, чтоб поделиться своими фантазиями? Я и прежде знал, что лучшее достоинство инквизитора – цепляться к мелочам, однако всему ж есть свои пределы.

– Не такая уж это мелочь, – возразил Курт серьезно. – Ведь ты явно не сам все это выдумал, верно? Ты излагал, что называется, своими словами чьи-то мысли. Кто-то когда-то составил статистику, подсчитал, свел данные, сравнил, припомнил или перечитал что-то, касающееся темы – и вывел столь оригинальную версию. Это *pro minimum* означает, что у вас наличествует соответствующая литература. Еще все это значит, что ваша *structura* – это не только горстка сорвиголов, у которых кипит кровь от переизбытка нерастраченных сил и жажды приключений; это значит, что среди вас есть и те, кто эту литературу штудирует, у кого хватает знаний и разума истолковать события и сведения. Еще я учитываю тот факт, что сообщество охотников, в отличие от Конгрегации, не только существует с незапамятных времен, но и (главное) – у вас не прерывалась передача знаний. А стало быть, упомянутая мною литература многочисленна, многообразна и местами, возможно, древнее многого, известного человечеству.

– Не знаю, что там у нас за «соответствующая литература», – отозвался Ван Ален неприветливо, – что там за труды и где скоплены; не мое дело. «Передача знаний», знаешь ли, тоже не совсем уж гладко шла – бывали годы, как мне рассказали, когда охотники в Германии совсем было загнулись, восстанавливались по крохам, припоминая семейные и соседские байки о старике Йохане, который обитает в далекой деревне в предместье неизвестного города и который тридцать лет назад, по слухам, развеял по ветру тыщу призраков. Теперь-то – да, можно применить к нам и заумные словечки; теперь мы в каком-то смысле *structura*. И – да, есть у нас люди, которые не могут, как я, взять оружие и применить его в деле, но зато им что-то такое Бог вложил в мозги. Наверное, есть какие-то писания, не знаю. Может быть, они друг для друга делают какие-то заметки; нам, понимаешь, эти подробности до... фонаря. Когда есть время просто так посидеть, когда заходит разговор – да, перетираем тему; но нам больше интересно, какого сорта чеснок лучше выращивать для стрига или как правильно выговаривать «*vade retro*», чтоб подействовало.

– Нам тоже, – заметил Курт. – Интересно не меньше вашего. Знаешь, сколько народу полегло в зондергруппе, пока это было выяснено на собственном горьком опыте?.. Вот такие вот, Ян, «мелочи», к которым я цепляюсь.

– Чего ты от меня хочешь, в конце концов? – с внезапной усталостью выговорил охотник. – Информации о тварях и ведьмах? Да спрашивай. Что знаю – тем поделюсь. О книгах, тайных записях или древних рукописях – вот об этом не скажу ни слова, причем, как это в инквизиторском деле

бывает частенько – потому что *нечего сказать*. Не интересовался. Не спрашивал. Не знаю.

– Но ведь кто-то же знает.

– А, – с недобрым удовлетворением кивнул Ван Ален. – Еще один чисто инквизиторский вопрос: имена... А черта тебе с два, Молот Ведьм, при всем моем к тебе уважении. Никаких имен, никаких адресов и прочего.

– Ответ, тоже довольно частый в инквизиторской практике. Обыкновенно все зависит от того, *как* задается вопрос.

– Нас *urget lupus, hac canis*^[25]... – буркнул охотник чуть слышно. – Я просто не могу, не имею права раскрыть тебе то, что касается не одного меня. Ты ведь тоже не станешь откровенничать о ваших тайнах, даже если я вдруг выдерну арбалет из-под полы и пригрожу кончить твоего приятеля.

– Валяй, – пожал плечами Курт, и помощник усмехнулся, склонив голову в подчеркнуто благодарственном поклоне. – Это его работа, а я это переживу. А ты? – вкрадчиво уточнил он, перечислив в ответ на вопросительное молчание: – Ян Ван Ален, подданный германского трона во втором поколении; думаю, таких в стране немного. Ван Ален-старший, полагаю, прикрыл уже свою лавочку, однако узнать, в каком университете учится человек двадцати трех лет с таким именем, труда не составит. Семья, Ян. То самое слабое место.

– Ну ты скотина, – с чувством произнес охотник спустя миг безмолвия. – Послушай; я ведь тоже кое-что понимаю. Ваша Конгрегация, вообще говоря, такая же полулегальная штука; а с точки зрения пап, сколько б их там сейчас ни расплодилось – вовсе нелегальная. В Германии за вами и закон, и власть, и сила, и императорская помощь, но это здесь. Сейчас Император вообще с собственной знатью на ножах. Тем паче, что Империя есть, а Императора нет... да не кривись. Это факт. Он избран курфюрстами, но не коронован понтификом, а стало быть, Императором является только наполовину. Не думаю, что его властные замашки курия будет долго терпеть, а он долго вознамерился в таком состоянии пребывать. Я охотник, но не тупица. Кое-что понимаю. Грядет война. А значит, у вас там, наверху, ваши вышестоящие составляют какие-то планы, корпят над выдумыванием всяческих козней для папских сторонников; но ведь я не прошу тебя выложить мне все это вот так, просто? Может, ты и выложил бы, увидев во мне союзника, будь ты повыше должностью и повольней в действиях. И от моего желания тоже мало что зависит; такие решения в одиночку не принимаются. Сам должен понимать.

– Ведь я говорил – все зависит от того, как спрашивать...

– Я до сих пор не послал тебя куда подальше лишь потому, что мы

заперты здесь, – оборвал его Ван Ален. – Лишь потому, что не могу просто встать и уйти.

– Ты *послал* меня, – возразил Курт. – Но теперь не отмечаешь сходу попытки контакта, а готов их обсуждать.

– Угрозы мой семье я не стал бы называть «попыткой контакта».

– Брось, неужто я переоценил твою сообразительность? – отмахнулся он. – Закончится метель – и ты исчезнешь, рванешь напрямик к братцу, скажешь ему, что он в розыске, и надо сваливать; думаю, вам такое не впервой. И когда я путем перебора выйду на его университет, его уж и след простынет.

– А если меня убьют здесь – ты вычислишь брата и явишься к нему как мой приятель, которому я перед смертью завещал связаться с ним. Пара вздохов о моей безвременной кончине, несколько дружеских похлопываний по плечу – и он проболтается.

– Хм, а подобного варианта мне в голову не приходило; благодарю за идею... Да полно тебе, – повысил голос Курт, не дав охотнику возмутиться. – В чем дело? В том всего лишь, что *не ты* решился привлечь меня в союзники вашего тайного общества, а я вынудил тебя подумать о сотрудничестве?

– «Сотрудничество»... Знаю, что означает это слово в инквизиторском обиходе. Начинается все проповедями об общем деле и христианском долге, а кончается вербовкой.

– Не скрою, – кивнул Курт, – да, думаю, таким, как ты, место в зондергруппе. Вербовать я тебя не намерен, однако не могу не упомянуть об этом факте, а также о том, что, если будет желание заняться делом, не скрываясь от людей и не бегая от властей, скажи только слово.

– «Да, майстер шарфюрер!», – нарочито бодро выговорил Ван Ален. – «Слушаюсь, майстер шарфюрер!»... «Эту тварь мы убивать не будем, ту – не хотим, за этой будем следить, вон ту не тронем, потому что указаний сверху на это не выслано». Уволь. Меня на такое не хватит. Не сдержусь. Сейчас только я сам решаю, что делать и как, когда и почему, и выслушивать от кого-то приказы, смысл которых мне никто, само собой, не потрудится разъяснить – это не для меня. Но за предложение благодарствую – ты, надо полагать, уверен, что попытался сделать мне одолжение.

– Вовсе нет, – усмехнулся Курт невесело. – Это – так, ради очистки совести. Личности, подобные тебе, мне хорошо известны: приказов не выносят, вмешательства в свои дела не терпят, ответственности не признают. Если при поимке очередной пакости сгорит деревня – не

поморщатся; идут к цели просто, не оглядываясь.

– «Деревня»... – повторил охотник, поморщась. – Если не врут слухи, что я о тебе слышал, лет шесть назад ты завершил одно из расследований, попав в целиком местный баронский замок вместе с хозяином.

– Эти слухи пущены теми, – осек его Бруно, – кто хотел, чтобы так и думали. Теми, кто убил этого самого хозяина и поджег этот самый замок. И если б не его расследование, погибших было бы больше, а слухи, порочащие Конгрегацию, стали бы куда как пространнее и витиеватее; в том замке горел и он сам, чтоб ты знал, пытаясь спасти владельца и изловить убийцу.

– Так вот, стало быть, что с руками, – уверенно отметил охотник; Курт не ответил. – Ну, если это все сваливается на голову инквизиторскую, воображаю, что выпадает на долю вашей зондергруппы. Велели гореть – гори, сказали тонуть – топись; не по мне. Если полезу в яму со змеями или замок в огне – только по доброй воле и собственному произволению, в самом деле, не оглядываясь и не боясь, что после поимки твари или ареста малефика мне будут выговаривать, скажем, за невзначай разбитый уникальный витраж девятого века.

– Я и не призывал тебя идти к нам рядовым бойцом; в зондергруппах есть и собственные следователи – занимаются, заметь, в точности тем же, чем ты.

– И на многое у тебя есть дозволение, чем меня можно соблазнять?

– Кое на что есть, – пожал плечами Курт. – Однако тебе это все равно не интересно, ведь так?.. Посему, если на что я и могу уповать, так это на то, что ты согласишься на более конструктивные переговоры в недалеком будущем. Что побеседуешь со своими, обсудишь с ними идею дележа запасом знаний... быть может, как знать, и людьми... Можешь ты поручиться за то, что из ваших никто не захочет принять мое предложение? Не можешь. Или за то, что вам самим не потребуется однажды инквизиторская помощь. А я готов подождать, пока вы поразмыслите, что-то решите, что-то захотите от нас получить или что-то дать; лишь оставь мне зацепку на будущее. Не исчезни в никуда – и того пока достаточно.

– Вербовка, – подытожил Ван Ален коротко и почти самодовольно. – Как я и говорил.

Глава 7

То, что охотник окрестил вербовкой, а Курт – просто-напросто попытками хотя бы не дать ценному объекту сорваться с крючка навсегда, протянулось до позднего утра, когда сквозь глухую пелену вьюги за окном стало проступать нечто вроде рассвета. Обыкновенно просыпающийся раньше всех трактирщик сегодня припозднился, то ли поздно уснув после ночных треволнений и оттого проспав дольше обычного, то ли попросту не желая выходить в трапезный зал с темным пятном на полу, все еще отдающий трупным смрадом и навевающий дурные мысли. Вторыми явились Вольф и Берта Велле, и вялое подобие жизни пошло установленным порядком – супруга трактирщика, поминутно всхлипывая, принялась за приготовление снеди, а сын продолжил попытки оттереть пропитавшийся кровью пол. Тело крестьянина Ван Ален и Бруно под охраной Курта, почти в буквальном смысле прорыв себе выход из заваленной снегом двери, вынесли наружу, уложив на пол в примыкающем к конюшне холодном узком сарайчике, подле крытой заиндевевшим полотном телеги торговца Феликса. Никто из троих не обмолвился об очевидном для всех факте: ничто не мешает зверю открыть дверь этой подсобки так же, как это было сделано в конюшне, войти и насытиться мороженым мясом следующей же ночью. Некоторые надежды вселял лишь навесной амбарный замок, курочить который тот навряд ли станет...

До явления прочих обитателей трактир приобрел почти прежний вид, мерзкий ночной запах выветрился, с кухни доносились внушающие надежду ароматы, и лишь Берта продолжала тихонько потягивать носом, а сам Альфред Велле утратил свою добродушную полуулыбку, обращаясь к постояльцам понуро и едва слышно.

Феликс примостился за свой стол осторожно, бочком, точно боясь повалиться со скамьи, и на лице его отображалось все то, о чем он только мог помыслить в остаток этой ночи; губы торговца беспрестанно шевелились, и Курт, прислушавшись, уловил обрывок молитвы. Беглая парочка уселась подальше от мокрого пятна на полу, не говоря друг с другом и не глядя по сторонам, и к вздохам трактирщицы присоединились тихие всхлипы Марии Дишер. Амалия с опухшими и покрасневшими глазами хранила молчание, уже не плача и не произнося ни слова; на замытое пятно она не смотрела, устремив взгляд на сына – тот сидел неровно, подперев голову рукой и уставясь в стол. Даже со своего места

Курт видел, что его глаза блестят нездорово, щеки горят неестественным румянцем, а прилипшие ко лбу волосы влажные от испарины, и вряд ли в эти минуты сколь угодно страшная смерть какого-то малознамого крестьянина могла занимать эту женщину больше, нежели простуда ее сына.

Фон Зайденберг не показывался долго, явившись самым последним. По лестнице рыцарь спускался медленно, ни на кого прямо не глядя и вместе с тем косясь на каждого, наверняка ожидая порицания от присутствующих за ненадлежащее исполнение своих обязанностей, от охотника – очередной отповеди за утраченное оружие, а от майстера инквизитора – надменного злорадства по поводу доказательств его правоты. Тишина, встретившая его в зале, казалось, пригнула фон Зайденберга к полу, точно брошенный ему на плечи камень, и в глазах охотника отобразилось злое удовлетворение.

– Гляди-ка, Молот Ведьм, а ты был прав, – отметил он шепотом и, поднявшись, пересел за соседний стол, ближе к рыцарю, буравя одного укоризненным взглядом.

Завтрак долго протекал в молчании, лишь мало-помалу разбавляясь едва слышными переговорами попарно сидящих, редкими вопросами трактирщика и бормотанием Феликса.

– Либо его циклит, – подвел итог Курт, покосившись на торговца, – либо это пример обывателя, помнящего поразительное множество молитв.

– Не самое худшее в нашем положении.

– Брось ты, – покривился он, отмахнувшись от помощника. – Полагаю, убиваемая матушка Яна тоже молилась, пока ее высасывали досуха; помогло? Вот если б подле нее оказалась пара хорошо вооруженных охотников – это было бы дело.

– Помнится, – возразил Бруно ровно, – в Хамельне ты столь же скептически отзывался о том же самом. И помогло тебе хорошее вооружение?

– Так себе было вооружение. Но намек я понял... Однако ж, мне что-то не приходит на ум никто из здесь присутствующих в смысле кандидата на святые и, как следствие, на чудо. Ты разве что. Выпихнуть тебя этой ночью наружу – а ну как ликантроп отравится?

– По части отравления жизни окружающим у нас эксперт ты. Тебя и выставим.

– Меня нельзя, – с сожалением вздохнул Курт. – Я уникальная собственность Конгрегации; тебя будут судить за растрату. А Хауэр – тот просто свернет тебе шею: этим летом мне назначены очередные три недели

в учебке, и ему не терпится доказать мне, что переплюнуть инструктора зондергрупп не так просто, как я думаю. И тому, кто помешает это сделать, не поздоровится.

– Ему никто не говорил, что важнейшая добродетель христианина, а тем паче служителя Конгрегации – смирение?

– Не думаю, что на нашей службе это и впрямь столь уж несомненная добродетель; а Хауэр, убежден, скажет тебе, что и вовсе излишняя.

– Ты, не сомневаюсь, с ним согласишься, – усмехнулся Бруно, и Курт пожал плечами, посерьезнев:

– Суди сам. Я не одарен свыше никакими способностями, не умею залечивать ран руками или творить искры пальцами, чувствовать мысли или вершить прочие подобные диковины, равно как и сам Хауэр. Но все-таки он постиг в чем-то неповторимые навыки – и он сумел им научиться сам, потому что верил в себя, в человека, а не в ничтожную безответную тварь; и я сумел научиться кое-чему, потому что он сумел убедить меня в том же самом. Потому что я не смирен – я...

– ...высокомерная сволочь, – заметил Бруно насмешливо. – А вот тебе, великий чудо-воин и прославленный Молот Ведьм, напоминание: «уникальной собственностью» ты являешься по совершенно иной причине. Много, что умеешь ты, может и тот же Хауэр, но раскрывать дела так, как это выходит у тебя, не может никто.

– В смысле – чтобы море крови и отравленная жизнь окружающих?

– В каком смысле – ты понимаешь, – серьезно возразил Бруно, и Курт раздраженно отмахнулся:

– Понимаю, разумеется; а знаешь, почему? Потому что обсуждалось это уже не один и не три десятка раз, и с тобой в том числе. И в сотый раз скажу то, что уже говорил: быть может, начальству виднее, однако сам я не вижу в этом ничего необычного, примечательного и уж тем паче уникального.

– Ты видишь то, что не видят другие.

– Более внимателен, – отозвался Курт скучаяще.

– Умеешь сопоставить совершенно не связанные между собой приметы и факты.

– Развитое воображение.

– С первого же дознания столкнулся с серьезными людьми.

– Непруха.

– И продолжаешь натекать на них, стоит лишь копнуть чуть глубже в простых с виду расследованиях.

– Мощная непруха.

– Ни одного не завершеного дознания, ни одной следственной ошибки.

– Академия святого Макария. Слышал – там следователей выращивают?

– Выживаешь в самых немыслимых ситуациях.

– Там еще и драться учат, кстати.

– Когда драки не помогают.

– Вот тут – пруха.

– И тебя удовлетворяет такое объяснение?

– *Nec velocium esse cursum, nec fortium bellum, nec sapientium panem, nec doctorum divitias, nec artificum gratiam, sed tempus casumque in omnibus.*
[26]

– Отчего-то Писание ты поминаешь, только когда тебе это выгодно... «Случай». И это после всего, что тебе довелось увидеть и испытать?

– Сочти это смирением, – едко предложил Курт. – Легче поверить в то, что мне везет, нежели в то, что Господь избрал меня в качестве средства для истребления malefikov и теперь ревностно свое орудие берегает от повреждений.

– *Numquid non verba mea sunt quasi ignis, ait Dominus, et quasi malleus conterens petram* [27], – заметил помощник многозначительно. – Я не хочу проводить параллелей с тем прозвищем, под которым ты известен всей Германии, однако...

– А мое пришествие в Писании не пророчествуется?

– Был бы здесь отец Бенедикт – ты уже получил бы по шее. А я лишь напомню, скольких затащили за решетку за одни лишь такие слова.

– Мне можно.

– Тебе можно, – легко согласился Бруно. – Тебе многое можно. И тебе многое удастся. И если слепой случай – твое объяснение всему этому...

– Не в первый раз замечу: неспроста ты некогда сошелся с Каспаром. Вам бесприменно надо встретиться и обсудить Господне покровительство надо мною... ну, или волю богов по его представлению.

– Там, где ты появляешься, – настойчиво продолжил помощник, не ответив, – всегда что-то происходит.

– Дело есть везде, Бруно. Просто надо присмотреться; а для этого (напомню все вышесказанное) – внимательность, мало-мальское соображение и не забывать то, чему учили в академии.

– Хорошо, скажу иначе: ты всегда появляешься там, где что-то происходит, и не всегда благодаря собственным заслугам. Как, к примеру, в нашем случае. Кто угодно мог оказаться в этом трактире...

– Вот именно.

– Когда угодно мы могли проехать мимо, днем или неделей ранее или позже. Думаю, я и проехал бы, не будь тебя со мной. Не будь тебя со мной, я остановился бы в той деревне, пытаюсь разрешить ситуацию с этим коноводом, не попал бы сюда и...

– А еще я мастер разрешать ситуации; упомяни уж и об этом – так, ad maiorem. Господь наверняка долго думал, прежде чем вручить жезл избранности и миссию утверждения Его воли на земле столь несдержанному чаду Своему.

– Пророк Илия собственной рукой заколол сорок безоружных человек, – отмахнулся Бруно, – и признан святым.

– *Eia*, – хмыкнул Курт. – Вот это б отцу Бенедикту услышать. Наверняка сказал бы, что мое общество скверно на тебя влияет... или уже говорил?

– Он много о чем говорил. А я много о чем передумал.

– Ага, – удовлетворенно кивнул Курт. – Так вот, стало быть, отчего ты променял возможность уединиться за монастырскими стенами на обязанность таскаться за мной по многогрешному миру и влипать в неприятности. Полагаешь своей миссией образумить меня, направить на путь истинный... хотя – стой: я ведь уже на этом пути. Господом направлен. Скорее всего, сгоряча.

– То, за что курсантов пороли во дни обучения, сходит им с рук после получения Знака, – отметил помощник недовольно. – Даже кощунственные высказывания. Даже те, за которые обладатели Знака вправе пороть других... Быть может, ты поубавишь свой сарказм, когда я напомним, чем еще ты заинтересовал друзей и врагов – кроме необычной интуиции?

– Сомневаюсь.

– Никто, – пытаюсь не слышать его, продолжил Бруно, – ни наши эксперты, ни их малефики не нашли в тебе ничего сверхобычного. Тут ты прав. Но тогда объясни мне, почему чародей, при одном имени которого бледнеют его же приверженцы, не сумел влезть в твою дурную голову? Почему не смог увидеть твоих мыслей; точнее, увидел, но лишь те, что *ты* сам захотел ему показать – и не заподозрил обмана? Снова повезло?

– Может, он в тот день не выспался.

– Наверное, так же, как и все прочие, включая, насколько мне известно, стрига, который брал под полный контроль по несколько человек разом, но не смог контролировать одного тебя. Ты защищен, Курт, признай это, наконец. Тебя хранит кто-то. И уж наверное не Афина Паллада.

– Доводилось бывать на анатомировании? – спросил он вдруг, и Бруно

непонимающе нахмурился. – Так, *ad vocem*. Два человека равного сложения тащат равные мешки с камнями, и – один вдруг падает замертво, а другой вздыхает и идет домой любить жену. Знаешь, что обнаружится при вскрытии? Различное строение сердца и сосудов.

– Это намек на то, что, когда тебе разmozжат голову, из черепа вывалится уникального строения мозг?

– Чем это объяснение хуже божественного вмешательства? У кого-то более крепкие, чем у прочих, мышцы или кости, у кого-то – мозги. Просто так сложилось – от рождения.

– Думаю, если б в отдаленной деревеньке обнаружился вдруг некто, кто тридцать лет пролежал лежнем, но при том был бы подобен греческому атлету – им давно заинтересовались бы и наши, и не наши. Как тобой.

– Академия – святого – Макария, – повторил Курт с расстановкой. – Я ее сегодня уже упоминал?

– В академии накачивали не только *твои* мозги – там этих мозгов были десятки, но говорят по всей Германии только о тебе.

– Я подхожу *ad parametrum*, – пояснил он благожелательно. – Выходец из бедняцких кругов, бывший беспризорник и преступник – перевоспитан, обучен, угодил в императорскую милость и урвал себе рыцарское звание, попутно подняв на костер пару-другую высокородных подданных. Для пропаганды – идеальная *biographia*. Тебе известно не хуже меня, что моя слава – не в малой степени заслуга наших же агентов. Новой Конгрегации нужны свои имена и легенды; я просто пришелся ко двору. Я, знаешь, вроде бочонка с пивом, который выкатывают к дверям лавки для заманивания посетителей, или вывески над трактиром. Пока вывеска новенькая, сияющая свежей краской, неплохо нарисована – и все смотрят, обсуждают, заходят в двери; спустя время краска облупится – и повесят новую вывеску. Все просто.

– Наверное, я все же ошибся, – со вздохом качнул головой Бруно. – Смирения в тебе местами даже непомерно много.

– Собственных заслуг я не принижаю... – начал Курт, и помощник оборвал, не дослушав:

– Стало быть, ты попросту болван.

– Да как тебе в голову такое могло прийти! – прорезал тишину трапезного зала возмущенный голос, и Курт обернулся к рыцарю, радуясь, что сам собою прервался этот разговор, повторяющийся с вариациями не в первый раз и длящийся не первый год.

– У тебя есть идея лучше? – отозвался фон Зайденбергу охотник. – Что можно было сделать еще – оставить его на чердаке, чтобы он там прел

потихоньку? Или на ледник его – к мясу, которое мы здесь едим?

– Но не вот так же просто, наземь в амбаре!

– Ты прав, – с подчеркнутой печалью кивнул Ван Ален. – Надо было похоронить. Снег разгрести, лед сколоть, землю продолбить; убив на это весь сегодняшний день, мы б наверняка управились... Ты беспокойся о том, как сохранить живых, а не о том, сожрут ли мертвого. Ему, знаешь, хуже точно уже не будет.

– И все-таки господин рыцарь в чем-то прав, – тихо выговорила Мария Дишер. – Как-то выходит... не по-христиански.

– О его душе есть кому помолиться, об этом не тревожься, – возразил Ван Ален, кивнув в сторону Бруно. – Прочее не главное. Главное – не оказаться на его месте.

– Господи, – проронила беглянка, спрятав лицо в ладонях. – Как страшно... клыками, заживо... Я так не хочу.

– Ничего не будет, если делать то, что вам говорят. Ничего непредвиденного не случилось: правила безопасности были простыми и понятными, и беда вышла только потому, что один дурак их презрел, а другой его поддержал. Все, что от вас требуется, это *просто сидеть на месте*; думаю, мало кому в истории человечества выпадал столь нехитрый способ сохранения собственной жизни. Можете своевольничать и впредь – и вот тогда готовьтесь стать ужином большому зверю с большими острыми зубами.

– Перестаньте, – потребовала Амалия строго, искоса взглянув на сына. – Не при ребенке.

– Брось, – скривился Ван Ален раздраженно, повысив голос: – Сколько тебе лет, ребенок?

– Четырнадцать с половиной, – хрипло отозвался Хагнер, не поднимая головы, и охотник фыркнул:

– Я в его возрасте имел перечень подвигов подлиннее родословной господина бродячего рыцаря. Он уже не ребенок, милашка, он взрослый парень, и давно пора свою опеку поубавить – уже и ему пришло время тебя опекать. Если ты продолжишь в том же духе, доведешь сынка до того, что он станет падать в бесчувствии при виде мыши. Пусть слушает. И жаль, что не видел.

– Господи, не надо, – плачущим шепотом попросила Мария. – Это было... это было... Господи, помоги нам...

– Да будет тебе уже, – почти со злостью потребовал парень, и та умолкла, напоследок шмыгнув носом.

– Напрасно ты так, – с укором возразил торговец. – Призвать

Господню помощь – что еще нам остается?.. Господи, подай нам помощь в тесноте, ибо защита человеческая суетна. С Богом мы окажем силу: Он низложит врагов наших...

– Не имею ничего против молитвы, – оборвал Ван Ален, – однако для этого у Молота Ведьм при себе имеется помощник в монашьем звании: вот он пускай и бьет поклоны, ему это по чину полагается. «Защита человеческая суетна»... Я тебе другое припомню: не искушай Господа Бога твоего; вот так оно будет вернее. Лезть не надо на рожон, тогда и защита человеческая вполне сгодится.

– Вы полагаетесь на каменные стены, но они не спасли Иерихон. «Будь мне каменною твердынею, домом прибежища, чтобы спасти меня» – вот как сказано в Псалмах. Против Господней воли вы не спасетесь, господин охотник. Если Он решит предуготовить вас к гибели – вы можете лишь молиться. Молитесь, чтобы спастись.

– *Orate vero ut hieme non fiant*^[28], — пробормотал Курт себе под нос. – Правда, для этого уже поздновато...

– Я тебе еще кое-что скажу, Феликс, – продолжил Ван Ален. – И тоже по Писанию. У всякого, знаешь, в Писании этом есть нечто, что запоминается всего более; тебе в голову лезут молебствия о милости Божьей и немощи человеческой, Молоту Ведьм – наверняка что-нибудь о Господе, огнем карающем, всякому свое. Так вот у меня тоже имеется в памяти излюбленная выдержка, и я полагаю ее куда как более верной. «*Quicumque effuderit humanum sanguinem fundetur sanguis illius ad imaginem quippe Dei factus est homo*»...

– Произношением можно распугивать демонов, – заметил Курт вполголоса.

– «Кто прольет кровь человеческую, – перевел охотник, никак не ответив и даже не обернувшись, – того кровь прольется рукою человека: ибо человек создан по образу Божию». Были б у меня рыцарские прибабасы – написал бы это на щите, вроде девиза. Эта тварь свое получит, и не Господь ее поразит молнией, а человек к чертям собачьим вывернет его поганую шкуру наизнанку. Если он не удерет отсюда, если так и продолжит на нас охотиться, я лично эту шкуру сдеру и сделаю себе еще один воротник.

– Это... – запнувшись на полужвуке, проронила Амалия, – это у вас... не волчья?..

– Нет, – небрежно поправив наброшенную на плечи куртку, кивнул Ван Ален с заметной гордостью. – Это мой приз. Который я обрел, замечу, когда был старше твоего отпрыска всего двумя годами.

– А от зондергруппы я слышал, – заметил Курт в воцарившейся внезапно тишине, – что их тела разлагаются после смерти, причем едва ли не за минуты.

– Разлагаются, если убить не сразу. Но если, к примеру, снесешь твари голову – смерть наступает почти мгновенно, и ты будешь иметь возможность обзавестись вот таким трофеем.

– Как можно! – наконец, разрушил тишину торговец. – Ведь это ж человек, какой-никакой; Господи Иисусе, как же у вас рука-то поднялась!

– Я посмотрю, как ты заговоришь у этого гада под когтями, – покривился охотник. – Уж на кого, а на человека это похоже всего менее.

– Любопытное наблюдение, – произнес Бруно негромко. – Отчего бы тогда, выследив ликантропа в его человеческом обличье, не стянуть с него кожу и не обтянуть рукоять? Вот это был бы трофей так трофей.

– А что? – пожал плечами Курт, когда охотник вперил в помощника уничтожающий взор. – Не все ли равно? Тварь и есть тварь.

– Слышу нотки осуждения в голосе.

– В самом деле? С чего б это.

– Ваши из зондергруппы стрижьи клыки нанизывают и носят вроде амулета. А те тоже люди, хоть и ненормальные; и в чем отличие?

– Кто тебе сказал такую чушь?

– Ходят слухи.

– Знаешь, Ян, чем «слух» отличается от «информации»?

– Что, враки?

– Я знаю их шарфюрера лично и могу сказать с уверенностью: тому, кто попытался бы выкинуть подобный фортель со стрижьими зубами, Келлер повышибал бы его собственные. Однако, если ты ожидаешь проповеди – напрасно. Никакими наставлениями я не приневолю тебя оторвать этот воротник, благочестиво отпеть и предать погребению; ты взрослый и временами разумный человек и, если останешься в своем деле, когда-нибудь поймешь все сам.

– Пойму – что? – уточнил Ван Ален ревниво. – Что они милые Божьи создания? Эти – хорошие песики, а стриги – славные парни?

– Ты удивишься.

– Тебе известно что-то, что не известно мне?

– Забавно, что ты удивляешься сейчас. Разумеется, инквизитору первого ранга, наделенному особыми полномочиями, известно очень много такого, чего ты не знаешь. А кроме того, Ян, в этом простая логика: принадлежность к некоторым кругам не означает единого для этих кругов мировоззрения.

– Вервольфы и стриги – не «некоторые круги», которые можно, если надоело, отринуть, как студенческую банду или приходской хор. Это господин бродячий рыцарь может прикупить земельки и заделаться садоводом или твой помощник – расстричься и стать торговцем, а тварь тварью и останется. Никто из них заново не переродится.

– Господин фон Зайденберг, начав выращивать яблоки, тоже не перестанет быть рыцарем – посвящение останется при нем, попросту он займется другим делом, оставшись тем, кто он есть.

– Не похоже, что наш знакомец намерен заняться чем-то, кроме поедания путешествующих. Замечу, что сукин сын, с которого я содрал этот клок, тоже особенным желанием переменить свою жизнь не пылал; у него было желание переменить мою жизнь. А до меня еще многих, включая жизнь живущей на отшибе семьи целиком – с двумя малолетними детьми; и теперь скажи мне, что я еще «сам все пойму». Я уже все понял.

– А бродячий разбойник, вырезавший так же семью, чтобы обнести дом – его уши ты тоже привесишь себе на гарду?

– Они не люди, – коротко отрезал Ван Ален. – Они твари. Говорящие, думающие, живущие в людских домах твари. Не знаю, что такого можешь знать ты, но если тот стриг, которого ты повязал в Ульме, на допросе вздумал распинаться, как он сожалеет и как жестокая сука-жизнь вынудила его злодействовать, ты сам должен понимать – гад рассчитывал на скорую смерть, если засчитают раскаяние. Не хотел любоваться с тобой рассветом. Или ты способен поверить в раскаявшегося стрига?

– Тот не распинался, – возразил Курт. – Тот держался неплохо. Однако – да, из разговоров с подобными созданиями можно узнать много любопытного. К примеру, о количестве самоубийств среди таких вот тварей.

– Да ты, никак, их жалеешь?

– Не умею, – отозвался он просто. – Я ведь сказал: милосердие из нас двоих – он, я – справедливость. А эмоциональные взрывы к справедливости не имеют никакого отношения.

– Моя мать была убита не бродячим грабителем, да и этот деревенский дурень – тоже.

– Когда эта блудная дочь, проснувшись утром, обнаружит себя в одиночестве, раздетой, без денег и с повисшим на ней счетом от трактирщика, она, как и многие, подумает «все мужики козлы». Однако рядом со мной сидит живое доказательство того, что в своем заявлении она будет глубоко неправа.

– Вы это о чем? – настороженно уточнила Мария Дишер, скосившись

на своего хмурого возлюбленного, и Курт вздохнул с показным утомлением:

– Это отступление от темы, но, коли уж моей работой является оберегание мирян – исполню свой долг и оберегу тебя от ошибки всей твоей жизни.

– Вы, – вмешался парень настороженно, – хотите сказать, что я способен причинить зло Марии?

– Ты его уже причинил, ибо по возвращении домой ее ожидает хорошая порка в отцовском исполнении.

– Я не намерена возвращаться!

– Вернешься, – отмахнулся Курт, – тебе иного не останется. Дай угадаю: перед своим путешествием ты позаимствовала у папы немало средств, и на эту мысль набрела не сама. Судя по тому, что я не слышу возражений, я прав.

– Карл со мной ради меня...

– Я бы мог в качестве доказательств привести рассказы о многих подобных случаях, но вместо этого я просто задам тебе пару вопросов. С тех пор, как началось все это, он сказал тебе хоть слово утешения? Сказал, что все будет хорошо, и с тобой ничего не случится? Спорю, он стал раздражительным, нервным и холодным; это потому, что на подобные осложнения он не рассчитывал, и теперь между твоими деньгами и ним стоит, кроме тебя, еще и голодная тварь.

– Просто все мы напуганы, все в напряжении...

– Напуганные люди тянутся к близким. Ищут защиты или пытаются защитить. Амалия глаз не спускает с Макса, наш добрый хозяин всякую свободную минуту заглядывает к жене и сыну, господин рыцарь спелся с единомышленником, не глядя, что крестьянин, а твой Карл – он взял тебя хоть раз за руку с той минуты, как опасность стала очевидной?

– Зачем вы это говорите, майстер инквизитор? – осведомился парень раздраженно. – Для чего вам разбивать нас – от скуки?

– Куда вы направляетесь? – вклинился Бруно и, не получив ответа, пояснил: – Ведь вы не бежите в белый свет вообще. Куда вы идете?

– К моим родителям. Ее отец не знает, откуда я родом, и нас не найдут.

– И откуда ты?

– Вам это все равно ничего не скажет – городок маленький...

– Мы объехали почти всю Германию за время службы. И маленькие городки тоже. Так что за город ваша цель?

– Мильтенбург. Это Майнцское архиепископство...

– Я знаю, где это, – оборвал его Курт с усмешкой. – Очень любезно,

однако, с твоей стороны снабжать свои ответы столь детальными комментариями; по опыту могу сказать, что именно так говорит тот, кто говорит неправду. Не будь тебе что скрывать – ты отвечал бы неохотно, а скорее бы и вовсе сказал, что это не мое дело.

– Я отвечаю подробно, потому что вы инквизитор. Знаю, что бывает с теми, кто вздумает дерзить инквизитору.

– А с теми, кто лжет инквизитору?

– Мне лгать незачем! – с уже не скрываемой злостью отозвался Карл Штефан. – Я не намеревался грабить Марию, я не лгу о своих родителях, и я действительно родом из Мильтенбурга, куда мы действительно попадем, если останемся в живых!

– Где стоит твой дом? – поинтересовался Курт, и парень запнулся, переспросив с заметной растерянностью:

– Что?..

– Я спросил, где находится дом твоей семьи, – повторил он с расстановкой. – Улица. Ориентир, по которому этот дом можно отыскать – церковь поблизости или приметная лавка.

– Церковь.

– Какая?

– Пресвятой Девы.

– Беспроигрышно, – снисходительно усмехнулся Курт. – В любом городе есть такая; быть может, и не в любом, но в большинстве... Вот только, Карл, я бывал в Мильтенбурге и город этот знаю. Там всего три тысячи обитателей и три церкви, и все стоят рядом, но главное – поблизости от них нет жилых домов. Несколько лавок, рынок – и все. А теперь, – обратился он к притихшей девушке, – подумай, насколько можно верить ему во всем остальном, если он соврал тебе в этом.

– Скажи что-нибудь, – тихо потребовала Мария, повернувшись к парню; тот не ответил, лишь поджал губы, отведя взгляд в сторону.

– А теперь самое интересное, – продолжил Курт под общее молчание. – В Мильтенбурге я никогда не был и понятия не имею, какие там церкви, сколько их и где расположены; а судя по тому, что твой корыстолюбивый возлюбленный мне не возразил, он всего этого не знает тоже.

– Подлец, – чуть слышно проронила Мария. – Я оставила ради тебя дом, семью... я... И многих ты вот так же обманул до меня?

– Судя по спокойствию и даже некоторому хладнокровию, с которым он держался до сих пор, – ответил Курт вместо него, – тактика уже отработанная, и ты далеко не первая... Напоследок еще один совет. Сейчас,

очнувшись от разоблачения и взвесив все «за» и «против», он попытается уверить тебя в том, что совершил ошибку и осознал это, раскаялся и понял, как на самом деле страстно в тебя влюблен. Это будет логично, учитывая тот факт, что деньги все еще при тебе, а он вынужден пребывать в стенах этого заведения никому не ведомое количество дней. Разумеется, тебе решать, как быть – все-таки этот бесстыжий пройдоха согревает постель по ночам; но, сдается мне, печь все же выйдет дешевле.

– Ну, возрази же! – всеми силами пытаюсь удержать внезапно нахлынувшие слезы, потребовала девушка, рывком поднявшись из-за стола. – Скажи хоть что-нибудь!

– К чему, – безучастно произнес Карл Штефан, по-прежнему не поднимая к ней глаз. – Он все сказал.

– Ты... – уже не скрывая слез, выдавила Мария. – Ты... Тварь! – выкрикнула она надрывно и, ухватившись за край наполненной миски, вздернула ее со стола, вывалив содержимое в лицо бывшему возлюбленному.

– *Super*, – отметил Курт, глядя вслед плачущей девице, убегающей по лестнице наверх. – Благодарю Бога, что остыло, иначе не клеить бы тебе больше малолетних дурочек.

– Заявите на меня светским? – поинтересовался парень, яростно отряхиваясь; Курт отмахнулся:

– Это не моя забота. Я просто составлю тебе компанию по пути обратно в город, дабы ты невзначай не заблудился и не свернул куда в сторону. Если семья бедняжки Марии захочет преследовать тебя по закону, это их право; меня же ты интересовал бы лишь в том случае, если б сманил девицу из дому, используя зелья или собственные сверхобычные умения.

– А кто сказал, что это не так? – нарушил молчание Ван Ален. – Вполне возможно.

– Да вы с ума посходили! – вскинулся Штефан, на миг оцепенев и позабыв снять с макушки прилипшую к волосам капустину. – Это вообще не лезет ни в какие ворота!

– А вот теперь возмущение непритворное... Нет, Ян, здесь никакого приворота не было – честная работа, так сказать; было б иначе – я просто не сумел бы ее убедить никакими доводами. И ты погляди, как он оскорбился тем, что я усомнился в его талантах.

– Молот Ведьм в работе, – хмыкнул охотник. – И еще одна душа спасена.

– И мой доход погублен, – dokonчил трактирщик из-за стойки, пояснив, когда Курт вопросительно к нему обернулся: – Теперь девица не

станет за него уплачивать, есть-пить он не прекратит, а выдворить пусть и такого мерзавца в снег под волчьи зубы я не смогу.

– Да есть у меня свои деньги, – огрызнулся Карл Штефан, стряхнув, наконец, с себя остатки завтрака и усевшись чуть поодаль от замаранного снедью края стола. – И за себя я заплачу. Освободи мне комнату от нее подальше.

– Завидное самообладание, – отметил Ван Ален, поднимаясь. – А вот бедняжке совсем плохо... Твари никуда не денутся, и наш спор мы еще закончим, а покамест я, пожалуй, пойду. Несчастливая явно нуждается в том, чтобы ее кто-нибудь утешил и поддержал в горести.

– Это несправедливо, майстер инквизитор, – угрюмо заявил несостоявшийся ухажер, провожая охотника тоскливым взглядом. – Она сама на это пошла. Сама захотела. Я ведь ее не выкрал, не принуждал к сожительству; она пошла со мной добровольно. Мария забудет все уже через год, а лет через пять не вспомнит даже, как меня зовут, мне же за все это накинута петля, как за попытку ограбления. Разве это соизмеримо?

– Ян прав, – усмехнулся Курт. – Самообладание и впрямь отменное... Молись, чтобы она не сиганула этой ночью с крыши, вдохновленная твоими выкрутасами, Карл Штефан. Если тебя и впрямь так зовут.

– Так. Имени я не менял – девок оно отчего-то цепляет... Пускай прыгает. Там сугробы. А кроме того, этой ночью ее будут, я так предчувствую, усиленно охранять.

– Я серьезно, – чуть повысил голос Курт. – Иначе это будет уже не ограбление, а доведение до смертного греха, что лежит уже и в моей области работы.

– Да полно вам, майстер инквизитор, – наморщился парень, – а то вам в вашей жизни не доводилось покидать несчастных влюбленных в вас дурочек.

– Мои дурочки расставались со мной счастливыми, – возразил он, – а на твоём месте я б не особенно хорохорился. Поумерь пыл, иначе вместо сдачи тебя городским законникам я разберусь с твоей смазливой мордашкой по-своему, после чего ты сможешь подцепить разве что увечную старуху на исходе жизненных сил.

– И старуха на худой конец сгодится, – передернул плечами Карл Штефан, выбираясь из-за стола. – Все монеты на одно лицо... Дай мне комнату, – повторил он, обратясь к трактирщику, следящему за ним с осуждением. – Уберу-ка я все же рабочий инструмент подале от майстера инквизитора, коли уж он сегодня в столь наставническом настроении духа.

– Свои вещи заберешь сам? – с неподдельным интересом осведомился

Велле. – Или не рискнешь попадаться ей на глаза?

– Если судить по опыту, пожитки мои уже валяются в коридоре перед дверью. Показывай комнату.

– *Audacia est fortuna altera*^[29], — констатировал Курт вслед уходящему, и тот отмахнулся, не оборачиваясь:

– Всякий ищет удачи, как может, майстер инквизитор.

– Боже, какая наглость, — ошеломленно пробормотал торговец, когда Карл Штефан скрылся на втором этаже. – Никаких сожалений, никакого стыда... И вы вот так просто его отпустите, майстер инквизитор? Не попытаетесь узнать, кто он и откуда? Ведь он сбежит, как только явится возможность!

– Он понял, что я сказал, — отозвался Курт равнодушно. – И, когда не прикидывается простачком, изъясняется весьма гладко. Студент или выходец из среднего сословия... Он имел глупость проболтаться о том, что назвался настоящим именем, а стало быть, учитывая прочие данные, отыскать его при желании будет несложно. И в нашей ситуации, полагаю, не он самая главная забота. Ликантроп никуда не делся, и правила остаются прежними. А это означает следующее. У всех нас было нелегкое утро, посему пару часов надлежит уделить отдыху, после чего мы продолжим запасаться в первую очередь водой — она уходит быстро — и топливом.

– Вы в самом деле думаете, — подал голос Хагнер, — что такая тварь может быть... как человек?

– Он и есть человек, — пожал плечами Курт. – Такой же преступник, как и прочие, вот только от заурядного злоумышленника его отличает еще одна способность причинить вред. Яна можно понять, однако он в корне неправ. Никакие сверхъестественные возможности не означают бесспорно, что возможности эти будут употреблены во вред; все зависит от их носителя.

– А как еще их можно применить, такие способности? — возразил парнишка, отирая взмокший лоб ладонью, и, прокашлявшись, уточнил: – И как такое чудовище может спорить с собственной натурой?

– Поверь, может. Обычные люди, Максимилиан...

– Макс.

– Макс. Обычные люди, Макс, ведь тоже не добродетельные создания, и в душе многих из нас зреют помыслы, которые, будучи воплощены, немногим отличались бы от того зла, что вершат всевозможные ликантропы, стриги, ведьмы и прочая. Мало ли кому и чего может пожелаться, что может вообразиться в мыслях; мы запрещаем себе это делать, вот и все — запрещаем, порою продолжая желать. Такой, как наш

непрощенный сосед, осознающий себя, понимающий, что делает – и он тоже способен при желании остановить себя, запретить себе; его вина не в том, что часть его природы отлична от людской, а в том, что он избрал потакание этой природе, а не подчинение ее себе. Ян спросил, верю ли я в раскаявшегося стрига; верю. Видел. Посему знаю доподлинно: все в их руках. Так же, как все в руках убийцы, грабителя, вора, мошенника и прочих многообразных представителей преступного мира.

– У вас все так просто, – невесело усмехнулся Хагнер, и Амалия нахмурилась, подтолкнув его в плечо:

– Максимилиан!

– Все непросто, – согласился Курт. – Спорить с собою всего трудней. Я по себе это знаю. Однако человек, Макс, может все. И подчинить себя себе тоже; именно поэтому на суде не будет аргументом защиты тот факт, что в нашем приятеле где-то в глубинах души и тела дремлет зверь. Он сам теперь пробуждает этого зверя и, похоже, не особенно печалится по этому поводу.

– На суде? Вы что ж... намерены арестовать его, майстер инквизитор? Взять живым?

– Это в идеале, – кивнул он. – Разумеется, я не стану бегать вокруг него с кандалами, пока он будет кого-то... гм... но если выпадет возможность – да, сущность моей работы заключается в том, чтобы брать подобных личностей живыми.

– Для чего? Зачем суды, если все и так ясно, если ему все равно смерть? Не проще ли убить такую тварь на месте?

– Максимилиан! – снова одернула его мать с явственным ужасом в голосе. – Прекрати.

– Почему же, – остановил ее Курт, – интерес вполне понятный... Затем, Макс, что от нашего знакомого, к примеру, можно будет узнать много интересного. Скажем, о его братьях, которые в эти несколько ночей, быть может, занимаются тем же самым где-нибудь на другом конце Германии. Это первое и самое очевидное. А кроме того, на пороге смерти люди, бывает, меняются.

– А вы показались мне реалистом, майстер инквизитор, – тихо вымолвил фон Зайденберг, разомкнув губы впервые с начала беседы. – Не думаете ж вы, что чудовище и впрямь может раскаяться.

– Какие только чудеса не случались в моей практике, – возразил Курт, и рыцарь недоверчиво покривил губы. – Но скажем так: моя работа, моя обязанность – предоставить такую возможность; что будет делать осужденный с отведенным ему временем – его личное дело.

– Ван Ален с вами не согласится, – заметил Хагнер убежденно. – Он будет за то, чтоб убить тварь. Не станете ж вы драться с человеком, чтобы сохранить живым зверя?

– А знаете, майстер инквизитор, – осторожно вклинился Альфред Велле, – боюсь, и я буду на его стороне. Положим, случилось чудо, и вам удалось взять вервольфа живьем; так ведь это опасно – держать его тут, неужто сами не понимаете? Это не кобыла, которая, Бог дал, стоит себе тихонько, ест да гадит; а железных кандалов при вас, я так мыслю, не имеется.

– Утешьтесь, – отмахнулся Курт, – это рассуждения больше отвлеченные; убежден, что наш сосед не предоставит нам возможности себя взять, и спорить будет просто не о чем.

– А если все же? – настойчиво спросил Хагнер, и мать потянула его за рукав:

– Не цепляйся, Максимилиан, и довольно, в конце концов, говорить об этом. Уходи в постель, тебе надо лежать.

– Я в порядке.

– У тебя жар, и ты *не* в порядке.

– Послушай мать, – посоветовал Бруно; Курт наставительно кивнул:

– Хороший совет. К слову, совет этот касается каждого: передохните, соберитесь с духом и силами, и приступим к пополнению наших запасов. Прилягу на час, – сообщил он помощнику, поднимаясь. – Ты за главного. На улицу ни шагу. Никому.

Глава 8

Второй день осады истек столь же уныло, сколь и первый, наполненный все теми же однообразными заботами. Отличие было лишь в том, что в этот раз Хагнер не сидел у стены, наблюдая за монотонными перемещениями взрослых, а пребывал в комнате с матерью, сегодня тоже не участвовавшей во всеобщей мобилизации сполна. К вечеру, когда сгущающаяся темнота прервала тихую суету, парнишка спустился в трапезный зал и, сторонкой обступив так и не отмывшееся темное пятно на полу, уселся за стол, так же, как и прежде, уронив голову на руки и не глядя по сторонам.

– Ему хуже, – заметил Бруно тихо, пристроившись к своему традиционно постному обеду. – И сомневаюсь, что в запасниках нашего хозяина отыщется что-то вроде целебных сборов. А больной ребенок в нашем положении – лишняя проблема.

– Я в ужасе, – отметил Курт с рассеянной усмешкой. – Ты подумал не только о сострадании и человеколюбии, но и о практической стороне дела. Видно, я и впрямь плохо на тебя влияю... Ты нынче в должности помощника, жалованья не тратишь и презренным металлом оброс непомерно; будь последователен в своих убеждениях, потратись и попроси владельца установить печь в их комнате.

– Уже попросил, – отозвался Бруно, и Курт запнулся, глядя на помощника удивленно. – Поставили сегодня утром, пока ты спал. Не знаю, что еще я могу сделать.

– Проставься парню. Прогреется по самые косточки. А учитывая, что прежде матушка наверняка не позволяла ему злоупотреблять, наутро он и думать забудет о любой простуде.

– Не люблю смотреть, как умирают дети, – тихо выговорил Бруно; он тяжело вздохнул:

– Сколько лет прошло; уж должно было изгладиться.

– Такое – забыть?.. Хотя, чему я удивляюсь. Надеюсь, тебе меня и впредь будет не понять.

– Парень не при смерти, – уже серьезно заметил Курт. – Переболеет, прокашляется и пойдет себе дальше. *Dijā vi* ложное. И при нем такая радетьельная насадка; думаю, если ситуация станет критической, она первая всех поставит на уши. Думай о другом: грядущая ночь – ночь полной силы нашего соседа. Что он может выкинуть, учитывая это?

– Мне почему знать? Ты знаток.

– Брось, – покривился Курт. – Выделяюсь перед Яном. Все, что я об этом знаю – знаю от парней из зондергруппы; а что знают они? Да почти ничего. Один ликантроп, попавший в руки Конгрегации еще до создания всяких групп, о своих ничего не знал и вообще полагал, что он такой один во всей Германии, а то и на белом свете. Второй прожил час и отдал душу. Все, что удалось от него за этот час услышать, имело к делу слабое касательство; да и к цивилизованному языку вообще. И оба они были из тех самых, классом пониже, из тех, кто не оборачивается в полноценного волка. Что в активе нашего приятеля, я понятия не имею. Быть может, в ночь своей полной силы он войдет действительно в *силу* – банальную, физическую, когда сможет попросту наподдать в дверь и вынести ее напроць.

– Переломи гордыню и спроси у Яна, – посоветовал помощник наставительно; Курт отмахнулся:

– Гордыня ни при чем.

– Так в чем дело?

– Ян спокоен, – пояснил он, кивнув в сторону улыбающегося охотника, пристроившегося за один стол с обманутой возлюбленной. – Не дает особых указаний, не призывает готовиться к чему-то особенному, не паникует, не суетится, не проявляет усиленного внимания к мерам безопасности, а стало быть, либо он и сам не знает, чего ждать, либо ждать нечего. «Полная сила», сказал он, означает наибольший контроль над собой и более плотное слияние со второй сущностью. Возможно, это всё.

– В таком случае, ты напрасно беспокоишься: ничего нового не случится. Все то же.

– Все то же, – рассеянно кивнул Курт, оглядывая Хагнера, так же, как и утром, сидящего молча, глядя в стол. – А парню ведь совсем нехорошо, а?

– Именно это я тебе и говорил минуту назад... а тебя это, кажется, веселит?

– Меня это интересует, – поправил Курт, и помощник приподнял брови в наигранном удивлении:

– С чего бы? Внезапный приступ человеколюбия?

– Я не стану поддаваться твоим провокациям, – отозвался он серьезно. – Ну-ка, помощник следователя, не загнил ли ты еще в академической библиотеке вдали от работы?.. Вот тебе начальное условие: каждого в этом зале занимает что-то свое. Каждый думает о своем, каждого волнует своя собственная проблема. Кто о чем думает? Ликантропа не упоминать.

– Брось свои игры. Что у тебя на уме?

– Что у *них* на уме – вот вопрос, – поправил Курт. – Вопрос из вопросов.

– Хорошо, – недовольно вздохнул Бруно, окинув быстрым взглядом усталых соседей. – Это просто. Ян поглощен спасением тела спасенной тобою души. Душа, судя по заплаканным глазам, предается жалости к себе и пытается вообразить, что скажет ей родня, когда волей-неволей придется возвратиться домой. Феликс... о товаре своем не сказал ни слова, зато молиться так и не прекратил... Тут уж, как ни крути, ликантропа упомянуть придется. Его, кажется, ничто иное не тревожит.

– Принимается. *Porro*.

– Трактирщик, судя по взглядам в сторону кладовых, более всего обеспокоен тем, что оставит после себя бесценная кобыла Яна. Хозяйка погружена в заботы... и временами в сочувствие покойному; как, собственно, и все присутствующие женщины. Вольф держится и пытается показаться отцу в наилучшем виде – изображает достойного хозяина. Временами поглядывает на Марию и явно сожалеет о том, что не ему пришла в голову мысль заняться ее утешением. Фон Зайденберг... С ним все ясно. Казнит себя и теперь уж точно готов исполнить любое твое распоряжение. Если судить по выражению лица, жаждет мести и обеления в глазах нашего сообщества. Карл Штефан косится на тебя и на дверь; подумывает, как бы сделать ноги, не попавшись при этом тебе, ликантропу или не заблудившись в метели. Я изложил все верно, или что-то мой взгляд упустил?

– Кого-то, – поправил Курт. – Двоих.

– Амалию с сыном обсуждать нет смысла – и без того все ясно.

– Я бы так не сказал. И вынужден констатировать, что некоторая личная заинтересованность в твоём случае является причиной предвзятости.

– Ну так блесни, – предложил Бруно недовольно. – Что, по-твоему, волнует Макса, кроме тяжело протекающей простуды, и Амалию – кроме его состояния?

– Он ни разу за эти дни не пожаловался ни на жар, ни на боль в горле...

– Ему четырнадцать, – возразил помощник снисходительно. – Ты в его возрасте не пытался выглядеть взрослым? Не стеснялся показывать слабость?

– Амалия ни разу не попросила трактирщика отыскать в его запасах какие-нибудь травы...

– Так же, как и мы, понимает, что навряд ли он запас аптеку.
– Не попросила особенной пищи, подходящей для больного...
– Капиталы не позволяют.
– Этому пятну на полу оба уделяют внимания больше, нежели друг другу или кому-то из присутствующих.

– Она женщина, если ты этого до сих пор не заметил, и притом довольно мягкосердечная. А Макс, если я сделал правильный вывод из всего услышанного от Амалии, до сей поры оберегался ею от любых гнетущих переживаний.

– Довольно странно. Они жили при мельнице. В деревне. Стало быть, мясо и птицу не покупали на городском рынке в разделанном виде, а выращивали гусей-кур сами, сами резали и потрошили. Быть может, и свиней тоже. Ты жил в деревне; знаешь, как это бывает. Визг, ручьи крови, скользкие потроха...

– Люди разные, – пожал плечами Бруно. – Есть даже столь чудные личности, что чувствуют себя неуютно в присутствии человеческой смерти.

– Глаза у него не испуганные, – заметил Курт задумчиво, исподлобья бросив взгляд на Хагнера. – Он не пытается отогнать от себя мысль о том, что минувшей ночью здесь лежало растерзанное тело, не пытается заставить себя не думать об этом... Что-то в этих глазах другое. Такой взгляд я уже видел – у тех, чью вину удавалось так доказать в первую очередь им самим.

– *Eia*.

– Посмотри на него. Это не лицо испуганного чужой смертью подростка. Здесь что-то другое. Ожесточенность. Обреченность... и чувство вины. Таким взглядом смотрит на место преступления убийца, еще не привыкший к тому, что творит.

– И в чем же, по-твоему, парень виновен?

– Понятия не имею. Быть может, доведенный до края бедственным положением, грабанул пожитки мертвяка, пока все мы спали. Или выкинул еще какую пакость. Или здесь что-то, о чем я пока не могу подумать, но обязательно подумаю, когда узнаю больше.

– Тебя корежит от скуки, – проговорил Бруно убежденно. – Дело муторное, подозреваемый известен, но невидим, разгадывать нечего – и ты ищешь, куда приложить мозг.

– Ну да, – согласился он легко, кивнув на молчаливую Амалию. – Пересядь-ка к ним.

– Для чего? – нахмурился помощник с подозрением. – Ты что задумал?

– Пересядь к ним, – повторил Курт настойчиво. – Вывернись

наизнанку, но чтоб к себе в комнату они не ушли, пока я не вернусь.

– И как, скажи на милость, я это сделаю? Стану хватать их за локти?

– Поговорите на общие темы, у вас их много. Семейные ценности, человеческая взаимовыручка, деревенские порядки, репа, брюква, грядки... О разновидностях навоза, о сорняках, о чем угодно. Мне нужно пять минут, не более. Пять минут ты ведь выдержишься?

Возражений помощника он слушать не стал, развернувшись к лестнице и неспешно, с видимой усталостью, поднявшись по старым ступеням. У поворота коридора на втором этаже Курт выждал, прислушиваясь к доносящимся снизу голосам, убеждаясь, что никто более не намеревается последовать за ним, и прошел дальше, остановившись у одной из дальних дверей. На толчок ладонью створка не поддавалась – выданным в их распоряжение ключом семья Хагнер воспользовалась, однако само по себе это не означало, что она семья пытается скрыть нечто необычное за этим замком. На месте людей, чьи невеликие пожитки есть их единственное богатство, он тоже озаботился бы сохранностью имущества.

Дубликаты ключей от всех комнат, включая подсобные и кладовые, Альфред Велле выдал ему еще вчерашним днем; факт сей Курт велел не озвучивать, постановив, что подобные сведения постояльцам ни к чему, и теперь порадовался собственной предусмотрительности – вскрытие замка иными методами было бы занятием излишне шумным и долгим. Ключ провернулся в механизме легко, лишь едва слышно щелкнув, и дверь распахнулась без скрипа. Следовало признать уже в который раз, что вверенное ему судьбой хозяйство трактирщик блюдет поистине в чрезвычайном порядке.

Во временном жилище Хагнеров и впрямь было не жарко – из раскрывшейся комнаты пахло почти уличным холодом, и, затворяя за собою дверь, Курт придержал ее, дабы не позволить сквозняку хлопнуть сухим деревом о косяк. И вправду установленная у стены печь сейчас светлела алым пятном горячих углей, однако в воздухе был разлит холод, и стена под окном покрылась тонким налетом чуть подтаявшей изморози; само окно было не только закрыто ставнями, но и занавешено толстым одеялом – судя по потрепанности и невзрачности, принадлежащим самим постояльцам.

В слабом алом отсвете, источаемом углями, уже привыкшие к жизни в частой темноте глаза различали обстановку вполне сносно, однако огненный окрас окружающего мира слегка путал мысли и пробуждал в ребрах неприятную нервозную дрожь. Для лучшего осмотра следовало бы зажечь светильник, однако сделать это сам он не мог, а призвать на помощь

Бруно не представлялось возможным, посему Курт, стараясь не замечать багровых бликов на стенах, двинулся вперед, оглядывая тесную комнатушку.

Обе постели были тщательно убраны, приземистый столик между ними пуст, если не считать светильника – ни единой вещи не было выложено на столешницу или кровати, и оба дорожных мешка стояли на полу, задвинутые под лежанки, словно обитатели этой комнаты готовились в любую минуту схватить их и выбежать прочь. Бруно, однако, наверняка заметил бы, что это обыкновенное поведение людей, не избалованных избытком скарба, зато обремененных привычкой к порядку, и сие нехитрое объяснение следовало принять во внимание наравне с прочими.

Курт обошел стол кругом, приподняв и поставив обратно погашенный светильник. Глиняная плошка была легкой, а фитиль коротким, едва утопающим в остатках масла. Итак, светильником пользовались часто и подолгу. День оба проводят внизу, в общем зале, исключая часы, когда Макс отлеживается в постели, для чего, понятно, свет не нужен, а стало быть, Хагнеры не спят ночами. Все тот же помощник заметил бы, тем не менее, что бессонные ночи у постели больного ребенка – явление не так чтобы уникальное, а посему нечего возводить сумасбродные теории на пустом месте, и такое истолкование также надлежало не отметать сходу.

Дорожный мешок побольше наверняка принадлежал Амалии: не желая признавать факт взросления своего отпрыска, подобные мамы обыкновенно продолжают взваливать на себя все трудности жизни, будь то убиение свиньи подальше от впечатлительных сыновних глаз или влечение тяжелой, набитой до отказа сумы. Присев перед кроватью, Курт выволок мешок поближе к себе, крикнув от усилия – тот и впрямь оказался нелегким, и даже он, привыкший к постоянной тяжести снаряжения, с трудом представлял себе, как эта хрупкая женщина могла утащить подобный груз на своих плечах. Узел был завязан крепко, от души, и на то, чтобы распутать истончившуюся веревку, ушло довольно много времени. Раскрыв матерчатые штопаные края, Курт на мгновение замер, удивленно приподняв брови – вещи внутри не были женскими. Сменная рубашка, белье, пара верхней одежды; все это могло принадлежать только самому Хагнеру. Кроме личных вещей, в суме обнаружились две фляги с водой, еще одно одеяло, пропахший старым хлебом мешок сухарей, огниво, нож, пара мисок, кружек и прочих необходимых в пути трапезных приспособлений, пара истоптанных башмаков, старая куртка, кусок довольно смрадного мыла, несколько местами переломившихся свечей, маленькая бутылка с маслом... Если б Амалия решила взвалить на себя

основную тяжесть их пожитков, все это добро она переложила бы к себе, несла бы вместе со своими вещами, а никак не с вещами сына, а стало быть – суму тащил парень. Однако ж, если ее силовые возможности вызвали сомнения, то вообразить эту тяжесть на спине четырнадцатилетнего подростка на протяжении многих миль дороги было и вовсе невозможно – Макс не отличался ни высоким ростом, ни выдающимся сложением. Но иного объяснения быть не могло: лошади эта странная семейка не имела, и путешествовали они исключительно вдвоем.

Сложив пожитки парня в прежнем порядке и воспроизведя на веревке бывший перед осмотром узел, Курт с усилием задвинул мешок обратно под кровать, переместившись ко второму, поменьше, оказавшемуся и впрямь гораздо менее увесистым. Этот принадлежал Амалии – нижняя рубашка домашнего пошива и несколько предметов потайного женского туалета явно не могли пребывать во владении Хагнера. Судя по всему, основная масса пожитков действительно обреталась в суме парня, ибо здесь, кроме одежды, скудного запаса медяков и одной наполненной фляги, не было больше ничего. Лишь одна вещь не относилась к числу личных и смотрелась здесь необычно – моток крепкой, явно недешевой веревки, лежащей, словно нечто необходимое, на самом верху.

Помощник сказал бы (и был бы прав), что это штука довольно полезная для тех, кто живет в пути – в дорожной сумке Курта тоже лежал свиток веревки, могущей пригодиться когда угодно и для чего угодно, однако лежал почти на самом дне, оставляя место наверху для более часто потребных предметов вроде посуды, сменной одежды или запасной фляги. И веревка эта не была самой дорогостоящей вещью в его багаже. Для чего Хагнерам, экономя на пище, жилье и одежде, тратиться на столь полезное, но, прямо сказать, не самое важное приобретение? Или все же важное, коли уж оно лежит вот так, всегда под рукой, в самой близкой доступности?..

Склонившись к темным недрам мешка ближе, Курт потянул носом, вдохнув сырой, даже чуть затхлый запах, и, помедлив, снял перчатку, проведя пальцами по тугим волокнам. Веревка была влажной. Итак, все же это весьма важный в их обиходе предмет; предмет, часто используемый для какой-то надобности, причем приложенный к делу не более суток назад – быть может, минувшей ночью. И применен он был вне стен этого дома.

Уложив все вещи в том же порядке, Курт поднялся на ноги, оглянувшись на краснеющую углями жаровню, что должна была бы нагревать комнату, на дверь, едва не захлопнутую сквозняком при его входе сюда, на окно, занавешенное одеялом, и медленно приблизился к нему, чувствуя на щеках все более осязаемое стылое дуновение. Одеяло было

прикреплено к вмонтированному в стену тонкому пруту, где летом наверняка помещалось нечто вроде занавески, ограждающей комнату от солнечных лучей; сейчас плотная ткань должна была ограждать ее от стужи, однако здесь, вблизи, невозможно тянуло холодом.

Курт приподнял край одеяла, набросив его на вделанный в стену прут, и пригнулся ближе, осматривая окно. Даже в этом слабом алом полусвете виделось отчетливо, что рама когда-то была закреплена по-зимнему, как и везде в этом трактире – щели прежде были тщательно проконопачены и замазаны смолой, однако сейчас смоляная прослойка была удалена вовсе, а некогда туго скрученная пакля топорщилась оборванными нитями, явно не раз извлеченная и вставленная обратно. Снимать раму и открывать ставню, обследуя карниз с наружной стороны, он не стал – объяснение всему было вполне очевидным и без того. Опустив одеяло в прежнее положение, Курт отступил от окна, оглядев комнату последним беглым взглядом, и тихо, осторожно прикрыв за собой дверь, вышел в коридор.

Помощник, когда он спустился в трапезный зал, сидел напротив Амалии, что-то говоря вполголоса; та участливо внимала, и на лице застыло выражение крайнего сострадания. Наверняка ради того, чтобы прикрыть напарнику спину, Бруно использовал самое безотказное оружие в данной ситуации – довольно болезненную для него тему своей утраченной семьи; собеседника, выворачивающего душу, нельзя просто перебить, такой разговор нельзя внезапно оборвать и уйти. Не слышимый Курту рассказ даже Хагнер слушал внимательно, уже не одаривая повествователя прежними враждебными взорами, однако что-то в его взгляде все же было не так, отчего-то этот взгляд ускользал в сторону, словно мысли подростка были и здесь, и в то же время где-то вдали от этого места, этих людей и его самого.

Когда Курт приблизился, помощник смолк, обернувшись и глядя с выжиданием; помедлив, он присел рядом, исподволь оглядев зал в поисках излишне заинтересованных взглядов, и, не найдя таковых, негромко распорядился:

– Поднимитесь наверх. Сейчас. Вы оба. Есть разговор.

– Не может быть, – чуть слышно, растерянно проговорил Бруно, и Амалия настороженно замерла, точно застигнутая в своем хрупком гнезде луговая птица.

– Что стряслось? – спросила она тихо, метнув напряженный взор в сторону сына. – Что-то произошло? Почему только мы?

– Не разводи панику, – произнес Курт, все так же не повышая голоса и удерживая на лице безучастное выражение скуки. – Не здесь. Ни к чему

вам привлекать к себе внимание. Верно, Макс? Поднимитесь, – повторил он, когда парнишка, не ответив, лишь устало опустил веки, точно странник, достигший, наконец, предела своего пути. – Нам надо поговорить. Идите первыми и ждите в вашей комнате. Мы подойдем через минуту; и, надеюсь, глупостей вроде запертой двери и побега через окно вы не выкинете.

– Бежать поздно, майстер Гессе, – просто отозвался Хагнер, потянув остолбеневшую мать за локоть, когда та не двинулась с места: – Идем, мам. Он все верно сказал. Идем.

– Что вы... – начала Амалия, и парнишка оборвал ее с мягкой твердостью:

– Не здесь, мам. Пойдем.

– Что происходит? – требовательно выговорил помощник, когда оба скрылись наверху. – Что ты нашел? Что с парнем?

– Пока не могу сказать, – отозвался Курт, снова оглядывая постояльцев, занятых, как и прежде, собственными мыслями. – Одно точно: кто-то из них или они оба выбираются наружу через окно в их комнате. Или впускают кого-то через это окно. Для чего, кого, кто – пока не знаю, но, судя по настрою парня, он намерен меня просветить. Что бы ни происходило, ему это наконец встало поперек глотки. Это обнадеживает.

– Только не пори горячку, – попросил Бруно тихо. – Выслушай их.

– Было ли хоть когда-то, чтобы я не дал высказаться? Не выслушал оправданий?

– В том, что ты справедлив, я не сомневаюсь. Сомневаюсь в том, что будешь милосерден.

– Полно тебе. Сейчас я дал им целую минуту для того, чтобы освоиться с мыслью о предстоящем признании, успокоить друг друга и обсудить, что они должны будут мне сказать. И без того я в некотором роде сделал им поблажку. Чего еще ты от меня хочешь? Чтобы я, если на их совести обнаружится немыслимое прегрешение, отпустил их восвояси?

– Нет, – с усилием отозвался помощник, и Курт вздохнул, поднимаясь:

– Пойдем. В конце концов, нам еще ничего конкретного не известно; как знать, быть может, у кого-то из них попросту нездоровая зависимость от бега босиком по снегу. Посоветуем им найти хорошего лекаря и забудем обо всем.

Бруно на это вялое подобие шутки не ответил, лишь еще более помрачнев, и, тяжело выбравшись из-за стола, двинулся по лестнице следом за ним.

Дверь в комнату Хагнеров заперта не была, и оба пребывали там – сидели рядышком на одной из постелей, разом вскинув к вошедшим

взгляды – один испуганный и паникующий, другой усталый и обреченный. Светильник на столе горел трепещущим на сквозняке неровным пламенем, и Курт, помедлив, выдвинул табурет на середину комнаты, усевшись в отдалении от огня.

– Мы запирали замок, – тихо выговорил Макс, когда помощник, прикрыв дверь за собою, прошел в комнату. – Значит, его отперли вы. И что-то нашли.

– Все верно, – подтвердил Курт, кивнув в сторону продуваемого сквозняком одеяла. – Это окно открывали не раз. Думаю, оно не было в таком виде до того дня, как в комнату вселились вы, иначе вы предъявили бы жалобу трактирщику. Веревка в ваших вещах. Она влажная и лежит сверху, над прочими пожитками. Иными словами, кто-то из вас спускался по ней вниз либо поднимал сюда кого-то снаружи. Это то, что известно мне и что порождает множество предположений и вопросов. Но вначале я задам всего один вопрос, я задаю его всем в подобных ситуациях и всякий раз надеюсь, что ответ будет правильным. Итак, не хотите рассказать мне все? Сами, без давления и излишних сложностей?

– Максимилиан... – едва слышимо проронила Амалия, вцепившись в его руку, и тот качнул головой:

– Все нормально, мам. Мы ведь оба всегда понимали, что когда-то этот день настанет, и он настал сегодня. Я все расскажу вам, майстер Гессе, – сдержанно вымолвил Хагнер. – Сам и безо всякого давления и угроз с вашей стороны. Готовы выслушать?

– Для этого я здесь, – согласился он коротко, и парнишка кивнул, осторожно высвободив руку из пальцев матери:

– Вы правы, окно было открыто для того, чтобы я мог оказываться снаружи – я делаю это каждую ночь при помощи этой самой веревки. Отсюда моя болезнь; я просто застудился в снегу. Заболел впервые в жизни...

– Зачем ты это делаешь? – тихо спросил Бруно, когда тот запнулся, смолкнув, и Хагнер отвел взгляд, пребывая на грани того, чтобы утратить свою недетскую выдержку, сохраняемую до сей поры.

– Затем, что... – начал он; осекшись, замер снова, собираясь с духом, и договорил, с усилием подняв глаза: – Это я ваш вервольф, майстер Гессе.

– О, Господи, – прошептала Амалия, закрыв ладонями лицо. – Боже Святый...

Два мгновения Курт молчал, осознавая услышанное и понимая, что услышал ожидаемое, что нечто подобное уже почти знал доподлинно, почти был уверен какой-то частью сознания, что вывод может быть именно

и только таким. Это было явно, логично, и – это было невероятно.

– Вот как, – отозвался он наконец, и Хагнер хмуро шевельнул губами в гримасе, даже отдаленно не похожей на улыбку:

– Я только что сделал самое важное признание в своей жизни, признание, ведущее меня к смерти, а вы мне не верите?

– Если это правда, – осторожно вмешался Бруно, с очевидным трудом скрывая растерянность, – если и впрямь все так, как ты говоришь...

– Он же в этом не виноват! – оборвала его Амалия, отчаянно стиснув руку сына. – Он родился таким, это просто... просто вдруг стало так! Ведь это не грабитель, не преступник, как вы говорили, майстер инквизитор, он не выбирал такой путь сам, это почему-то свалилось на него, на нас! Максимилиан не управляет собой, он не подчиняется сам себе, когда это происходит; он не помнит ничего, что творится с ним ночами, майстер инквизитор, прошу, он не может быть признан виновным!

– Мама, – строго оборвал ее Хагнер, и та умолкла, точно споткнувшись о произносимые ею звуки, снова уткнувшись в ладони лицом и уже не пытаясь сдерживать плача. – Я не хочу оправдываться, – продолжил он, со все большим усилием произнося слова выдержанно, – однако она говорит правду: этот охотник ошибся, я не контролирую себя в том облике. Наутро я не помню ничего из того, что происходило ночью, а ночью, скорее всего, не осознаю, кем был днем. Это происходит каждый месяц вот уж второй год.

– Вот как, – повторил Курт ровно и, помедлив, вздохнул: – Что ж, вот какой вопрос я задам вторым, Амалия... Амалия! – повторил он, чуть повысив голос, и та вскинула глаза к нему, закаменев на месте. – Только что твой сын сделал признание и впрямь нешуточное. Ты ведь это понимаешь. Должен заметить, что люди, сознающиеся в том, что они суть колдуны и даже стриги, попадались мне за время моей службы. Бывало также, что их родня, не сумев переубедить, просто принимала правила их игры и начинала им подыгрывать. Если нечто подобное есть и в твоем случае, если до сей минуты ты лишь поддерживала фантазии Макса – думаю, самое время сказать об этом. Пусть он оскорбится, разозлится, пусть что угодно, но альтернатива куда хуже. Игры кончились. Это – понятно?

– Никаких игр, – обессиленно выговорила Амалия сквозь слезы. – Я была бы счастлива, окажись мой сын сумасшедшим. Но он...

– Тварь, – подсказал Хагнер, и она зажмурилась, болезненно закусив губу. – Нет, майстер Гессе, все именно так, как я вам сказал. Все ваши меры безопасности, все предосторожности – все не имеет смысла, потому что зверь здесь, среди людей. Эта метель помешала нам покинуть трактир

прежде полнолуния, и вот к чему все пришло. Наверное, мне надо было уйти одному; в конце концов, если б я заплутал в снегах и умер, это, быть может, было бы к лучшему – для всех.

– Максимилиан, не надо... – начала Амалия с ужасом, и тот прервал ее снова:

– А как надо, мама, надо – что? Я вчера убил человека. Ты знаешь, каково это? Нет. А я – я теперь знаю.

– Ты не владел собой...

– От этого не легче, – снова сбавив тон, с внезапной усталостью отозвался Хагнер, бросив исподлобья взгляд на Курта. – Это ничего не меняет. Последний шаг совершен, и теперь... я не знаю, как мне быть. Не знаю, что делать.

– Во-первых, – как можно участливее произнес Курт, – рассказать мне все по порядку, с самого начала, для чего успокоиться.

– Успокоиться? – нервно усмехнулся парнишка. – Я не хотел делать то, что сделал, не хотел быть таким, какой я есть... Я сам понимаю, что мне среди людей не место, но я знаю, что мне грозит, а потому успокоиться, майстер Гессе, сложно.

– Ты сам сказал – вы всегда знали, что придет день, когда перед тобой будет сидеть инквизитор, а значит, случилось то, чего ты всегда ждал. Ведь ты думал об этом дне, Макс? Пытался прожить его заранее.

– Я прожил немыслимое количество этих дней. Столько, что уже устал проживать дни другие. Но то, что вы мне уготовите...

– Еще ничего не известно, – вмешался помощник убежденно. – Есть множество обстоятельств, тебя оправдывающих, и рано еще говорить о таком. Рано делать выводы.

– Быть может, этих обстоятельств наскребется на удушение перед сожжением. Уже немало.

– Максимилиан! Перестань!

– Нет, перестань *ты*, – возразил Хагнер твердо. – Пойми же, что это – всё. Вот он, конец. Он должен был настать гораздо раньше, и множества несчастий удалось бы избежать, если б я взял себя в руки и признался бы сразу – в первый же день. Но лучше поздно, чем никогда... Итак, – отведя взгляд от притихшей матери, уточнил парнишка, – что именно вы хотите знать, майстер Гессе? Как я узнал о том, что я такое есть? Как давно я такой? Как все случилось?

– Думаю, вернее всего будет начать с этого, – согласился Курт, и тот кивнул:

– Хорошо. Я начну с этого. Впервые это произошло, когда мне было

двенадцать...

– Нет, – мягко оборвал он. – Откатимся еще дальше. История твоего рождения – правда?

– Да, – с легкой растерянностью, проявившейся впервые с начала разговора, кивнул Хагнер. – Мой отец работал на мельнице у деда и утонул, не дождавшись свадьбы с матерью. Как это может быть связано с делом?

– И сколько лет ты прожил на мельнице? – уточнил Курт, не ответив; парнишка передернул плечами:

– Двенадцать – до той поры, когда все это началось...

– Вот как мой вопрос связан с делом, Макс, – пояснил он неспешно. – Для незаконнорожденного сына мельниковой дочки, четырнадцати лет, выросшего в деревне и последующие годы проведенного в бродяжничестве, ты довольно гладко складываешь слова.

– Четырнадцати с половиной.

– Это не меняет сути. Кто занимался твоим воспитанием, кроме деда и матери?

– Вот вы о чем... Поверьте, майстер Гессе, это не имеет отношения ко всему происходящему.

– Позволь мне об этом судить, Макс, – возразил он, и Хагнер вздохнул:

– Как скажете; если вам это впрямь интересно... Отчего-то я приглянулся нашему священнику. Быть может, жалел, не знаю. Работой на мельнице меня дед не загружал – хватало работников, на улицу я старался лишний раз не совать носа, потому что возвратиться домой, сохранив этот нос в целости, обычно не удавалось. Друзей не было, занятий особенных тоже, а святой отец взялся обучить меня чтению, поэтому свободное время я проводил в его библиотеке.

– На речь человека, воспитанного на богословском чтении, твой хохдойч смахивает слабо, Макс.

– Ну, это была не церковная библиотека, – с некоторым смущением пояснил Хагнер. – Это было его собственное собрание книг. Он, знаете, из бывших студентов, поступил на медицинский – не окончил, перешел на богословский и тоже не окончил... После жизнь в большом городе ему приелась, и он, закончив священническое обучение, попросился куда-нибудь в глушь, в тишину. Из собственно богословских трудов я читал мало, его книги были больше светские – романы, рыцарские, общепризнанные – фон Ауэ, знаете... фон Эшенбах – «Титурель», «Парцифаль»... и другие еще... ну, которые обыкновенно в лавках на видных местах не лежат...

– Ты не говорил мне об этом, – на мгновение даже позабыв плакать,

укорила Амалия, и Хагнер поджал губы:

– Такие книжки с матерями не обсуждают.

– Я думала – ты рассказываешь мне обо всем; как ты мог промолчать об этом?..

– Побойся Бога, – оборвал ее Курт, не дав отпрыску ответить, – твой сын дает признательные показания Инквизиции, а тебя тревожит, что он в десятилетнем возрасте прочел пару историй с откровенными сценами.

– В доме священника... – с тихим укором прошептала она и смолкла, вновь опустив взгляд в пол.

– Хорошо, – подытожил Курт, приглашающе поведя рукой. – Продолжай.

– Как я сказал, это впервые случилось, когда мне было двенадцать... или около того. Сначала... – на мгновение парнишка запнулся, зябко передернув плечами, и продолжил: – Сначала мы не поняли, что происходит. Меня трясло, все тело ломало, бросало в жар... Я ведь говорил – я никогда в жизни до сих пор не болел, и тогда не с чем было сравнить; сейчас могу сказать – я был словно в горячке. В первый раз я не... не изменился. Через месяц приступ повторился. А когда в третий раз я понял, что это происходит всегда в полнолуние, у меня возникли подозрения. Знаете, начитался многого... А четвертый раз выпал у меня из памяти. Когда я пришел в себя, увидел, что одежда на мне порвана, окровавлена, я заперт в комнате, а мать сидит на кухне в слезах.

– У него пожелтели глаза, – едва слышно пояснила Амалия, когда Курт обратил вопросительный взгляд к ней. – Стали, словно у... у зверя... и вытянулись когти... Он так взглянул на меня, будто ни тени человеческого разума не осталось... Я выбежала и заперла за собою замок, и смотрела в окно, чтобы знать, что происходит. Он катался по полу, точно от страшной боли, рвал одежду и собственное тело...

– Наутро на мне не было ни ссадины, – оборвал ее Хагнер. – Этот охотник сказал верно: раны заживают быстро, вот только аппетит просыпается после каждого обращения... зверский.

– Стало быть, родной дом вы покинули не только из-за назойливых соседей, – констатировал Курт; парнишка кивнул:

– Пятое полнолуние я провел в подполе, запертым. И, когда стало ясно, что ничто не переменится, мы ушли.

– А тебе не пришло в голову поговорить со священником, который так благоволил к тебе?

– Где было бы его благоволение, – невесело усмехнулся Хагнер, – когда он узнал бы, что я такое? Он сдал бы меня... вашим. А в двенадцать

лет умирать страсть как не хочется, майстер Гессе, тем более на костре. Тогда я был еще и впрямь ребенком, тогда я думал, что все это может кончиться – когда-нибудь, или что я смогу жить с этим, соблюдая меры предосторожности... Тогда я не понимал, насколько все серьезно. Мы переходили с места на место, в дни полнолуния уходили подальше от людей. Веревка, которую вы нашли, по которой я спускался из окна – обыкновенно она употреблялась, чтобы связывать меня. Со временем... я этого не помню, потому говорить могу только со слов моей матери... со временем мои превращения заходили все дальше, и однажды я стал настоящим зверем. Петли, меня спутывавшие, были рассчитаны на существо с другим строением тела, и веревка упала. Я удрал.

– Это было в лесу, – снова вмешалась Амалия. – В глухом лесу – там не было людей, и Максимилиан никому не мог навредить. И он вернулся к утру.

– Это случалось еще не раз, – продолжил Хагнер, – пока мы разобрались, какие именно надо делать узлы, чтобы и в ином облике я оставался связанным.

– Но ты всегда возвращался.

– Я приходил в себя неподалеку от мест наших стоянок, – кивнул парнишка. – Быть может... нет, я не знаю, почему я не убежал вовсе. Но это мы тоже заметили, посему временами, когда не было подходящего помещения, где меня можно было бы содержать, не вызывая подозрений, я просто уходил в ближайший лес накануне вечером. Утром я всегда обнаруживал себя поблизости от опушки. И здесь, не имея возможности уйти или спрятаться, я просто спускался наружу через окно, зная, что поутру возвращусь обратно. Однако делать это приходилось заранее, не дожидаясь, пока обращение начнется, и притом в чем мать родила; потому я и заработал горячку... И был бы рад, если б этим все и окончилось.

– Так значит, в ту ночь, когда были убиты кони в стойлах – ты был снаружи? Как ты сумел отпереть ворота?

– Я не знаю, – отозвался Хагнер тяжело. – Ведь я ничего из своих ночных походов не помню... и, быть может, слава Богу. До сих пор я думал, что смогу это преодолеть, что, соблюдая осторожность, можно будет привыкнуть и с такой жизнью. Когда были убиты лошади... мне было не по себе, но я попытался сам себя успокоить – «это всего лишь лошади». Но смерть человека – это то, с чем я смириться не могу. Я опасен, и это уже подтверждено, в этом нет сомнений. Я сделал это однажды... я этого не помню, но зверь во мне – помнит, а значит, я сделаю это снова. Если хищник хоть раз попробует человеческого мяса, он желает повторения, это

всем известно. А когда-нибудь тварь возьмет верх, и я стану, как те, о ком рассказывал этот охотник. Не хочу. Вы наверняка мне не поверите, майстер Гессе, но я уже готов был заговорить с вами и сам, уже почти решился открыться и сознаться...

– Максимилиан!

– Сколько раз я мог бы убить и тебя? – оборвал Хагнер хмуро, и Амалия запнулась, замотав головой в отрицании. – Просто чудо, что этого не случилось до сих пор. И – да, я сегодня думал об этом. И потому... наверное, было какое-то даже облегчение, когда все решилось за меня.

– Мой помощник прав, – возразил Курт, – еще ничего не решилось.

– Я убил человека, – напомнил Хагнер сумрачно. – И я сам не человек. Что тут решать? Он был прав и еще в одном: я уже давно повзрослел, майстер Гессе, и вполне понимаю, что будет дальше.

– Да скажи же ему, наконец, – почти со злостью потребовал Бруно, и парнишка непонимающе нахмурился, переведя взгляд с одного на другого.

– Что сказать? – уточнил он растерянно; Курт вздохнул:

– И он снова прав... Дело не столь простое, как тебе представляется, Макс. Положим, вы оба не сошли с ума, и ты впрямь являешься столь необыкновенным созданием; убедиться в этом я смогу этой же ночью, ведь полнолуние еще не спало. Положим, и убитые кони, и тот несчастный – действительно твоих рук дело. Допустим также, что ты не намерен бежать и готов сдаться.

– Я уже сдался, майстер Гессе. И – нет, побега я не замышляю. Хватит бегать.

– В таком случае, – кивнул он, – это означает, что ты вручаешь себя Конгрегации. Однако ты напрасно изготавился к смерти; как уже было сказано, смягчающих обстоятельств в твоем случае намного больше, нежели аргументов вины, а это, Макс, может значить многое для тебя.

– Что именно? Сможете выбить мне заключение вместо казни? Будете содержать меня в клетке? И сколько лет – всю жизнь? Для чего? Ведь это не хворь, не вылечится.

– Максимилиан, – с отчаянной надеждой в голосе оборвала его мать, – постой, послушай, что он скажет. Не надо так.

– Знаю, почему ты так противишься самой мысли об иной развязке дела, – вздохнул Курт понимающе. – Сейчас ты уже смирился, как тебе кажется, с неизбежным; приятного в подобном будущем мало, но это хоть какая-то определенность, хоть какой-то способ закончить этот бесконечный побег от себя самого. Ты за эти несколько минут уже свыкся даже с такой перспективой. Ничто в жизни так не разбивает душу, как не оправдавшиеся

надежды; а своими словами я даю тебе именно надежду, которую ты боишься принять. Боишься поверить мне, ибо, если я ошибся или солгал, если что-то пойдет не так, это тебя сломит. Можно с хладнокровием встретить смерть, когда готов к ней, но не когда уповаешь на жизнь.

– А если и так? – откликнулся Хагнер тихо. – Это что-то меняет?

– Тебе придется мне довериться, Макс, – настойчиво произнес Курт. – И решить, чего ты хочешь в жизни.

– Хочу, чтобы это кончилось, майстер инквизитор.

– Нет, не хочешь, – возразил он и повысил голос, предвзято возмущенный: – Ты хочешь спокойствия – в первую очередь душевного, хочешь быть в этой жизни кем-то; не малопонятным себе самому существом, а кем-то, кто знает, для чего живет и кто он такой. Хочешь определенности. Разумеется, смертная казнь – штука определенной некуда, однако ведь умирать не хочется не только в двенадцать лет. Жить охота всегда, и чем старше мы, тем больше ценим жизнь, тем крепче хотим за нее цепляться; и твой предел мечтаний тоже не лежит на помосте, а потому оставь браваду и ответь честно: ты хочешь жить, Максимилиан Хагнер?

Долгие несколько мгновений Хагнер сидел молча и недвижимо, глядя в пол у своих ног, и даже, кажется, дыхание замерло в его груди.

– Да, – с усилием выговорил он, наконец, и Курт одобрительно кивнул, придвинувшись вместе с табуретом ближе:

– Хорошо. Вот это уже четкая задача. Стало быть, мы будем решать, как этого добиться, как для этого должен поступить я и что должен сделать ты. Ты и впрямь уже парень взрослый, а потому я не стану наворачивать круги и буду говорить прямо. Первое, что я скажу, это вещь очевидную: ты уникален.

– Не особенно, – криво улыбнулся парнишка. – Ваша зондергруппа и приятели этого охотника знают, что таких, как я, пусть не великое множество, но...

– Второе, что я скажу, – оборвал его Курт. – Скажу и велю запомнить раз и навсегда: ты *не* такой, как они. Я снова повторю то, что ты уже слышал от меня: все зависит от самого человека, будь этот человек уличным подонком, магистратским писцом или сверхъестественным существом. Также напомним то, что ты слышал от упомянутого тобою охотника: со временем утрата контроля над собой сойдет на нет, и ты научишься управлять собственными мыслями и действиями в любом виде. Согласись, это уже решает массу проблем.

– А если мои мысли и мои действия в этом самом виде, в конце концов, одолеют меня?

– Своим мыслям ты не хозяин, – согласился Курт просто, – но действия будут всецело в твоей власти. Ты, если задуматься, в невероятно выгодном положении. Ради поддержания твоей жизни тебе не надо убивать других и даже простого нанесения вреда, не опасного для жизни окружающих, не требуется. Тебе нужно лишь время, а уж этого добра полно.

– Не надо убивать... – повторил Хагнер. – Я уже убил.

– Не скажу «плюнь и забудь» – это невозможно. Однако винить себя не за что: этих планов ты не вынашивал, этого не готовил, этого, по большому счету, и не совершал. Нельзя корить человека за то, что он, повернувшись во сне, сбросил стоящую над изголовьем скульптурку из бесценного стекла. Надо думать, мать сказала тебе примерно то же самое наутро, когда тебе стало известно о случившемся. Не могла не сказать. Но главное, что ты понимаешь это и сам; понимаешь, но не попускаешь самому себе так думать, не позволяешь самому себе простить себя, потому что, как тебе кажется, отпустив себе это преступление, ты точно бы примешь совершённое, словно одобришь то, что было сделано.

– Я не должен корить себя, – отозвался Хагнер тихо, – но не смогу «плюнуть и забыть»... и что тогда делать?

– Просто смирись с этим. Это сложно, понимаю, но сделать это придется, чтобы сохранить рассудок в здравии и не испакостить себе окончательно всю оставшуюся жизнь.

– А много ли ее осталось? И что это будет за жизнь?

– Будем надеяться – долгая и увлекательная.

– Что вы хотите со мной сделать, куда, на какое место в мире хотите меня поставить? Что мне дадут эти «смягчающие обстоятельства»? Что со мной будет?

– И третье, наконец, – кивнул Курт серьезно. – Ведь ты сам понимаешь, просто жить, жить как все, ты не сможешь, этот мир не приспособлен для тебя, а ты не приспособлен для этого мира. Как я сказал – ты уникален. Пока твоя уникальность не повинется тебе самому; будь ты умалишенным, ночами впадающим в агрессию, я рекомендовал бы суду поместить тебя в особый дом призрения, под надзор хорошего духовника и лекарей, но в твоём случае этого мало.

– И что же вы будете этому суду «рекомендовать в моем случае»?

– Ничего, – коротко ответил он, пояснив, когда Хагнер вопросительно поднял брови: – Суда просто не будет, если сейчас мы договоримся. Ты, на наше счастье, парень здравомыслящий, а посему, полагаю, сумеешь понять все выгоды моего предложения.

– А что вы будете предлагать? – настороженно уточнил парнишка.

– Предлагаю обмен. Меняю твои уникальные возможности на нашу помощь в приручении твоего зверя. Предлагаю то самое место в мире, ту самую определенность. Или, если выразиться не столь патетично, предлагаю тебе работу.

– Вы... – начал Хагнер, запнувшись, и с усилием dokonчил, едва удерживая недоверчивую усмешку: – Вы предлагаете оборотню работать на Инквизицию?..

– На нее работают священники, карманники, профессора, шлюхи и рыцари, – пожал плечами Курт. – У всякого свои таланты.

– Но с моего таланта – какой прок? Что пользы в умении становиться животным?

– Поглядим. Любое редкостное умение приложимо к делу, вот только тебе предстоит решить, к какому именно. Ты можешь попытаться сбежать от меня и, если это получится, продолжить существовать, как прежде, прячась от людей и дожидаясь времени, когда освоишься с собой; ведь теперь ты знаешь, что это рано или поздно случится. Можешь отдаться зову зверя, наплевать на то, что сегодня так терзает тебя, и поплыть по течению; быть может, спустя время ты отыщешь тех, кто поступил так же, и вольешься в их среду, исторгнув себя из людского сообщества вовсе. А можешь принести пользу себе и другим.

– Хотите меня выдрессировать и использовать против таких, как я?

– Помнишь, что я сказал? – одернул Курт строго, и Хагнер покривился:

– Да, помню. Я не такой, как они. Почему? Потому что вам хочется так думать?

– Потому что тебе так хочется. Избыток силы и талант к бойцовским навыкам не означают, что их обладатель должен выходить на большую дорогу и грабить путников. Иногда такие идут на военную службу, знаешь ли. Или к нам. Все зависит от собственной воли.

– Вы не ответили, – заметил Хагнер.

– А какие варианты у тебя есть еще, даже если и так? Я все их назвал; что ты выберешь? Есть, конечно, и еще один выход: головой вниз с обрыва. Однако выход, я полагаю, не из лучших.

– Я не боец, – хмуро проговорил парнишка. – Я могу, если поднапрячься, поднять мешок с камнями, знаете?.. Но при этом меня били соседские мальчишки.

– Это наживное.

– Соглашайся, Максимилиан, – просительно шепнула Амалия, снова вцепившись в его руку. – Это жизнь, наконец. Тебе не надо будет больше

прятаться...

– А я думаю, – возразил Хагнер, – что, если соглашусь, меня запрячут так глубоко, что и я сам не буду знать, где я.

– Зато будешь знать, кто ты.

– Вы тоже этого не знаете, майстер Гессе, вы сами сказали об этом. Никто не знает, вашим специалистам о подобных тварях ничего не известно; а вот Ван Ален считает, что я отмечен Сатаной. И как вы можете предлагать мне работу на Бога?

– Охотничьи байки, – ответил Курт уверенно. – Все тайное, непонятное и неизвестное, а главное – опасное мы склонны приписывать темным силам, однако не всегда это справедливо.

– Тогда откуда я такой? Почему я такой? Что я такое?

– Соглашайся, – предложил Курт настоятельно. – И разберемся в этом вместе.

– Соглашайся, – эхом повторила Амалия, и парнишка отмахнулся, устало опустив голову:

– У меня нет выбора. Не знаю, для чего я упираюсь и задаю все эти бессмысленные вопросы, ведь все и так ясно. Мне больше просто некуда деться, потому что к ним, к таким – я не хочу. Просто я уже почти привык, что все так, как было вчера или год назад, и я теперь уже не могу представить, как может быть по-другому... А что будет с ней? – внезапно нахмурился Хагнер, кивнув на мать. – Ее вы просто отошлете прочь?

– Думаю, те, кто займется твоим обучением, придумают, как устроить и ее жизнь, не разлучая вас вовсе; ведь, полагаю, тебе бы этого не хотелось. Это буду решать не я, но, поверь, все устроится наилучшим образом.

– Для кого?

– Для всех. В конце концов, подумай и о матери тоже – довольно ей уже бродяжничать, прикрывая тебя от неприятностей.

– Бьете ниже пояса, – заметил Хагнер угрюмо. – Только это ни к чему. Я уже говорил – у меня нет выбора.

– Подпиши кровью брать не стану, – возразил Курт, – но хочу, чтобы ты это сказал. Пусть недосказанностей не будет.

– Я согласен, – четко выговорил Хагнер. – Вручаю себя вам, и делайте со мной, что хотите. Теперь, майстер Гессе, вы довольны?

Глава 9

– Ты действительно доволен итогом этой беседы? – уточнил Бруно едва слышно. – Не похоже, чтобы парня ты осчастливил.

За окнами трапезного зала сгустилась уже почти ночная тьма, когда они, возвратившись, заняли прежние места за столом. Постояльцы мало-помалу притихали, косясь на мутное стекло и вслушиваясь в вой метели, и теперь едва не каждое слово было слыσιμο издали, отчего говорить приходилось полупшепотом.

– Я не продавец гашиша, – передернул плечами Курт, – и счастье посему – не мой товар. Однако согласился он добровольно и вполне доволен тем, что получил.

– Согласие на сотрудничество под угрозой смерти, сдается мне, не есть добровольное. Разумеется, такой выход и впрямь для него лучший, однако радости от этого мало.

– Простой аргумент, подтверждающий мои слова, – сообщил он с усмешкой. – Вспомни, чем он пытался возражать; перечислил все, от вероятного заключения его в темном подвале до опасений собственной подчиненности Дьяволу, он упомянул даже о своих слабых боевых способностях. Однако его, столь тяжело переживающего совершенное им убийство, не тревожило, что я *de facto* нанимаю его для того, чтобы в будущем убивать... Что он там читал у того священника, кроме похабных брошюр? Рыцарские романы?

– И ты полагаешь...

– Парень рвется в бой, – уже серьезно пояснил Курт. – Как ни крути, а зверь будет требовать драки; характер у него и теперь уже не мед, а будет еще хуже. Агрессию он сдерживать научится, но сама она никуда не денется. Он этого пока не осмыслил, но уже предошущает. Я же дал ему возможность в будущем приложить свою активность к делу, причем к делу, не идущему вразрез с суждениями о справедливости. Ну, и маленький *bonus* – почувствовать себя героем. Или нет, не так, – сам себя поправил он. – Почувствовать себя Героем. Матушка воспитывала его «правильно», а в свете событий последних двух лет – уделяла этой правильности особое внимание; переложил это на книги о приключениях, рыцарях, благодарных девицах и о хвале добродетели... Кто в таком возрасте и с таким воспитанием не мечтал о подвигах?

– Я не мечтал.

– Заметно, – покривился Курт насмешливо. – Так ведь и воспитание подкачало... А он мечтал. А все мечтатели мечтают быть не такими, как все; мечтают, пока не осознают, насколько сильно любая непохожесть на всех прочих меняет жизнь. Пока его уникальность приносила ему только разочарование и доставляла одни неприятности; в таких условиях единственное, чего он может хотеть – это чтобы какая-нибудь красавица-принцесса расколдовала его своим жгучим поцелуем, и то, что он почитает проклятьем, спбло с него. До сих пор за его уникальность его могли только ненавидеть, бояться и преследовать. Я же предложил ему жизнь, в которой эту особенность оценят и полюбят, научат получать от нее все выгоды, какие возможно, укажут область применения... А в таких условиях маячащее у горизонта геройство становится куда ближе. И ему это понравится.

– А главное, – продолжил Бруно, – появится неизбывная благодарность и преданность тем, кто помог ему в трудные времена?

– Не без того, – передернул плечами Курт.

– Теперь я знаю, о чем говорили основатели академии, побеседовав с приговоренным к повешению оборванцем в камере кельнской тюрьмы.

– Они не ошиблись, – заметил он. – Ни в чем.

– Полагаешь, и ты не ошибся? Я сейчас разумею не только твои пророческие сентенции касательно его будущего; уверен ли ты, что не ошибся в настоящем?

– Убежден ли я в том, что парнишка не тронулся умом на пару с мамашей? – уточнил Курт, кивнув: – Да. Это не фон Курценхальм, не тот случай. В конце концов, ради очистки совести мы удостоверимся в этом сегодня же.

– А это второе, что меня беспокоит. Быть может, напрасно ты воспретил выпускать его сегодня? Замкнутое помещение, чужие люди рядом *et cetera, et cetera*; дело может быть довольно шумным. Ну как ему вздумается, к примеру, взвыть.

– Мать утверждает, что ничего подобного не происходит, что кажется мне логичным. Вой, вообще говоря, не есть постоянное волчье занятие; разве на воле, в хорошую погоду, удовольствия для, или в голодные ночи с тоски. Вот огрызаться и порывивать он, быть может, станет, но избранная мною комната отстоит от всех прочих в достаточном отдалении.

– И все же опасно.

– Знаю, – покривился Курт, – но выпускать его наружу не хочу. «Ночь полной силы»... Кто знает, что с ним может произойти в эту самую ночь, учитывая, что вчера парень впервые оскоромился. Лучше ему быть под

надзором.

– Если он вырвется... Ведь это харчевня-мечта ликантропа. Куча народу, не умеющего себя защитить, и огромный зверь среди них.

– Не вырвется. Амалией накоплен весьма значительный опыт по части использования той самой веревки.

– Если Ван Ален узнает...

– Значит, он не узнает. Если верить статистике матери, у нас в запасе еще пара часов; за это время все разойдутся по постелям, все устали и уснут тотчас, Ян сам же вызвался нести стражу первым – все сложилось не самым худшим образом.

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, – вздохнул Бруно, и он отмахнулся, поднявшись:

– Не имею ни малейшего представления; разумные обоснования измышляю на ходу. Ну, так за интуицию, если не ошибаюсь, меня и ценят?

Ответить помощник не захотел или не успел; не дожидаясь ответа на свой весьма риторический вопрос, Курт развернулся, пройдя к столу охотника, и присел напротив, одарив Марию Дишер улыбкой:

– Не помешаю?

– Помешаешь, – отозвался Ван Ален, и он пожал плечами:

– Увы. Зато не придется предварять разговор долгими околичностями, скажу прямо – даме пора в постель.

– Согласен, – хмыкнул охотник; Курт качнул головой:

– В полном одиночестве, к сожалению.

– То есть, вы хотите, чтобы я дала вам поговорить о чем-то тайном? – осторожно уточнила Мария. – Что-то случилось?

– Нет, – легкомысленно улыбнулся Курт. – Просто речь пойдет о вещах жестоких, кровавых и оттого неприятных, а для юной девицы, тем паче перед сном – бесполезных.

– Хорошо, я уйду, – легко согласилась Мария, выбравшись из-за стола, и, помявшись, вздохнула: – Хочу сказать вам спасибо, майстер инквизитор. За то, что... ну, вы понимаете.

– Быстро очуствовалась, – заметил Курт, когда она скрылась наверху, и Ван Ален усмехнулся:

– Для городской неженки девица крепкая, это верно. А вот парень хлипковат. Занимаясь таким промыслом, надо быть готовым к неприятным поворотам и уметь мало-мальски за себя постоять.

– Так вот отчего наш дамский угодник столь понурен сегодня... Невзирая на мою полную солидарность, вынужден попросить впредь драки и разборки оставить на время, когда кончится этот бедлам.

– А, брось, – отмахнулся охотник. – Костей я ему не ломал, суставов не выкручивал; он вполне подвижен. Глаз не подбил; зрение в порядке. Руки-ноги целы, потроха тоже, словом, утраты относительно годной к обороне единицы не произошло. А вот после я еще побеседую с этим любителем девиц с приданным, дабы не порочил репутацию честных волокит.

– Думаю, уж ты восстановил доброе имя бескорыстных ухаживателей в полной мере.

– Ты уверен, что обошлось без зелий или другого чего?

– Уверен, – усмехнулся Курт. – Это не моя епархия.

– А попадались подобные дела по твоей линии?

– Случалось, – согласился он, бросив мельком взгляд в окно. – Явление не столь частое, как принято думать среди обывателей, однако же – случается. Также не соответствует общепринятым суждениям и тот факт, что приворотами развлекаются по большей части женщины; все хороши. Женщины попросту склонны терять голову, а оттого попадают чаще. Зато мужская часть человечества временами измышляет такие сложные планы, что порою даже трудно бывает определить, в чьей юрисдикции вообще лежат их художества.

– Любопытно, – заинтересованно отметил охотник.

– История была занятная. В одном я сказал этому ухажеру правду: Германию я объехал и впрямь если не вдоль, то уж поперек, и маленьких городков повидал немало. И вот в одном таком городке один не в меру сознательный папаша фактически за косу притащил ко мне свою дочь, сопроводив это заявлением о том, что она сношалась с Дьяволом. Девчонка, собственно, особо и не отпиралась. А дальше пошло, ниточка за ниточку – и ее подруга была замечена в подобном непотребстве, и подруга подруги... Словом, во всем городе набралось десятка два таких некогда девиц и еще с десятков замужних матрон.

– И?

– И, – продолжил Курт, – чем дальше, тем более интересно все складывалось. Звать себя он велел «мастер Леонард»; являлась эта, с позволения сказать, темная личность, разумеется, всегда ночами, лица было не разобрать, говорил шепотом, весь в черном. Серой, что показательно, от него не пахло, зато вовсю смердело «неземными ароматами». Не стану утомлять подробностями расследования; если коротко – городок, как я сказал, был маленький, и выяснить, кто из простых смертных настолько пропах благовониями, труда не составило.

– Аптекарь, – предположил Ван Ален, и Курт одобрительно кивнул:

– Почти в точку. Сам аптекарь не подходил по приметам, а больше

вариантов просто не осталось. Подмастерье. Тощий прыщавый воробей, жил с бабкой, которая вила из него веревки, на людях двух слов связать не мог, собеседнику даже в глаза никогда не смотрел и вообще слыл полудурком. Зато, как оказалось, начитанным полудурком; все ж под рукой^[30]. По доброй воле с ним не желала связываться ни одна местная дурнушка, а при таком подходе сдавались почти все. Дамочек привлекает все таинственное и необычное, даже если это сам Сатана. Непостижимые перипетии женской психики.

– И чем история кончилась?

– В былые времена гореть бы им всем скопом, вместе с девицами и матронами. Сейчас, но в ином месте его, верней всего, попросту отправили бы за решетку и в довесок всыпали б плетей; но – сам понимаешь, местная специфика маленьких городков... Отец той самой девицы, что пожаловалась первой, предложил тюремное заключение сменить на дорогу к алтарю. Теперь уж и сама девица не перечила.

– На что только не пойдешь ради их прелестей, – вздохнул охотник с мечтательной улыбкой и, посерьезнев, вздохнул: – Ну, а теперь, Молот Ведьм, давай. О чем таком ты хотел поговорить, что даже спровадил эту милашку прочь?

– Ликантроп, – пояснил он. – Это сейчас, если не ошибаюсь, самая животрепещущая тема. Отчего ты спокоен?

– А что же я должен делать? В панике бегать здесь, сшибая столы?

– «Ночь полной силы», – выговорил Курт с расстановкой. – Чем она отлична от прочих и чем грозит нам? И если грозит – повторю свой вопрос: отчего ты спокоен? Если же не грозит, для чего уделять ей особое внимание в рассказе о ликантропах?

– Для того, что ты об этом просил, помнишь? Ты хотел знать все, что знаю я и не знаешь ты, о вервольфах, стригах, ведьмах, призраках и прочей шушере. Я и говорил все. Все, что в голову пришло, что помнил и слышал... Слушай, – почти со снисхождением улыбнулся Ван Ален, – это просто так звучит – «ночь полной силы»; красиво и таинственно, просто потому что слова так легли. А на деле это лишь констатация факта, не более.

– Но факт констатируется вполне определенный, и притом отличный от фактов, имеющих место в прочее время.

– В прочее время... – вздохнул охотник устало, усевшись поудобнее. – Если это вервольф неопытный еще, молодой, со своей сущностью не объединившийся – в эту ночь он подступает к такому объединению ближе всего. Могут быть примечены даже признаки разумности; ну, ты

понимаешь – все варьируется, в зависимости от того, насколько особь зрелая. Если совсем молокосос – перемен почти никаких, в эту ночь он такая же тупая зверюга, как и в любую другую из пред- или послеполнолунных. У уже взрослого тоже не заметно особой разницы; да что там – ее просто нет. Такая же непозволительно разумная зверюга, как и в иные ночи. Это если иметь в виду таких, как наш приятель – кто оборачивается в волка. Если говорить о тех, кто попадаете чаще, о двуногих тварях со страховидными мордами невнятного геноуса, то они в эту ночь попросту чуть менее бешеные. У этих почти никогда не случается совместить два естества; они смутно помнят, что делали в ином облике, и плохо себя контролируют. Примерно то же относится и к полноценным волкам в возрасте не зрелом, но уже и не юном. Доходчиво, или нужны дальнейшие растолкования?

– Стало быть, – подытожил Курт, – если ты прав, и наш сосед есть особь уже взрослая, если он и без того отлично осознавал, что делает и для чего, в эту ночь ничего не изменится – разве что он, быть может, будет лучше владеть своим волчьим телом, ибо достигнет пика единения с волчьей сутью. Так?

– Тебе трактаты надо писать. Эк завернул – «пик единения»...

– Если же мы имели бы дело с молодняком, то никакой особенной разницы в поведении замечено не было бы.

– Да, но, к сожалению, это явно не наш случай.

– Уверен?

– Вспомни, как он вел себя в конюшне. Он знал, что на шум выбежит хоть кто-нибудь, и затаился там, ибо рассчитывал на этого кого-нибудь напуститься. Он караулит нас здесь – не уходит днем, подумав «а что я тут делаю?»; он дожидается ночи, оборачивается и нападает. Эта тварь знает, что делает.

– Все эти сведения – личный опыт? Или наработки ваших теоретиков?

– Опасаешься за достоверность? – усмехнулся Ван Ален. – Расслабься. Не то и не другое. Это выводы старых охотников – на мой взгляд, такой источник куда как надежней всего прочего. Знаешь, тобою столь любимые древние книжки дело, конечно, хорошее, но я больше полагаюсь на рассказы тех, кто видел, слышал и делал что-то год назад или десять, когда – из первых рук. Мало ли, кто и что там написал, двести лет назад.

– Или рассказал о себе после третьей бутылки, – возразил Курт. – Особенно молодому поколению, глядящему снизу вверх на бывалого героя-истребителя.

– У нас не принято, – ревниво отозвался Ван Ален. – Можно травить

байки о том, что после убиения твари тебе отдались все девки местной деревни, но о самих тварях – не врут. От этого жизнь зависит. Именно так, а не из древних рукописей, мы узнаём, что, просто пережив укусы стрига, стригом не станешь, выжив после нападения вервольфа, не обратишься им, а некоторых призраков нельзя увидеть, если смотреть на них.

– А как же? – приподнял брови Курт; охотник наставительно кивнул:

– Во-от. В твоих умных книжках, небось, таким мелочам внимания не уделяют, зато это можно услышать от какого-нибудь дядюшки Ханса, который вчера как раз возвратился из заброшенного дома. Ты хотел дележа опытом? Пожалста. Кое-кто из призраков, если смотреть на него прямо, тут же становится невидим – его можно разглядеть лишь боковым зрением, там, на грани видимости. Само собою, из-за этого сложно работать, и тут есть свои маленькие хитрости, которыми, уж извиняй, не поделишься – нарабатываются только долгой практикой.

– Ну, как становятся призраками, я приблизительно представляю, – спустя мгновение задумчивости произнес Курт неспешно. – О том, что укусы стрига не делают человека таким же, знаю на собственном опыте...

– Фу, – с сострадательным омерзением заметил охотник.

– Да уж, – покривился он. – Не то слово... Процесс обращения стрига мне известен. Также по опыту, накопленному зондергруппой, и свидетельским показаниям знаю о том, что рана, нанесенная ликантропом, может убить, но не обратить... Не знаю одного: как становятся оборотнями?

– Ты всерьез? – не пытаясь скрыть снисходительной усмешки, переспросил Ван Ален. – Ваши мудрецы не знают такой простой вещи?

– Даю минуту на то, чтобы насладиться собственным превосходством, – дозволил Курт. – После чего еще минуту можешь посвятить воспоминаниям о том, что я тебе уже говорил о таимых вами сведениях, наряду с несущественными – жизненно важных.

– Да ладно, – примирительно отмахнулся охотник. – В самом деле – откуда вам знать, вам от роду чуть больше тридцати лет, а вашей зондергруппе, насколько мне известно, и вовсе не больше десятка... Ну, с вервольфами все куда проще и – сложнее, чем со стригами. Те могут обратить... ну, или попытаться обратить кого угодно; в худшем случае ничего не получится, и подопытный отдаст концы...

– В худшем случае, – возразил Курт, – из подопытного выйдет упырь. Видал, быть может – такие облезлые, смердящие и тупые.

– Да?.. А я полагал их другой разновидностью. Видишь, и вам известно что-то, что не известно нам... А вервольфы – эти размножаются

исключительно старым дедовским способом.

– Не понял, – нахмурился Курт, и охотник вздохнул с показной усталостью:

– Вервольфами, Молот Ведьм, не становятся – ими рождаются. Только так, и никак иначе.

– Eia, – ровно заметил он.

– Ну, всё, конечно, не совсем так просто, но... Или – нет, все просто, но для меня это несложно настолько, что я даже не знаю, с чего лучше начать и как рассказать. Вот, к примеру, как рассказать о том, что такое «я»? Да никак.

– «Я», – проговорил Курт скучающим тоном, – употребляется как обозначение человеком собственной создаваемой сущности, самого себя в окружающем мире как личности и как обозначение субъекта в философии.

– Ты всё вот это сейчас кому говорил? – болезненно поморщился Ван Ален и снова вздохнул. – Ну, хорошо, попытаюсь изложить обозначение этой их сущности по порядку, только, надеюсь, чуть понятней... Такая, стало быть, у меня будет лекция. Сначала об исключениях из нашего правила. Есть и те, кто оборотнем не родился, кто – стал, но к этому приходят через увлечения всяческими колдовскими штуками. Нарочно. Такие и оборачиваются не в чудищ с руками или вот в таких, как наш знакомец, древних тварей, а в настоящего волка; ну, только крупней, может быть. А может и не быть. Вот как раз с этими ребятами все сложно. Лично я их выделил для себя в особый класс малефиков и к собственно вервольфам не отношу. Я таких пока не встречал, да и среди старых охотников есть только те, кто о них слышал; о том, как они получают такую способность, есть уйма наукоподобных слухов и народных преданий, но за правдивость хоть одного из них тебе не поручится никто.

– Надо полагать, об интересующем меня субъекте и ему подобных вы осведомлены больше.

– Полагать надо, – подтвердил охотник. – И мы, само собой, осведомлены.

– Итак, – подвел первый итог Курт, – если кто-то вдруг обнаружит в себе способности оборотня, это будет неизбежно означать, что где-то в его роду были ему подобные.

– Нет, Молот Ведьм, все веселей: это будет означать, что конкретно его отец – оборотень. Ну или мать. Сучки тоже попадают, хоть и реже; почему – не знаю. Так это происходит: эта самая осознаваемая сущность в виде одного вервольфа находит себе подходящую девку и плодит через нее другую сущность, до некоторых пор собою не осознаваемую. Потом щенок

подрастает, понимает, кто он есть, и – история продолжается.

– Иными словами, оборотничество передается только в следующем поколении, никак иначе? Не через одно, не от прапрадеда или прапрабабки?

– В следующем поколении тоже передается не всегда. Не знаю, каков опыт у зондергрупп, но вот вопрос: не замечали ли ваши, что эти ребята как правило одиночки? Ни дома, ни семьи, ни жен с чадами? Случается, конечно, но крайне редко. И это вовсе не по той причине, что у тебя – не в заботе о близких, попросту в поисках подходящей девицы они могут переиметь половину страны, прежде чем одна из сотни, наконец, залетит. Инстинкты размножения, знаешь ли, своего требуют, и за отпрыска, продолжающего их гнилой род, они готовы полхвоста отдать. В этом твари даже, я б сказал...

– Преданны.

– Неприлично как-то употреблять по отношению к ним это слово. Но – да, вроде того. Кое в чем они даже посильней нас в этом вопросе... Ну, это не важно.

– Важно, – возразил Курт. – Как показал наш разговор о твоём брате – наличие любимых родственников есть вещь еще какая важная. Полагаю, если взять одного из щенков за шкурку и пригрозить утоплением, папаша подрастеряет некоторую долю своей крутости?

– Полагаю – да, – отозвался Ван Ален недовольно. – Но на практике проверить не было возможности.

– Так стало быть (продолжая разговор о папашах), совокупившаяся с ликантропом женщина либо не родит вовсе, либо родит оборотня. Верно я понял?

– Да, попасть в залет от вервольфа дело сложное, видно, человечья натура пытается противиться. А может, мне старики рассказывали, случиться и так, что родится волчонок – прямо вот так, в зверином виде. Поскольку девкам эти твари о своих тайнах из соображений безопасности не распространяются, воображаю, какой это неслабый вдвиг по мозгам... Ну, и последний вариант – тот, что преподносит нам вот такие вот подарочки, вроде нашего приятеля. Такое вот тебе наследование по первому поколению.

– Так значит, все же есть и по второму.

– Вот ведь черт, – тоскливо пробормотал Ван Ален, – никогда и помыслить не мог, что мне выпадет заделаться в профессора... Да, случается. Так говорят.

– Кто? Ваши старики или ваши теоретики со старинными книжками, которым ты не доверяешь?

– Теоретики. Старики – те вроде меня, что увидели или услышали сами, что сами поняли, сами вывели, то знают, и когда вервольфа хватают за шкуру, знаешь ли, не интересуются его родовым древом.

– А стоило б.

– Ну, видать, кто-то все же поинтересовался, кто-то вроде тебя, потому что – да, наши теоретики на эту тему теоретизируют. Да, есть случаи, когда может родиться и обычный человек. Проживет всю жизнь нормальным. А вот его внук однажды в полночь пустится ловить соседей. Но это штука еще более редкая; почему – тоже не знаю.

– Но ваши теоретики...

– Да, наши теоретики, – разозленно оборвал Ван Ален. – Я что, по-твоему, сильно похож на профессора медицины или магистра геральдики? Наследственная передача, ветви наследования... Да во всем этом ум сломаешь. Я, знаешь ли, их треп не конспектировал.

– Но хоть что-то ж в голове отложилось.

– Что-то отложилось, но за точность изложения я не отвечаю, не обессудь. Наши мозголомы на эту тему говорят что-то такое: когда оборотничество передается от отца к сыну – передается по крови. Как, знаешь, это бывает у людей, – пояснил охотник, изобразив умиленное лицо: – «ой, а глазки-то папины!»... Обыкновенно это так. Папины глазки, зубки и хвостик. А вот когда от вервольфа рождается обычный человек – тут все сложнее, тут высокие материи. Наследование отпечатывается не в крови, а где-то там, – он махнул ладонью над головой, – как родовое проклятье, которое ведьмы накладывают. Копится там, бурлит, а когда подходит время зачать дитяtko – выплескивается, уже в натуре. Ты все понял?

– Да, – кивнул Курт, и охотник поморщился:

– Это хорошо, потому что сам я не понял ни черта.

– Это часть образа – строить из себя непроходимого вояку дурней собственного меча? – поинтересовался он укоризненно. – Все ты понял. Просто, если погрузиться в эту тему сполна и задуматься над всем, что тебе известно, можно ведь дойти в своих размышлениях и до того, что в голову полезут неприятные мысли. К примеру, о том, что существо, с которого ты срезал клоч шкуры себе на воротник, ничем от тебя не отличается – только способностью, доступной ему не по личному выбору, а по рождению, то есть, помимо его воли. Что, попади он в нужное окружение в свое время, все в его жизни могло сложиться иначе.

– Снова проповеди о сострадании к тварям? Брось. Зря. Не пройдет; не со мной. Что там им полагалось по рождению – не знаю, но по жизни они мразь. И твои мудрствования об окружении есть не более чем все те же

теории, а по-моему, в них это заложено – в крови, там, не знаю, или в духе, или на тонких планах, или еще где, но заложено. Не могут они жить иначе. Видел когда-нибудь ручного волка?.. Я видел. Он будет сидеть у ноги, есть с руки, спать у твоей постели, грызть твоих врагов, но все равно останется диким зверем, жаждущим крови, драки и смерти. Даже если ты возьмешь из помета двухнедельного волчонка и выпоишь его, как родная мамаша, молочком, выкормишь с малолетства – все это в нем проснется рано или поздно. И эти – такие же. Хочешь, чтобы я вслух сказал, что не они в этом виноваты? Да ради Бога. Но мне на это глубоко начхать, потому что они опасны – для меня, моих близких, друзей, да и просто для первого встречного, который не сможет от них отбиться. Они опасны – и я от них избавляюсь. Нам просто нет места в одном доме, а дом этот – *мой*. Стало быть, и уйти должны они. Я ясно выразился?

– Где ты видел ручного волка? – не ответив, спросил Курт, и охотник запнулся, глядя на собеседника растерянно. – Я спрашиваю – ручного волка где ты видел?

– У одного из наших, – ответил Ван Ален оторопело. – Нашел волчонка и натаскал; в работе помогает... К чему это?

– Ты его убил?

– Кого?

– Волка своего приятеля-охотника. Ручного, но все равно дикого, который жаждет крови. Ты прирезал его?

– Ты это к чему?

– Ты его гладил по загривку, – сам себе ответил Курт. – Кормил, если разрешали. Нахваливал клыки, шерсть и хватку. Поворачивался к нему спиной и пошел бы с ним на операцию, если б случилось работать в паре с тем охотником. Итак, Ян, из твоих обличительных речей и моих проповедей делается лишь один вывод: да наплевать, кто есть кто и склонность к чему копошится в его душе. Главное, чтобы он поступал должным образом – как тот волк, никого не трогая и принося даже, в этом конкретном случае, некоторую пользу. И уж тут тебе возразить будет нечего.

– Я тут вспомнил, – не сразу отозвался Ван Ален, глядя на него с подозрительностью. – Что-то ты упомянул о стригах, среди которых попадаются славные парни... Знаком лично?

– Это имеет значение?

– И вот еще что – не так давно, меньше пятка лет назад, само существование зондергрупп Инквизиции, подготовленных к борьбе с тварями, было тайной, а тут уже они не скрываются, ты во всеуслышание

называешь имя их шарфюрера...

– Ну и что, – передернул плечами Курт. – Что еще ты о нем знаешь? Имен всех прочих я не упоминал, найти их невозможно, выйти на их семьи или их самих нельзя, их количество никому не ведомо, а Келлер... Просто Келлер. Отличный вояка и просто хороший человек. Для тебя, как и для всех прочих, он так и останется безличным именем.

– А на вопрос о стриге отвечать не стал, – заметил Ван Ален; он вздохнул:

– Поверь мне, и среди тех тварей есть люди. Есть те, что пытаются себя переломить. Есть те, что выходят утром во двор, когда это не получается. Убивают своих, спасая жизнь людям.

– Продолжая при этом питаться людской кровью.

– Брось, – отмахнулся Курт, – уж в вашей-то среде лучше, чем где бы то ни было, должно быть известно, что для насыщения стригу требуется пара-тройка стаканов раз в пару недель; не смертельно. И ты удивишься, узнав, сколько на белом свете добровольных donor'ов. Среди девиц особенно.

– Ты знаком лично, – подытожил охотник уверенно. – Я же не видел таких, кто поступал бы подобным образом. Чтобы – как тот волк, были безопасны для окружающих... Ну, и Бог с ними, с кровососами, сейчас не о них речь. Я даже готов признать, что с теми ребятами все куда сложнее – те хотя бы помнят, как когда-то были нормальными. Вервольфы же были такими всегда, даже когда не знали об этом; природой, инстинктом чувствовали. Это уже из личного опыта: по сведениям, что удавалось собрать, по отзывам соседей, если удавалось отыскать, где они живут – с самого детства вервольфы отличаются вздорным и склочным характером, они нетерпимы, агрессивны и враждебны. Говоря проще, в ответ на «сам дурак» они разбивали нос, а за разбитый нос убивали.

– Четверо, – проговорил Курт неспешно и, когда охотник непонимающе нахмурился, пояснил: – Стольких я убил, живя с уличной шайкой, еще до того, как мне исполнилось одиннадцать. И, если верить Бруно, и сейчас тоже склонен к агрессии, нетерпимости и отличаюсь вздорным и склочным характером. Не говоря о враждебности к окружающим.

– Согласен, – с чувством отозвался Ван Ален. – И, если я верно понял твой намек, то – да, люди порой попадаютсся и хуже. Но, знаешь ли, не все, с детства агрессивные, есть вервольфы, но все вервольфы агрессивны с детства.

– И этому есть объяснение, – возразил Курт, – вполне обыденное.

Если, как ты говоришь, ликантропы создают потомство, делая одну попытку за другой со многими женщинами – стало быть, большинство, если не все они, внебрачные дети. Так?

– Выходит, так.

– А теперь, хоть бы и на примере одинокой мамы Амалии и ее обожаемого Макса, вообрази себе, каково было отношение к ним этих самых окружающих, к которым злобные твареныши были столь нетерпимы и которым разбивали носы. Положение, прости Господи, выbleдка в людском обществе есть штука пренеприятнейшая.

– По твоей логике выходит, что люди сами воспитывают в них злобу?

– Нет. Но, возможно, подстегивают.

– Вон из инквизиторов, – поморщился Ван Ален. – Иди в адвокаты. Посоветую тебя брату в наставники, и ни к чему тогда университет.

– Посоветуй, – вскользь улыбнулся Курт, и охотник, на миг осекшись, поджал губы.

– Не цепляйся к словам, – почти с угрозой потребовал Ван Ален. – И попробуй только сказать, что это твоя работа.

– Это моя работа, – подтвердил он благодушно. – Однако в моем и в твоем деле есть кое-что общее: мы оберегаем обывателя. Посему я бы предложил на сегодня завершить с лекциями (благодарю за сотрудничество) и приступить к этому самому делу. Время позднее, пора бы разогнать обывателя по комнатам и определиться с порядком стражи.

– Я первый, – непререкаемо и все еще недружелюбно выговорил охотник. – Я уже говорил: если он на что-то решится, то, скорее всего, в первую половину ночи, дабы оставить себе больше времени в запасе. Хочу быть здесь при этом. И, как бы вы с помощником ни лили горьких слез о его тяжелой судьбе – прикончить тварь.

– Ну, если ты так настроен, – пожал плечами Курт, поднимаясь. – *Weidmanns Heil.* [\[31\]](#)

* * *

– А настроен он серьезно, – отметил Бруно тихо. – Даже с моего места было слышно почти каждое слово. Не приведи Господь он узнает...

– Как я уже сказал – значит, не узнает.

Они переговаривались едва слышным самым себе шепотом, хотя комнату Курт выбрал самую дальнюю и глухую именно в расчете на то, что звуки, даже громкие, не проникнут ни в обиталища прочих постояльцев, ни

в трапезный зал, где нес стражу серьезно настроенный охотник.

Каморка была небольшой и, судя по всему, порою использовалась в качестве то временной кладовой, то сдаваемой в самую последнюю очередь, от безысходности, комнаты – здесь имелась голая старая кровать без матраса, табурет и рассохшийся стол; в углу небольшой горкой высились сложенные друг в друга корзины, два пустых короба и мешок с ветошью. Светильник, принесенный с собою из их собственной комнаты, освещал пространство вокруг, пламя колебалось от тонкого, пронзительного сквозняка – в этой комнате окно было законопачено не столь добротно, и Хагнер, сидящий на полу, был тщательно завернут в два одеяла за неимением на нем прочей одежды. Веревка из багажа Амалии обвивала его сложным переплетением узлов и петель, местами впиваясь в кожу и давя ее до синевы. «Ничего, – возразил он спокойно на высказанные Бруно опасения. – Мне не повредит – это ненадолго. Когда все случится, именно здесь понадобятся самые плотные витки».

Амалия не говорила ничего – во время этих приготовлений она выполняла и впрямь привычные, судя по всему, действия молча, плотно сжав губы и не глядя по сторонам. Сейчас она сидела поодаль на пустой кровати, сложив на коленях руки, и на сына смотрела с состраданием.

– Как долго еще ждать? – уточнил Курт, когда молчание затянулось, а наличие голого связанного парня на полу стало навевать воспоминания о допросной.

– Минуты, – отозвался Хагнер, с трудом переводя дыхание. – Или того меньше. Мне почему-то кажется, что сегодня это случится раньше.

– Каково это? – чуть слышно спросил Бруно, и парнишка передернулся – не то от холода, не то при воспоминании о происходящем с ним в последние ночи.

– Больно, – произнес он не сразу. – Смертельно больно. Я не помню, что бывает после, помню лишь то, что происходит в начале обращения. Это – словно кто-то сдирает с тебя кожу, одновременно ломая кости, вспарывая ребра и выворачивая наизнанку. Буквально. В эти мгновения хочется умереть на месте.

– Понимаю, что надо было спросить раньше, – вмешался Курт, – однако лучше поздно, чем никогда: крики будут?

– Нет, – невесело усмехнулся Хагнер. – Вместо горла тогда как будто выкрученная тряпка, а челюсти сводит так, что кажется, вот-вот выкрошатся зубы. Шума не будет... Я даже думаю, мне было бы куда легче, если б в моменты обращения я мог хотя бы крикнуть, но не могу.

– Да, – согласился Бруно тихо. – Было бы легче.

– Знаете, о чем я еще думал, майстер инквизитор, когда еще только предполагал, воображал себе свой арест и прочее? Что бы там ни измыслили ваши истязатели – все это будут уже мелочи в сравнении с этим. Поднаторел, – хмыкнул Хагнер, приподнял голову, и, не увидев ни одной улыбки в ответ, вздохнул. – Да. Не смешно.

– Ты видишь это? – шепнул Бруно уже едва различимо; Курт не ответил – ответ был не нужен.

Глаза Хагнера, прежде светло-серые, потемнели, и расширившиеся зрачки сейчас отражали свет слабого пламени, точно крохотные зеркальца, напитавшиеся багровым. Едва явившаяся усмешка слетела с его губ, и мгновение тот сидел недвижимо, глядя прямо перед собой и не произнося ни звука.

– Господи... – выдавил парнишка, наконец, вздрогнув, и откинулся к стене, ударившись в нее затылком и зажмурившись. – Почему сегодня так... быстро...

– Началось, – впервые за последние полчаса разомкнула губы Амалия и прерывисто выдохнула, спрятав лицо в ладонях. – Боже мой, почему это происходит именно с ним!

Курт снова промолчал, не зная, чего сейчас хочется больше – отступить назад, подальше от творящегося перед ним существа, или шагнуть вперед, чтобы увидеть подробности никогда прежде не виданного действия.

Хагнер уже не говорил и не произносил вообще ни единого членораздельного звука. Он забился в связующих его путах; одеяло сползло с плеч, и явственно можно было различить, что каждая мышца, каждая жилка вытянулись, словно хорошо приложенная тетива, и по бешеной пульсации вздувшейся на шее вены ясно было, что сердце колотится с неистовой скоростью, на пределе сил человеческих. Пальцы связанных у груди рук скорчились, точно у умирающего, и веревка впилась в кожу до крови, когда он напряг руки, силясь высвободиться.

– Уверена, что выдержит? – спросил Курт, и Амалия, не глядя на него, кивнула, все так же не отнимая ладоней от лица:

– Выдержит. Я все сделала, как надо, я... Помоги нам, Боже, Спаситель наш, ради славы имени Твоего... даруй крепость Твою рабу Твоему, и спаси сына рабы Твоей...

– Смотри, – по-прежнему едва слышно выговорил помощник, тронув его за рукав, и Курт все-таки чуть отступил назад.

Глаза Хагнера теперь были открыты и смотрели в потолок – яркие, светло-коричневые, словно свежеспеленный орешник; приподнятый

подбородок выдвинулся дальше вместе с верхней челюстью, и от плотно стиснутых зубов послышался отчетливый мерзкий скрип. Плечи раздались вширь, а ребра словно стали въезжать одно в другое, смыкаясь над солнечным сплетением; скрюченные пальцы уже покрылись мелкими бурыми шерстинками, укоротившись вдвое и раздувшись, и настоящие звериные когти вцепились в кожу на груди, сдирая ее клочьями. Сухой хруст суставов и костей слышался в тихой комнате явственно, словно кто-то мят в руках хворост, и неведомая сила переламывала, перемалывала человеческое тело, кроя его по-своему. Кожа на выгнувшейся спине лопалась, в тот же миг зарастая новой, и на глазах, за мгновения, покрываясь все более густой, жесткой шерстью. Лицо уже не было лицом – это была морда зверя, уже вытянулись клыки – те самые, неправдоподобные, похожие на небольшие кинжалы и выпирающие над челюстями, клыки хищника, бродившего по земле до того, как ему подобных уничтожил Потоп. Еще два мгновения тот, кто был когда-то Максом Хагнером, корчился на досках пола, натягивая веревку, и вдруг наступила тишина, в которой было слышно лишь тяжелое, сорванное, частое собачье дыхание.

– Ну вот и все, – шепнула Амалия обессиленно.

– Около минуты, – отметил Курт. – Он сказал, что сегодня все происходит слишком быстро. Обыкновенно это дольше?

– Да, – безвыразительно отозвалась она, не глядя на него. – И мучительней.

– Ночь полной силы... Выходит, парень взрослеет. Началось все это в период полового созревания, и с возрастом сила крепнет. Все, как говорил Ян.

– Постой, – окликнул его Бруно, смотрящий на связанное существо ошарашенно. – Все это неважно, важно другое. Посмотри на него. Это...

– Я вижу, – оборвал Курт, все-таки подступив ближе, чтобы лучше разглядеть.

Все это он видел в конюшне той, первой ночью – огромные лапы толще его руки, невероятно широкая грудная клетка и узкий таз, глубоко посаженные глаза, сейчас закрытые, жесткая, словно проволока, шерсть, чуть длинней на загривке; да, все это он уже видел. Вот только было одно «но».

– Это не он, – вздохнул Курт, обернувшись к Амалии. – Волк, убивший лошадей и того крестьянина – не твой сын.

Ее глаза округлились, заполнившись растерянностью и непониманием, губы приоткрылись, однако ни ответить, ни спросить что бы то ни было

она не успела – внезапно, как-то разом очнувшийся зверь рывкнул, рванувшись с пола и хватанув пастью, и Курт отпрыгнул, едва не споткнувшись на ровных досках пола.

– Ах ты, зараза... – пробормотал он, скрывая запоздалый испуг, и отступил еще на шаг. – Ведь миг назад был в отрубе...

– Что вы такое сказали? – выговорила, наконец, Амалия, и он довольно неучтиво отмахнулся:

– Не сейчас.

– Я объясню, – примирительно предложил помощник, пока Курт, настороженно обходя кругом, снова приближался к зверю. Тот рычал глухо, на одной ноте, напрягшись в держащей его веревке, не пытаясь вырваться, но и не расслабляясь, и следил за его перемещениями одними глазами, не поворачивая головы. – Мы видели того волка, что был в конюшне, – продолжал помощник за его спиной. – Он был таким же – в точности; но он был больше. Намного больше. Почти вполтину. И, поверь, это не почудилось нам от неожиданности или страха – нет; это совершенно точно.

– И крестьянин... – начал Курт, зверь рыкнул при звуке его голоса и рванулся вперед; он отпрянул. – Крестьянин, – продолжил он чуть тише и монотонней, и рычание стало низким, перекатистым. – Крестьянин был убит не им, – договорил Курт, отступив от волка подальше. – Это я сказал бы, даже не видя того, первого: раны были нанесены челюстями побольше этих. Он детеныш. При всех его внушительных размерах и, наверное, немалой опасности, будь он свободен, он все еще волчонок. На грани взросления, этакий одногодок; а там поработал матерый волчара.

– То есть... – дрогнув голосом, с усилием произнесла Амалия, – то есть, вы хотите сказать, что Максимилиан...

– ...никого не убивал, – кивнул Курт. – Ни бедных лошадок, ни, что важнее, человека. И твоя безумная затея убережет его от подобных деяний, кажется, все еще имеет надежду на осуществление.

– Господи... – проронила она и, на сей раз не сдержавшись, всхлипнула, ткнувшись лицом в грудь стоящего рядом Бруно. – Господи, спасибо...

– Видишь, все будет в порядке, – ободряюще улыбнулся помощник, приобняв ее за плечо.

Связанный волк рванулся вперед, царапая доски когтями, едва не вздергивая себя с пола, зарывав уже не просто враждебно, а с откровенной угрозой; мышцы под шерстью напряглись, так что стало почти не видно впившейся в тело веревки.

– Ну-ка, отпусти ее, – повелел Курт, когда рык перешел почти в

громовой перекаат, разнесшийся под потолком пустой комнаты оглушительно в ночной тиши.

Помощник отвел руку, и Амалия отступила в сторону, косясь на зверя со смесью радости и страха. Рычание чуть стихло, однако горящие в полумраке ореховые глаза все так же смотрели на Бруно в упор.

– А теперь подойди к нему, – продолжил Курт, кивнув Амалии на собранного в комок волка.

– Ты с ума спятил? – проговорил помощник чуть слышно. – Для чего?

– Амалия, – повторил он, – подойди к нему. Осторожно и не слишком близко... Иди, не бойся. Поверь, я знаю, что делаю.

– Хорошо, майстер инквизитор... – словно вдруг переломившимся, высохшим голосом вымолвила она, приближаясь к созданию на полу бочком, крохотными незаметными шажками.

Волк повернул голову к Амалии, и та замерла на месте, смяв в сжавшихся кулаках полы платья и едва дыша сквозь поджатые губы; мгновение прошло в полной тишине – рык затих и прокатился снова, когда горящий взгляд сместился на других людей в комнате.

– Ближе, – скомандовал Курт, и Амалия шагнула вперед решительно, одним широким шагом. – Не так близко, стой... – начал он и умолк, когда рычание вновь затихло.

Ее ноги были в полушаге от пасти, могущей перекусить тонкие лодыжки двумя движениями, но зверь не шевелился.

– Сдается мне, я знаю, почему он не убегал, когда ты выпускала его, – почти шепотом подытожил Курт. – Как я уже сказал – он все еще волчонок; инстинкт даже в этом облике тянет его к тебе. Довольно, Амалия, мы выяснили, что хотели. Давай назад.

– Я могу до него дотронуться, – возразила она, и Курт нахмурился:

– Не искушай судьбу. Не хочешь же ты, чтобы первым человеком, которого он таки сожрет, была ты. Если он тебя хоть поцарапает, хоть бы и ненамеренно – нанесешь парню душевную рану на всю жизнь... Давай назад, Амалия, без глупостей.

Она помедлила, глядя на зверя у своих ног с сомнением, и нехотя отступила в сторону. Взгляд горящих глаз сместился следом за ней, но рычания не последовало.

– Он провел подле тебя два года, – продолжил Курт, стараясь не повышать голоса. – Даже если человечьи и звериные инстинкты и пытались спорить меж собою – он уже попросту привык к тебе. Думаю, в будущем вас не следует разлучать какое-то время. Это может помочь – и нам, и ему.

– Какое-то время? – переспросила Амалия растерянно, и он вздохнул:

– В одном Ян был неоспоримо прав: пора бы уже понемногу сбавлять свою опеку. Когда мы сумеем отсюда выбраться, и Максом займутся те, кто сможет помочь ему освоиться – тебе уже не надо будет прятаться, скрываться вместе с ним, трястись за него; он будет в безопасности, под присмотром, а главное при деле... Дети взрослеют, Амалия. Это непреложный закон природы. Взрослеют и уходят в свою жизнь; ведь ты не думала, что будешь при нем до старости.

– Я... – выговорила Амалия с усилием, запнувшись. – Я ни о чем больше не думала, кроме него. Ничего больше в моей жизни не было, и я просто не могла себе вообразить, как это – когда его не будет рядом со мною... И не знаю, что делать, когда вы его заберете у меня...

– Заняться собственной судьбой. Ты, Бог дал, еще не древняя старуха, и впереди у тебя еще полжизни. И, к слову, разлучать на веки вечные вас никто не намеревается: будете видеться, когда вам будет угодно, попросту в прочее время ему лучше быть наедине с его будущими наставниками. Неотлучная мать при парне в таком возрасте – согласись, нездорово.

– Как скажете, майстер инквизитор, – кивнула она с готовностью. – Я сделаю так, как для него лучше.

– Однако все это дело дальнее, – заметил Курт недовольно, косясь на притихшего волка на полу. – Для того, чтобы это стало реальным, надо выбраться из этого трактира, а мы не можем этого сделать – за стенами метель и, как это ни невероятно, еще один оборотень.

– Как такое может быть? – с сомнением качнул головой Бруно. – Совершенно случайно в трактире у дороги собрались два конгрегата и охотник – это можно допустить. Но чтобы столь же случайно в том же самом месте обнаружили разом два ликантропа... Что-то тут нечисто. Голова, часом, не побаливает?

– Нет. Пухнет – это да, но не болит. Слишком незнакомая ситуация, слишком чуждая тема.

– Вы нездоровы, майстер инквизитор? – робко поинтересовалась Амалия, и Курт снова вздохнул:

– Причуды моего организма. Если где-то там, в глубине рассудка, я отметил какую-то нестыковку или факт, который не могу сам себе объяснить, если отметил, но не смог пока осмыслить явно – у меня начинает болеть голова. Сейчас на подсказки подспудных решений моего разума полагаться не приходится. Я слишком мало знаю о том, что связано с подобными существами, о том, что логично и само собой разумеется, а что ненормально применительно к обстоятельствам, посему вряд ли смогу

сделать четкие выводы – сознательно или нет. Слишком большой недостаток информации, а вытянуть что-то из Яна довольно сложно. От внятных ответов его постоянно сносит в сторону... Но – да, даже при всем том ясно, как Божий день, что положение сложилось странное. Две уличных кошки в одном переулке – и то увидишь нечасто, а такие, как Макс, я так мыслю, тем паче не бродят по Германии стаями.

– Бродят, если верить Яну, – возразил помощник. – «Они собрались в стаю» – помнишь? Что-то происходит в их среде.

– Однако же здесь не стая. Здесь один – снаружи, и второй – внутри, и к их стае он никакого отношения не имеет.

– И что же – впрямь совпадение?

– Пока не знаю. Есть пара мыслей, но... сейчас остерегусь делать выводы. Больше всего меня смущает другой вопрос: если все эти ночи Макс бродил за стенами, за которыми в это же время разгуливал и наш сосед, почему парень все еще здесь? Почему не загрызен конкурентом по территории или, если в них существует некая видовая общность, почему его не сманили уйти от людей? Не может же быть так, что они там не повстречались.

– Держит мать? – нерешительно предположил Бруно. – Ты сам сказал – он еще детеныш. Сманивали, да не пошел.

– Как вариант, – столь же неуверенно согласился Курт, снова бросив взгляд на связанного зверя.

Тот примолк, уже не рыча и не пытаясь высвободиться, устроившись, как есть, и положив голову на связанные под мордой лапы – судя по всему, к такому положению он и впрямь уже привык за долгие два года, и сегодня только присутствие лишних людей рядом растравило в нем ожесточение. Привыкает ведь, как известно, и собака к палке... Или же в Максе Хагнере мало-помалу начало уже проступать то самое устройство двух сущностей по соседству друг с другом, естественное, как утверждал охотник, с возрастом и усиленное срединной ночью полнолуния? Как знать, возможно, завтра поутру он даже вспомнит кое-что из происходящего в этой тесной комнатухе...

– Это его обыкновенное поведение? – уточнил Курт, обернувшись к Амалии. – Такое спокойствие, я разумею.

– В последнее время да, – подтвердила она тихо. – Наверное, просто уже привык. Поначалу он рвался из веревок на всем протяжении ночи, а однажды даже порвал. Тогда мы купили эту – подороже, покрепче... Но теперь он стал спокойнее. Как думаете, майстер инквизитор, – спросила она с надеждой, – быть может, это означает, что он начинает входить в

разум? Ведь тот охотник сказал, что это случится рано или поздно.

– Будем надеяться, – неопределенно отозвался Курт.

Задать вопроса о том, как давно Хагнер стал столь терпимо относиться к своему положению, он не успел – сквозь уже привычный шорох сухого снега о стены и ставни откуда-то издалека, приглушенный воем метели, донесся перекатистый грохот, точно бы где-то там, за задней стеной, обвалился невысокий бревенчатый дом. Мгновение в комнате висела тишина; волк на полу приподнял голову со связанных лап, выставив торчком острые уши и напрягшись.

– Что это было? – шепотом спросила Амалия, и Курт, встряхнувшись, отмахнулся:

– Неважно, но что бы ни было – это явно не в порядке вещей, а стало быть, сейчас Ян помчится в нашу комнату, чтобы нас разбудить. А нас там нет... Бруно, живо вниз. Отвлеки, задержи, заболтай, сделай что угодно, только не пускай его на второй этаж. Амалия, – продолжил он, когда помощник, коротко кивнув, выскользнул за дверь, – теперь ты. Я могу оставить тебя с ним наедине в запертой комнате?

– Не в первый раз, ведь я говорила... Что происходит, майстер инквизитор? – сама себя оборвала она, нервно обернувшись на окно. – Что это было?

– Не имею ни малейшего понятия, – ответил Курт честно, отступая к двери. – Я вернусь, когда все разрешится, что бы там ни началось... Сидите здесь, ни движения, ни звука. И надеюсь, что Максусу не придет в голову взвыть – вот тогда начнется подлинное светопреставление.

Глава 10

Ван Ален и Бруно, когда он спустился, стояли у окон, на ночь забранных ставнями, и вслушивались в метель. На Курта охотник обернулся мельком, вновь отвернувшись и склонившись к окну.

– Вы оба вовсе не ложились, что ли? – без особенного интереса осведомился он.

– Бессонница, – коротко отозвался Курт, остановившись подле него, и вопросительно кивнул в сторону задней стены: – Что это было? Откуда грохот?

– Если не ошибаюсь, от дровяного сарая.

– Бревна, – сопоставив слова Ван Алена с раскатистым громыханием, уверенно предположил Курт. – Обрушилась кладка бревен. Зачем ему понадобилось лезть туда?

– А если допустить обыкновенную бытовую невезуху? – нерешительно предположил помощник. – Что-то треснуло от мороза, одно бревнышко покосилось, и поехали остальные... Ну, к чему волку дрова?

– Может, он решил покойничка сперва прожарить? – хмыкнул охотник. – Мороженое мясо не всякому по вкусу... Надо поднять нашего благочестивого трактирщика – вдруг он нам скажет, что у него там бревен двадцать держала пара гнилых колышков, и он этого обрушения ожидал со дня на день. С другой стороны, если что-то и впрямь происходит, лишний человек не помешает.

– Бруно, – бросил Курт, и помощник, кивнув, метнулся по лестнице бегом.

– Тишина, – отметил Ван Ален напряженно, отступив от окна. – А это как раз то, что мне не нравится больше всего. Прежде он выл, а последние две ночи – молчание. К чему б это? Почему воют волки – я знаю, а для чего это делать вервольфу в полном разумении? Не развлечения же ради. Или для того, чтобы лишний раз припугнуть жертву, то бишь, нас, или... В любом случае, ничего хорошего.

Или же это были попытки договориться с тем щенком, что прежде бродил под стенами, а нынешней ночью отчего-то не появился, договорил Курт мысленно, пытаясь прислушаться к тому, что происходит там, в дальней комнате. На втором этаже, кажется, царила тишина, если не считать возбужденных голосов Бруно и трактирщика. Похоже, с обязанностями надзирателя Амалия Хагнер пока справлялась...

От звука, донесшегося из-за плотной ставни, Ван Ален подпрыгнул, развернувшись к окну рывком.

– Что за... – начал он, осекшись, и отступил назад, вслушиваясь в шуршание метели снаружи. – Что за бред...

– Рычание, – отметил очевидное Курт, и охотник зло отмахнулся:

– Знаю, представь себе. Только, поверь многолетнему опыту, это не рычание волка. Такие звуки издают те твари, что пониже полетом.

– Вот так вот сразу, за мгновение, определил так уверенно?

– И ты б определил тоже, если б наслушался с моё. У них разные голоса, совершенно друг на друга не похожие. Эти порывают так... мерзко. Не по-звериному как-то.

– Иными словами, случилось то, что ты пророчил – он здесь с другом?

– Хотелось бы верить, что у меня попросту проблемы со слухом от чрезмерного напряжения, но вера никогда не была моей сильной стороной. А невообразимое количество совпадений во всем этом и вовсе бьет по мозгам. Инквизиторы и охотник в одном месте, вервольф и метель, из-за которой от него не уйти, а если еще и его сородич, внезапно явившийся на поддержку ему в такую ночь...

А если прибавить ко всему перечисленному и еще одного оборотня довольно редкой разновидности, что сейчас лежит связанным в комнате наверху, снова мысленно продолжил Курт, ситуация станет выглядеть куда более занятной.

– Что бы там ни было, – с нервной ухмылкой отметил Ван Ален, – я оказался прав: он зашевелился в первой половине ночи.

– Они, – поправил Курт многозначительно. – Ибо, как я понял из твоих слов, здесь собрались ликантропы двух разновидностей. Или это для них типично?

– Для них нетипично вообще собираться вместе. Эти ребята предпочитают одиночество – так безопаснее.

– Я *предпочитаю* шницели, – возразил он, – однако склонен также отведать курицы с морковкой или пару кренделей. Это слово ты употребил необдуманно, или оно имеет свой прямой смысл, *id est* – бывают исключения?

– Бывают. Попадают и стаи – как правило, это одна семья или семья плюс друзья членов семьи, к примеру – сучка сына или что-то в таком роде. Но это редкость.

– Быть может, сейчас именно тот случай?

Ответа Курт не услышал – подле самой двери снова послышался тот

самый рык, и впрямь заметно отличавшийся от звериного голоса, что довелось слышать прежде, словно пьяный дюжий грузчик спросонок попытался установить контакт с внешним миром. В толстые доски что-то стукнуло, рычание повторилось, и ему отозвалось другое – то, что слышалось от Макса Хагнера и того создания в стойлах. Вороная кобылица, о существовании которой Курт уже почти забыл, забилась в своей тесной кладовке, грохоча копытами по полу и зло фырча, точно переполненный кипящим варевом котел.

– Давай лекции на потом, а? – со злостью отмахнулся Ван Ален. – Ни малейшего представления, что тут творится и что они задумали, одно ясно: твари они назойливые и сегодня намерены добиться своего. Они хотят войти сюда, и это сейчас все, что тебя должно интересовать, плевать, в каком составе и почему.

– Логика есть, – согласился Курт, обернувшись к помощнику, за которым, едва передвигая ноги, тащился Альфред Велле, на ходу закутываясь в потрепанную стеганку. – В дровяном сарае есть бревенная кладка? – спросил он, не дав трактирщику раскрыть рта, и тот, непонимающе хлопнув глазами, кивнул:

– Да, имеется... Что случилось?

От вновь прозвучавшего рыка Велле подпрыгнул на месте, отшатнувшись от двери, в которую миг спустя шарахнуло что-то тяжелое и крепкое.

– Бревно, – определил Бруно то, что и без того стало ясно; не вполне цензурный ответ охотника заглушил следующий удар, уже сильнее и напористей, и удары последовали один за другим – мерные и какие-то неуместно спокойные.

– Что ж это... – испуганно пробормотал трактирщик, продолжая пятиться от двери. – Как же это волк такое может, майстер инквизитор?..

– Будить всех, – повысил голос Ван Ален, перекрывая грохот. – И твоего сына, и господина бродячего рыцаря, и этого любителя девиц, и торговца, да и маменькиного сынка тоже.

– Макса не трогай, – воспретил Бруно. – Я у него был – парень лежит пластом. Толку с него никакого.

– Бегом! – прикрикнул охотник, когда Велле так и продолжил стоять, глядя на дверь расширившимися глазами, и трактирщик, наконец, сорвался с места, кинувшись исполнять указание буквально. – Их по меньшей мере трое, – сообщил Ван Ален раздраженно. – Волк, прав наш хозяин, рук не имеет, а один нижестоящий урод бревна не удержит – в таком положении, чтоб вот так долбить двери. Стало быть, этих двое.

– По меньшей мере, – повторил Бруно и, не услышав ненужного ответа, качнул головой: – Что ж их так сюда тянет? Попросту устроить охоту в тихом местечке – уж больно сложные для этого условия, выходит себе дороже.

– Поди спроси их, – предложил охотник, поморщившись при очередном ударе, и отступил от двери, критически оглядывая доски. – Должно выдержать, как полагаешь?

– В одном владельцу не откажешь, – согласился Курт. – В рассудительности и деловой дальновидности – перестроил он немного. Это бывший охранный пост, и все здесь рассчитано на долгое противостояние; держаться можно долго.

Ван Ален скептически pokrивился, однако вслух не возразил, оглядывая трапезный зал. Лестница, уводящая ко второму этажу, заворачивала также в обе стороны, идя вдоль стен почти под самым потолком, образуя узкую галерею. Над дверью галерея сходилась в чуть расширенную площадку перед двумя бойницами, чьи узкие щели сейчас были, как и все окна, забраны толстыми ставнями.

– Я поднял сына, – сообщил трактирщик, явившись на верхней площадке лестницы и, спотыкаясь, поспешил вниз. – Он разбудит остальных. Я могу сделать что-то еще?

– Можешь, – отозвался Курт, кивнув наверх. – Ставни на бойницах открываются или вмурованы намертво?

– Открываются, майстер инквизитор; все ж одинокий трактир на пустой дороге, всякие люди шляют. Вдруг какая ситуация, и надо будет разглядеть, что или кто там у порога, а дверь не открыть.

– Ситуация, – согласился Ван Ален, – и еще какая. Сколько масла в твоих запасах?

– Пара бочек о десятке ведер, одна початая; а что?

– Ведро сюда, – распорядился охотник, – и поживей. Что такое? – нахмурился он, когда Велле застыл на месте, поджав губы. – Брось корчить жмота, Альфред, или завтра вполне может оказаться так, что к утру скряжничать будет уже некому.

– А он прав, – заметил Бруно, и, когда охотник обернулся, устремив на него гневный взгляд, пояснил: – Неведомо, что сейчас начнется, сколько их там и что они задумали, что придумают после, сколько нам доведется здесь заседать... Пары бочек может и не хватить.

– Кипяток, конечно, тоже сошел бы, вот только котел будет закипать не менее получаса. Предлагаешь плевать в потолок, пока они будут долбиться? Все, что сейчас есть в нашем активе – вылитое на них масло и

брошенная вслед головня; кроме того, ожоги от горячей воды на них затянутся за какие-то минуты, а горящее на шкуре масло – вот это куда серьезней. О смоле я уж и не мечтаю... Неси, – повторил Ван Ален требовательно, снова повысив голос. – Масло и пяток пустых горшков. И быстро.

– И, – добавил Курт уже в спину трактирщику, – не то дерьмо, что ты льешь нам в светильники. Нечего делать оскорбленную физиономию, – осек он, когда Велле обернулся, приостановившись. – Светильники чадят упаси Боже как – стало быть, масло там ты разбавляешь, не знаю, какими субстанциями. Сейчас на кону твоя шкура, посему не скупись и неси чистое; чистейшее, какое есть. Это – понятно?

– А никто не хочет подняться к бойницам и взглянуть, что там происходит? – нервно морщась при каждом стуке, поинтересовался Бруно. – Что-то вы больно спокойны для сложившихся обстоятельств.

– А ты что-то больно зациклен на том, чтобы мы рвали на себе волосы или носились по всему трактиру, распугивая постояльцев, – отозвался охотник. – Что там происходит, мы знаем и без того: твари под руководством одной из них долбят в нашу дверь. Оттого, что мы узрим это воочию, легче не станет.

– А узнать, сколько именно тварей? Никому не интересно?

– Когда будем готовы к обороне, – кивнул Ван Ален, сунув в очаг несколько расщепленных вдоль полешек, и повернул их, давая огню обнять сухое дерево. – Сейчас есть немалая вероятность того, что на эти две бойницы они попросту не обратили внимания – в такой метели, на темной стене такие узкие отверстия можно было даже и не заметить. Или полагают, что они заделаны напроць. Или просто не ожидают, что мы что-то можем сделать; неважно, но, если мы начнем высовываться, тварям уж точно станет ясно, что мы намерены как-то им ответить. При учете того, что мы остались без арбалета, даже такой крохотный элемент неожиданности – уже немало для нас. Пока дверь держится, и держаться она будет долго; когда наш хозяин вернется с маслом, мы их от этой двери отвадим, большее же пока не в наших силах.

– Один арбалет все же есть, – возразил помощник, и Курт качнул головой:

– Дюжина зарядов, Бруно. Это весь мой запас, помнишь? Один утащил в себе тот, из конюшни; теперь одиннадцать. Если промажу – выйти и подобрать их мы не сможем, даже днем: в таком снегу их найдут только весной. Если попаду, но лишь раню – заряды точно так же сгинут: раненые убегут с ними в теле. Кроме того, для них мои стрелы – что для меня

спицы... Мой арбалет – на крайние случаи.

От грома, раздавшегося из-за закрытой двери кухни, помощник подпрыгнул, вороная Импала в своей кладовой снова заколотила копытами, а Курт мимовольно схватился за приклад, попятившись.

– На *такой* случай? – уточнил Бруно напряженно, пытаясь перекрыть грохотание дерева, доносящееся теперь с двух сторон. – Они долбят в обе двери; сколько ж их тогда?

– Кроме нашего старого знакомого, четверо, не меньше, – уже не столь спокойно, как прежде, отозвался Ван Ален. – Вляпались всерьез.

– Вторая дверь...

– ...укреплена не хуже, – ответил Курт, не дав спросить. – Я осматривал. Окованные доски, кованый засов, широкие петли; а теперь еще и замук. Вот только бойниц или иных способов оборонить подступ к ней нет. То ли эту часть башни хозяин все-таки переделал, то ли (и хотелось бы надеяться именно на это) есть подходы не столь очевидные, какое-нибудь окошко на втором этаже или что-то в этом роде.

– Что здесь происходит? – донесся сверху зажавшийся, точно заяц под дождем, голос, и Ван Ален рывком обернулся на Марию Дишер, стоящую на верхней ступени лестницы.

– Уходи в комнату, – потребовал он строго, однако девушка осталась на месте, огромными полными ужаса глазами глядя на собравшихся внизу.

– Что происходит, Ян? – переспросила она едва слышно. – Это не может быть волк, ведь так? Что... кто это?

– Уходи, – повторил охотник. – Запри дверь и сиди там; до окон твари не доберутся – высоко, а стены голые.

– Твари?.. – переспросила Мария, все так же не двигаясь, только колени дрогнули, норовя подогнуться. – То есть... он не один? Их много? Сколько?

– Пожалуйста, уходи, – снова попросил Ван Ален, и Курт тронул помощника за локоть, молча кивнув в сторону замершей на лестнице девушки.

– И передай Амалии, пусть сидят в комнате, – добавил он вслед, когда Бруно, осторожно, но настойчиво потянув Марию за рукав, увел ее прочь. – Ни к чему здесь визжащие дамочки и чахлые дитятки.

– Что происходит? – вновь прозвучало сверху, и Ван Ален, бросив раздраженный взгляд на спешащих по ступеням рыцаря и торговца, зло отозвался:

– Карнавал! Праздник по случаю полнолунной ночи в этом трактире. Решили вот всех созвать, дабы никто не пропустил главное, а именно –

почетных гостей в наряде волка... Что еще может происходить, по-вашему?!

– Думаю, – нерешительно пояснил Феликс, – господин рыцарь подразумевал, что именно сейчас... О, Господи, – сам себя оборвал он, остановясь, лишь теперь осознав, что слышит. – Что происходит?

– Если кто-то задаст этот вопрос еще хотя бы один раз, я начну беситься, – пригрозил охотник и, увидев на верхней ступени полусонного и полуодетого Карла Штефана, призывно махнул рукой: – Спускайся. Разъясню сразу всем, чтоб не повторять по двадцать раз.

– А что происходит? – уточнил тот, не двинувшись с места, озираясь на обе двери, содрогающиеся под мощными ударами.

– Он это все-таки сказал, – заметил Курт, и Ван Ален рывкнул, притопнув ногой по полу:

– Вниз, я сказал, трусло непотребное!.. Итак, – продолжил охотник, когда парень медленно, ступенька за ступенькой, все-таки начал спускаться в трапезный зал. – Ситуация следующая. Кроме той зверюги, о которой мы уже знаем, за стенами появились еще несколько. По моим подсчетам – четверо, и это самое меньшее. Те твари не такие, как он – они здоровенные, когтистые, ходят на двух лапах и имеют вполне похожие на наши руки, то есть, могут открывать двери, хватать, что захотят, и брать ими всевозможные предметы. Сейчас они взяли бревна, коими пытаются выбить двери. Теперь – понятно, что происходит?

– И что мы будем делать? – хмуро уточнил фон Зайденберг; охотник махнул рукой в сторону подсобной двери, где скрылся трактирщик:

– Папаша Велле, если он там не заснул, принесет масло и порошки вместилища, в которые мы его разольем. К бойнице поднимутся двое: один бросит горшок с маслом, другой – огня. Если нам повезет, мы надолго отвадим их хотя бы от мысли долбиться в дверь, а это даст нам передышку и время подумать над дальнейшими планами. Еще вопросы?

– А двери во все это время выдержат? – поинтересовался Карл Штефан опасливо, и Ван Ален изобразил приветливую улыбку:

– Выдержат, храбрец, не писай.

– Масло, – сообщил трактирщик, грохнув на пол налитое почти до краев ведро, в которое посматривал с нескрываемой тоской, и кивнул на сына, груженного глиняной посудой всеразличного калибра: – Горшки, уж какие нашел.

– Разливать, – скомандовал Ван Ален, подтолкнув неудачливого ухажера в спину: – Уж с этой работой, думаю, ты справишься. Умеешь же ты хоть что-то делать руками?

– Есть окна над второй дверью? – спросил Курт, отвлекши владельца от созерцания масляной поверхности, и тот кивнул, неопределенно махнув рукой назад и вверх:

– Есть, со второго этажа, там вдалеке малая комнатка, и окно из нее прямоком над порогом, если ставню снять. Я ею обыкновенно не пользуюсь, в крайних только случаях...

– И не пользуюсь, воспользуюсь я, – кивнул Курт, пытаясь даже не думать о том, что будет, если оборонять дверь черного выхода вызовется Ван Ален. Малая комнатка вдалеке сейчас была занята не совсем запланированными постояльцами, и встреча с ловцом потусторонних созданий в их планы уж точно не входила. – Давай так, – пытаясь не дать охотнику времени на обдумывание его слов и возможные споры, распорядился он. – Мы с Бруно берем на себя запасную дверь, на всех вас остается главный вход: здесь народу требуется больше – кроме двери, в этом зале есть еще и окна.

– Слишком мелкие для них, не пролезут, – возразил охотник, однако, кивнув: – Но в целом ты прав – там достаточно и пары человек... Говнюк криворукий! – ругнулся он, когда разливаемое в один из горшков масло плеснуло на пол, и Карл Штефан отозвался, не поворачивая к нему головы:

– Горлышко узкое. Делай сам, если не нравится.

– Я велел женщинам сидеть в комнатах, – сообщил вновь явившийся Бруно; Курт кивнул в сторону очага:

– Возьмешь огня и поднимешься со мной на второй этаж – окно, выходящее ко второй двери, там.

Помощник скосился в сторону кухни, смерив взглядом расстояние от не видимого отсюда входа до коридора позади себя, и распрямился, словно внезапно получив удар в спину. Ван Ален, увлеченный перебранкой с отвергнутым возлюбленным Марии, внимания на это не обратил, и Курт исподтишка погрозил Бруно кулаком, призывая к выдержанности.

– Понял, – отозвался помощник, торопливо пройдя к очагу, и с неподдельным интересом оглядел вложенные в очаг заготовки будущих огнеметных снарядов.

– Готово, – объявил Карл Штефан, отступив назад от четырех наполненных маслом приземистых горшочков. – Закрывать?

– Незачем, – возразил Ван Ален. – Так даже лучше.

Очередной удар в дальнюю дверь прозвучал громче прежнего, до слуха донесся отчетливый короткий хруст дерева, и охотник замахал рукой, повысив голос:

– Всё! По местам, по местам, иначе завтракать в этом трактире нам

уже не придется – сегодня в нем поужинают. Живо, все! Так; ты – бери масло...

Дальнейшие распоряжения его уже не касались и не интересовали, посему Курт, осторожно взяв два сосуда, залитых по наружным стенкам и оттого жирных и скользких, двинулся по лестнице вверх. Бруно, несущий три симпровизированных охотником факела, нагнал его уже в коридоре.

– Это же та самая комната! – шепотом выговорил он, оглядываясь назад. – Где Макс!

– Я в курсе, – кивнул Курт, отодвигаясь от огня в руках помощника.

– А если кто-то из них войдет, чтобы справиться, как у нас дела?

– Да, им как раз больше нечем заняться. Смотри лучше под ноги.

– Я ведь говорил – опасно оставлять его здесь на ночь! И я оказался прав!

– Конечно, гораздо лучше было б, если б там, вместе со всей этой кодлой, был и Макс тоже, – согласился Курт, поставив горшки на пол и отпирая дверь в комнату. – Пусть не смог один сородич, но уж такой-то *consilium* точно уговорил бы его влиться в счастливую ликантропию семью... Не разводи панику, Бруно, и возрадуйся тому, что моя хваленая интуиция в очередной раз оказалась на высоте: именно этой ночью парню совершенно нечего было делать снаружи.

– Майстер инквизитор! – восторженно воскликнула Амалия, шагнув им навстречу, и замерла, глядя на то, что было в их руках. – Что происходит?

– Девиз нынешней ночи, – хмуро усмехнулся Курт, прошагав к окну и установив сосуды с маслом подле него. – Вопрос, задаваемый человечеством на всем времени его существования.

– Что?.. – проронила она растерянно.

Связанный волк у стены взрыкнул, увидев огонь, и вздыбил шерсть на загривке, норовя то ли отодвинуться, то ли подняться, и Бруно обошел его сторонкой, тцась загородить горящее дерево спиной.

– Зверь, убивший того крестьянина и лошадей, – пояснил помощник, глядя, как Курт острием кинжала поддевает раму окна. – Здесь он и несколько его сородичей.

– Ведь это таран, – уверенно произнесла Амалия. – Я же слышу – кто-то пытается выбить двери. Как же так могут волки?

– Волки не могут, – согласился Курт, налегши на рукоять всем телом. – Люди могут. А люди-волки могут и не такое.

Рама хрустнула, выскочив из проема вместе со смоленной паклей, и он подхватил ее у самого пола, отставив в сторону. Навстречу устремился ветер, замешанный на густой снежной крошке, в и без того не теплой

комнате вмиг стало морозно, словно на открытом крыльце, и грохот ударов зазвучал теперь близко и громоподобно.

– Что вы намерены делать? – напряженно спросила Амалия; Курт не ответил, отступив в сторону от окна, прижавшись к стене, дабы убрать лицо от бьющего в глаза снега и не быть видным снаружи.

Снаружи царил мрак, свитый метелью в плотную завесу, и даже давняя привычка к темноте не помогала разглядеть, что творится под самым носом, у порога двери черного входа, лишь едва можно было заметить, как живет и копошится темнота там, внизу и чуть правее окна.

– Видишь? – уточнил Курт, когда помощник, держа огонь подальше от его лица, выглянул тоже, щурясь от летящего встречь снега. – Будь готов. Бросаю, отступаю, бросаешь ты. Мне проще – хоть куда-нибудь, но я попаду, а ты будь внимательней. Учти ветер; дерево довольно легкое, не промажь, попыток у тебя немного. При первом же промахе они разбегутся. Это – понятно?

– Постараюсь.

– Что вы... – начала Амалия снова и тихо взвизгнула, когда из-за закрытой двери и из разверстого окна ворвался оглушительный рев, не человеческий и не звериный, перешедший в вой, которому отозвался чей-то торжествующий гик – там, у главного входа, задуманное охотником явно прошло удачно.

– Зараза, – ожесточенно проронил Курт, злясь на себя за промедление, и, попытавшись прицелиться в сгустки тьмы внизу, метнул скользкие от масла сосуды один за другим, отскочив от проема в сторону.

Горящее дерево помощник швырнул, широко размахнувшись, всё разом; Курт успел увидеть, как один огонек, кувыркнувшись в воздухе, исчез где-то в стороне, утонув в сугробе, а два других, ткнувшись во внезапно застывшие темные силуэты, медленно, словно бы нехотя, разлились радужным пламенем. Пронзительный визг взрезал слух, как нож, тени внизу метнулись, столкнувшись, объявший их огонь стал гуще и ярче, и тогда Курт сумел разглядеть то, что до сего мгновения укрывали ночь и буран – темные тела, не похожие ни на волка, ни на человека, словно неведомый создатель вздумал слепить из венца творения лесного зверя, но кто-то прервал его труд на середине, не дав закончить работу. Их было четверо, огромных, похожих на сутулых тощих медведей с вытянувшимися мордами; один, оскалившись и поджавшись, втиснулся в сугроб чуть в стороне, глядя на своих сородичей, чья залитая маслом шкура пламенела в белесой мгле в трех шагах от него – те метались на маленьком утоптанном пятачке перед дверью, бессмысленно и беспорядочно размахивая лапами.

Рычание, вдруг донесшееся издали, перекрыло вой и ветра, и тварей у порога – рычание ожесточенное, раздраженное, и темные горящие тела запрокинулись в сугроб, сбивая о снег пламя, и через несколько мгновений вокруг вновь воцарилась тьма, из которой неся уже не рев, а жалобный, болезненный скулеж. Курт всмотрелся, но теперь глаза, ослепленные вспышками, видеть сквозь мрак отказывались вовсе.

– Готов спорить, это наш вышестоящий приятель, – отметил он, отвернувшись и отступив от окна. – Они то ли еще слишком тупы, чтобы самим додуматься затушить горящий огонь о снег, то ли попросту опешили с перепугу; а он, судя по всему, сейчас им приказал это сделать. Похоже на то, что он с ними разговаривает... Любопытно, а обычные волки могут так?

– Что же это теперь будет? – в ужасе выговорила Амалия. – Ведь это... это жутко! То, что здесь было – это страшно! Как вы можете быть таким спокойным, майстер инквизитор!

– Почему всем вокруг не терпится увидеть меня в панике?... Это было и впрямь неприятно, – согласился Курт и, бросив последний бесполезный взгляд в окно, вздохнул, подняв раму и вставив ее обратно. – Неприятно то, что их много и один остался невредим. Надеюсь, у Яна дела лучше... А Макс умный парень, даже сейчас он сообразил, как себя вести, – отметил он, кивнув на связанного зверя у стены, что лежал, притихнув, прижав к лапам голову и не издавая ни звука. – Чует, что пахнет жареным, и лучше не дергаться.

Амалия застыла, растерянно переводя глаза с него на сына, явно не понимая, надлежит ли расценивать его слова как похвалу; Бруно вздохнул.

– Макс молодец, – кивнул помощник, исподволь бросив недовольный взгляд на свое начальство. – И ты тоже. Держись. Половина ночи позади, и скоро все закончится.

– До следующей ночи, – возразила она с тоской. – Не знаю, как я смогу это выдержать... Ведь теперь я не смогу выпустить его наружу, как прежде – там эти существа, и вот так держать его ночами здесь опасно тоже – там, внизу, этот человек... Он не раз говорил, что убьет оборотня на месте, когда изобличит его, и что же станет, если он сюда войдет?

– Не войдет, – возразил Курт, рукоятью вбив раму окна поглубже в проем, и отступил, оглядывая результат своих трудов. – Но если даже и так – я обещал Максу защиту, а значит, в обиду не дам.

– Не поднимете же вы руку на человека! – довольно неуверенно возразил Амалия и запнулась, когда он передернул плечами. – Я просто буду молиться, чтобы беда миновала.

– Поможет скоротать время до утра, – одобрил Курт, подтолкнув

помощника к двери. – Идем-ка, не то, в самом деле, как бы не взбрело ему в голову заглянуть сюда. Это и впрямь было бы неуместно.

Ван Ален от мысли о том, чтобы разгуливать по комнатам, был далек – все его внимание было поглощено темнотой по ту сторону двух бойниц; темнота отзывалась свистом метели, сквозь который прорывалось далекое рычание, то злобное, то болезненное. Здесь ветер дул вскользь, пронося снежную крошку мимо, и охотник стоял вплотную к бойницам, почти вывесившись наружу.

– Что ты там надеешься увидеть? – уже не в первый раз, судя по унылому тону, выговорил Карл Штефан, зябко обхватив себя за плечи и сместившись к самому очагу. – Темень – глаз выколи... Майстер инквизитор, скажите ему – пусть закроет, наконец. Дует.

– Сколько было у тебя? – никак на его слова не ответив, спросил Ван Ален, не оборачиваясь.

– Четверо.

– И здесь трое, – хмуро сообщил охотник, все так же глядя в темноту. – Семеро. И вожак. Восемь... Скольких удалось задеть?

– Один уцелел.

– Неплохо, – кивнул Ван Ален и, вздохнув, развернулся, спустившись с галереи в зал. – Закрой, – приказал он, кивнув неудачливому возлюбленному, и тот возмущенно вскинул голову:

– А почему я?

– Потому что я так сказал! – повысил голос Ван Ален; Вольф поморщился, отстранив с пути насупленного парня, и двинулся к лестнице.

– Я закрою, – отмахнулся он. – Все равно как надо не сделает.

– Уцелел один, – неспешно произнес охотник, проследив взглядом за тем, как хозяйский сын поднимается к бойницам. – Неплохо, – повторил он, усевшись за стол напротив Курта. – Я зацепил всех троих; если у него в кустах не запрятана армия, сейчас под его началом осталась одна-единственная тварь, пусть целая и здоровая, но порядком напуганная. Прочие восстановятся не скоро, посему, надеюсь, до утра они отвяжутся.

– Уверен? – уточнил фон Зайденберг хмуро, и охотник огрызнулся:

– Я сказал «надеюсь». В подобном положении мне бывать пока не доводилось, и я даже представления не имею, что еще они могут учудить. Обожженные будут приходить в себя еще несколько часов, до самого рассвета, когда станут просто людьми... тоже, кстати, неведомо что могущими выкинуть... Но если, назло моим надеждам, уцелевший оклемается от испуга довольно скоро, то под началом нашей безрукой

животины все же будет одна тварь, способная к активному действию. Дверей он, конечно, в одиночку не вышибет, но все равно в его арсенале возможностей немало. Посему – все ж не расслабляйтесь.

– Есть и хорошее, – с улыбкой произнес Вольф, с рамой в руке стоящий у бойницы. – Они не каменные, и их можно победить.

– Господь смилостивился, – согласно закивал торговец, зажавшийся в угол у очага. – Господь не дал на растерзание дьявольским созданиям детей своих. Чем бахвалиться своими победами, мальчик мой, лучше вознеси благодарение Богу. Жив Господь и благословен защитник мой! Да будет превознесен Бог, убежище спасения моего. Ибо кто Бог, кроме Господа, и кто защита, кроме Бога нашего...

– Ну, – обиженно возразил Вольф, – мы ж не сидели сложа руки, так? Это мы их отогнали. И ведь мы были не готовы, и все равно смогли проучить их; а теперь они нас врасплох не застанут.

– Не торжествуй слишком, – одернул его Ван Ален. – А лучше призадумайся над тем, что сам сказал: *не были готовы*. А должны были б.

– Ну откуда нам было... Мы мирные люди. Как мы можем быть готовы к вот такому вот?

– Не повезло с отцами-параноиками, – заметил Курт, и охотник скорчил мину, раздраженно поджав губы, когда склонившийся к бойнице Вольф издал неприятный, сипящий смешок.

– Не вижу, над чем потешаться... – начал Ван Ален и замер вдруг, через мгновение вскочив на ноги одним резким движением.

Хозяйский сын не смеялся. Он стоял, выгнувшись и держась за шею ладонями, и сквозь пальцы неторопливо, точно масло, струилась ярко-красная жижa – в горле чуть правее кадыка торчал узкий и плоский, словно нож, кусок льда, пущенный со двора трактира чьим-то немислимо мощным броском. Кровь плавила лед, пробивая себе дорогу; Вольф пошатнулся, отступив назад, толкнулся спиной в перильца, ограждающие галерею, и рухнул на площадку перед бойницами, судорожно содрогаясь всем телом.

– Вот ведь дерьмо... – ошарашенно произнес Карл Штефан спустя миг тишины.

– Вольф... – растерянно выронил Велле и крикнул уже во весь голос, сорвавшись с места: – Вольф!

– Стоять! – рявкнул Курт, метнувшись ему наперерез, и, схватив за локоть, отшвырнул назад. – К окнам не подходить!

– Там мой сын! – вымолвил трактирщик, сорвавшись на стон, пытаясь прорваться вперед, и Ван Ален шагнул в сторону, преградив ему путь и оттолкнув.

– Ему не поможешь, – жестко одернул охотник. – Он умрет меньше чем через полминуты.

– А я должен стоять и смотреть на это?!

– Не смотри, – кивнул Ван Ален. – Но подставиться этой твари мы тебе не позволим.

– Иди к их комнате, – шепотом велел Курт, подтолкнув помощника в плечо. – Сейчас на крик прибежит его жена, а это совершенно ни к чему – вот тогда точно начнется хаос и паника. Предотврати.

– Как?

– Придумай. Бегом. Перехвати и удержи любыми способами... Всем стоять на месте, – повысив голос, приказал он. – К бойницам не подходить.

– Там мой сын... – уже едва слышно вымолвил Альфред Велле, обессиленно опустившись на скамью позади себя; Курт на миг обернулся к площадке, с края которой на пол трапезного зала струился тонкий рдяный ручеек.

– Он умер, – чуть сбавив тон, но по-прежнему строго произнес он. – Ему ты уже не поможешь и уж тем паче ничего не исправишь, если ляжешь рядом... Всем оставаться на месте, – повторил Курт, обведя взглядом притихших защитников. – Я закрою ставни.

– Пошлю на вас зверей полевых, – тихо и потерянно пробормотал торговец, – которые лишат вас детей, истребят скот ваш и вас уменьшат, так что опустеют дороги ваши... Господи Иисусе, отвори от нас гнев свой...

– Вот ради Господа Иисуса и помолчи! – прошипел Карл Штефан разозленно. – Без тебя тошно!

– Ты там должен был стоять, – наставительно и уверенно проговорил Феликс. – Тебе было велено закрывать ставню, а бедный парень заступил на твое место. Тебя должен был поразить гнев всевышний!

– Так стало быть, Господь промахнулся, – заметил парень язвительно.

– Не богохульствуй, похабник!

– Никто не должен быть на его месте, – возразил фон Зайденберг тихо. – Ни на его месте, ни на месте никого из нас. Во всем, что здесь происходит, что-то неправильное. Это какая-то одна большая ошибка Господа.

– Нет, – внезапно просветлев лицом, мотнул головой торговец, – нет, вы неправы, господин рыцарь, и я неправ, Господь никогда не ошибается, и здесь все верно! Мы тут и должны были оказаться – мы все. Наверняка Господь собрал нас в одном месте, потому что каждый из нас сотворил что-то, достойное кары. У всякого есть грехи, есть простительные, но есть и тяжкие, и, видно, каждый здесь содеял что-то, за что достоин понести

наказание.

– А сколько таких достойных отсиживается по городам и весям, – заметил Курт тихо, обойдя неподвижное тело убитого, и осторожно, стараясь держаться у самой стены, в стороне от бойницы, вклинил в проем ставню. – Работы просто-таки невпроворот.

– Не высовывайся, – посоветовал охотник, и он отмахнулся:

– Не учи ученого.

– Что ты такое несешь, Феликс? – с болью отозвался Велле, сидящий на скамье кривобоко, точно раненый. – Что такого сделал мой Вольф, а? Ты ж его знаешь, так скажи мне, что, кому он мог сделать, чтобы заслужить смерть?

– А откуда нам знать, что в душе у других, пусть и у собственных детей? Что угодно он мог совершить, о чем ты не знал и не узнаешь никогда; что угодно мог сделать кто угодно. Этот вот непотребный сучий сын незнамо сколько девиц испортил и обокрал...

– Так, маму мою не трогаем! – возмутился Карл Штефан; торговец лишь отмахнулся.

– Да и девица тоже хороша – родительский дом обворовать ради какого-то проходимца!.. И господин рыцарь, пока странствовал, наверняка не одним лишь честным трудом добывал себе пропитание...

– Да как ты смеешь, торгаш! – вскинулся фон Зайденберг. – Не один уж раз меня ткнули здесь носом в то, что я излишне беден, и – да! Я не сорю серебром, и все потому, что никогда, ни разу за всю свою некороткую жизнь не совершил ничего недостойного!

– Вы пустили смерть человека не далее как вчера ночью.

– Выходит, – хмыкнул охотник, – Господь приволок его сюда, чтоб он тут сотворил грех, достойный наказания... Что-то в твоей логике не клеится, Феликс. И – а что ж ты сам? Давай-ка колись, раз уж сам речь о том завел: что ты такого сделал, чтоб заслужить быть подброшенным под волчьи зубы?

– Неделью тому назад я обсчитал своего помощника, – не замедлив с ответом, вздохнул торговец. – Дал ему за работу меньше, чем было заслужено; он спорил, а я вывернул все так, словно он мне остался должен. По мелочи, но, как знать, быть может, именно той мелочи и не достало ему для чего-то важного?

– Оцени, Молот Ведьм, – призвал Ван Ален. – Когда еще ты слышал столь скорое признание?

– И майстер инквизитор наверняка тоже далеко не ангел, – уверенно продолжил торговец, и Курт, склонившийся над мертвым телом, молча

повернул голову, ожидая продолжения.

– Да? – подбодрил он, когда тот запнулся.

– Ну... – внезапно сорвавшись со своего проповеднического тона, пробормотал Феликс. – Работа такая... Наверно ведь уйму народу замучили...

– А то, – согласился Курт, приподняв убитого за плечи, и осторожно попятился, нашаривая ступени позади. – Сам в ужасе.

– Я к тому, что, быть может, и понапрасну кого...

От оглушительного вопля за спиной Курт дернулся, едва не соскользнув со ступеньки подошвой и не скатившись по лестнице вместе с телом Вольфа; крикам трактирщицы вторил успокаивающий голос Бруно, однако слова утешения явно своего действия не имели. Велле сорвался с места, кинувшись к жене и не давая ей приблизиться, и вопль перешел в рев, в котором невозможно уже было различить ни слова.

– Я велел не пускать ее! – перекрывая воцарившийся гвалт, крикнул Курт, стягивая мертвое тело почти бегом, уже не церемонясь, бухая пятками трактирщикова сына по ступеням. – Утащите ее прочь – немедленно!

– Черт! – вскрикнул Ван Ален, и за спиною загрохотало падающее тело. – Держите эту фурию!

– Вольф! – прорвалось, наконец, сквозь нечленораздельный вопль одно-единственное слово, и мощный толчок отшвырнул Курта прочь.

Он ругнулся, схватившись за стену, едва не упав, и отскочил в сторону, чтобы не оказаться погребенным под телом Берты Велле, повалившейся на мертвого сына. Оттащить ее никто уже не пытался, понимая тщетность подобных усилий, лишь Альфред, сам едва не плачущий, вяло и безнадежно пытался отодвинуть лицо жены от окровавленного горла.

– Я не мог ее удержать, – оправдательно произнес помощник, и он лишь отмахнулся, понимающе кивнув.

– Еще бы, – прошипел Ван Ален, морщась и потирая плечо. – Это похлеще иного вервольфа будет... Гром-баба. С ног сшибла, как цыпленка.

– Ну, словом, так, – подытожил Курт, оглядев хмурых постояльцев. – Что там и кто наворотил в своей многогрешной жизни – о том не нам сейчас судить и уж тем паче не тебе, Феликс. Это – понятно? Если ты и впрямь полагаешь себя пророком Господним, я с тобою обязательно побеседую в связи с этим вопросом, но позже. Сейчас же всерьез мы станем обсуждать лишь одну задачу: как сделать так, чтобы остаться в живых, ибо прежняя установка – а именно сидеть и не рыпаться – явно утратила свою действенность. Рыпаться придется. Противник не просто опасен, а еще и относительно смышлен и многочислен. Большую часть его

армии мы временно вывели из строя, и происшествие с Вольфом, как мне кажется, более похоже не на продолжение атаки, а на небольшую гадость напоследок...

– Смерть моего сына – небольшая гадость? – выдавил трактирщик; он вздохнул:

– Я говорю о том, что это для них. Для них смерть любого здесь – лишь небольшое происшествие, Альфред. Сейчас для них случившееся с Вольфом – как для кого-то из нас после ссоры плюнуть вслед; это, повторяю, маленькая пакость перед тем, как отступить, и отступить надолго. Ян, эксперт здесь ты. Мои рассуждения близки к правде?

– Похоже на то.

Уверенности в голосе охотника было мало, однако заострять на этом внимание Курт не стал, лишь кивнув:

– Хорошо. Будем надеяться на это.

– И что же вы предлагаете делать сейчас, майстер инквизитор? – уточнил фон Зайденберг сумрачно. – Просто разойтись по комнатам и забыть обо всем?

– А хорошая мысль, – заметил отставной возлюбленный, косясь на мертвое тело с опасливой брезгливостью. – Меня дважды просить не придется.

– Иди, – с готовностью согласился Курт, и парень настороженно нахмурился, глядя на него с подозрением. – Иди, – повторил он серьезно, обернувшись к торговцу. – Да и ты тоже. Проку от вас никакого, лишь сеете ненужную панику. Если, паче чаяния, ваша помощь потребуется – мой помощник придет за вами.

– Нет в этом смысла, майстер инквизитор, – уверенно возразил Феликс. – Попомните мое слово – никто из нас отсюда живым не выйдет. От Господней кары не убежишь и не отобьешься...

– Обсудим это на досуге, – оборвал Курт, нетерпеливо махнув рукой в сторону лестницы. – Свободен.

– Ты и вправду полагаешь, что до утра ничего более не произойдет? – с сомнением вздохнул рыцарь, когда оба ушли, и Ван Ален неопределенно передернул плечами:

– Не уверен, однако на что еще у этих тварей остались силы? Двери им не одолеть, раненые сейчас пусть не безвредны, но уже не столь опасны, проникнуть как-то иначе внутрь нельзя, а мы не намерены выходить наружу... Все к тому, что до утра мы в относительной безопасности.

– Когда заплачется, – тихо распорядился Курт, кивнув помощнику на Берту, – уведи ее отсюда; да и ее благоверного тоже.

– А Вольф?

– Тело утром перенесем к покойнику в амбар. До утра, я так мыслю, он тут никому не помешает – сосед он ненадоедливый и, в отличие от прошлого почившего, не духовитый.

– Ваше отношение к чужой жизни и смерти, майстер инквизитор... – начал рыцарь укоряюще, и Курт перебил, не дав закончить:

– Если через полчаса-час не будет никаких происшествий, господин фон Зайденберг, уходите в свою комнату и вы.

– Хотите сказать – от меня тоже мало проку?

– Попросту не будет смысла торчать здесь всем скопом. Ни к чему завтра нам всем быть не выспавшимися и усталыми, в полной силе и бодрости должен быть хоть кто-то из способных держать оружие. Если сейчас это затишье продолжится, спать уйдете вы и Ян.

– Черта с два я уйду, – возразил охотник; Курт раздраженно отмахнулся:

– Брось. Сам ведь говорил – на сегодня все.

– Я говорил «надеюсь». Замечу – когда я сказал это в прошлый раз, возник труп.

– Спорить не будем, – твердо произнес Курт. – Если ничего не случится, ты и господин фон Зайденберг уходите отсыпаться; ты, кстати сказать, именно в это время и должен будешь сдать мне смену – еще по исходному плану.

– Как у вас все просто, – проронил рыцарь. – Как можно заснуть после такого?

– Легко, – отозвался он в один голос с охотником, и Ван Ален невольно усмехнулся, вяло махнув рукой:

– Ладно. В самом деле – ни к чему тратить силы всем... Ждем час. Ничего не будет за это время – не будет и до утра. Надеюсь.

Глава 11

Надежды Ван Алена на сей раз оправдались всецело – временами Импала в своей кладовке раздраженно топталась и настороженно фыркала, за стенами сквозь голос вьюги по-прежнему слышался то близкий вой, то чье-то озлобленное рывканье, однажды в доски двери что-то царапнулось, но никаких попыток нападения более не предпринималось. Макс Хагнер, вопреки ежесекундным опасениям, не выдал своего присутствия ни звуком, и, выпроводив наконец прочь обессиленную от слез трактирщицу с мужем и рыцаря с охотником, Курт поднялся в комнату наверху, дабы оценить обстановку самолично. Амалия держалась вполне достойно, связанный волчонок на полу выглядел испуганным и напряженным, однако в целом все шло неплохо, и в трапезную залу он возвратился, облегченно переведя дух.

Снова в отдаленную комнату Курт вошел спустя несколько часов, под утро, пронаблюдал обратное превращение и проследил за тем, чтобы оба вернулись в свое промерзшее за ночь обиталище без помех и не попавшись никому на глаза.

– Этой ночью что-то случилось, – уверенно сказал Хагнер, когда он, удостоверившись, что в коридоре никого, собрался уйти.

Курт остановился на пороге, снова прикрыв дверь, и обернулся.

– С чего ты это взял? – уточнил он, и парнишка пожал плечами под наброшенным на них одеялом:

– Вы слишком серьезны и не стремитесь обсуждать то, что увидели. И мама испугана. А кроме того... кажется, я что-то помню, – закончил Максимилиан нерешительно. – Кажется, я помню... Не уверен.

– Скажи, – подбодрил Курт. – Возможно, не кажется.

– Кто-то пытался причинить ей вред. Я хотел этому помешать... Я что-то натворил?

– Мой помощник погладил ее по плечу, утешая, – пояснил он с усмешкой. – А ты, судя по твоему взгляду, если б мог, с удовольствием откусил бы ему руку.

– Это не смешно, майстер Гессе, – помрачнел Хагнер. – Особенно в моем случае.

– Ошибаешься, Макс. Вот именно в твоем случае можно посмеяться от души; спроси у матери, почему. У нее для тебя хорошая новость. Но есть и пара плохих – об этом она тебе тоже расскажет. Я, ты прав, на обсуждение

чего бы то ни было сейчас не так чтобы не настроен, однако не способен ввиду сложившихся обстоятельств. Когда улучу время, мы обсудим, и обсудим многое, но сейчас я должен уйти: надо вернуться вниз, пока какая-нибудь ранняя пташка не застучала меня в вашей комнате и не начала делать неправильные или, упаси Боже, правильные выводы.

Хагнер нахмурился, переглянувшись с матерью, однако настаивать на продолжении разговора не стал, лишь кивнув:

– Как скажете, майстер Гессе. Наверняка вам виднее.

– Учись, – порекомендовал Курт помощнику, пересказав эту краткую беседу. – В моей работе многое было бы проще, если б я слышал такое почаще, в особенности от некоторых личностей.

– Он просто еще не осознал, что тебе нельзя потакать, – возразил Бруно хмуро и вздохнул, указав на тело Вольфа, покрытое серым пропыленным полотном, найденным в одной из кладовых: – Быть может, разбудим нам в помощь хоть бы и любителя богатых девиц, да вынесем его, наконец, отсюда?

– А к наличию окровавленных покойников в близлежащем пространстве я бы советовал начать привыкать, – заметил Курт серьезно. – В одном наш кликуша, вполне возможно, окажется прав: этот труп, боюсь, не последний.

– Пусть так. Но вскоре проснутся его родители, и если не их душевное равновесие, то хотя б собственное тебя должно озаботить. Ты ведь не хочешь повторения вчерашней истории со слезами и воплями? Слезы все равно будут, однако... *Procul ab oculus, procul ex mente*^[32]. У нас есть четкий indicator безопасности: Макс; если обратился он, стало быть, и те, за стенами, тоже, а значит, можно выйти наружу.

– Там, снаружи, восемь человек, – возразил Курт. – Неизвестно, насколько опасных. Это *primo*. *Secundo*: неизвестно, здесь ли они еще или, в самом деле, впрямь соорудили себе берложку в этом леске и отсиживаются там. Или, быть может, попросту бродят под стенами. Хочу обратить твое внимание на то, что нам известно о Максе, а именно – на тот факт, что он в чем мать родила разгуливал в метели, где мы с тобою в подбитых мехом одеяниях едва не отдавали Богу душу, и все, что он получил через это – небольшая простуда. Любой взрослый человек, сколь угодно тренированный и закаленный, на его месте давно бы уже преставился в горячке, причем после первой же подобной ночи.

– Это к чему?

– Помнишь, что сказал Ян? Даже в человеческом облике эти ребята вполне терпимы к холоду, посему я не отмечаю сходу того предположения,

что все они не мудрствуя лукаво сидят в сугробе перед нашей дверью. Ну или делают это поочередно, прячась время от времени в покинутой нами и никем не контролируемой теперь конюшне. И, наконец, *tertio*: я не знаю, насколько раненные нами этой ночью пришли в себя, насколько они могут быть здоровы или недужны – у меня нет столь подробных сведений о способности ликантропов к регенерации. *Conclusio*^[33]. Я не намерен ничего предпринимать, пока не переговорю с Яном; быть может, он выскажет какую дельную мысль по этому поводу.

– Вот я и дожил до этого дня, – невесело усмехнулся Бруно. – Ты придерживаешь лошадей, ожидая чьего-то совета... В таком случае – не лучше ли нашего *expertus*'а разбудить? Не думаю, что Ян станет злобствовать.

– Не стоит утруждаться, – долетело с лестницы вместе с зевком, и Ван Ален, вяло нашаривая ступени, спустился в трапезный зал. – Эксперт уже давно пробудился сам и, замечу, злобствует. Какие проблемы?

– Бруно кажется, что я не умею обставлять дом. Он полагает, что труп – это лишнее. По его мнению, это не оценят хозяева.

– Не могу не согласиться, – снова смачно, с хрустом, зевнув, заметил охотник. – Покойника, ясное дело, надо удалить, вот только выходить наружу сейчас... Не знаю, насколько это хорошая мысль. Чтобы сделать это, надо разгрести снег у двери – наверняка там намело по самую задницу; нужны по меньшей мере двое, чтобы тащить тело, и не меньше двоих же в охране, а кроме того – кто-то бодрствующий внутри, кто-то достаточно вменяемый, чтобы, случись какая напасть, не запрятаться тут, трясаясь от страха и слушая, как нас бьют, а открыть нам дверь, причем быстро. Не слишком ли сложная операция ради того, чтобы просто избавиться от трупа?

– И что же ты предлагаешь? – отозвался Бруно недовольно, и тот молча указал глазами в потолок.

– Взгромоздить его на чердак – эта идея и мне приходила в голову, – кивнул Курт, – однако к тому, чтобы совершить эту вылазку, есть и еще один повод: осмотреться.

– Разведка боем? – усмехнулся Ван Ален одними губами, сохранив лицо серьезным; он дернул плечом:

– Почему нет. Я уж не говорю о всевозможных необходимости, которые связаны с выходом наружу, я думаю о том, что будет завтра ночью. Как показала практика, бездействие выходит боком, а эти ребята не намерены отступаться. Я бы сказал, что выход у нас один: искать способ нанести удар первыми.

– Как бы при том самим не удариться.

– *Id est*, – уточнил Бруно, – и ты тоже полагаешь, что эти восьмеро залегли в сугробах и подстерегают нас?

– Скажем так, я не исключаю этого, – подтвердил охотник и, помедлив, вздохнул, безнадежно махнув рукой: – Ничего я, парни, не знаю. Я впервые вляпался в такую кучу дерьма и просто не имею понятия, как ее теперь с себя соскребать. Восемь тварей в одном месте; Господи, да я о таком только слышал! Если выживу, стану рассказывать своим – ведь и поверят не сразу... Что-то я знаю, что-то могу вспомнить, что-то предположить, но полагаться на меня во всем я б не советовал – я, в конце концов, не всеведущ. К примеру, Молот Ведьм, та самая срединная ночь полнолуния, «ночь полной силы», которой ты мне всю плешь проел – я ведь лишь вчера понял до конца, что она значит, что дает ему.

– И что же?

– Власть. Именно что полную силу... Вот что я слышал от стариков: бывает, что одиночки, живущие сами по себе, тем не менее являются по факту стаей и могут собраться вместе по повелению вожака – как бродячие рыцари вроде фон Зайденберга по призыву Императора соберутся в армию, случись что. И в скопище таких вот тварей, что мы видели вчера, наш любитель конины – вожак по определению. Он главный, и это никем даже не оспаривается. Закон их вервольфьего бытия, если угодно. Он управляет ими, они подчиняются ему, слушаются его повелений – все это есть и в иные ночи, но в такую, как вчера, он, видно, получает особую власть над ними. Вспомни, как они действовали – слаженно, четко, точно он приказывал каждому лично.

– Хочешь сказать, вчера он управлял ими? Внушал нужные действия?

– Не берусь утверждать, – неуверенно качнул головой Ван Алэн. – Всех деталей я еще не понял, но... да, думаю, что-то вроде этого. Или просто в такие ночи они сами становятся чуть более рассудительны и разумны, а их общение рыками и подвываниями становится более похожим на наше общение с помощью слов... Не знаю. Одно точно: в ночь полной силы власть вожака над прочими членами стаи крепнет. Это я слышал и прежде, но до сей поры полагал, что имелся в виду просто, как ты сказал, «пик единения с волчьей сутью».

– Это было в полнолунную ночь... – задумчиво проронил Бруно. – А что следующей ночью?

– Ни малейшего представления. Я ведь только что сказал: все происходящее для меня самого в новинку. К примеру, я в упор не понимаю, почему они так привязались к нам. Ты вчера сам заметил – все это странно;

и я с тобой соглашусь. Ты прав: для простой охоты в отдаленном местечке все слишком сложно, и им от этого больше неприятностей, чем пользы. Им что-то нужно здесь, они целенаправленно шли именно в это место, в этот трактир, теперь это стало ясно, как Божий день, но вот – для чего? Не понимаю. Быть может, им нужен именно *трактир*, само здание, а мы попросту путаемся под ногами? Черт его знает, что тут было прежде. Хозяин говорит – охранная башня и блокпост. Возможно. Но, как знать, чем здесь и кто занимался, что тут может быть спрятано или зарыто, или выстроено... Быть может, у нас под ногами какая-нибудь вервольфья реликвия, а мы мешаем ее заполнить.

– Мысль о том, что они выследили и решили устранить тебя, ты не допускаешь? – уточнил Курт, и охотник отмахнулся:

– Нет. Я после твоих предположений об этом призадумался; нет. Не пройдет. Меня наши приставили к этому делу, когда твари уже пустились в путь, уже начали собираться вместе. Что бы там ни было, а их цель – не я. Этот гад со своими нелюдями здесь на что-то другое имеет виды.

– А что будет со стаей, когда умрет вожак? – поинтересовался Бруно. – Будет убит или умрет от болезни или старости... Стая распадется, или он передаст свое место кому-то другому?

– Своему отродью, само собою, – передернул плечами Ван Ален. – Если таковое отыщется, конечно. Эти плодятся с еще большей редкостью; сама по себе разновидность нечастая, в своем роде чистая кровь, а потомство – и вовсе вещь исключительная. Если потомка не будет – да, скорее всего, стая разбредется, потому что среди них, других, не отыщется того, кто смог бы взять на себя роль вожака. Не то чтобы его не признают – он просто не сможет. А что?

– Ну... – неуверенно отозвался помощник, спешно собирая мысли под пристальным, испепеляющим взглядом своего начальства. – Я подумал – если его убить, то, быть может, остальные разбегутся.

– Хорошо сочинил, – многозначительно выговорил Курт, и охотник задумчиво покачал головой:

– Не уверен. Но возможно, это и сработает; все зависит от того, насколько им нужно то, что они хотят найти. И в любом случае – это задача непростая. Я уж не говорю о том, что такую тварь с полпинка не завалишь; вспомни, этой ночью он и на глаза-то не показывался – все делали его подручные. Это бестия осторожная и хитрая; считай – человек, только здоровенный и с зубами.

– Кстати, – кивнул Курт, – о здоровье. Что говорят твои познания – в каком состоянии сейчас могут быть раненые? Ждать ли, что они, пусть и в

человеческом облике, но всецело восстановившиеся, либо же некоторые последствия еще могут иметь место?

– Они в полном порядке, – вздохнул Ван Ален удрученно. – Будь на их месте простое зверье – зализывались бы с неделю, но... Если я верно понял твой интерес, то – да, в случае некоторых бойцовских навыков с их стороны можно ожидать серьезных неприятностей. А опыт показывает, что эти твари такими умениями не пренебрегают – хотя б и по той причине, что им, таким всевластным пять ночей в месяц, зазорно проявлять слабость в прочее время. Вообрази, что это за чувство, когда тебя, в иное время могущего любого человека порвать за три мгновения, кто-то из этих хилых людишек тыкает носом в землю. Досадно, верно?.. Посему я почти уверен, что эти парни умеют владеть не только собственной пастью. Почти уверен, что они вооружены; правда, случай с беднягой Вольфом показывает, что стрелкового оружия при них, как видно, нет. Это утешает.

– Скоро светает, и проснутся хозяева, – заметил Бруно настойчиво, и охотник нехотя кивнул:

– Хорошо. Поднимай остальных. Торгаш с парнем потащат тело, Молот Ведьм со мной в охране, фон Зайденберга оставим здесь.

– А я?

– А ты будешь надзирать за ним – мало ли, что еще ему взбредет в голову.

– Он прав, – подтвердил Курт, когда помощник вопросительно взглянул на него. – Кроме того, надо оставить здесь хоть одного лояльного человека, ибо все прочие нет-нет, да и скатываются к нехорошей идее затеять бунт. Будешь присматривать за ними, не то, боюсь, им может прийти в голову запереть за нами дверь и больше ее не открывать; и не поворачивайся спиной.

– К кому?

– Ко всем. Любой здесь может внезапно понять, что мы ему не нравимся. Любой, – повторил он с нажимом. – Это – понятно?

– Вполне, – отозвался помощник недовольно, и Курт кивнул:

– Хорошо. Давай по комнатам. Пусть спускаются.

* * *

Мужская часть населения их маленькой крепости собралась в трапезном зале нескоро и безмолвно, косясь друг на друга и на укрытое тело Вольфа, и к идее покинуть стены трактира отнеслась без особенного

воодушевления. Возражать, однако, никто не пытался, воспринимая мысль о дальнейшем соседстве с убитым еще более прохладно.

Альфред Велле явился, когда укутанное в полотно тело подтащили к порогу. В гробовой, какой-то неловкой тишине трактирщик приблизился к мертвому сыну, остановившись над ним, помедлил и отвернулся, так и не прикоснувшись и не взглянув на лицо.

– Будут пожелания касательно завтрака? – спросил он ровно, не глядя ни на кого.

– Ничего крепче пива, – во все той же тишине произнес Курт категорично. – Из пищи – что-нибудь, что можно съесть немного и насытиться быстро, но не до тяжести. Мальчишки с матерью это тоже касается. Не скупись.

– Уже ни к чему, – равнодушно отозвался Велле, уходя к кухне. – Снявши голову, майстер инквизитор, по волосам не плачут.

– По истине и по суду навел Ты все это на нас за грехи наши, – вздохнул торговец сокрушенно, и Карл Штефан зло поджал губы, пробормотав что-то неразборчивое.

– Говори за себя, – посоветовал фон Зайденберг с подчеркнутым спокойствием.

– Не скажете же вы, что не грешны?

– Довольно, – одернул Курт и кивнул рыцарю. – Отодвинете засов и откроете дверь. Закроете ее за нами и запретите снова. На стук, крики и стоны – не открывать, отопрете, только если услышите голос кого-то из нас.

– Это еще почему? – возмутился неудачливый любовник. – А если эти твари еще там, если они меня ранят, если я доберусь до двери из последних сил и просто не смогу ничего сказать? Меня оставят там издыхать?

– Если тебя ранит одна из тварей, тебе и без того конец, – заметил Бруно. – Помнишь, что было сказано? Небольшая царапина, полученная от них – это в любом случае заражение крови и смерть.

– Сейчас никому из нас это не грозит, – возразил охотник. – Сейчас они люди. Однако это не значит, что, если они впрямь еще здесь, ожидать от них неприятностей не надо, посему по сторонам смотрит не только охрана. Все меня поняли?

– Что там можно увидеть, в такой пурге? Не околеть бы – и то хорошо.

– Вот, – все так же тихо, как и прежде, произнес Альфред Велле, снова приблизившись и протянув парню дубленую шубу сына. – Держи. Ему она теперь не понадобится.

Тот дрогнул губами, неуклюже приняв подношение, и, влезши в рукава, выговорил, не глядя на хозяина:

– Ну, спасибо...

– Ладно, – решительно отмахнулся Ван Ален. – Довольно разговоров. Выходим. Все готовы?

– Нет, – буркнул Карл Штефан, берясь за край полотна с телом убитого. – Но кого это волнует.

– Вперед, – скомандовал Курт, и рыцарь, вздохнув, с натугой сдвинул тяжелый засов в сторону.

Внутри трактира шлепнулся огромный пласт сугроба, прежде подпираемого дверью, и в снегу Курт утонул почти по бедра, слабо видя различие меж белым ковром под ногами и белым воздухом вокруг себя. В эту взвесь за порогом он шагнул, словно в воду – черствую, колючую холодную воду; ветер и сугробы сковывали движения, в капюшон фельдрака, сброшенный на спину, дабы не мешать обзору, как в мешок, сыпался снег, царапая лицо и слепя глаза. Ладони, держащие меч, уже через считанные мгновения оледенели так, что рукоять почти не чувствовалась, лишь тяжесть, пригибающая руки к земле, давала понять, что оружие все еще в них.

– Господи, – криком прохрипел Карл Штефан, едва двигаясь в глубоком снегу, согнувшись пополам. – Можно же было просто выложить его за дверь!

– Идиот! – прошипел охотник, развернувшись к нему так, что острие его железного клинка почти уткнулось в лицо парню. – Крикни погромче – по-моему, они тебя плохо слышат!

– Да никого здесь нет! – зло отозвался тот. – Только мы и этот чертов труп!

– Двигай копытами пошустрей, – приказал Ван Ален жестко, – или за дверью окажешься ты.

Курт молча приподнял клинок, плашмя хлопнув Штефана по спине, и тот, одарив его недобрым взглядом, перехватил полотно поудобнее и зашагал дальше.

Слепяще-белый ковер укрыл все вокруг, спрятав от взора остатки каменной стены и изменив окружающий мир до неузнаваемости; темная туша конюшни виделась сквозь занавесь метели едва-едва, перестроенная башня в отдалении не различалась вовсе, и, не будь сарай, исполняющий сейчас роль мертвецкой, так близко, по пути к нему вполне можно было бы заплутать. До двери, запертой на висячий замок, в другие дни наверняка можно было дойти менее чем за полминуты, однако сейчас путешествие к месту назначения заняло, казалось, вечность. Створу пришлось еще долго откапывать, в скважину замка набился снег, масло в механизме смерзлось,

и запоздало подумалось, что надо было прихватить с собою кипятка в какой-нибудь бутылки. На то, чтобы отпереть дверь, ушло не меньше двух минут, и дужка, нехотя клацнув, выскочила, когда Курт уже готов был, на все плюнув, попросту сбить замок вовсе.

Поместив Вольфа подле заледеневших останков крестьянина, Карл Штефан остановился, глядя на уложенные рядом тела, зябко поеживаясь под тяжелой шубой.

– Как-то, в общем, не по себе, если вообразить, что и я тоже тут лечь могу, – проговорил он медленно. – Какой бес меня дернул повестись за этой кралей...

– Вот, – наставительно кивнул Феликс. – Вот-вот. И я говорю о том же самом. Всё это нам за грехи. Все это Господня воля, сынок.

– Рурский волк тебе сынок, – огрызнулся Штефан, отойдя от тел и подтолкнув в спину Ван Алена, что стоял у порога, сосредоточенно глядя в пургу за дверью. – Ну, примерз, что ль? Двинулись обратно.

– Со страху так осмелел? – поинтересовался Ван Ален равнодушно, не поворачивая к нему головы, и кивнул: – Идемте. Судя по всему, на день они все-таки уходят отсюда; видно, в этих снегах им самим не слишком весело. Да и должны ж они когда-нибудь спать.

– Отлично, – нетерпеливо подытожил Штефан, обойдя стоящего на пути охотника, и, пригнув голову, двинулся по своим уже почти занесенным снегом следам.

– Выпороть бы раздолбая... – пробормотал Ван Ален с чувством, вышагнув в метель. – Стоять, придурок, и ждать сопровождающих!

Курт пропустил торговца вперед, закрыв дверь и вставив на место замок, и, развернувшись, окликнул ушедшего уже далеко вперед парня:

– Карл, сказано в одиночку не ходить!

Отставной возлюбленный не обернулся, лишь вяло отмахнувшись опущенной головой.

– Убью паршивца... – выговорил охотник, ускоряя шаг.

Курт подтолкнул торговца в спину, направив вперед себя, щурясь от снежинок, налипших на ресницы, растаявших и теперь смерзающихся в крохотные ледяные шарики; с век снежная вода, тая, стекала в глаза, мешая смотреть, и когда справа мелькнула быстрая туманная тень, он скорее догадался, чем осознал и увидел отчетливо, кто или что перед ним.

Волк, при дневном свете видимый еще отчетливей и оттого кажущийся еще больше, перемахнул огромный снежный бархан одним прыжком, утонув в снегу по грудь, и оттолкнулся всеми четырьмя лапами, снова взмыв в воздух. Курт рванулся вперед, и охотник, на долю мгновения

замерший, ругнулся во весь голос, метнувшись наперерез зверю. Тот достиг цели первым – приземлившись в шаге от остолбеневшего Карла Штефана, волк ухватил его поперек, точно домашний щенок тряпичную игрушку, с коротким рыком мотнув головой, отбросил в сторону, развернувшись к новым противникам, и, не промедлив на месте, прыгнул снова, немыслимо извернувшись в воздухе, как кошка, когда навстречу зверю взлетел железный меч Ван Алена.

Благословить мысленно инструктора зондергрупп, изводившего его поединками на заброшенном камнями оледенелом плацу, Курт успел от души, когда, едва не споткнувшись в снегу, перескочил снежный горб, отделяющий его от зверя, и ударил снизу вверх, надеясь попасть под брюхо. Тот развернулся на месте, почти поднявшись на задние лапы, увернувшись от его удара и тем же движением снова уйдя от меча охотника, скакнул вперед; Курт отпрянул и, едва не заваливаясь на спину, продолжил не достигший цели удар теперь сверху вниз. Полуослепшие от снега глаза не видели раны, но руки ощутили сопротивление под полотном клинка, и сквозь водянисто-морозную пелену на ресницах увиделась тонкая кровавая радуга, ярко-красная на фоне белого покрывала. Темно-бурая туша, воняющая мокрой псиной, ринулась навстречу, ударив лапами. В плечо и грудь словно выстрелили два камня, брошенные удачливым пращником, перекрыв дыхание, и занавешенное метелью небо опрокинулось.

Бойцы зондергруппы говорили правду – в том, что касалось быстроты атаки, волк и в самом деле уступал любому, даже самому неопытному стригу, однако сейчас его скорости хватило с лихвой. Левая рука, держащая оружие, онемела, и, сжав кулак крепче, чтобы не выпустить рукояти, Курт лишь надеялся на то, что у него это получилось – пальцев он не чувствовал. Пасть, жаркая и смрадная, возникла перед самым лицом, лязгнув зубами; он дернул головой, отпрянув, и напрягся, пытаясь вскинуть словно окаменевшую руку с клинком, слишком длинным для удара в таком положении. Где-то на краю видимости в мутном невидимом солнце сверкнула сталь, и лишь по этому неясному отблеску Курт понял, что рука двигается. Меч пошел в сторону, но ни на что большее замерзшие и одеревеневшие от удара мышцы сейчас были не способны, и когда челюсти клацнули снова, увернуться до конца он на этот раз не успел. Рука снова ощутила сопротивление пронзаемой плоти в один миг с тем, как голову прострелило резкой болью, коже лба стало горячо от плеснувшей на него крови, а правый глаз словно искусный палач выхватил из глазницы одним резким рывком. Уже совершенно ослепнув и оглохнув от пронзительного звона в ушах, Курт услышал рык пополам с болезненным визгом, и тяжесть

волчьей туши исчезла, позволив, наконец, дышать почти полной грудью.

– Подымайся! – пробилось сквозь все нарастающий звон, и за плечо ухватились чьи-то пальцы, помогая встать.

В вертикальное положение Курт возвратился с усилием, голова кружилась, словно ночная бабочка у выставленного на крыльцо фонаря. Звон стихал с неохотой, позволяя слышать лишь обрывки слов и путая мысли, горячо было уже всей половине лица и, судя по теплоте на шее, кровь тонким ручейком текла за ворот. Правая глазница пульсировала жаркой болью, отдаваясь под макушкой и в затылке; дороги он не видел и шел, пошатываясь, вслед за направляющей его рукой.

– Открывай! – рявкнул голос Ван Алена рядом, и до слуха донесся удар в доски двери. – Живо!

Того, как скрипнул засов, Курт не слышал и открытой двери не видел, снова идя вперед за рукой, тащившей его за плечо. Позади грохнула запираемая дверь, и все та же рука протащила его вперед, усадив на скамью и прислонив к столу спиной.

– Черт! – сквозь все более тихий звон донесся задыхающийся голос Карла Штефана. – Черт, вот черт! Чертова шуба спасла! Ни царапины – смотри, одни синяки!

– Бедняга Вольф спасает тебя вот уже второй раз, это Господь дает тебе время одуматься и раскаяться...

– Заткнитесь оба! – прикрикнул Бруно с давно не слышимым от него озлоблением, и в тотчас наставшей тишине прозвучало уже рядом, сдавленно и тускло: – Господи...

– Пусти, – приказал голос охотника, и за подбородок, поднимая лицо кверху, взялись ледяные пальцы.

– Почему он зверь? – сорвано выкрикнул Штефан. – Почему он сейчас – зверь?! Сейчас, черт возьми, утро, ты говорил, что он человек, он должен быть человеком днем, почему он зверь?!

– В каком смысле зверь? – растерянно уточнил рыцарь, и Ван Ален повысил голос, перекрывая вновь назревающий шум:

– После! Заткнулись все быстро, или я за себя не отвечаю! Не дергайся, – предупредил охотник, повернув голову раной к себе, и Курт сжал зубы, когда тот, отирая кровь, провел ладонью по лбу. – Порядок. Глаз цел.

– А столько крови... – проронил нерешительно помощник, и сквозь красную пелену он разглядел, как Ван Ален отмахнулся:

– Раны на голове всегда кровят дай Боже. Голова тоже целая – просто два небольших пореза, немного оцарапана кость и бровь задета... А ты

везунчик, Молот Ведьм. Могли ведь и котелок оттяпать.

– «Везунчик» – это, думаю, ты поспешил, – отозвался он с усилием, приняв протянутый кем-то клочок мягкого полотна, и, отерев глаз, прижал ткань ко лбу. – Если судить по опыту таких же счастливицков из нашей зондергруппы, жить мне осталось часов десять.

– Почему? – оторопело переспросил рыцарь и запнулся; Курт вздохнул:

– Вот поэтому. Как уже не раз говорилось – доставшиеся от них раны – это всегда заражение и смерть; ампутация поврежденной части тела еще оставляет шансы на то, чтобы выжить, однако с головой проверить подобный фокус весьма проблематично... Ну, – усмехнулся он, поморщась от вновь отдавшегося под макушкой звона и болезненного прострела в глазу, – как тебе, Бруно? Продолжим диспуты об избранности или все же признаем существенную значимость случайностей в нашей невеселой жизни? Согласись, смерть для избранника Господня довольно дурацкая.

– Ты уверен, что нет никаких способов справиться с инфекцией? – уточнил Бруно угрюмо, и он отмахнулся свободной рукой, с удивлением заметив, что все еще сжимает в ней оружие.

– Проверено все, что только могли придумать наши эскулапы, – возразил Курт, бросив меч на пол у ноги, и покрутил плечом, проверяя целостность костей и связок. – Доживу в лучшем случае до вечера, посему ночью вас будет на одного человека меньше; возьмите это в расчет.

– Вы так спокойно говорите об этом, майстер инквизитор...

– Мое отношение не только к чужой жизни столь философское, господин фон Зайденберг. На такой работе как факт принимается мысль о том, что старость есть перспектива туманная и скорей всего мифическая.

– Если дашь слово, что не будешь цепляться к моему брату, – с нотками нескрываемого самодовольства произнес Ван Ален, – я скажу, что тебе поможет.

– А если не дам – неужто позволишь мне сдохнуть? – усмехнулся Курт, склонив голову набок, чтобы сочащаяся сквозь ткань кровь не лила в глаз. – Не верю.

Мгновение охотник смотрел на него пристально, то ли пытаясь понять, насколько он серьезен, то ли и впрямь обдумывая эту мысль, и, наконец, отмахнулся.

– Черт с тобой, – приговорил Ван Ален, отложив оружие на стол. – Но учти: ты мне будешь обязан жизнью, и когда все закончится, я с тебя что-нибудь стребую.

– Ну так учти и ты, – заметил Курт серьезно, – что я, как и все люди,

неблагодарная сволочь.

– В этом не сомневаюсь, – так же нешуточно отозвался охотник, сняв куртку и бросив ее на скамью. – Итак, как я уже заметил в вечер нашего знакомства, парень ты небедный, стало быть, при хороших деньгах. Мне нужны пять талеров. Лучше поновей.

– Не дороговато ли берешь за врачевание? – усомнился Курт, кивнув помощнику, и тот метнулся вверх по лестнице бегом.

– Воды, – продолжил Ван Ален, повернувшись к трактирщику. – На огонь и довести до кипятка. Чистую ткань. Спирт.

– Что здесь случилось? – из-за пределов видимости, с верхней площадки лестницы, донесся напряженный голос Амалии, и вслед за ней ахнула Мария Дишер.

– Боже мой... – испуганно пробормотала она и, судя по дробному топоту, сбегала по лестнице вниз. – Ян, что случилось? Почему кровь?

– Это хороший вопрос, – заметил фон Зайденберг. – Вы с майстером инквизитором в один голос уверяли, что вервольфы при свете дня остаются людьми, на вас же, как мы поняли, напал волк. Пока ты будешь создавать свое таинственное исцеляющее зелье, быть может, пояснишь нам, что, в самом деле, здесь случилось?

– Не имею ни малейшего понятия, – зло отозвался Ван Ален, приняв от трактирщика бутыль шнапса и ком истрепанной ветоши, и кивнул Курту: – Убери эту тряпку от раны – пусть течет, больше заразы выйдет... Мне еще не доводилось слышать о чем-то подобном. Есть оборотни, умеющие становиться по своему произволению зверем или человеком в любое время дня и ночи, но это – колдовское умение, не природная склонность, этому учатся. И это не наш случай: те выглядят совершенно иначе.

– Так что же тогда?

– «Ночь полной силы», – тихо произнесла Мария Дишер. – Сегодня первый день после зрелой луны. Быть может, вот она, его сила?

– Тогда почему никто из охотников этого не знает? – несмело возразила Амалия. – Ведь должны же эти люди знать такие вещи.

– А я тебе скажу, почему, – нервно засмеялся покинутый возлюбленный. – Да потому что в живых никого, кто мог такое рассказать, никогда не оставалось, вот почему!

– Должен заметить, – согласился Курт, снова отирая кровь с лица, – что это одна из немногих умных мыслей, высказанных нашим любителем богатых горожанок. Мысль логичная и многое объясняющая.

– То есть, – упавшим голосом вымолвил Макс Хагнер, – вы хотите сказать, майстер Гессе, что и днем... он... тоже будет зверем?

– Думаю, это зависит от желания. Если в прочее время превращение происходит вне зависимости от его воли, в этот первый после полнолуния день ликантроп, *если он уже вошел в пору зрелости*, по всей вероятности, получает силу контролировать его.

– Вот, – торопливо швырнув на стол пять серебряных монет, еще блестящих новизной, констатировал Бруно. – Что дальше?

– Протри их шнапсом; деньги штука едва ль не самая грязная на свете – неизвестно, кто и чем их лапал и где хранил. Как там вода?

– На огне, – отозвался Велле тускло, отстраненно глядя в капающую на пол кровь.

– Замечательно, – протянул Карл Штефан. – Вот это попали. Это значит, что нас круглые сутки пасут восемь тварей?

– Он напал один, – возразил охотник и, забрав у Бруно оттертую до блеска монету, протянул Курту: – Приложи к ране и держи... Он напал один, сам. Значит, его приятели на такой выверт были не способны, а значит, подобное умение – привилегия лишь таких, как он. Тех, кто повыше рангом.

– Значит, – уточнил Хагнер, – теперь нельзя покидать этих стен и днем тоже?

– В ближайшие несколько часов – можно, – с нескрываемым злорадством усмехнулся Ван Ален. – Молот Ведьм вспорол ему плечо и вену на бедре, а я успел зацепить по хребту. Такое даже у него не затянется просто так... Неплохо, кстати замечу, было сработано. Не знаю, кто вас натаскивает, но вижу, что слухи об инквизиторских умениях – не пустой треп, и в то, что ты прошел збмок со стригами – верю. Я б сказал, что в скорости ты ему не уступил.

– Я ранен, – возразил Курт, покривившись, и охотник отмахнулся:

– Он тоже. И, заметь, куда серьезней. Жаль только, что от тебя ему досталось сталью; было бы железо и у тебя, как знать, быть может, мы от него избавились бы дня на два, а там и конец полнолунию.

– Теперь я не уверен даже в том, что это будет иметь значение, – вздохнул Курт, отняв окровавленную монету ото лба, и скептически уточнил: – Эта симпатическая ворожба впрямь должна помочь?

– Скажем так – а другие предложения есть?.. Приставь обратно и держи. А теперь поясни, о чем это ты.

– В первую ночь, когда были убиты лошади, он был здесь один. Мы слышали вой; теперь мы знаем, что он собирал стаю – они припозднились, и он указывал, куда следует идти. Теперь это ясно. Однако кто-то же открыл задвижку на дверях конюшни; этого не сделаешь волчьими лапами,

для этого нужны руки. А это значит, что и в ту ночь тоже он мог обрести человеческий облик на нужное ему время и стать снова волком. По собственному произволению. По своей воле. В свете этого я бы пересмотрел основные знания, известные охотничьему сообществу, касательно ликантропов. Скорее всего, Карл прав – до сих пор просто не оставалось в живых тех, кто мог рассказать о способности обратной такого класса, достигнув зрелости, менять облик по желанию. Как знать, быть может, нам не известно и большее? К примеру, то, что они вольны делать это вовсе в любой день и любую ночь в году? Ну, а они, в свою очередь, активно поддерживают в людях это заблуждение, тем самым оставив для себя маленькое тайное оружие против нас.

– Тогда почему он не напал в первый день?

– Да по какой угодно причине, – пожал плечами Курт. – Ждал своих. Ждал, не появятся ли еще постояльцы, пересчитывал имеющихся, приглядывался к тому, как мы себя ведем, желудок прихватило, лапу свело – да почему угодно. Или просто увидел здесь тебя и двух инквизиторов; думаю, столь исключительное стечение обстоятельств не только нам показалось невероятным.

– Самое главное и неприятное заключается в том, что возразить, кажется, нечего, – мрачно подвел итог рыцарь, когда Ван Ален, не ответив, лишь вздохнул, усевшись к столу напротив. – Стало быть, то, на что мы рассчитывали прежде, а именно дожидаться окончания полнолуния, нас не спасет. Пусть остальные семеро потеряют свои способности, однако один опасный противник все же останется, и чтобы выжить, выход у нас только один: драться и победить.

– Гнев Господень настигнет вас, что бы вы ни решили, – возразил торговец убежденно. – Станете ли вы биться или сложите оружие – ничто не изменит воли Его.

– Помнишь, Феликс, в первый день нашего заточения здесь я предостерегал кое от чего? – поинтересовался Курт благожелательно. – Если ты не соберешься с силами и духом и не залатаешь свою медленно протекающую крышу, я буду вынужден и в самом деле запереть тебя в отдельной комнате от греха подальше.

– И даже слугитель Господень не видит Его кары, даже когда она так близка! На что ж нам надеяться?

– На себя, – отрезал Ван Ален. – Тебе Господь дал руки, ноги и мозги, шевелить которыми – уже исключительно твоя задача. Альфред, как там вода?

– Сейчас взгляну, – вздохнул трактирщик, тяжело поднявшись. –

Спорить здесь нечего, Феликс. Господин охотник прав, а ты, уж прости, заговариваться начал. Что и почему решил Господь – тебе это не может быть ведомо, равно как и всякому из нас.

– Мне, – произнес рыцарь хмуро, – более по нраву мысль содрать шкуру с одной из тварей, убивших парня, чем сложить руки и ждать смерти.

– Хороший настрой, – одобрил охотник, – вот только с нашим вооружением это будет довольно сложно. Мы можем лишь, как прежде, резать их или обороняться огнем, вынуждая отступать и зализывать раны, и остается лишь надеяться на то, что кому-то из нас удастся подобраться близко и при удачном ударе нанести ранение критическое – вроде отрубленных конечностей или головы; да и стрелы Молота Ведьм, если удачно в глаз, вполне даже ничего. Из железных предметов в нашем распоряжении разве что стрелы от моего арбалета; но для этого надо подобраться вплотную, к тому же ими можно лишь колоть... да еще есть кочерга и ободы на бочках в запасниках хозяина; у этого скопидома даже вилки деревянные. Ножи же этим тварям, что иголки... Сено для гостевых лошадей он закупает у крестьян и косы не имеет, даже позабытой, тупой и проржавевшей. Есть лишь серп... в нашем положении это все равно что тот же нож.

– И много помощи оказала б вам ржавая тупая коса? – снисходительно улыбнулся торговец. – Помышляя только о спасении своей жизни, вы начинаете метаться, ища убежища от гибели в бессмысленных попытках...

– Это железо, – оборвал Ван Ален раздраженно. – Железо есть железо. Тупое – заточить, ржавое – отчистить; даже железная труба, если ею как следует садануть твари по черепу, большое подспорье, даже ржавая.

– То есть, – вдруг утратив возвышенно-проповеднические нотки в голосе, уточнил Феликс, – сгодится и впрямь даже такое? То есть, и тупое, и ржавое?

– Сгодится вполне. А что – есть идеи? Предлагаешь сбегать в соседнюю деревню за парой кос?

– Нет, – тихо отозвался торговец. – В сарай, куда мы отнесли тело. Моя повозка полна железного лома и всякого старого железного добра. Везу на перековку...

– Ты... – задохнувшись, выговорил Ван Ален, – ты... И ты, святоша доморощенный, все это время молчал?! Слышал, что мы тут говорим – и молчал?!

– Так я-то думал, что железо нужно хорошее! – с отчаянием пояснил тот. – Вроде вашего меча, к примеру, или еще что в таком роде! Я думал –

надо, чтоб чистое, отточенное! А у меня сплошь ржа и покороблено все!

– Как я понимаю, – вздохнул Карл Штефан с неудовольствием, – сейчас нас снова погонят за дверь, нагружаться железками.

– Не сейчас, – зло откликнулся охотник. – Сперва я закончу с его раной, после – завтрак, нам всем не мешает... Идиот! За эти дни мы могли перетащить сюда повозку целиком, и причем спокойно, без помех и тварей, дышащих в спину!

– Ну так откуда ж мне было знать...

– Что там с водой?! – рявкнул Ван Ален свирепо, повернувшись к кухне, и трактирщик, выглянув в зал, отозвался по-прежнему безучастно:

– Закипает.

– Брось это в воду, – приказал охотник Бруно, кивнув на монеты. – Пусть кипят вместе с нею. Потом поднимись ко мне в комнату и принеси мою сумку.

– Были у меня знакомые ведьмы, – заметил Курт, – однако отвар из денег – такого я не видел даже у них.

– А не доводилось ли видеть у знакомых девиц такой вещи: миска с водой на столе, а в ней серебряное распятие или ложка? Они этой водой по утрам умываются, считая, что это помогает продлить молодость. Не знаю, что там насчет молодости, но серебро, которое выходит в воду, убивает ту заразу, что водится в пасти или под когтями вервольфа; промоем рану, сделаем примочку, а после будешь эту воду пить – столько, сколько сможет в тебя вместиться. Не помогает, ты прав, ни спирт, ни какие-либо настойки, ни огонь или иное что, а вот серебро – весьма неплохо. Странно это, и наверняка не в веществах одних дело: какая-то здесь потусторонщина, точно. Может, эти твари и правда все поголовно из ада родом...

– И какова доля выживаемости?

– При таких ранах, как у тебя – сто из ста. Да и при серьезных больше шансов на то, что лечение все-таки поможет.

– Не могу не напомнить снова о том, что я говорил вчера об информации, имеющейся в распоряжении охотников и не имеющейся у нас, потому что вы ею не делитесь. Только вообрази, сколько людских жизней могла спасти такая простая вещь, если б мы знали о ней. Представь только, сколько из наших бойцов не остались бы без рук или ног, будь зондергруппе известен этот способ врачевания.

– Давай, стыди, – подбодрил Ван Ален. – Пользуйся моей непомерно ранимой совестью.

– Серебро не помогает одолеть оборотня, – медленно проговорил Макс Хагнер, – но помогает избавиться от инфекции... Железо в этом деле

бесполезно, зато может его обезвредить... Сколько железа надо навесить на ликантропа, чтобы он не смог обернуться?

– Тебе это к чему? – уточнил охотник; парнишка пожал плечами:

– Майстер Гессе высказал мысль о задержании его живьем. Мне интересно, возможно ли содержать живого оборотня среди людей так, чтобы он не мог причинить вреда. Теоретически.

– Ты его видел? – с ожесточением вытолкнул отставной возлюбленный. – Ты видел эту тварь? Ты себе даже близко не представляешь, о чем говоришь! «Живьем»; ты спятил, парень?!

– Теоретически, – повторил Хагнер. – Просто, любопытства ради.

– Должны быть браслеты, – ответил вместо охотника Курт, снова отняв ото лба монету и отерев лицо уже промокшей от крови тканью. – Чем шире, тем лучше. На руках и ногах. Ошейник. Пояс.

– Это довольно... сложно, – произнес парнишка хмуро, исподволь переглянувшись с притихшей матерью. – И как это будет действовать? Не позволит ликантропу в человеческом виде обернуться вовсе, с гарантией?

– Гарантировать по эту сторону бытия нельзя ничего, никогда и никак, – уверенно сказал Ван Ален; Хагнер поморщился, сдерживая раздражение, и уточнил:

– И все же?

– Да, это работает. Его будет корежить, ломать, корчить, но в такой упаковке он останется человеком, как бы ни усердствовал.

– А если не станет усердствовать? Если... прекратит попытки сменить облик – что тогда? Его все так же будет корежить и ломать, или со стороны так и не скажешь, что – вот, перед тобою оборотень?

– Что за внезапный интерес?

– Твоя сумка, – окликнул охотника Бруно, возвратившись с дорожным мешком Ван Алена, и установил его на скамью. – Что теперь?

– Иди на кухню, неси сюда эту воду и какую-нибудь кружку... А тебе, – наставительно сообщил он Курту, копаясь в недрах сумы, – советую нарушить собственное предписание и как следует принять вот из этой бутылки. Лекарей здесь нет, штопать буду, не обессудь, как Бог на душу положит, а рядом нерв. А вот есть, кстати, не советую ничего – только понапрасну переведешь продукты.

Глава 12

В своем предостережении охотник оказался прав – к тому времени, когда был готов завтрак, в желудке мало-помалу, сперва незаметно, скопилась острая горечь, при каждом глотке серебряной воды норовившая выскользнуть наружу. Весьма умело зашитые порезы дергало под повязкой болью, едва ли менее сильной, чем прежде, отдающейся в мозгу и взрывающей перед глазами сотни цветных осколков; звон снова водворился в голове, трещащей, словно перегревшийся глиняный жбан, и сходство еще более усиливало постепенно, но все более явно разгорающийся жар.

Напротив Ван Алена и Бруно, за обе щеки уплетающих поданную им снедь, Курт сидел понуро, подперев голову рукой и стараясь без нужды не шевелиться – по каждой мышце тела расплзалась глухая ломота, точно вчерашний день целиком был проведен на плацу под надзором неумолимого истязателя-инструктора.

– Когда я буду в состоянии жить? – уточнил Курт и поморщился от звука собственного голоса, ударившего в виски и лоб; охотник передернул плечами:

– Сложно сказать. По опыту – должен бы через полдня. Хотя ты, я смотрю, парень крепкий – обыкновенно всех выворачивает наизнанку, да и лежат в лежку... Ты, быть может, почувствуешься часа через три. Останешься здесь. Твой помощник пусть будет при тебе – если сейчас кто-то захочет сделать так, чтобы тебя не стало, ты активно возразить будешь попросту неспособен. К телеге этого проповедника пойдем мы с бродячим воякой в охране и Карл с Феликсом носильщиками.

– Спорить не стану, – согласился Курт, отпивая очередной глоток мерзко теплой воды, и сжал губы, пережидая новый приступ тошноты. – Толку с меня чуть.

– Я бы взял и маменькиного сынка – все ж лишние руки... – проговорил Ван Ален неспешно, пристально глядя на то, как Хагнер, в две минуты изничтоживший принесенное ему кушанье, поднимается вслед за матерью по лестнице. – Сегодня (вам не кажется?) он как-то разом выздоровел. Не потеет, со стула, как прежде, не падает, грудь не хрипит...

– Тоже крепкий парень, – отозвался Бруно. – В его возрасте болезни или валят всерьез, или проходят быстро. Кроме того, я оплатил Альфреду печь, и сегодня он впервые спал в теплой комнате.

– Может быть, может быть, – отстраненно согласился охотник,

отодвигая от себя опустошенную тарелку, и неспешно поднялся.

– Что-то не так? – не слишком удачно скрывая настороженность, уточнил Бруно, и Ван Ален неопределенно качнул головой:

– Не знаю... Прежде чем оставлять вас одних в этой теплой компании, хочу разрешить пару возникших у меня вопросов. Не скажу сейчас, каких; не желаю понапрасну мутить воду, сперва кое-что проверю.

– Что?

– Так скажем – у меня появились некоторые нехорошие подозрения... Скажи вскипятить еще воды. Пускай он пьет, пока назад не полезет, и смени ему повязку.

– Повязка подождет, – возразил Курт, когда охотник покинул трапезный зал, и, опершись подрагивающей рукой о стол, тяжело поднялся, прислушиваясь к себе и пытаясь понять, насколько он способен держать вертикаль. – Понимаю, что тебе приглянулась Амалия, что парнишка тебе по сердцу, но – постарайся не хвататься за оружие без крайней нужды. У меня тоже появилось одно неприятное подозрение.

– Неужто он догадался? – напряженно пробормотал помощник, глядя вслед ушедшему. – Но как?

– Я на его месте догадался бы тоже, а с чего бы нам полагать Яна настолько тупей меня?

– С того, что ты понял, что к чему, еще вчера, а у него пока лишь только подозрения.

– Я обязательно продолжу принимать от тебя лавровые венки, – вздохнул Курт, осторожно двигаясь к лестнице. – Только после – если сейчас Ян не поднимет шума, и вся эта братия, собравшись кучей, не закончит то, что начал наш мохнатый приятель.

– Думаешь, поднимут руку на инквизитора?

– И опустят, – серьезно согласился он, понизив голос, когда на них обернулся Карл Штефан. – Посему – будем надеяться, что меня хотя бы не срубят в беспамятство; если не отбиться, так, быть может, сумею хотя бы отбрехаться... Идем.

Ступени лестницы, когда Курт двинулся вперед, показались вдвое выше, стена, о которую он опирался, словно уплывала из-под ладони в сторону; горечь в желудке подобралась к самому горлу, и от любого движения по всему телу в голову словно простреливала молния. Лестница все тянулась и тянулась, кажется, становясь все длинней и длинней, и заставить себя поднять ногу для следующего шага было все труднее с каждым мгновением. Ступени кончились, когда из-за поворота коридора донесся испуганный голос Амалии и громко хлопнула дверь.

Зажмурившись, чтобы хоть немного изгнать из головы боль и цветных мошек, Курт приостановился, переводя дыхание, и снова пошел вперед, пытаясь ускорить шаг.

– Ну, Бруно, самое время начать молиться, – выговорил он тихо, толкнув створку двери в комнату Хагнеров.

Макс застыл у дальней стены, напрягшись, точно перед прыжком, Амалия, бледная, словно снег за окном, неотрывно смотрела на руку Ван Алена, стоящего у порога – ладонь охотника лежала на рукояти железного меча, висящего у пояса.

– Какого черта ты тут забыл? – не оборачиваясь, поинтересовался тот, когда помощник, войдя следом, закрыл за спиной дверь. – Ты вообще должен лежать в постели.

– Не думаю, что сейчас самое подходящее для этого время, – возразил Курт, медленно обходя его стороной и шаг за шагом приближаясь к Хагнеру. – Что тут происходит?

Амалия молча сжала губы, пытаясь не заплакать, подняв на него дрожащий взгляд, и Ван Ален вздохнул:

– Впрочем, может, и хорошо, что ты здесь. Это по твоей части.

– Что именно? – царапая горло каждым звуком, уточнил Курт; охотник кивнул:

– Сейчас все поймешь... Этой ночью, когда все сбежались на шум, эти двое продолжали спать, как убитые. Никто не появился – ни она, ни мальчишка. Потом я решил – проснулись, но не стали выходить, испугались. Но позже, ближе к утру, Мария кое-что мне рассказала. Когда мы выгнали ее снизу, она, понятное дело, тоже испуганная, решила постучаться в комнату к ним – ей было страшно оставаться одной. И – знаешь, что? Они не открыли. Не «не впустили к себе» – за дверью просто-напросто была тишина. Если бы они проснулись на стук и не захотели открывать, хоть что-нибудь, да сказали бы, верно? Так что ж – спали? Никто не сможет продолжать дрыхнуть, когда к тебе в дверь ломится испуганная девица, жаждущая общения.

– Бывает всякое.

– Да? – усмехнулся Ван Ален. – Однако сегодня утром, когда мы повстречались с вервольфом снаружи, когда вернулись – они оба явились уже через минуту. Примчались, как на пожар, хотя шума и криков, скажу, было куда меньше. И последнее. Я надеялся постоять под дверью и послушать, о чем будут говорить – после завтрака они ушли как-то уж больно поспешно... Я даже не успел как следует пристроиться и в первые же мгновения услышал главное. Знаешь, что они стали обсуждать тотчас,

как только вошли? То, что нельзя навесить на него столько железа незаметно для всех нас.

– Вот как, – отметил Курт неопределенно, сделав еще два шага и оказавшись между ним и Хагнером; охотник нахмурился:

– И все? И это все, что может сказать инквизитор при исполнении, узнав, что в соседней с ним комнате обосновался оборотень?! Это я слышу от знаменитого Молота Ведьм?! Мальчишка – вервольф, доходит это до тебя?!

– И что же, по-твоему, он делал этой ночью?

– Откуда мне знать! Бегал под стенами, пытаюсь вместе со своими приятелями вломиться внутрь!

– И для этого, уже будучи внутри, вышел наружу?

– Что-то я тебя не совсем понимаю, – раздраженно бросил Ван Ален. – Ты сомневаешься в моих выводах или...

Он вдруг запнулся, оборвав самого себя на полуслове, и замер, переводя все более мрачающий взгляд с Курта на по-прежнему молча стоящего поодаль Хагнера.

– Ах, черт... – выговорил охотник, наконец, отступив на полшага назад. – Поверить не могу... И давно ты знаешь?

– Этой ночью, – не ответив, сообщил Курт, – Макс был в дальней комнате – той самой, из окна которой мы с Бруно обороняли запасную дверь. Он провел там все время с вечера до утра и никакого отношения к происходившему не имел.

– Давно ты знаешь? – повысил голос Ван Ален; он вздохнул.

– Со вчерашнего дня.

– Невероятно, – засмеялся охотник нервно. – Просто невероятно... Ты знал, что среди нас зверь, и молчал? Да что здесь – все скопом с ума посходили?

– Присядь, – предложил Курт, кивнув на табурет у стола, отчего комната перед глазами едва не опрокинулась вниз потолком.

– К черту! – отрезал Ван Ален, сжав лежащую на рукояти ладонь в кулак. – А ты – лучше отойди. Не знаю, что сейчас творится в твоих мозгах, но, боюсь, в твоей беспокойной жизни по голове тебе доставалось слишком часто.

– Майстер Гессе...

– Все будет хорошо, Амалия, – успокаивающе отозвался Курт.

– Ян, не пори горячку... – начал помощник, и Ван Ален рывкнул, не оборачиваясь:

– А ты заглохни!

– Помолчи, Бруно, – согласился Курт, продолжая стоять на месте. – А ты не пори горячку.

– Он тварь, – произнес охотник с расстановкой, словно втолковывая некую прописную истину неразумному ребенку. – Зверь.

– Я вижу человека.

– Однако этой ночью, как я понимаю, не видел.

– Спорить не стану.

– Тогда почему ты... Какого черта!

– Присядь, – повторил он, и Ван Ален снова потребовал, не убирая ладони с рукояти:

– Отойди.

– Я стою между ним и тобой, – заметил Курт, стараясь не кривиться от режущей боли в голове и тошноты, подступающей к горлу все назойливей. – Как полагаешь, это потому, что по первой же твоей просьбе я скажу «ах, да, конечно» и уйду?

– Уйдешь, – подтвердил охотник и, когда Бруно, стоящий у двери, сделал шаг вперед, прикрикнул: – Стоять и не рыпаться, или не посмотрю, что монах!.. Отойди, Молот Ведьм.

– Нет, – возразил он коротко.

– Я все равно пущу зверенышу кровь.

– Значит, для этого тебе придется пройти сквозь меня.

– Готов сдохнуть, спасая твари жизнь?

– Проверь, – предложил Курт, и тот вздохнул.

– Да я тебя сейчас плевком перешибу, – почти с состраданием произнес Ван Ален. – Ты же на ногах еле стоишь. По-хорошему прошу: уйди с дороги.

– И что тогда будет? – уточнил Курт, по-прежнему не двигаясь. – Убьешь его? Мать поднимет крик; придется упокоить и ее. Я не позволю тебе этого сделать, а значит, надо будет отправить на тот свет и меня, а поскольку в живых останется свидетель твоих славных дел – и моего помощника тоже. Женщина, ребенок, инквизитор и монах; хороший набор подвигов для истребителя человекоубийц.

– Пусть кричит, – согласился охотник. – Чай не оглохну. Ты? Тебе сейчас будет довольно одного тычка, чтоб свалиться и еще долго не подняться. Это даже не засчитают как покушение на инквизитора, когда узнают, в чем было дело. Ну, и помощник твой мне в этом случае не помеха и не преграда. Отойди. Больше просить не буду.

– Так не проси.

Ван Ален двинулся вперед, и он шагнул навстречу, пытаясь собрать

себя в кулак и впрямь не завалиться от первой же оплеухи.

– Да ты шутишь, – усмехнулся охотник снисходительно, попытавшись отодвинуть его в сторону.

Руку со своего плеча Курт сбросил рывком и толкнул противника в грудь, вынуждая отступить. Памятуя о собственной слабости, в этот толчок он попытался вложить как можно больше силы и понял, что недооценил себя, лишь когда тот, пошатнувшись, едва не упал, сделав два шага назад.

– Значит, вот как, – констатировал Ван Ален тихо и метнулся вперед.

Бруно, попытавшегося напасть со спины, он ударил локтем в ребра, с силой толкнув, помощник отлетел назад, не успев развернуться в тесной комнатухе и с грохотом врезавшись спиной в дверь, и Амалия взвизгнула, вжавшись в стену. От удара в голову Курт увернулся, на миг позабыв о дурноте и боли, и лишь вновь взорвавшиеся разноцветные созвездия, затмившие взор, помешали ударить в ответ с должной точностью. Правая рука вслепую наткнулась на вязку свитера, он стиснул пальцы в кулак, ухватившись за толстую шерсть, рванул влево и поддал ладонью вслед, опрокинув охотника на пол. Покачнувшись и едва не повалившись следом, Курт шагнул в сторону, опершись о столешницу дрожащей рукой, плохо видя сквозь цветной туман, как Ван Ален поднимается, глядя на него свирепо и явно готовясь броситься снова.

– Хватит, Ян, – выговорил он тяжело. – Уж кому-кому, а нам с тобою драться глупо. Может, мы, наконец, поговорим?

– Надо же, – усмехнулся охотник недобро, прижав ладонь к ссаженной о доски пола щеке. – И впрямь двухильный... «Поговорим»? О чем, черт возьми? О чем здесь можно говорить?!

– Хороший вопрос, – согласился Курт, стараясь не показать того, что ноги готовы вот-вот подогнуться, а перед глазами, мешая видеть, по-прежнему висит радужная пелена. – Тебе не кажется странным или интересным тот факт, что я с моей репутацией – и вдруг прикрываю его? Не интересно узнать, что происходит? Любопытство хотя бы не одолевает?

– Еще как; и ты, несомненно, все это расскажешь – после, когда я закончу, а сейчас – отойди. В следующий раз буду бить всерьез.

– Положим, я отойду, – предположил он, – и что дальше? Вот так просто подойдешь и перережешь ему глотку? Вот так, на глазах у его матери, убьешь безоружного мальчишку, который не оказывает тебе никакого сопротивления?.. Брось, Ян. Я бы смог. Ты – нет.

– Проверим? – криво улыбнулся Ван Ален.

– Если у тебя таки поднимется рука, – продолжил Курт уверенно, – ты знаешь: уснуть спокойно ты больше не сможешь. Через год, через десять

лет ты будешь это видеть всякий раз, как закроешь глаза. Думать будешь о том, что стал на шаг ближе к истребляемым тобою тварям. Готов стать таким же, как они, Ян? Оно того стоит?

Дверь позади него распахнулась от удара, едва не отбросив снова на пол стоящего рядом Бруно, и на пороге возник фон Зайденберг с обнаженным оружием в руке.

– Почему крики и шум? – спросил он и запнулся, увидев оцарапанное лицо охотника. – Что происходит?

– Как вовремя, – заметил Ван Ален с неуверенной усмешкой. – Быть может, скажешь им?

– Скажет – что? – уточнил рыцарь, когда Курт не ответил, и охотник подбодрил:

– Давай, Молот Ведьм, гордость Конгрегации. Скажи.

– Вложить камень в чужие руки – это хороший выход, Ян, – отозвался он, наконец. – Вот только последствия будут те же самые.

– Что тут происходит? – повторил фон Зайденберг уже настойчивей.

Ван Ален, помедлив, перевел взгляд на Амалию, на Хагнера, по-прежнему молча и недвижимо стоящего у стены, и, вздохнув, расслабил сжатую в кулак ладонь.

– Пусть скажет, – произнес он с подчеркнутой издевкой, – пусть при всех, в открытую признается в том, что без охотников Инквизиция погрязла бы во всевозможной нечисти, и что сами они ни хрена не способны сделать.

– Не стану спорить, что ваша помощь весьма существенна, – в том же тоне отозвался Курт.

– «Существенна»? Да вы нам в подметки...

– Господи, вы что – спятили оба? – зло оборвал его фон Зайденберг, толчком загнав меч обратно в ножны, и развернулся, бросив уже за дверь: – Мальчишки! Нашли время!

– Спасибо, – шепотом вымолвила Амалия, когда дверь за уходящим закрылась, и охотник вскинул руку:

– Молчи. Благодарить рано – я еще ничего не решил.

– Полно тебе, Ян, – с облегчением опустившись на табурет, вздохнул Курт. – Когда ты ворвался сюда, в аффекте и на взводе – быть может, и сделал бы то, о чем после пожалел бы; но не теперь.

– То, о чем после явно буду жалеть, я сделал сейчас, – буркнул Ван Ален, медленно пройдя к столу и усевшись напротив. – Сядьте, – кивнул он Хагнерам и махнул рукой Бруно: – И ты сядь, не маячь у меня за спиной. Как показала практика, это небезопасно.

За тем, как оппоненты рассаживаются, он следил, хмуро сдвинув брови, и заговорил снова, выждав несколько мгновений тишины:

– Итак; я слушаю. Почему инквизитор не просто попустил существование твари по соседству, но и защищает ее?

– *N. e. i. corpus delicti*^[34], — пояснил Курт, опираясь о стол локтем и прижимая ладонь к трещащему лбу. — Убивать же за слишком высокий рост, прыщ на носу или излишнюю мохнатость не в правилах Конгрегации.

– Он никого еще не тронул, — начала Амалия, и Ван Ален снова воспрещающе поднял руку, оборвав:

– Ты лучше молчи; просто сиди и молчи, пока не спросят, не провоцируй. А тебе, Молот Ведьм, я замечу, что основное слово здесь «еще». Для начала, это не доказано, но даже если допустить, что парень до сих пор не запустил ни в кого зубы, это не означает, что он не сделает этого впредь. Да о чем я вообще! он это просто сделает. Сегодня или завтра или через год – но это будет.

– Почему ты так уверен? – пожал плечами Курт. – До сих пор слабыми силами одной женщины этого удавалось избегать; по-твоему, силами Конгрегации это будет сделать сложнее?

– Та-ак, – протянул охотник, бросив короткий взгляд на Хагнера. – А я-то намеревался спросить, что ты с ним собираешься делать... То есть, я правильно тебя понял? Ты намерен вытащить его из этого трактира живым и невредимым, чтобы передать своему начальству? И – что? Надеешься приручить?

– Довольно говорить о нем, точно о бродячем щенке, – тихо потребовал Бруно, и он с готовностью кивнул:

– Ты прав, он не бродячий щенок. Он волчонок – который уже через пяток лет вырастет во взрослую тварь. И, хочет он того или нет, начнет убивать.

– Кто-нибудь пытался опровергнуть эту теорию? Сомневаюсь. А то, что не отразило предъявленного опровержения, полагать бесспорным нельзя.

– Зверь внутри будет требовать этого; и он станет слушать своего зверя, а не людей вокруг себя. Парень вырастет, и в его возрасте даже обычные, простые смертные подростки начинают вытворять невесть что, а такие, как он, сдерживать собственную злобу не умеют и не считают нужным – несознательно, инстинктом чувствуют, что это их сущность, а к чему спорить с сущностью? И спорить он не будет.

– Остается поблагодарить Бога за то, – заметил Курт, – что Он одарил парня столь впечатлительной, незлобивой и крайне добросердечной

матушкой, под чьей опекой вырасти задиристой лютой бестией было крайне проблематично.

– И ты полагаешь, этого довольно?.. Послушай, – вздохнул Ван Ален, помедлив, – ну, подумай. Простая *statistica*: не может быть, чтобы ни разу за всю свою жизнь он не сделал ничего подобного, как за ним ни следи. Сколько живут, такие, как он? Знаешь?

– И сколько?

– Переваливают далеко за век, если не попадаются и если ведут правильный образ жизни. А знаешь, что есть для такой твари правильный образ жизни? В том числе и правильное питание. А теперь, Молот Ведьм, догадайся, что это означает. Без этого радости жизни не столь долговечны – лет восемьдесят, быть может, или девяносто... Посмотри, какой задумчивый вдруг стал взгляд, – усмехнулся он, кивнув на Хагнера, по-прежнему не произнесшего ни слова. – Наверняка уже начал продумывать, что ему важнее – лишние лет тридцать пять бытия или чистая совесть.

– Это достоверно?

– И еще как, – неприязненно произнес Ван Ален. – Попадались вам когда-нибудь члены тайных сообществ, промышляющих поеданием человечины – только настоящие, а не те, что сознавались в ваших теплых объятьях от безысходности? Они сохраняют здоровье и силу вплоть до преклонных лет, да и наступают эти преклонные года у них очень и очень нескоро – надо объяснять, почему?.. И эти твари, как настоящему хищнику и положено, печенкой чуют, что за пища им требуется для тех же целей. Стриги, заметь, тоже не пробавляются животной кровью – цедят человеческую, только тогда они набираются достаточно сил.

– Интересно, – задумчиво произнес Курт, бросив взгляд на застывшую в ужасе Амалию и мрачного, как ночь, Хагнера. – Упомянутые тобою члены каннибальских тайных сект упоминали на допросах, что человеческое мясо по вкусу весьма близко к постной свинине. Наверняка и состав схожий, а стало быть, это вещи относительно взаимозаменяемые.

– Ты впрямь намерен держать его на поводке, подкармливая свинными отбивными? И ты думаешь, он на этом успокоится? Его сорвет – рано или поздно. Когда-нибудь (хоть когда-нибудь!) он сделает это, а остановиться после уже не сможет и не захочет.

– Стало быть, хорошо, что он будет под нашим надзором, если это и впрямь произойдет.

– Да ты что – серьезно? – оторопело понизил голос охотник. – Ты намерен позволить ему спокойно людей жрать во имя Господне?

– Я, – терпеливо пояснил Курт, – намерен сделать так, чтобы парень не

стал чудовищем, которым ты его мнишь. Намерен сделать все для того, чтобы нуждающийся в помощи ее получил. Чтобы, в конце концов, человек, никакого преступления в своей жизни не совершивший, не расплачивался за злодеяния других.

– Ну, предположим, так. Предположим, у вас это получится. Или вам *покажется*, что получилось – что вы намерены с ним делать тогда? Отпустить на волю, точно излечившегося душевнобольного?

– Воли ему не видеть, – согласился Курт и, уловив взгляд охотника, брошенный на молчаливого Хагнера, кивнул: – Он это понимает, Ян. И сам знает, что без надзора ему долго не протянуть. Разумеется, когда он войдет в пору полной сознательности, некоторая свобода действий ему будет предоставлена, однако без присмотра вовсе оставаться он не будет. Как, собственно, и любой в Конгрегации.

– «Любой в Конгрегации»... – повторил Ван Ален медленно. – Я не брежу, у меня нет проблем со слухом? То есть, ты хочешь сказать, что взял его на службу? Вот так запросто, точно метельщика нанял?

– Оцени, – заметил Курт серьезно. – Сейчас ты узнал информацию, которая будет ведома, кроме здесь присутствующих, еще дай Бог троим-четверым в Конгрегации.

– Я в восторге от оказанного мне доверия, – согласился охотник мрачно. – Особенно учитывая тот факт, что у тебя нет выбора, и именно от меня сейчас зависит, что будет с твоим новоявленным подопечным. Мне стоит всего лишь крикнуть погромче, чтобы твои грандиозные планы пошли прахом. Или не следить за языком в будущем.

– Припомни наш разговор, Ян, – попросил Курт настойчиво. – Припомни волка, о котором ты мне рассказал. Я лишь хочу сделать то же самое. Согласись: убить парня просто за то, что он уникален – несправедливо; отпустить его на все четыре стороны – немилосердно, по отношению к нему же самому в первую очередь. Что, по-твоему, я должен сделать еще, кроме как попытаться примирить его с окружающей действительностью, а действительность – с ним?

– У вас не получится, уясни ты это... Ну, а ты-то сам понимаешь, что выхода у тебя нет? – вдруг обратился к Хагнеру, осведомился охотник. – Ты осознаешь, что тебе одна дорога – к тебе подобным? Не смотри на него, – одернул он строго, когда тот скосился на Курта. – Говори сам за себя. Ты в самом деле полагаешь, что сможешь стать человеком?

– Я хочу этого, – не сразу ответил парнишка. – Я не хочу *той* дороги.

– Однако понимаешь, что это неисполнимо?

– Кто так сказал? – возразил Хагнер уверенней, подняв к нему глаза и

уже не отводя взгляда. – Никто не пытался это опровергнуть. Никто до сих пор не пытался что-то изменить. Я – попытаюсь. И я буду не один, а значит, шансы на успех больше.

– Ты думаешь, что тебя станут носить на руках, нянчиться и беречь, как зеницу ока? – вкрадчиво уточнил Ван Ален и наклонился ближе, упершись в столешницу локтями. – Хочешь, я расскажу тебе, что будет с тобой, если все это закончится, и ты доберешься живым до его начальства? Тебя заточат в каком-нибудь далеком монастыре в глухом подвале, раз в месяц запирая в клетке. Ты будешь единственной живой и здоровой тварью в руках Инквизиции, и уж они-то такого шанса не упустят. Тебя будут колоть, резать, бить, испытывать сталью, серебром, железом, огнем, ядом, черт знает чем еще, дабы проверить, что на тебя воздействует и как. И, смотри-ка – Молот Ведьм мне не возражает, не обвиняет меня в том, что я пытаюсь перевернуть его благие намерения, очернить такую милосердную и благочестивую Конгрегацию. Что это значит? Что я прав. Ну, как тебе такое будущее, парень?

– Лучше, – отозвался Хагнер, – чем, проснувшись поутру, обнаружить подле себя обглоданный скелет девицы, с которой уснул накануне.

– Говоришь то, что Молот Ведьм хотел бы услышать, – констатировал охотник, распрямившись. – Строишь из себя саму невинность.

– И чего же я, по-вашему, хочу этим добиться? Расположить к себе следователя, чтобы натравить его на вас и тем спасти себе жизнь? Просто отбрыкаться от смертной казни? Или получить от Конгрегации в будущем лицензию на то, чтобы блюсти *правильное питание*? Таков мой тайный план – прикидываться безобидным простачком, пока не соберусь с силами и не пущусь во все тяжкие?.. А чего вы хотите от меня добиться? Желаете убедить меня в том, что моя будущая жизнь хуже смерти? Желаете, чтобы я сам захотел эту жизнь оборвать? Желаете очистить совесть, взгрузив смертный грех на меня самого?.. Не дождетесь.

– Не советовал бы мне дерзить, – предупредил Ван Ален неприязненно, и парнишка пожал плечами, все так же не отводя взгляда:

– Не хотите честных ответов – не задавайте мне вопросов.

– Палец в рот не клади, – отметил охотник. – Отхватит вместе с рукой. Остальное доест на завтрак.

– В том, что касается моего случая, вы в довольно выгодном положении, – согласился Хагнер. – Есть множество всевозможных острот, которыми можно меня изводить. К примеру, пять ночей в месяц я из кожи вон лезу. А также выворачиваюсь наизнанку. Время от времени теряю человеческий облик, а порою даже готов волком выть.

– А также меняешь шкуру, но не нрав, – жестко оборвал охотник, кивнув Курту: – Ну, как тебе? Что скажешь? Само благонравие и кротость.

– Две минуты назад я был готов своротить тебе нос, – возразил он с усмешкой. – И своротил бы, имей ты глупость продолжить эту бессмысленную потасовку... Ты напустился на него с обвинениями; чего ты ждал? Парень умеет за себя постоять; слава Богу. Отличный настрой для конструктивной работы над собою в будущем. Плакальщики над собственной тяжкой долей мне, говоря правдиво, несколько наскучили.

– Поглядишь, что будет в этом самом будущем. Только плакать тогда, боюсь, придется не тебе, – вновь обратясь к Хагнеру, сообщил Ван Ален. – Это кроме того, что до тех весьма умозрительных дней еще надо дожить; причем, опять же, не тебе, – уточнил он, ткнув пальцем в Курта, – ему. Без его защиты ты лишь еще один зверь на пути любого другого инквизитора с менее развитой фантазией или первого встречного охотника. «Первый встречный охотник», замечу, уже здесь; и если ты выкинешь что-то, что мне не понравится, парень (хоть *что-то!*) – убью на месте. Переступлю через себя и сверну к чертям собачьим шею; умрешь быстро.

– Эти слова, – подытожил Курт, – я воспринимаю как довольно своеобразное уведомление о том, что ты все же решил примкнуть к нашему маленькому заговору. *Id est*, ты не намерен раздражаться криками, созывать общее собрание или хвататься за оружие незамедлительно.

– И, как уже сказал, наверняка об этом пожалею.

– Спасибо, – снова едва слышно выдавила Амалия; охотник поморщился.

– Отец меня не видит сейчас, – тоскливо проронил Ван Ален. – Ни за что в жизни ему в этом не признаюсь, даже на смертном одре. Я (я!) намерен прятать тварь от людей и ограждать от неприятностей. Не верю сам себе.

– Быть может, – снова вмешался Бруно, – для начала стоило бы употреблять иное слово, хотя бы в его присутствии? Не думаю, что твое поведение – самый лучший способ пробудить в Максе любовь к роду людскому. Даже у меня все более крепнет желание по меньшей мере тебя облаять.

– Волки лаять не умеют, – отмахнулся охотник. – А вот такие твари – так и рычать толком.

– А вот здесь, – возразил Курт уже нешуточно, – мы перейдем-таки к серьезному разговору, Ян. Первое, что я хочу заметить: Макс не из тех.

Усмешка, кривящая губы Ван Алена, исчезла вмиг; мгновение он сидел недвижно и безмолвно и, наконец, медленно выговорил:

– Так...

– Я это видел, как ты понимаешь, собственными глазами, – продолжил Курт в наступившем молчании. – Макс относится к той разновидности, что повыше полетом – полноценный волк.

– Все занятнее и занятнее, – все так же неспешно произнес охотник, переведя взгляд с Хагнера на его мать, и снова обернулся к Курту. – Не думаю, что ошибусь, если предположу следующее: когда этой ночью ты обсуждал со мною причины всего происходящего, ты уже начал понимать, что к чему.

– Боюсь, да, – согласился Курт, и Амалия несмело спросила:

– О чем вы?

– Думаю, парню с матерью лучше выйти, – снова умолкнув на миг, вздохнул Ван Ален. – Не для их это ушей.

– Они все равно все узнают, – возразил Курт. – И пусть лучше узнают от нас.

– Быть может, ты и прав, – нехотя согласился тот. – Хотя... ставить парня перед таким выбором – не рановато ли?

– Думаю, Макс вполне выросл и рассудителен для этого.

– О чем вы говорите? – повторила Амалия нервно, и охотник кивнул на Хагнера:

– Он внебрачный ребенок, ты сказала. Кто его отец и где он теперь?

– Он... он погиб до рождения Максимилиана; но при чем здесь...

– Как погиб?

– Позволь мне, – оборвал Курт, не дав Амалии начать долгое повествование. – Он работал на мельнице ее отца несколько месяцев. У них случилось. Парень был любителем поплавать – *ночами* в основном – и однажды, уйдя к реке, не вернулся. Спустя время она узнала, что в положении.

– Тело нашли? – спросил Ван Ален и, дождавшись кивка, уточнил: – Узнаваемым?

– Что вы всем этим хотите сказать? – растерянно пробормотала Амалия. – Не понимаю...

– Нет, – ответил за нее Курт. – Труп был обглодан хищником... Судя по всему, типичная схема, описанная тобою. Не дождался всего пары месяцев, чтобы узнать, что у него получилось. Признаюсь, поначалу я подозревал деда – уж больно он терпимо отнесся к несовершеннолетней беременной дочери, больно холил внебрачного внука; однако, подумав...

– Да, – согласился охотник, когда он многозначительно умолк. – Я уже говорил это не раз за время пребывания здесь, однако повторю: вот это

вляпались.

– Что происходит? – требовательно спросил Хагнер, переводя хмурый взгляд с одного на другого. – О чем идет речь и при чем здесь история моего происхождения?

– Ты не задавал себе вопроса, почему ты такой? – отозвался Ван Ален. – Откуда в тебе зверь?

– Каждый день последние два с лишним года. А вы знаете ответ?

– Такой сущностью наделяются лишь одним путем, парень: получают по наследству. И ты свою обрел по той же линии. Так они поступают, – продолжил он под возникшее вокруг молчание. – Находят себе подходящую девицу – крепкого здоровья, выносливую, учитывают еще какие-то им одним ведомые признаки, быть может, нюхом определяют, этого не знаю... Живут с ней некоторое время и, если результата нет, бросают или исчезают без объяснений... или умирают вдруг, оставляя слабоузнаваемый труп... и ищут следующую, пока не наткнутся на ту, что сумеет переломить человеческую натуру, забеременеть от твари и родить такую же тварь.

– То есть, – медленно заговорил Хагнер спустя мгновение тишины, – вы хотите сказать, что... он жив? Что мать он просто использовал? Этому есть доказательства, кроме ваших предположений?

– Вервольфом становятся только так, – твердо повторил Ван Ален. – Это доказано веками исследований. Только передачей из поколения в поколение.

– Тогда, быть может, майстер Гессе и прав? Быть может, мой дед им был? Или бабка?

– Дед вел себя странно ночами? Исчезал? По соседству то и дело пропадали люди или животные? Он заводил с тобой странные разговоры? Предполагаю, что – нет, судя по твоему лицу. Думаю, если б носителем вервольфьей сущности была твоя бабка, дед наверняка уловил бы что-то странное в жене, которая любит погулять ночами. И, кроме того, передача через поколение это невероятная редкость, не случается почти никогда.

– Что же касается твоего отца, – продолжил Курт, – то здесь совпадает все. Он появился неизвестно откуда – на время; и исчез. Уходил ночами. Плавать? Да, возможно – время от времени. Есть ведь и у ликантропов свои пристрастия. Он пробыл в тесных отношениях с твоей матерью довольно для того, чтобы убедиться, что результата нет. Тело, найденное спустя несколько дней, было обезображено хищником. Поскольку твоя мать вне подозрений, дед и бабка не подходят, а иных способов получить такие способности нет...

– Судя по всему, – подхватил охотник, – пройдясь по Германии с осеменением множества девиц, он через годы решил совершить повторное путешествие, дабы убедиться в том, что не произошло того, что мы, собственно, и имеем – беременность вскрылась после его ухода. О твоём наличии он узнал, побывав на месте вашего прежнего жительства. Наверняка узнал и о том, что вы вот так внезапно снялись и исчезли... А выследить – несложно. И он выследил. Думаю, ты понимаешь, к чему мы подводим. Множество тварей-подручных и их вожак, такой же, как ты, собравшиеся здесь – это не совпадение.

– Хотите сказать, что там, за стенами... мой отец? – выговорил Хагнер с усилием. – И – что же, он пришел за мной?

– Ему нужен наследник, – подтвердил Ван Ален. – Лет ему еще, как я понимаю, немного, однако о подобных вещах твари думают заранее. Кроме того, наличие готового преемника укрепит его и без того крепкую власть и упрочит и без того несомненный авторитет в стае. Но основная идея – продолжить род и воспитать нового вожака. Там, снаружи, собрались твои будущие подданные и папенька-король. Потому он не вошел в трактир под видом постояльца. Бывшая подружка могла признать его; а к чему лишние осложнения?

– Что же вы говорите такое! – сдавленно заспорила Амалия. – Почему вы все это говорите? Этого не может быть, вы ничего не знаете!

– Мам, – хмуро одернул ее Хагнер, и та отмахнулась:

– Нет! Я знаю, о чем говорю, а все это... все это чушь!

– Понимаю, – с непритворным состраданием вздохнул Ван Ален. – Обидно до чертиков. Ты проливала слезы над его трупом, а он в это время шуршал по окрестным городам и весям в поисках еще одной дурехи.

– Я бы попросил, – сухо заметил Бруно; охотник поморщился:

– Ай, брось. Ничего оскорбительнее последней новости она уже услышать не может.

– Все это неправда, – повторила Амалия. – Мы собирались пожениться, он обещал...

– Ну, красавица, милая, – укоризненно протянул Ван Ален, – уж настолько наивной не будь. «Обещал»... Наш любитель состоятельных горожаночек Марии тоже много чего обещал, и что ж? Хотя твой...

– Максимилиан, – приглушенно подсказала она, и Ван Ален кивнул, скосив взгляд на Хагнера:

– Ага. Вот оно что... Так вот, твой якобы почивший Максимилиан, быть может, свое обещание и исполнил бы – если б о твоём интересном положении стало известно до того, как он решил перейти на следующее

место. Женился бы, остался, заботился, растил бы. Готовил бы. Посему, если воспринять всерьез безумную идею Молота Ведьм – на твоём месте я б возблагодарил Бога за то, что этого не случилось. Уж он-то вырастил бы из твоего отпрыска такое же, как он сам, исчадие.

– Но ведь все это только ваши догадки, – уже не столь уверенно, тускло возразила Амалия. – Это просто догадки, никто не может точно знать...

– Мам, – повторил Хагнер строго. – Хватит. Сама ведь понимаешь, что они правы. Все, что ты знала, что рассказывала мне – ложь. Давай признаем: он не безобидный сорвиголова, преждевременно погибший по глупости, он вполне разумный и расчетливый...

– ...сукин сын, – подсказал Ван Ален, когда тот замялся. – Буквально.

– Я не хочу в это верить, – потерянно прошептала Амалия. – Не желаю. Как можно дальше быть, узнав такое...

– Я узнал, что я невеста что, – возразил Хагнер. – И ничего. Как видно, и с этим жить можно. Теперь я узнал, что мой отец тварь еще более худшая, чем я; но я намерен жить дальше и тебе советую.

– Не смей так о нем... – начала Амалия и запнулась, оборвав сама себя и закрыв лицо ладонями.

– Сейчас, – осторожно заговорил Курт, – для тебя настало, наверное, главное время в твоей жизни, Макс. Ты принял мое предложение, потому что бежать было просто некуда, но теперь выход появился. Теперь тебе предстоит решить, на чьей ты стороне и кем полагаешь себя ты сам. Напомню – он уже был здесь, когда и ты находился за стенами; и не может быть, чтобы он не пытался увести тебя. Наверняка пытался. Наверняка ты не ушел сам; быть может, и неосознанно, быть может, просто второй половиной инстинкта, человеческой частью чувствовал, что твое место здесь. Подумай об этом. Ты можешь сказать, что угодно, ты сумеешь, быть может, солгать мне так, что я тебе поверю и не увижу обмана, затаиться, выжидая момента, когда удастся от меня избавиться и таки выбрать другую дорогу, и поэтому я не жду от тебя слов. Не стану требовать сей же момент ответить мне, что ты решил и как поступишь. Сделай этот выбор для себя. Мне останется только поступить в дальнейшем в соответствии с этим выбором.

– То есть, – усмехнулся парнишка невесело, – прирезать меня, если я ступлю не на ту тропинку?

– Ты ожидал от меня другого?

– Нет, – отозвался Хагнер уже серьезно. – И, ждете вы этих слов или нет, я все-таки скажу: мое решение осталось прежним. Не желаю той

жизни. И, в конце концов, не хочу иметь ничего общего с человеком, для которого я что-то вроде породистого щенка. Ведь, как я понимаю, если б его особенность не передалась мне, он не стал бы нас преследовать?

– Наплевал бы, – подтвердил Ван Ален; парнишка кивнул:

– Вот и все. Должно быть что-то большее, чем общий цвет глаз.

– Хочешь сказать, – недоверчиво уточнил охотник, – ты на нашей стороне.

– Я на своей стороне, – возразил Хагнер коротко. – То, что по ту сторону, мне не нравится. Может, эту тему мы закроем? Я здесь, вместе со всеми, в том же положении, что и все. И я хочу помочь.

– Чем?

– Чем угодно, – дернул плечом парнишка. – Вы намерены выйти за железом в телеге Феликса; уж с этим я справлюсь. Приставьте меня к делу, дайте помочь, чем смогу; в конце концов, первопричина всего – я.

– Это и настораживает, – возразил Ван Ален, нахмурясь. – В свете чего выпускать тебя за стены мне не хочется.

– Отказываться от лишних рук глупо; я, в конце концов, могу унести не меньше, чем вы, а то и больше.

– Поручишься за него? – с усмешкой спросил охотник; Курт пожал плечами:

– В том, что он не возьмет ноги в руки именно сейчас? Вполне.

– Тогда подведем такой итог, – вздохнул Ван Ален недовольно. – Я не принимаю как доказанный и бесспорный факт, что ты безопасен, что всё в твоих уверениях – правда, однако дам тебе шанс. Я промолчу перед остальными и не убью тебя сейчас. Чем черт не шутит, быть может, пока еще ты не смешался со своим зверем всецело, ты и впрямь на что-то в этом смысле способен. Но учти, парень, запомни: бойся меня. При малейшем, самом крохотном подозрении пушу на воротник... – о взгляд Хагнера охотник запнулся, как о камень, и поднялся, механически оправляя свитер. – Ну, поехали, – не глядя ни на кого, подытожил Ван Ален и приглашающе махнул рукой к двери.

Глава 13

Новый поход за пределы стен прошел без каких-либо происшествий – Хагнер, Феликс и Карл Штефан под охраной рыцаря и охотника, выйдя за дверь, беспрепятственно возвратились спустя несколько минут, принеся с собою, однако, не железо, а массивное бревно. Второй выход, теперь за водой, также прошел мирно, равно как и третий; выданные трактирщиком мешки, наполненные грохочущей тяжестью, сгрузили на пол посреди трапезного зала, и Ван Ален, опустившись на скамью, объявил, тяжело отдуваясь:

– На ближайшие пару часов все свободны. Разберу это барахло я сам.

– Да неужто, – покривился Карл Штефан, дыша на покрасневшие руки, и с готовностью направился к лестнице.

– Не возьму в толк, к чему все это, – пренебрежительно кивнув на грудку железа, пожал плечами фон Зайденберг. – Ведь, как я понимаю, если отсечь вервольфу лапу, новая не вырастет. Голова не прирастет к телу, и выпущенные кишки он обратно не клеит. И, как ты сам сказал, даже стрелы майстера инквизитора могут убить его при верном выстреле...

– У моего приятеля дед без глаза, – сообщил Ван Ален, пояснив, когда рыцарь непонимающе нахмурился: – Стрелой выбило. Представь себе – вошла стрела в глаз, и ничего. Чуть кровью не истек, щека теперь дергается, но не умер – прошла вкривь и неглубоко. Это так, пример для наглядности. А уж сколько народу без рук-ног... Без головы, правду сказать, никто не бегают, это верно. Только для того, чтобы так удачно вмазать, к нему надо подобраться, а ты уже сам понял, насколько это непросто. А в остальном скажи-ка мне: что хуже – когда тебя просто порезали или когда отравленным клинком?.. Будь у Молота Ведьм стрелы железные, тогда, в конюшне еще, сейчас нам бы так кисло не было. За эти дни мы его резали еще не раз, и если б все это железом, сегодня он был бы уже не таким бодрячком... Не все то золото, что блестит. Да и то, что золото, не всегда самое ценное. Да, вот эти вот непритязательные железки нам сейчас полезней, чем твой отточенный и сияющий меч.

– Но с этими железками ведь тоже надо вначале к нему подступить, – не унимался рыцарь. – А это, как ты и сказал, весьма сложно.

– Не обязательно, – туманно возразил охотник и отмахнулся: – Давайте-ка вы все по комнатам и отдыхайте: предчувствую ночь не

скучней вчерашней. Тебе, кстати сказать, тоже не помешало бы отоспаться, – наставительно велел он Курту, когда в трапезном зале остались лишь он, Хагнер и Бруно. – Минувшей ночью ты, как я понимаю, не спал вовсе, да и утречко выдалось то еще, а ты к тому же отравлен. Если сейчас не поспишь хотя бы пару часов, к вечеру свалишься с копыт, и толку с тебя тогда?

– А не боишься остаться с глазу на глаз со страшным созданием тьмы?

– Или просто ты сам опасаясь оставить меня с ним наедине? – уточнил Ван Ален. – Не переживай. Если он не начнет глотать мою ногу, я на нем ни шерстинки не трону.

– Слишком костляв на мой вкус, – холодно улыбнулся Хагнер, и охотник нахмурился:

– Дед тебя не порол, видно. Не вынуждай меня браться за твое воспитание.

– Не сожрите здесь друг друга, – почти всерьез попросил Курт, с усилием поднимаясь, и осторожно, словно налитую до краев миску, понес себя к лестнице.

Отдых и вправду был необходим, это ощущалось каждой частицей тела, которое словно сжимал кто-то в горячем, как сковорода, кулаке, и дурнота, которую прежде можно было хоть как-то игнорировать, сейчас одолевала уже неотступно и упрямо. На постель он упал, не раздеваясь; жаровню в комнате никто не нагревал, однако холода сейчас не ощущалось – собственный жар с каждой минутой лишь умножался. Дремота подступила тяжело и вязко, не давая погрузиться в сон до конца; туманные образы, в том числе и уже неизменное видение горящих стен старого замка, подступающих все ближе, приходили и оставались рядом вместе с вялым, но вполне осознаваемым ощущением яви вокруг, и полуспящий мозг успокаивал сам себя, поясняя телу, что привычный кошмар порожден болезненной горячкой. Реальный мир таял нехотя, отодвигаясь шаг за шагом вдаль, и нескоро пришел настоящий сон, теперь без видений, поглотивший целиком и измотанное тело, и утомленный разум.

Долгим сон не был; это Курт осознал, когда чья-то рука, взявшись за плечо, настойчиво вытянула его в реальность. Лицо Бруно, склонившегося над лежанкой, выражало смесь тревоги и испуга, и в голосе было явственное напряжение.

– Ян не хотел тебя будить, – сообщил он, когда Курт тяжело сел на постели. – Но я думаю, надо. Амалия заперлась в комнате и не отвечает. Ключи от всех комнат ты у хозяина отнял, где они, я не знаю, и если ты сейчас не появишься, они сломают дверь.

Остатки сна улетучились разом, и теперь слышно было, как в отдалении, из недр трактирного коридора, доносится бесцеремонный, явно уже ногой, грохот в доски двери и требовательный голос Ван Алена.

– Останови их, – коротко велел Курт, поднимаясь. – Я буду.

Помощник молча кивнул, устремившись прочь из комнаты почти бегом; он встряхнул головой, сбрасывая последние обломки сонливости, и влез в сапоги, отмечая, что при наклоне не закружилась голова, а одолевавшая его тошнота отступила совершенно. Охотник был прав – короткий и не слишком здоровый сон все-таки явно пошел на пользу...

В коридоре столпились все, даже Берта Велле с красными, точно у чахоточной, глазами стояла чуть в стороне от двери, глядя на створку с обреченным ужасом и зажав ладонями рот, быть может, чтобы не закричать от того, что увидит внутри. Хагнер и Ван Ален у порога обернулись, когда Курт окликнул охотника, и тот поморщился:

– Я ведь говорил ему – не будить...

– Чушь, – еще хрипло со сна оборвал Курт, доставая связку ключей. – Если что-то происходит, я должен знать об этом.

– Здесь не происходит, здесь уже произошло, и твое присутствие вряд ли что-то изменит. О последствиях я рассказал бы, когда ты проснулся б.

– Ты думаешь... – тонко прошептала Мария Дишер, прижавшаяся к стене, – ты думаешь... она что-то сделала с собой? Чтобы волку не попасться?

– Вполне в духе ситуации, – хмуро согласился охотник. – Этаким выход из безвыходного положения.

– Пустите, – потребовал Хагнер, когда ключ повернулся в замке, и Курт перехватил его за локоть.

– Стой, – приказал он твердо, отодвинув парня назад, и, распахнув створку, замер, не войдя внутрь и слыша внезапную тишину вокруг.

– Вот дура... – во всеобщем молчании чуть слышно проронил Ван Ален.

Внутри царил уличный мороз; на изголовье кровати скопилась тонкая снежно-ледяная полоска, пол перед окном побелел, а подоконник зарос пышным сугробом, наметенным вьюгой сквозь голое окно. Ставня, выкорчеванная из проема, стояла у стены рядом, позволяя ветру разгуливать по совершенно пустой комнате.

– Что это еще за черт? – растерянно проронил Карл Штефан, заглянув через плечо рыцаря, заграждавшего ему видимость. – Где она? Ее... что – вытащили через окно?

– Она сама вылезла, идиот – не видишь, рама снята! – со злостью

отозвался охотник, прошагал к окну и, ладонью сметя слой снега, потянул за веревку, укрепленную так же, как, наверное, это делалось в прежние ночи.

– Ерунда какая-то... – оторопело произнес рыцарь.

Неподвижно стоящий Хагнер, лишь теперь очнувшись, вздрогнул, точно от удара, и вбежал в комнату, бросившись к окну; Ван Ален ухватил его за плечо, не дав высунуться наружу, и, резко отшвырнув назад, повысил голос:

– Не лезь; что ты там хочешь увидеть? Как она бродит по сугробам под стенами? Ее здесь нет.

– А где же она? – проронил торговец, отступив от двери подальше в коридор. – Зачем это она? Неужто сбежала, сына бросив?

– Да ну, – с сомнением возразил Карл Штефан, глядя, как охотник, обрезав заледеневшую веревку, вклинивает раму окна обратно. – Не полная ж она дура. Середина дня, никак не успеть добраться до жилья. И вещи вон стоят... Слушайте, но не по нужде ж она через окно полезла?

– Все вон, – тихо приказал Курт, и тишина воцарилась снова, сдобренная оскорбленно-растерянным взглядами. – Выйдите, – повторил он. – Все, кроме Яна и Макса.

– Что тут происходит? – с подозрением спросил фон Зайденберг, не шевельнувшись, и он повысил голос:

– Я попросил всех уйти. Пока просто попросил. Это – понятно?

Несколько мгновений все стояли неподвижно и не произнося ни слова, глядя на майстера инквизитора кто испуганно, кто растерянно, кто ожесточенно; наконец, пожав плечами, Карл Штефан развернулся, направившись к лестнице в трапезный зал, и один за другим прочие неохотно последовали его примеру.

– Меня ты не упомянул, – заметил Бруно, глядя им вслед. – Мне что же – тоже выйти?

– Всенепременно, – согласился Курт. – Сиди с ними. Слушай, что говорят. На все вопросы ответ «не знаю».

– На все так не ответишь.

– Чай не дурак. Выкрутишься. Иди и будь там, пока не позову.

Помощник бросил взгляд на мрачного, как преисподняя, Хагнера, замаявшись на мгновение, молча кивнул и развернулся, направившись следом за постояльцами.

– Зачем она это сделала? – спросил парнишка, когда дверь за ушедшим закрылась, и Ван Ален искривил губы в подобии ухмылки:

– Вспомнила юность – через окошко к любимому на свидание...

Сноровистая тетка. Зимой, со второго этажа, по веревке...

– Глупо, – с тоской произнес Хагнер. – Ведь это же глупо...

– Глупо, – согласился Курт. – И еще как.

– Ее надо найти. Времени прошло немного, она еще там; надо выйти за ней.

– А вот это еще глупей, – заметил он наставительно. – В том, что она там – я не сомневаюсь, но в живых ее уже нет.

– Откуда вы знаете? – развернувшись к нему рывком, зло бросил Хагнер, и Курт вздохнул:

– Там зверь за стенами, Макс. Если он тоже проявит глупость и отпустит ее – Амалия будет стучаться в дверь уже через минуту. Но на это я бы не рассчитывал.

– То есть, вы намерены ее там бросить, так?

– Бросить? – хмуро поинтересовался Ван Ален. – Да, мы тоже, в общем, по-глупому рисковали, чтобы спрятать два трупа от волчьих зубов, но она – она уже у него в зубах. Точней, в желудке.

– Не смейте над этим потешаться, – угрожающе потребовал Хагнер, и Курт вздохнул:

– Он всего лишь имел в виду, что живой ты ее не найдешь, и даже тело искать бессмысленно. Мы не спасем ее жизни и не уберем от посмертного осквернения.

– Не желаете рисковать? Значит, я выйду сам, – твердо заявил парнишка. – Один. И только попытайтесь меня остановить.

– И? – глядя на него сквозь подозрительный прищур, уточнил охотник. – Что тогда?

– Попробуйте, – повторил Хагнер. – И увидите.

– Станешь кидаться в драку ради того, чтобы добыть мертвое тело?

– Он не мог ее убить. Если он тот, о ком вы говорите, если он хочет перетянуть меня на свою сторону – разве он станет убивать близкого мне человека? Это лучший способ стать моим врагом.

– Уверен, он полагает, что ты был с ней просто потому, что больше было некому о тебе позаботиться. Не думаю, что он воспринимает всерьез твою сыновнюю почтительность к какой-то девке, чья задача была лишь в том, чтобы стать вместилищем для его потомства.

– Следите за словами, майстер Гессе, – повысил голос Хагнер. – Вы говорите о моей матери.

– Разумеется, я говорю о ней, – согласился Курт, – и сказал далеко не все. Она сделала глупость. Для чего она пошла к нему? Пристыдить? Удостовериться, что мы неправы в своих выводах? Просто увидеть? Любая

причина – дурость и вздор.

– В немецком языке много слов, – уже с откровенной злостью сообщил Хагнер. – Будьте любезны избирать менее выразительные.

– Для чего? Чтобы утешить тебя и сказать, что Амалия пала смертью храбрых, принеся себя в жертву? Чему? Ничему, кроме собственной глупости.

– Не будите во мне зверя, – с расстановкой выговорил парнишка, шагнув к нему и сжав пальцы в кулак. – Еще слово в таком тоне...

– В ней проснулась забытая старая страсть; это я понимаю, – кивнул Курт, не отступив и словно его не услышав. – Когда столько лет живешь в одиночестве, это случается. Но я не намерен подставлять шею из-за дури, которая бродит в голове у одиноких неудовлетворенных дамочек, стосковавшихся по мужскому вниманию...

– Заткнись! – выкрикнул Хагнер, метнувшись вперед, и от толчка в грудь Курт отлетел назад, не удержавшись на ногах.

Ван Ален сорвался с места, схватившись за оружие, и он вскинул руку, остерегающе окрикнув:

– Ян! Нет!

Тот остановился в шаге от Хагнера, смотрящего на свою руку с удивлением и почти испугом; в наступившей тишине Курт неспешно поднялся, так же неторопливо отряхнул плечо и штанину от пыли, кривясь, расправил грудь и глубоко вдохнул. В точке схождения ребер простреливало, хотя, кажется, трещин или защемления не было. Знал бы, что парень уже способен на такое – увернулся бы, хотя воспитательный момент, конечно, был бы тогда не столь наглядным.

– Простите, – с усилием произнес Хагнер, отступив. – Я не хотел...

– Я предупреждал, – наставительно сказал охотник, все так же не убирая ладони с рукояти. – Я об этом предупреждал. Он не подвластен сам себе.

– Брось, Ян, – поморщился Курт, – не гони волну. Я облил помоями его матушку – как бы ты себя повел на его месте?.. Ничего, Макс, это было ожидаемо: я доводил тебя намеренно. Однако, невзирая на то, что сейчас я сказал Яну, кое в чем он прав. Да, думаю, и он сам засветил бы в физиономию тому, кто сказал бы несколько ласковых слов о его матери, сестре, если б таковая была, или брате; однако разница в том, что он сделал бы это вполне сознательно. Ты же *не хотел* – но сделал. Просто поддался эмоциям. Поддался озлоблению; и – потерял голову. Я разбудил-таки в тебе зверя.

– До сих пор такого не случалось, – тихо выговорил Хагнер, и Курт

пожал плечами:

– До сих пор и поводов таких не было... А теперь, когда пар ты выпустил, выслушай меня снова. Изменить мы уже ничего не сможем.

– Почему вы так уверены?

– Подумай спокойно, и ты сам поймешь, что я прав, Макс. Ее больше нет, остается только смириться с этим.

– Смириться? Ну уж нет. Пусть только он окажется рядом, пусть только...

– Злость, Макс, – напомнил Курт. – Следи за ней. Это говорил и мне мой инструктор, когда бросал меня мордой в пыль, и еще немало кто немалому количеству народу, однако для тебя это имеет куда большее значение. Ян прав и в еще одном: твой зверь будет требовать крови, и не раз, и чем ты будешь старше, тем больше. Такова твоя сущность, вот только с этим как раз смириться не стоит. Бери его под контроль уже сейчас, иначе после будет трудно.

– Будешь лелеять мысль о том, как перегрызешь ему глотку, – добавил Ван Ален, – и единственное, чего добьешься – растравишь аппетиты этого зверя.

– Посмотрел бы я на вас, если б ваша мать...

– Моя мать, – оборвал его охотник, – была убита стригами. Мой отец в этот день каждый год напивается до синих чертей, а я бешусь оттого, что я был слишком мал и не помню их лиц. Думаю о том, что однажды могу встретить кого-то из них – к примеру, вот так же в трактире. Он пройдет мимо, заденет меня локтем, скажет «извини, парень», и я отвечу «бывает». Мы дружески друг другу улыбнемся и разойдемся в разные стороны. И поверь, легче мне от этих мыслей не становится.

– И что же я должен сделать? Похлопать его по плечу и сказать, что не держу зла?

– Это дело дальнее, – осадил его Курт. – Неотомщенной она не останется, но для этого надо хотя бы выжить самому, а ее выходка сделала эту задачу куда как более сложной. Эти люди, что собрались внизу, тоже не могут не задаться вопросом, почему женщина в своем уме добровольно покинула безопасные стены и отправилась к зверю в пасть.

– Они, конечно, не великого ума, – вздохнул Ван Ален, – однако же не полные болваны. Убедительно соврать не выйдет – просто нечего измыслить, никакое объяснение не будет звучать веско. Боюсь, придется сказать правду. Разве что удастся не упомянуть об их сходстве...

– Догадаются. «Ведьмина кровь» – сколько во времена оны были сожжены лишь за это, для скольких обвинением был лишь один факт –

осужденная за ведьмовство мать? Если отец оборотень, то и сын тоже, уж здесь логика проста. А если они, заподозрив, пожелают проверить свои догадки с наступлением ночи, кто им запретит и по какой причине?.. Уж говорить – так говорить всё.

– Вы хотите рассказать им обо мне? – уточнил Хагнер сумрачно. – И надеетесь при этом сохранить мне жизнь? Или это уже не входит в ваши планы?

– Пытаешься острить? – серьезно спросил Курт. – Выходит скверно. Если за этой довольно посредственной шуткой таится реальное опасение, и ты полагаешь, что я брошу тебя на растерзание при малейшей опасности, скажи это в открытую. Впрочем, ни к чему; ты уже сказал.

– И что вы ответите?

– Что я и Бруно – два единственных человека подле тебя, в ком ты можешь быть уверен так же, как в себе самом. Или даже больше, учитывая некоторые особенности твоего положения. А вот о тебе, – обратясь к охотнику, заметил Курт, – я не знаю, что думать. Ты прав: сейчас придется спуститься вниз и рассказать всем, что здесь происходит – причем рассказать всё. В свете этого я должен знать: ты со мной?

– Это уже не просто сохранение тайны, – не сразу ответил Ван Ален, глядя на Хагнера придирчиво. – Это уже прямое противостояние. Вполне возможная вероятность ввязаться в драку, чтобы защитить этого щенка.

– Наверняка.

– А ведь они, в отличие от меня, церемониться не станут; эти, если дойдет до крайностей, бить будут на поражение...

– Будут, – согласился Курт, и охотник кивнул:

– К черту. Я с тобой. Но смотри, парень, – жестко выговорил он, приподняв к лицу Хагнера сжатый кулак, – если выяснится, что ты того не стоил – найду, даже в инквизиторских застенках; найду и сердце вырву.

– Идем, – поторопил Курт, когда парнишка лишь молча поджал губы. – Не думаю, что мой помощник сможет долго держать оборону.

– Не говори ни слова, – предупредил Ван Ален, подтолкнув Хагнера к двери. – Даже не думай ляпнуть хоть что-то – сам видишь, добром это не кончается. Держи язык за зубами, а зубы...

– Я понял, – отозвался тот коротко.

Курт лишь молча отстранил его с пути, подвинув назад, и в коридор вышел первым. Уже здесь слышны были голоса, встревоженные и громкие, доносящиеся из трапезного зала, однако галдеж смолк, когда их троица появилась на последних ступенях лестницы.

– Ну, вот и вы, наконец, – нетерпеливо отметил фон Зайденберг. – От

вашего помощника толку немного; что происходит, майстер инквизитор?

– Бруно, – не ответив, окликнул он, и помощник, поднявшись со своего места напротив понурившегося торговца, подошел ближе. – Сядь, – приказал он Хагнеру, развернув его к столу позади себя.

Ван Ален остался стоять, где был, между противоположным столом и лестницей; Курт с усилием, все так же молча, выдвинул скамью из-за соседнего стола и уселся на столешницу перед Хагнером, поставив на край скамьи ногу. Теперь пройти к парню было нельзя, не прыгая при этом через мебель или живых охранителей, однако Курт от души надеялся, что удастся обойтись словами. Вот только какими?..

– Что – тут – происходит? – повторил рыцарь с расстановкой. – Вам что-то известно, майстер инквизитор, вы мне не показались удивленным при виде пустой комнаты. Ваш помощник тоже знает что-то и отмалчивается довольно неуклюже. Надеюсь, сейчас вы намерены объяснить нам, в чем дело.

– Намерен, – согласился Курт, обводя взглядом собравшихся и видя ожидающие взоры. – С одним условием. Сперва говорю я, вы молча слушаете. Все вопросы, претензии, бунты – после. Это – понятно?

– Чую неприятности, – кисло произнес Карл Штефан. – Даже как-то и слушать расхотелось.

– Говорите, майстер инквизитор, – со вздохом предложил трактирщик. – Мы будем слушать.

– Хорошо, – кивнул Курт, не зная, с чего надлежит начинать – бывать в роли оправдателя и тем паче заступника доводилось нечасто, и нужные слова складывались с трудом. – Я не стану объясняться долго и сразу перейду к главному: за эти дни мы узнали, почему оборотень устремил свое внимание именно на нас и для чего прилагает к этому столько сил. Волею случая все мы оказались рядом с тем, что он хочет получить; точнее – кого. Среди нас находится его сын, о существовании коего ему стало известно не так давно и которого он теперь во что бы то ни стало желает увести с собой.

– Ах ты, черт... – охнул Карл Штефан, ошеломленно глядя за его спину. – Мальчишка...

– Увы, – кивнул Курт, не возмущившись нарушением договоренности, однако повысив голос, дабы предварить возможные реплики прочих слушателей. – Нас же с вами как очевидцев этого события ожидает участь довольно неприятная. Как вы сами понимаете, мы должны быть убиты – все до единого, чтобы не осталось свидетелей произошедшего, а также тех тайн, что стали нам известны за время нашего невольного общения с

оборотнем. На это он не пожалеет никаких сил. Это говорилось уже не раз, однако в свете последних новостей должно стать ясно каждому: у нас нет иного выхода, кроме как одолеть его.

– А она-то что ж... – несмело проговорил трактирщик, выждав мгновение тишины. – Она к нему ушла? Почему ж сына не взяла с собой?

– Совсем идиот? – не слишком любезно осведомился Карл Штефан. – Она к нему рванула, чтобы повиснуть на шее и рассказать, какие он нехорошие вещи творит – ну как пристыдится, поплачет с нею вместе и возьмет... лапы в лапы. Влюбленные девки половину мозгов теряют на ходу крупной россыпью.

– Скотина, – с чувством прошептала Мария, и он пожал плечами:

– Так ведь правда.

– О чем вы здесь говорите? – возмущенно возвысил голос фон Зайденберг. – Вы хоть понимаете, что это все означает? Это значит, что с нами, здесь, в этом трактире, находится такой же зверь!

– А ведь правда, майстер инквизитор... – растерянно проронил торговец, отодвинувшись назад и глядя на Хагнера с внезапным ужасом. – Ведь выходит, если сын твари, то и сам тварь... или нет?

– Увы, – повторил Курт, и вокруг спустя миг безмолвия вновь разом вспыхнул гвалт на разные голоса.

Бруно напрягся, глядя на него с нетерпением и опаской, сдвинувшись чуть в сторону, ближе к столу, Ван Ален остался стоять на месте неподвижно и безгласно, и Курт умолк тоже, не пытаясь пресечь нарастающий гомон.

– Вы ничего не хотите сказать? – перекрыв прочих, на пределе крика бросил рыцарь, и он пожал плечами:

– Я жду.

– Ждете?! – переспросил фон Зайденберг возмущенно. – Чего!

– Жду, – кивнул Курт, и голоса начали стихать, – когда вы наговоритесь. Не желаю изображать из себя площадного торговца, пытаюсь вас перекричать. Когда вы будете готовы слушать дальше – дайте знать.

– Что слушать? Что тут можно... Господи! – в сердцах выдохнул фон Зайденберг, пристукнув по столу кулаком. – Это немыслимо!

– И вы знали об этом все время? – с обреченной укоризной проговорил Альфред Велле. – Вы знали и – молчали?

– Нет, – отозвался Курт как можно спокойнее, – я не знал. Все разъяснилось лишь сегодня. Собственно, сама Амалия узнала, что происходит, только этим утром, и для нее это оказалось такой же неожиданностью; наверняка лишь внезапность свалившейся на нее новости

и подвигла ее на столь необдуманный поступок. Только сегодня мы смогли собрать воедино множество разрозненных сведений и сложить полную картину.

– А парень что? – хмуро уточнил рыцарь. – Он-то знал о себе? Мать ведь знала о нем? Знала – и молчала!

– А вы полагаете, что, знакомясь с соседями в трактире, вменяемый человек первым делом упомянет о чем-то подобном?

– Вы его охраняете, что ли? – тихо спросил Феликс. – То есть, это не... вы его сейчас за спину себе спрятали, обвинять его не обвиняете... Что ж это значит, майстер инквизитор?

– Второй главный вопрос, – согласился Курт. – Да, закон естества распорядился так, что Максимилиан Хагнер унаследовал столь... неудобную особенность своего родителя. Однако до сего дня и часа за ним не было и нет никакой вины. Его мать ограждала его от любых вероятностей, могущих подвигнуть на нечто подобное; и поскольку согласно закону, исполняемому Конгрегацией, за одну лишь отличность от заурядных людей карать нельзя, выдвигать обвинение ему – да, я не стану.

– А что же вы станете делать?

– В будущем? Вручу стоящим надо мною. Что дальше – не моего ума дело, я всего лишь следователь, моя работа найти, пресечь, сохранить. Защитить при необходимости.

– Вы намерены его защищать? – уточнил фон Зайденберг. – От кого?

– От того, – выразительно пояснил Курт, – кто вознамерится причинить ему вред. Тот, кто пожелает сделать нечто подобное, будет иметь дело со мной. Поскольку Максимилиан Хагнер, подданный германского трона и сын католической церкви, лишился матери и является несовершеннолетним, решения за него принимаю я как ближайший в обозримой окрестности представитель официальной власти. Я являюсь в сложившихся обстоятельствах его законным опекаемым, я решаю, что он будет делать и когда, как он будет поступать, а также беру на себя обязательства по защите его от всего, что будет мною сочтено опасным и вредоносным – от лишней кружки пива до личностей, желающих невовремя и не к месту схватиться за оружие.

– Но тот, снаружи... – начала Мария Дишер неуверенно, и Курт кивнул:

– А также от родственников, чье влияние на него мне как служителю Конгрегации кажется тлетворным и разрушающим его душу.

– То есть, – с нетвердой усмешкой подытожил Карл Штефан, – вы нас ставите перед фактом, что с нами в одном доме будет пребывать свободно

разгуливающий оборотень, и того, кто попытается возмутиться этим, вы тут же обвините в ереси и исполните приговор на месте?

– Ну, к чему столь мрачно. Я надеюсь на вашу рассудительность и здравый смысл.

– Здравый смысл, – возразил фон Зайденберг, – говорит о том, что находиться поблизости от зверя опасно. В дни моей юности, майстер инквизитор, подобных личностей предъявляли суду, и никакие оправдания не перевешивали того, что он может...

– А вы можете убить невинного, – пожал плечами Курт.

– Не понял, – напряженно произнес рыцарь, и он вздохнул:

– При вас есть оружие, господин фон Зайденберг. Вы обучены с ним обращаться, вы почасту бываете на пустынных дорогах, где вам наверняка попадаются одинокие и, уверен, порою обеспеченные путники. Можете предъявить гарантии того, что вы не отправили в мир иной кого-то из них, дабы поправить свои дела?

– Ваши обвинения, майстер инквизитор...

– ...не менее умозрительны, нежели ваши. Он *может* напасть; не спору. Как и вы, как Ян или я сам, и проверить это невозможно. Феликс может обсчитывать своих покупателей и заказчиков, причем регулярно – ведь он занимается торговлей, а это вполне достаточное условие. Альфред может предъявлять нам счета, не соответствующие его услугам – он содержатель трактира, а это обстоятельство дает такую возможность. Берта может класть нам в каши прошлогодние сардельки – ведь она заведует кухней... И, наконец, поскольку каждый из вас хоть раз в жизни если не прочел, то услышал Священное Писание и имеет способность мыслить – каждый может выдумать ересь.

– Не думаю... – начал торговец с сомнением; Курт кивнул:

– Сочувствую.

– Это нельзя сравнивать, – возразил рыцарь. – Мы способны уследить за собою; он – нет. Вы намерены выбросить из мешка ядовитую змею посреди людной площади, майстер инквизитор.

– Зачем спорить? – тихо вмешалась Берта Велле. – Почему не отпустить мальчика к отцу?

– Ты всерьез предлагаешь умножить поголовье тварей собственными руками? – переспросил Ван Ален с подчеркнутым интересом. – Парень сам же отбрыкивается от такой семейки, собственной волей решил отречься от крамолы – а ты предлагаешь выпихнуть его насильно, чтобы там из него таки сделали убийцу и людоеда? Да ты ангел просто.

– От него, – заметил Феликс, – мы еще не слышали ничего такого. Чего

ж он молчит? Он сам не сказал пока, что не желает воссоединиться с родителем.

– Он молчит потому, – пояснил охотник доброжелательно, – что у вас с ним много общего: при попытке ляпнуть что-то выходит глупость.

– Слушайте, майстер инквизитор, – окликнул Карл Штефан заинтересованно, – а если допустить, что он останется? Ну, к примеру, вам удастся нас разжалобить, и мы все разом кинемся его оберегать от его родни, которая так плохо на него влияет... Он, быть может, славный парень, сама учтивость и добродетель, только вот, как я помню со слов господина охотника, он ночью обо всем этом забудет. Он вообще забудет, что человек. И мне, знаете ли, будет глубоко начхать на то, что, закусив мною в бессознании, наутро парень будет биться головой о стену и слезно каяться. Безопасность, о которой вы так пеклись – как с ней-то быть?

– Вот уже три ночи он здесь, – вмешался Бруно негромко. – И *от него* – никто не пострадал.

– Резонно, – вынужденно согласился фон Зайденберг, бросив на Хагнера угрюмый взгляд. – И вы убеждены в том, что сумеете обеспечить это и впредь?

– Вариантов множество, – кивнул Курт. – Прежде мать вязала его на ночь; согласитесь, при этом сложно закусывать корыстолюбивыми пройдохами. Но теперь, когда столь уместно мы обрели желанное железо, есть иной выход: попросту помешать ему обернуться зверем. Полагаю этот способ обеспечения его безвредности гораздо более уместным, ибо ночью при обороне мы получим лишнего человека.

– А он станет нам помогать? – пренебрежительно хмыкнул Феликс. – Отец, все ж таки, неужто вы думаете, что на него мальчишка руку подымет?

– У меня нет отца, – заговорил Хагнер, и торговец умолк, косясь на него с опаской. – Не было почти пятнадцать лет и нет сейчас. А то существо, о котором вы говорите, убило мою мать. Еще вопросы – есть?

– И вы ему верите?

– Как я понимаю, – вздохнул трактирщик, – выбора вы нам оставлять не намерены, майстер инквизитор. Вы уже решили, что он будет в живых и будет здесь, а нам остается лишь принять вашу волю.

– Спорить не буду, – кивнул Курт; Феликс нахмурился:

– А я буду. Он порождение Дьявола, и мы все понесем возмездие от Господа, если вздумаем покрывать его. Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых и не стоит на пути грешных и не сидит в собрании развратителей!

– Вот даже как, – пробормотал охотник; Курт вздохнул.

– Блажен человек, который всегда пребывает в благоговении, – произнес он размеренно, – а кто ожесточает сердце свое, тот попадет в беду.

– Зло причиняет себе, кто ручается за постороннего; а кто ненавидит ручательство, тот безопасен!

– Душа согрешающая, она умрет; сын не понесет вины отца.

– Вина отцов на детях их!

– Сын не несет вины отца своего, потому что сын поступает законно и праведно, все уставы Мои соблюдает и исполняет их; он будет жив... Не переплюнешь, Феликс. Уж в чем, а в Писании я подкованней буду.

– Отчего лишь я один не желаю связывать свою душу с созданием Сатаны?! – призвал торговец, вопрошающе оглядевшись. – Неужто все вы готовы рисковать жизнями и посмертным спасением ради адского исчадия? Неужто столькие верные дети Церкви не могут противостоять одному?! Рассудок его помутнен демонским мороком, а вы...

– Полегче, – предупредил Ван Ален уже серьезно. – На твоём месте я бы следил за словами – инквизиторы такой словоохотливости обыкновенно не жалуют. Кроме того, помутненных здесь по меньшей мере трое. С оружием.

– И вы готовы пустить его в ход? – уточнил фон Зайденберг. – Против людей, чтобы защитить зверя?

– Знаешь, мне самому все это не по душе, – согласился охотник. – Однако Молот Ведьм прав в одном: винить парня не за что, а если мы порешим его просто потому, что он, может быть... когда-нибудь... что-нибудь... почему-нибудь... Чем будем лучше тех же тварей? Есть факт: он желает остаться человеком. Во всех смыслах. Не помочь ему в таком деле – вот это и впрямь будет грех, это даже не попустительство будет – подстрекательство.

– Я думаю, надо голосовать, – решительно сказал торговец. – И поступить, как решится большинством.

– Этот трактир внезапно перешел в статус вольного города? – осведомился Курт. – И все обрели в нем гражданство? Или твоей волей он вдруг перенесся из Германии на иные земли?.. Мы все еще под юрисдикцией Закона, Феликс, и в ведении Святой Инквизиции, чьим служителем я являюсь. Не вынуждай меня применить данные мне полномочия вьяве.

– Пусть начинает свое голосование, майстер инквизитор, – нехотя, через силу выговорил фон Зайденберг. – Вас уже трое по ту сторону... И я с вами.

– Господин рыцарь! – возмущенно и ошеломленно ахнул Феликс. – Ведь вы же сами!.. только что!.. Как же вы?..

– Я имперский рыцарь, – пояснил фон Зайденберг хмуро. – И клятву, данную при посвящении, помню ежедневно, ежечасно. «Веруй всему, чему учит Святая церковь, исполняй ее повеления: защищай ее, с тем вместе уважай слабого, будь защитником его, защитником вдов, сирот, всякого немощного». В этом клянется рыцарь, обретая цепь и меч. Тебе неоткуда это знать, и сие простительно.

– Да ведь вы же сами во все эти дни были против его указаний, против...

– Возможно, – оборвал фон Зайденберг. – Но я не убиваю детей. Этого тебе тоже, боюсь, не понять... Я с вами, майстер инквизитор, и вы в большинстве.

– Не ожидал, – признал Курт искренне. – Благодарю.

– Вы мне по-прежнему не нравитесь, не строите иллюзий, – оговорился рыцарь. – Я все так же полагаю, что вы взялись решить задачу не по силам, но охотник прав: не попытаться значило бы подтолкнуть мальчика к злодеянию, а стало быть, взять на себя половину его греха. Я помогу вам защитить его.

– Альфред! – с отчаянием потребовал торговец, и трактирщик, помедлив, вздохнул:

– Что-то ты мутишь, Феликс. Какое ж он исчадие адское, ежели был и крещен, и Причастие принимал? И инквизитор не станет заступаться за сатанинское отродье. Я верный католик и поступать стану так, как велит Церковь и ее служители. Я, конечно, рыцарских клятв не приносил, однако же это долг любого христианина – помочь нуждающемуся в помощи, защитить сироту в беде...

– Твой сын погиб, Альфред! Из-за тварей этих погиб!

– Не он убил Вольфа. Не ему мстить. Уж я совершить смертоубийство точно не смогу; не смогу и тебе не позволю.

– А трактирщик таки святой, – отметил Ван Ален вполшепота. – Кто б мог подумать.

– Ничего все это не значит, – уверенно возразил Феликс. – Все равно нас двое против вас, и смиряться с этим мы...

– Эй, – осадил его Карл Штефан, даже чуть от него отодвинувшись, – меня к своим бредням не приплетай. Я по ту сторону.

– А вот это настораживает, – произнес Курт, когда торговец растерянно замер. – От тебя я ожидал поддержки всего менее. Откуда вдруг такое человеколюбие?

– Никакого человеколюбия, – поморщился отставной возлюбленный. – При моей жизни, майстер инквизитор, если будешь идти на поводу у чувств, быстро спалишься... Простой расчет. Убить парня ради того, чтоб отвести душу? Ну, можно, наверное, хотя подобные развлечения не в моем духе. Да и толку с этого никакого. Безопасность? И вы, и охотник этот знаете, как ее добиться; значит, нам он не навредит. Лишний человек, опять же, как уже было сказано. Выпихнуть его к папаше? Не пойдет; тогда это лишняя тварь, а мне такая мысль не по душе. И наконец, ничто из этого нас не спасет: его родитель ведь не попытался увести его тихонько, он сразу начал убивать. Значит, убивать продолжит. Значит, избавившись от мальчишки, мы все равно не избавимся от него. А судя по тому, с каким упорством папенька пытается его заполучить, парень имеет для него значимость, и, стало быть, пока он жив и здоров, пока у нас в руках – мы имеем первоклассного заложника на крайний случай. Я с вами, – повторил он убежденно. – А нашего проповедника, если мне будет позволено влезть с советами, я бы рекомендовал запереть где-нибудь, пока он не кинулся на кого-нибудь с кулаками или чем похуже.

– А неплохая мысль, – согласился охотник. – Он и меня раздражает до колик.

– Меня?! – выдавил торговец, запнувшись. – Запереть?! Тварь свободно ходить будет, а меня под замок?!

– Я это сделаю, Феликс, – подтвердил Курт, – и не погнушаюсь скрутить по рукам и ногам, если будет необходимость. Не давай к тому повода. Ты призывал к общественному решению вопроса? Оно свершилось. Большинство постановило так. Или ты смиряешься с его волей, или... Решать тебе. Будешь продолжать попытки поднять смуту, и я поступлю, как сказал.

– Ничего я не буду делать, – ответил торговец твердо. – Не буду – и все. Смирюсь, но не с вашим решением, нет – оно человеческое, суемудрое, ложное; я смирюсь с волей Господа. Вы втянули и меня в свой грех, и мне нести наказание вместе с вами. Если Господь так решит – Его воля. А быть может, видя, что я всею душой против вашего решения, Он избавит меня от гнева Своего и помилует. Руки² я на этого... юношу не подниму, но и защищать не стану, ясно вам? Буду помогать, как сумею, в меру своих невеликих сил, когда вновь те сатанинские отродья сюда явятся, но лишь чтобы защитить свою жизнь и прочие здесь, *людские*.

– Отлично выкрутился, – одобрил Курт и расслабился, прижав ладонь к ранам на лбу, вновь начавшим простреливать в затылок. – Надо ж. Я ждал потасовки – по меньшей мере; даже как-то не по себе от эдакой готовности

к сотрудничеству... Ну, коли уж мы пришли к такому единодушию, предлагаю заняться делом. На отдых всем нам было отведено довольно времени, и впереди полдня, которые неплохо было бы употребить на то, чтобы подготовиться к ночи. У нас с Яном есть пара задумок, которые могут оказаться весьма полезными в нашем положении. И вот здесь как раз и понадобится помощь – каждого из вас.

Глава 14

Вечер застал постояльцев измотанными больше, нежели во все минувшие дни, и теперь вместо прежнего утомленного безмолвия из-за столов то и дело доносились жалобы и сетования. Курт также пребывал в состоянии, далеком от бодрости, то ли по причине того, что отоспаться толком так и не удалось, то ли из-за отравы, на борьбу с которой тело бросило почти все силы.

Сделав очередную перевязку, Ван Ален покривился, оглядев наложенные им стежки, и пожал плечами: «Ну, тебе к королевне не свататься. Не льет – и ладно». Раны все еще дергало, и боль временами отзывалась резью в затылке и под макушкой, однако странный рецепт охотника, судя по всему, оказался действенным – тошнота уже не одолевала вовсе, боль становилась все слабей и реже, бесславная гибель, как видно, ему не грозила, и единственной серьезной неприятностью оставалась лишь одолевшая его слабость.

Хагнер, чем ближе подступал вечер, тем мрачней и напряженней становился, на вопросы отвечая скупой и не начиная разговоров первым, что было вполне понятно – наверняка майстер инквизитор и сам чувствовал бы себя не в своей тарелке, сидя в ошейнике, точно купленный за бесценок раб или сторожевая собака. По завершении оборонительных приготовлений Бруно и Ван Ален взяли за Хагнера, навесив на него безыскусные вериги, изготовленные из найденных в железном хламе вещей. Старый обод от бочки, несколько укороченный и склепанный на скорую руку в кольцо, опоясывал его, оставшийся обрезок облегал шею, а длинная собачья цепь, разбитая зубилом на части, стала своеобразными браслетами, сомкнувшимися на запястьях и лодыжках.

Феликс старался держаться от парня поодаль, косясь на него с опаской и неприязнью, продолжая порою тихо, вполголоса, произносить молитвы и просто выдержки из Писания, умолкая после очередного внушения и спустя время начиная снова. Все указания, однако, торговец исполнял с подчеркнутой готовностью и прилежанием.

Мария сидела за столом в одиночестве, на Ван Алена глядя грустно и чуть укоряюще, однако не оттого, что тот пренебрег ее обществом ради обсуждения последних мелочей обороны с майстером инквизитором, а, скорее, размышляя над тем, надлежит ли ей чувствовать себя оскорбленной в сложившейся ситуации. Лук Вольфа, выданный трактирщиком, был

осмотрен придирчиво и тщательно, и приговор, вынесенный довольно потрепанному оружию, оказался неутешительным: древко пересохло и грозило треснуть при усиленном напряжении, а тетива не смогла бы выдержать даже первого выстрела. Если разошедшееся дерево можно было, пропитав маслом и снабдив плотной пеньковой обмоткой, в некотором роде привести в рабочее состояние, то заменить тетиву было попросту нечем – шелковых шнуров ни в чьем владении, что понятно, не водилось, собственно тетив тоже, и Курт с охотником, поочередно разразившись тяжелыми вздохами, синхронно остановили взгляды на присутствующих в трапезном зале женщинах. «У старухи слишком сухие», – заметил Ван Ален, и взгляды сместились к одной лишь Марии Дишер. Та попятилась, не зная, чего ожидать после уже свалившихся на нее за последние дни приятных событий. Обрезать волосы ради всеобщего спасения она согласилась лишь спустя четверть часа убеждения, и только после того, как Курт, уже пребывая на грани срыва, клятвенно пообещал выдать для ее родни письменное заверение в том, что сотворено сие непотребство было по благословению служителя Конгрегации и фактически под его давлением. Тем не менее, плача избежать не удалось, и теперь беглянка поглядывала на своего утешителя с молчаливым упреком, порою все еще порываясь пустить слезу.

Стрелы также оказались старыми и для настоящей охоты не пригодными. «Главное – чтобы выдержали единственный выстрел, – отмахнулся Ван Ален на скептическое замечание рыцаря. – Если после попадания древко обломится – это и к лучшему, застрянет намертво». Рассчитывать, однако, на одно лишь изношенное дерево не приходилось, посему затупелые стальные наконечники были безжалостно отринуты, и под низким потолком трапезного зала долго разносился глухой звон, скрежет и стук – еще один бочковый обод, разбитый на куски, плющился и точился, приобретая весьма приблизительный вид треугольников с далеко выступающими и неровными углами. К древкам сие произведение оружейного мастерства крепилось непрочное, едва-едва, попирая тем самым все гласные и негласные нормы ведения войн, подразумевавшие, что использование стрел с наконечниками, сидящими неплотно, суть дикость, варварство и *anathema sit*.

Карл Штефан сидел за своим ужином, держа ложку самыми кончиками пальцев – на непривычных к тяготам ладонях работника творческого труда красовались огромные красные волдыри, оставленные черенком лопаты. Дабы исключить из списка обороняемых подступов хотя бы дверь черного хода, охотник и фон Зайденберг покусились на мебель трактирщика –

массивная столешница, снятая со стояков, подпирала и без того укрепленную засовом дверь, вперившись нижним краем в тяжелую бочку, наполненную землей, и ею же была завалена сама. Для добычи оной земли подпол трактира был превращен в хаос – хранимые там овощи и прочую снедь сдвинули к стенам, навалив друг на друга, дабы освободить как можно большую площадь земляного пола. Рыть холодную, утрамбованную ногами и скованную морозом почву были отправлены неудачливый возлюбленный и торговец Феликс, единственный, кроме Хагнера, кто не жаловался ни на что и не перечил никаким требованиям, лишь по временам начиная свою уже изрядно поднадоевшую проповедь.

Трактирщик время от времени, выбираясь из своей тяжелой задумчивости, поднимался и уходил на кухню, где кипела вода, поддерживаемая в этом состоянии неизменно, а посему выкипавшая и требующая периодического долива. Это, несомненно, было в некотором роде растратой, однако кипяток остывал быстро, а стало быть, так же скоро и утрачивал свои столь необходимые обороняющимся поражающие свойства.

Ван Ален уселся за стол последним, напоследок пройдясь по всему трактиру и убедившись, что все и везде находится в надлежащем виде, и, вытянув ноги под столом, вздохнул, бросив взгляд на закрытые ставнями окна:

– Ну что ж, можно сказать, что мы готовы принять гостей. Как там, в Писании, Феликс? «Все звери полевые, все звери лесные, идите есть»?

– А кощунство, господин охотник, – заметил тот оскорбленно, – только добавит вам лишних мук, если не земных, то посмертных. Молитесь лучше вместе со мною. Милостив Господь и праведен, и милосерд Бог наш, хранит Господь простодушных... Обратись, Господи, избавь душу мою, спаси меня ради милости Твоей...

– Умолкни, Феликс, или я выпровожу тебя проповедовать псоглавцам! – потребовал Ван Ален устало. – Если я и соберусь молиться, то уж не под твоим водительством. Эй, монашьи ваши души, господа следователи, а что в вашем арсенале? Это ведь ваша привилегия – поминать Господа Бога к месту и не к месту, а уж тем паче в особых случаях; полагаю, в свете специфики вашей работы есть и что-то подходящее. Так изреките что-нибудь более жизнерадостное, нежели воззвания нашего новоявленного праведника.

– Вы сегодня вступаете в сражение с врагами вашими, – не сразу заговорил Бруно, – да не ослабеет сердце ваше, не бойтесь, не смущайтесь и не ужасайтесь их, ибо Господь Бог ваш идет с вами, чтобы сразиться за

вас с врагами вашими.

– Мило, – кивнул Ван Ален. – Хоть без плача, уже неплохо. Ну, Молот Ведьм, а ты что ж? Не может быть, чтоб у тебя не было какой-нибудь излюбленной цитатки для вящего бодряжу перед хорошей стычкой.

– *Benedictus Dominus*, – проговорил Курт, помедлив, – *fortis meus qui docet manus meas ad proelium digitos meos ad bellum*. Благословен Господь, твердыня моя, обучающий руки мои битве и персты мои брани, – перевел он, повстречав вопросительные взгляды, и продолжил уже по-немецки: – Ты расширяешь шаг мой подо мной, и не колеблются ноги мои. Я преследую врагов моих и истребляю их, и не возвращаюсь, доколе не уничтожу их; и истребляю их, и поражаю их, и не встают, и падают под ноги мои. Ты препоясываешь меня силою для брани и низлагаешь предо мною восстающих на меня; Ты обращаешь ко мне тыл врагов моих, и я истребляю ненавидящих меня. Они взывают, но нет спасающего, – ко Господу, но Он не внемлет им. Я рассеваю их, как прах земной, как грязь уличную мну и попираю их.

– Живенько, – отметил охотник с показной настороженностью. – Вот только не хотелось бы оказаться в числе твоих недругов.

– В числе друзей, сдается мне, тоже не слишком весело, – чуть слышно пробормотал Карл Штефан. – А вам, майстер инквизитор, я смотрю, все это нравится. Спорю, если сегодня ночью тот здоровяк таки решит на все плюнуть и удерет отсюда, наутро вы будете вне себя от бешенства.

– Да я просто в восторге от всего происходящего, – согласился Курт серьезно. – Обожаю оборотней, желающих меня сожрать, безвыходные в буквальном смысле положения и лезущий в самые кости холод. Мне, разумеется, не хотелось бы сейчас оказаться в городской комнате в окружении простых смертных с возможностью идти, куда хочу, и желательно в тепле.

– Что-то кажется мне, – усмехнулся Ван Ален, – что в твоих устах вся ирония сказанного теряется. Больно это похоже на правду.

– Думаю, это и вас касается, – негромко подал голос молчащий до сего мгновения Хагнер. – Вы-то такую жизнь избрали по собственной воле. Наверняка и вам все это по душе.

– Дурак ты, люпус^[35], и не лечишься, – беззлобно отмахнулся охотник. – По душе не это. В этом деле самое приятное не сидеть в засаде на вервольфа в колючих кустах задницей на муравейнике и не подставлять хребет под клюку злобной ведьмы, а после, когда все окончено, вспомнить об этом и порадоваться хорошо проделанной работе; ну, и тому, что остался жив и здоров, разумеется... Я, – вздохнул он мечтательно, – сейчас бы не

отказался от тихой снежной погодки, чтоб мокрые сугробы под ногами хрустели, чтоб облачка – такие бело-синие, солнышко чтоб едва-едва... И в баньку.

– Ульмские бани, – с готовностью поддержал его Курт, – вот это было да. Во многом город премерзкий, но тут они заткнули за пояс даже Кельн, при всем моем к нему почтении... Доводилось бывать?

– Я явился в Ульм вскоре после твоего там шумного пребывания, – с сожалением отозвался Ван Ален. – Обкусал себе все локти оттого, что разминулся на какие-то пару месяцев и упустил возможность увидеть стрига живьем – хоть бы и так, в клетке. Хоть бы чтоб взглянуть, на кого эти твари похожи.

– А на кого они похожи? – уточнила Мария Дишер между двумя тяжкими вздохами; Курт пожал плечами:

– На тебя. На меня. На кого может быть похож человек? На кого угодно.

– А у Молота Ведъм свои проповеди, – покривился охотник. – Не забивай девчонке голову. «Люди»... Вот когда из-за таких терпимых, как ты, они расплодятся до невероятных множеств, вспомнишь меня.

– Это вряд ли, Ян. И ликантропы, и стриги существуют с незапамятных времен, и, будь у них желание сделать так, чтоб от них шагу было б некуда ступить – поверь, они б это уже сделали; но их, уж прошу прощения за такой оборот, днем с огнем не сыщешь... Хотя одного я б сейчас уж точно хотел сыскать.

– Это в каком смысле? – нахмурился Ван Ален, и Курт пояснил, кивнув за дверь:

– Полчаса – и проблема решена. Вся эта стая целиком перед маломальски взрослым стригом больше не выстоит, и раны их ему не страшны.

– Это здорово, – едко согласился охотник. – Решить проблему крыс в подвале с помощью бешеной собаки – это дельно. Жаль только, что саму собаку потом хрен прижмешь.

– А с теми ребятами, поверь мне, куда проще договориться.

– Вот поэтому мне и нечего делать в вашей зондергруппе. «Договориться». Да отдали б мне такой приказ...

– Майстер Гессе, – упавшим голосом проронил Хагнер, и охотник смолк, обернувшись к нему рывком.

Торговец, и без того сидящий поодаль, отодвинулся еще дальше, Мария побледнела, прижав к лицу ладони, а трактирщик, понуро сидящий у своей стойки, распрямился и напрягся, как корабельный канат.

– Я не сомневаюсь в ваших познаниях, – внезапно охрипше продолжил

Хагнер, – железо железом, и все же... не лучше ли мне сейчас уйти из этого зала? На всякий случай.

– Началось? – уточнил Курт, не ответив. – Рановато сегодня.

– Еще нет, – согласился парнишка, – однако скоро. Предчувствую. Не знаю, что сказывается, быть может, и впрямь попросту приходит нужный возраст, но... Думаю, остались минуты. И как знать, майстер Гессе, не случится ли...

– Не случится, – возразил Ван Ален уверенно, вновь глядя на парня с прежней враждебностью. – Так, как тебя, паковали тварей и поздоровее; все, чего они добились, так это нервного срыва в тщетной попытке обернуться. Сиди здесь и не рыпайся. Никуда, где за тобой некому будет смотреть, ты не уйдешь; ясно?

– Будь здесь, – подтвердил Бруно мягче, одарив охотника упрекающим взглядом. – Одному тебе сейчас остаться – не лучшая мысль, в первую очередь ради тебя же самого.

– Как скажете, – отозвался Хагнер, устало опершись о стол перед собой. – Вам видней.

– Меня эта покладистость выводит из себя больше, чем когда ты показываешь зубы, – буркнул Ван Ален недовольно. – Посмотреть, так просто овечка. Так и тянет сказать что-нибудь про овцу в волчьей шкуре...

– Вы сказали, – заметил парнишка, не поднимая к нему взгляда.

– Да, – удовлетворенно согласился охотник. – Похоже, сказал.

– Полегчало? – равнодушно осведомился Хагнер, все так же глядя на свои руки, сложенные впереди на столешнице, и Ван Ален кивнул:

– Вот теперь все, как должно быть. Можно было б еще и рыкнуть для правдоподобия, но – уж ладно.

– Оставь в покое парня, в конце концов, – потребовал Бруно; охотник pokrивился:

– Ничего. Пусть учится смирять злобу. Ему полезно.

– Кто тебя определил ему в наставники?

– А кто возразит?

– К примеру, я.

– Ну, возрази, – предложил Ван Ален с подчеркнутым благодушием. – Посмотрим, как получится.

– Не проверяй, Ян. Не понравится.

– Эк тебя занесло с монашьей тропки.

– Не тебе судить.

– Не станем же более судить друг друга, – размеренно произнес Курт с усмешкой. – Если же друг друга угрызаете и съедаете, берегитесь, чтобы

вы не были истреблены друг другом. Как-то так к теме цитатка, не находите?.. А если оставить наш вечер библейских чтений в стороне, то просто снова напомним о том, о чем предупреждал в самый первый день нашей осады. Берегите крышу, друзья. Она в сложившейся ситуации шаткая.

– Да брось, Молот Ведьм, – возразил Ван Ален легкомысленно. – Это ж мы не всерьез...

– Да? – уточнил помощник, бросив на него взгляд исподлобья. – Боюсь, Макс так не кажется.

– Умерь пыл, заступник. Как заметило твое начальство – парень отлично умеет постоять за себя и сам.

– А ты намерен испытать его пределы?

Ван Ален не ответил; точнее – ответ едва лишь начал срываться с его губ, заглушенный громким и настойчивым стуком в дверь.

Тишина воцарилась разом, даже, кажется, дыхание замерло в горле каждого, и взгляды, все без исключения, обратились к толстым доскам, из-за которых все неся и неся стук, и все вздрогнули, когда сквозь него прорвался голос:

– Откройте же!

Голос был женским – охрипшим, едва слышным за этим стуком и воем метели, но совершенно точно женским.

– Вернулась живая... – с растерянной, неуверенной радостью отметил трактирщик, выметнувшись из-за своей стойки в один миг. – Неужто ж отпустил?

– Это не она, – хмуро возразил Хагнер, и тот приостановился, глядя на парнишку непонимающе.

– Это не ее голос, – согласился Бруно, позабыв об охотнике. – Кто б там ни был, это не Амалия.

– Отойди, – повелел Курт, поднявшись и сдвинув трактирщика в сторону, и медленно прошагал к двери, слушая все не смолкающий прерывистый стук.

– Да откройте же! – снова потребовали по ту сторону, и он, помедлив, повысил голос:

– Кто там?

Стук замер, прервавшись, и спустя мгновение молчания голос оторопело повторил:

– «Кто там»?.. Путник! Постоялец! Клиент, в конце концов! С каких пор в постоянных дворах задают такие вопросы и запирают двери?!

– Заранее прошу прощения, если окажусь неправ, – отозвался Курт,

осторожно подступивши ближе к двери – слышно из-за плотных досок было никудышно. – Но повторяю вопрос. Кто там? Назовитесь и скажите, откуда идете и как попали сюда.

– Майстер инквизитор... – начал Альфред Велле осуждающе, и он отмахнулся, пытаясь услышать, что происходит снаружи.

– Да ты кто такой? – возмущенно выкрикнул голос. – Я не намерена знакомиться с первым встречным, тем более не видя, с кем говорю! Открой дверь немедленно!

– Дамочка, – еще более повысил голос Курт, – не знаю уж, как иначе обратиться к безликому голосу; если вы и впрямь просто путница, призываю вас рассудить разумно. Вы стоите у двери, в которую хотите войти, и на вашем месте я бы не спорил с тем, от кого зависит, откроется ли эта дверь. Назовите имя, скажите, откуда идете и как добрались до этого трактира, иначе вы останетесь там до скончания веков.

– О, Господи! – надрывно выкрикнула она. – Мы с мужем ехали из города, наши лошади пали, мой муж умер в снегу, я не знаю, сколько бродила в метели одна, я замерзла и голодна! Меня зовут Агата Химмель, если тебе это так интересно, и поверь, если мой труп найдут у твоей двери, если узнают, что это по твоей вине, ты распрощаешься с лицензией мгновенно и навсегда! Отопри немедленно, пока я не замерзла здесь насмерть!

– Агата Химмель, – повторил Курт тихо, обернувшись к постояльцам. – Кто-нибудь из городских знает ее? Мария? Феликс? Судя по заявлениям, женщина должна быть не из низов, зажиточная.

– Ну, – нерешительно согласилась беглянка, – я знаю, что такая есть... даже видела...

– Ее голос?

– Не знаю, но...

– «Но» в нашем положении не принимается, – осек Курт, снова обратясь к двери и заговорив в прежнем тоне: – Как вы попали сюда?

– Ногами, идиот! – сорвавшись на хриплый визг, откликнулся голос. – И они болят! Открой мне, мерзавец, сию минуту!

– Майстер Гессе, – с нерешительной строгостью окликнул его фон Зайденберг, – вам не кажется, что вы в самом деле перегибаете палку? Напомню ваше же предостережение следить за собственным здравомыслием. Ведь вы, полагаю, не забывали, что находитесь в трактире?

– Как ты себя чувствуешь, Макс? – осведомился Курт, не ответив, и торговец возмущенно приподнялся с места, бросив:

– Вы посмотрите на него! За дверью умирает от холода несчастная, а его интересует здоровье зверя!

– Так как? – повторил он, оставив слова Феликса без внимания; Хагнер едва заметно дернул плечом:

– Не очень.

– Ночь приближается, – неспешно проговорил Ван Ален, тоже поднявшись. – *Это* ты хочешь сказать?

– Мы открываем дверь, она входит, проходит полминуты – и здесь уже два зверя. Не слишком ли вовремя она явилась?

– Бывает ведь всякое, – возразил трактирщик. – Майстер инквизитор, быть может, ей и впрямь посчастливилось? А вы, протянув время, тем самым убьете ее.

– Открой немедленно! – потребовал голос снова, и в доски опять ударили костяшки сжатого кулака. – Открывай, скотина, или я отсужу у тебя твою забегаловку и сделаю из нее приют для прокаженных!

– Какой занятный lexicon для горожанки с положением, – отметил охотник, с сомнением глядя на запертую дверь. – С другой стороны...

– Да нет никаких сторон, – решительно отрезал торговец. – Отоприте дверь, майстер инквизитор, и впустите ее. Или хотите взять еще один грех на душу?

– Моя душа не ваша забота, и грехов на ней будет столько, сколько сочту нужным... Каким путем вы пришли сюда? – вновь повысил голос Курт, и из-за двери послышалось:

– Какие еще пути, ты видел, что творится вокруг? Метель, болван! Буря!

– Майстер инквизитор, – уже уверенней заговорил фон Зайденберг, – я понимаю – вы имеете полное право сказать, что однажды я вас не послушал и ошибся, однако... Сами понимаете, зримых доказательств вашей подозрительности нет. Ее крайняя неучтивость вполне понятна и, поверьте, это явление нередкое.

– Уж это точно, – согласился Карл Штефан. – Женщины из семей «отцов города» – это вам хуже любых оборотней, бывает... Но я на вашей стороне, майстер инквизитор. Безопасность прежде всего.

– Помолчи, ничтожный трус, – повелел рыцарь раздраженно. – Твое мнение здесь не существенно.

– Ваше, к слову, тоже. Неужто до сих пор не поняли? Все будет решать только он.

– Он прав, майстер инквизитор? – нахмурился рыцарь. – Вы не будете принимать в расчет нашу точку зрения?

– Он прав, – согласился Курт. – Безопасность прежде всего. И он прав: именно я решу, что *не* безопасно.

– Впусти меня в свою халупу, мерзавец! – в паре со стуком потребовал голос; он снова подступил к двери.

– Я не владелец этого трактира, – пояснил Курт, – посему ваши угрозы на меня воздействия не имеют. Советую успокоиться.

– Побудь на моем месте, кто бы ты ни был, и тогда поговорим о спокойствии! Впусти немедленно!

– Как еще вы намерены проверить ее благонадежность? – с хмурой язвительностью уточнил фон Зайденберг, невзначай опустив ладонь на рукоять. – Не вынуждайте урезонивать вас, майстер инквизитор.

– Это угроза?

– Эй! – остерегающе окликнул Ван Алэн, и рыцарь повысил голос:

– Момент главного выбора, Ян. Одно дело – защитить мальчишку, но совсем другое – оставить на погибель человека. С кем ты теперь?

– Давайте разберемся, – неопределенно предложил охотник, и тот усмехнулся:

– Какая четкая позиция.

– Там же женщина, майстер инквизитор, – несмело заговорил трактирщик; Курт пожал плечами:

– А здесь их целых две. Меняемся?

– Есть выход, – напряженным, как струна, голосом предложил Хагнер. – Впустите ее и свяжите. Когда настанет ночь, мы все поймем.

– Парень дело говорит, – нехотя согласился Феликс. – Когда мы растолкуем ей, что к чему, когда сама увидит – не оскорбится.

– Это меня тревожит менее всего, – возразил Курт, не отступая от двери. – И предложение не из лучших. Замечу, что, пока Амалия разобралась с тем, какие надо вязать узлы, дабы они сдерживали ее сына в измененном облике, он несколько раз освобождался из веревок. Желаете увидеть, как это происходило?

– Но я теперь знаю, как надо...

– Ты знаешь, как сделать это с собой. Если она – из стаи, то относится к другому типу и имеет другое строение тела. Не пойдет.

– То есть, – приблизясь на шаг, подытожил рыцарь, – вы намерены оставить ее там?

– Я не беру в расчет себя с помощником и Яна – риск есть наша работа, – не глядя на Бруно, чей сумрачный взгляд ощущался почти физически, ответил Курт. – Мое дело – позаботиться о вашей безопасности... Она одна. Вас семеро. Обмен неравноценный.

– Я не желаю, майстер инквизитор, перед возможной гибелью брать на душу такой грех.

– А вы и не возьмете, господин фон Зайденберг. Это мое решение и, случись что, мое преступление.

– Эй ты, там, – окликнул голос из-за двери чуть спокойнее. – Ну, послушай, быть может, я погорячилась. Не знаю, что происходит, но... Я не стану никому жаловаться. Простопусти меня, я же здесь замерзну!

– Впустите ее, – повторил рыцарь угрожающе, сжав лежащую на рукояти ладонь. – Или придется и в самом деле увидеть, что такое макаритская школа против рыцарской выучки.

– Нашли хороший повод, господин фон Зайденберг?

– У меня нет желания ссориться с вами настолько. Но и нет охоты смотреть на то, как вы оставляете беззащитную женщину на погибель. Стервозный характер не повод для приговора.

– Вы не желаете брать на свою совесть смерть одного человека, но готовы попустить гибель шестерых?

– Эй, – снова позвал голос из метели. – Не знаю, кто ты такой, но – пожалуйста, отопри. Наверняка все, что происходит, какое-то дикое недоразумение. Впусти, ради Бога, я ног не чувствую!

– Простите, – медленно выговорил Курт после мгновенного молчания. – Не могу.

– В последний раз, – с расстановкой потребовал фон Зайденберг. – Прошу. Возьмитесь за ум, майстер инквизитор.

– Уберите руку от оружия, – спокойно произнес он, жалея о том, что арбалет, уже заряженный, готовый к действию, остался лежать на столе. – Рыцарский кодекс отличная штука, но в данной ситуации толку от него мало, поверьте.

– Впустите! – сорвался крик по ту сторону двери, и в доски вновь заколотили. – Что за чушь, что за бред, что... Что ты делаешь! Ты не можешь бросить меня здесь, кто бы ты ни был!

– Это просто немыслимо, – пробормотал торговец с тоской, и фон Зайденберг кивнул, дернув меч из ножен решительным движением:

– Согласен.

Мария Дишер разразилась коротким пронзительным визгом спустя три мгновения, когда все уже закончилось.

Ждать, пока рыцарь нападет, отступать, обнажая оружие, Курт не стал – рванувшись вместо этого вперед, он перехватил противника за руку, прижав ладонь к рукояти и резким движением загнав его меч обратно в ножны. Помощник, выметнувшийся из-за стола в два прыжка, возник за

спиной фон Зайденберга, коротким отработанным ударом саданул подошвой тяжелого походного сапога под колено, и на подставленный локоть Курта тот попросту упал всем лицом, едва успев отвернуть голову в сторону и ударившись не глазом, а виском. Курт рванул рукоять рыцарского меча на себя, вырвав из ослабших на долю мгновения пальцев, и, выхватив клинок из ножен, лишь теперь отступил, уловив краем глаза Ван Алена: тот стоял чуть в стороне, с его взведенным арбалетом в руке – и охотник, и острия болтов смотрели в сторону торговца, замершего на полдвижении подле своего стола.

– Сидеть, – зло произнес Ван Ален, когда визг Марии стих под сводами трапезного зала. – Даже не помышляй.

– Не надо, – попросил Курт, когда рыцарь попытался подняться с пола, и уточнил с подчеркнутой мягкостью: – Не в том смысле, чтоб вы продолжали стоять на коленях. Просто поднимайтесь медленно и не пытайтесь отнять свое оружие. Я верну его вам, когда вы успокоитесь.

– Да что там происходит, откройте! – уже на грани истерики выкрикнул голос снаружи, и он крикнул в ответ, не оборачиваясь к двери:

– Уходите!

– Что?!. Да ты с ума сошел! Куда я могу пойти!

– Господи, это просто безумие... – прошептала Мария, с ужасом взирая на происходящее вокруг; Ван Ален хмуро кивнул, не опуская руки с арбалетом и не отводя взгляда от торговца, белого, точно сугроб:

– Есть немного. Черт, Молот Ведьм, будь ты трижды проклят, прости Господи, во что ты меня втянул!

– Откройте!

– Уходите прочь, – повторил Курт и сделал шаг от двери вслед за рыцарем, поднявшимся на ноги. – Я этого не хотел, господин фон Зайденберг. Вы сами напросились... Бруно, назад.

Помощник нехотя отступил и медленно отошел снова к столу, где, притихнув, сидел Хагнер; торговец шевельнулся, то ли попытавшись снова сесть, то ли ступить вперед, и Ван Ален качнул головой:

– Не рыпайся, Феликс. Оружие не мое, непривычное, не дай Бог выстрелит. Я очень хочу просто положить его снова на стол, а это я смогу сделать, только если все будут спокойны и благоразумны.

– Дельная мысль, – согласился Курт. – Присядьте подле своего очередного единомышленника, господин фон Зайденберг, не пытайтесь продолжить. В Макарии приемам обучают по преимуществу подлым, и клинок в них не занимает главенствующие позиции, чего о знаменитой рыцарской выучке не скажешь.

– Верните мой меч, – потребовал рыцарь тихо, и он кивнул:

– Я ведь сказал, что верну. Сперва присядьте, дабы ни у кого из нас не было необходимости держать оружие направленным друг на друга.

– Откройте, откройте, откройте! – прорвалось снова, перемежаясь грохотом кулаков в тяжелые доски, и взгляд рыцаря снова сместился к порогу.

– Элиас! – жестко окликнул Курт, и рыцарь растерянно застыл, не зная, как ответить на фамильярность. – Послушайте меня, – продолжил он снова чуть мягче. – Присядьте. Просто присядьте, и давайте-ка мы все успокоимся. Ваша одинокая дама никуда не денется – ей некуда.

Несколько долгих мгновений в трапезном зале пребывали неподвижность и всеобщее молчание, в котором слышались все продолжающиеся призывы из-за запертой двери.

– Боже, она сведет меня с ума! – простонала Мария Дишер, пронзив безмолвие, точно острая сапожная игла, и Курт, снова отступив к порогу, вновь выкрикнул в темную створу:

– Я все равно не открою – как бы ни просили! Это последнее слово! Уходите!

Стук смолк так же внезапно, как и возник две минуты назад – теперь тишина была полной, и в ней слышно было лишь, как завывает ветер за ставнями и в трубе.

– Как это жестоко, – прокричал все тот же голос снова, но теперь в нем не было ни тени усталости или страдания – голос звучал уверенно, насмешливо и чуть раздраженно. – Разумно, но жестоко. Бросить несчастную женщину одну, в метели, на растерзание тварям – разве это достойно инквизитора?

Взгляд фон Зайденберга напротив окаменел, и багровое пятно от удара на виске стало видимо еще явственней и ярче на медленно бледнеющем лице.

– Что она сказала?.. – растерянно переспросил трактирщик.

– Вот черт... – проронил Ван Ален шепотом и вдруг сорвался с места, позабыв о торговце, как и все, застывшем в неподвижности.

По лестнице, поднимающейся к галерее, охотник взвился, едва не споткнувшись, все так же бегом бросившись к бойницам.

– Я знаю, что ты здесь, Максимилиан! – донеслось из-за двери, всё отдаваясь. – Чувствую! А что чувствуешь ты? Теперь ты все *знаешь* – так подумай, что *чувствуешь*! Ты сын своего отца, Максимилиан, и это тебе надо просто вспомнить!

– Черт! – рывкнул Ван Ален, когда закрытая ставня не поддавалась с

первого раза, и Курт окликнул, во все тянущейся тишине отчетливо и резко:

– Брось, Ян. Она ушла. Их попытка провалилась, она кинула ядовитую иглоку напоследок – и ушла... Не суетись.

– Черт, черт! – ожесточенно выкрикнул охотник, со злостью ударив в ставню кулаком. – Надо было раньше, надо было... Черт!

– Спускайся, – вздохнул Курт и, помедлив, развернул отнятый клинок рукоятью вперед, протянув рыцарю. – Ваш меч, Элиас. Думаю, уж теперь вы не станете кидаться в драку.

– Господи Иисусе... – пробормотал торговец, и Ван Ален оборвал с ожесточением и едва сдерживаемым бешенством:

– Не сейчас, Феликс! Только слово, еще одно только слово – и я заткну тебя сам!

– Господи Иисусе... – повторил за ним рыцарь, глядя на меч в своей руке остановившимся взглядом, и, попятившись, обессиленно опустил на скамью у стола.

Тишина возвратилась снова, повисши вокруг, как туман, и когда охотник, сойдя с лестницы, отложил арбалет на стол, от этого тихого стука все вздрогнули, будто от грохота разбившегося камня.

– Боже, – тяжело выдохнул фон Зайденберг, не с первой попытки убрав таки клинок в ножны. – И впрямь какое-то сумасшествие... Я должен принести извинения гласно, майстер инквизитор, или моего унижения вам довольно?

– Не стоит принимать все это так близко к сердцу, Элиас, – отозвался Курт, пройдя снова к своему столу и усевшись чуть в стороне от Хагнера, глядящего перед собой потемневшим взглядом. – Если вы полагаете, что я имею нечто против вас лично...

– А ведь мне стоило подождать всего полминуты для того, чтобы услышать подтверждение вашей правоты.

– Это я и намеревался вам втолковать, – не стал спорить он. – Если бы вы, как я просил, просто сели и выслушали меня спокойно.

– А вы, – вмешался торговец, всеми силами пытаясь сохранить остатки достоинства, – вот так, загодя, были убеждены, что все произойдет так, а не иначе? Не попускали себе даже думать, что могли ошибиться?

– Но он не ошибся, – робко заметил Альфред Велле, и Феликс отмахнулся:

– Это случайность.

– Итак, – чуть повысил голос Курт, – все, я вижу, приходят в себя?... Если так, умолкните и выслушайте мои обоснования хотя бы теперь. Я оставил ее за дверью? Да. И что обыкновенный человек сделал бы на ее

месте? Помните, Элиас, я сказал вам, что она никуда не денется? Что ей никуда? Будь она человеком, это было бы верно. Никуда бы она не ушла. Вообразите – женщина, одна, пешая, пережившая смерть супруга, несколько часов кряду бродившая в метели на ужасающем холоде, голодная, испуганная, находит, наконец, человеческое жилье. Там, за дверью, тепло, пища и отдых. Там жизнь. Она потребовала – ее не впустили. После она сбавляет тон, переходя к попыткам договориться. Снова отказ. А теперь скажите, что бы вы стали делать на ее месте, если б я так и продолжал говорить «нет» еще хотя бы несколько минут? Неужто впрямь ушли бы? В надежде, что тут, на пустой дороге, невзначай завалится еще один трактирчик, где охрана не столь строптивая? После всего пережитого обыкновенный человек схватился бы за эту дверь, как утопающий за попавшую под руку ветку, потому что ничего иного не остается. Даже если бы не было этого ее последнего выпада, подтвердившего мои подозрения, даже если бы она просто молча ушла, поняв, что их план не удался – это все равно ясно показало бы, что я прав. Настоящая заплутавшая странница осталась бы у порога, просила бы, снова грозила, умоляла, плакала, царапала бы эту дверь и билась бы в нее головой, но не ушла бы. Потому что никуда. Нам стоило всего лишь немного выждать, Элиас, тут вы правы, и все разрешилось бы само собою.

– Феликс, – не сразу отозвался фон Зайденберг, – в первые дни, когда его разум все еще был при нем, сказал верную вещь: не следует лезть со своим суждением в сферы, в коих ничего не смыслишь. Однажды я это сделал, и за ошибку был наказан немедленно и страшно. Моя вторая ошибка могла стоить куда большего.

– Не будь у Молота Ведьм с помощником этакой прыти – еще как, – согласился охотник уже чуть более спокойно и, окинув Бруно преувеличенно внимательным взглядом, отметил: – А монашек, гляди-ка, с подвохом... Вот уж не ожидал.

– Он в должности помощника следователя, – возразил Курт. – Это означает, что ожидать – следует. Так, на будущее, говорю это для тех, кто все еще никак не может успокоиться, Феликс.

– Откуда они узнали, что вы – инквизитор? – задумчиво спросил Карл Штефан. – То есть – их главный видел вооруженных людей, сталкивался с ними, но – Знак-то у вас, майстер инквизитор, под одеждой, не виден. Откуда они узнали, что вы из Конгрегации?

– Молот Ведьм личность известная, – пожал плечами охотник, тоже присев напротив Хагнера и глядя на него с подозрительным ожиданием. – Быть может, узнали по описанию...

– Это вряд ли, – возразил Курт уверенно. – Слишком малое время мы с ним могли друг друга разглядывать. Скорее, дело было иначе: Амалия сказала ему.

– Думаешь, выпытал?

– Нет, – вздохнул он, – думаю, не так. Она попыталась уговорить его отступить (а для чего еще она пошла к нему?), он уперся. Быть может, как и эта его подручная, упомянул о том, что от своей сути его сын никуда не денется, на что она в простоте душевной возразила, что теперь он под покровительством Конгрегации, уже под присмотром инквизитора, который будет блюсти его нравственную чистоту. Могла даже упомянуть, под присмотром *какого именно* инквизитора... И Бог знает, что еще она ему наговорила. Бывает, в порыве чувств люди говорят такое, чего никакими пытками не добьешься.

– На их месте, – заметил Карл Штефан, – я бы не пытался заслать такого агента, на их месте я бы подпустил матушку к дверям – уж ей-то открыли б.

– Она бы не пошла.

Голос Берты Велле снова заставил всех вздрогнуть – до этого мгновения о ее существовании, кажется, все просто забыли. На трактирщицу, стоящую в дверях кухни, постояльцы обернулись разом, и та повторила чуть слышно:

– Она бы не пошла. Какая мать стала бы подвергать ребенка опасности? Она, когда уходила, знала, что не вернется.

– Возможно, – согласился Курт во всеобщей тишине. – Или, как знать, Амалия сказала ему нечто такое, за что он в приступе озлобления убил ее на месте, и тащить к двери даже насильно стало просто некого.

– Ради нее же самой надеюсь, что именно так и было, – вздохнул Ван Ален.

Мария Дишер всхлипнула уже во весь голос, не сдерживаясь, и охотник, вздохнув, поднялся, подойдя к ней и обняв за плечи.

– Ну, брось, – утешающе произнес он, – все будет в порядке. Уже поздно, ты устала; ложись и отдохни, хорошо?

– Ни за что, – сквозь плач выговорила Мария, – я не останусь в комнате одна. Лучше я здесь.

– Здесь будет жарковато, – возразил охотник, и она отмахнулась:

– Пусть. Зато здесь люди... И я смогу, может быть, что-то сделать, чем-то помочь, чтобы все это кончилось...

– Это кончится, но ты ничем не поможешь... – начал торговец и запнулся, когда Ван Ален молча повернул к нему голову.

– Началось, – сдавленно вымолвил Хагнер, охотник распрямился, отстранив девушку от себя, и сделал шаг вперед, не отрывая от него похолодевшего взгляда.

– Слушайте, может, впрямь убрать его подальше? – предложил Карл Штефан. – Ну, в комнату, что ли...

Ему никто не ответил – все, застыв, смотрели на Хагнера, напрягшегося, точно все его тело свела внезапная судорога. Лежащие на столе ладони сжались в кулаки, царапнув ногтями по затертому старому дереву, из груди прорвался не то болезненный стон, не то рык, и торговец вскочил с места, попятившись к стене.

– Вы же сказали – этого не случится! – сипло выкрикнул он. – Ваши ухищрения не помогают, сделайте что-нибудь!

– Этого не случится, – подтвердил Курт уверенно и, придвинувшись к Хагнеру ближе, взял его за локоть, встряхнув. – Макс!

– Мне больно, – проговорил парнишка с усилием, не поднимая головы, опущенной почти к самой столешнице. – Он прав – не помогает... напрасно все это...

– Макс! – повторил он строго, стиснув пальцы на его локте. – Посмотри на меня.

Хагнер еще мгновение сидел, не двигаясь, вжавшись сам в себя, и медленно, с усилием поднял голову. Радужка серых глаз была окрашена в ореховый цвет, и отражение пламени светильников горело в зрачках чуть ярче, чем должно быть, но никому больше этого было не видно, а потому никто не вздрогнул и не ахнул в испуге, и Курт сохранил лицо бесстрастным.

– С тобой ничего не происходит, – произнес он размеренно, не отрывая взгляда от коричневых глаз перед собою. – *Ничего.*

– Ломит кости, – с болезненным хрипом возразил Хагнер. – Мышцы словно в огне. Я с трудом дышу. Происходит.

– Нет, – повторил Курт твердо. – Послушай меня: с тобою ничего просто не может произойти. И сейчас ничего нет.

– Мне больно, – повторил парнишка, едва шевеля стиснутыми губами; он кивнул:

– Разумеется. Сейчас ты пытаешься сделать то, чего сделать *не можешь.*

– Я не пытаюсь...

– Верно; твоё тело просто отзывается на то, что велит твой разум – а разум готовится к привычному действию. Просто ты привык, что так случается, просто знаешь, что в эти ночи, в этот час это совершается

всегда, и теперь ты ждешь этого. Не жди. Ничего не будет.

– Я ведь не могу ощущать то, чего нет.

– Если я завяжу тебе глаза, – терпеливо и спокойно произнес Курт, – прикоснусь к коже куском льда и скажу, что это раскаленный металл, ты ощутишь ожог. И он даже может проступить на коже. Поверь на слово эксперту в таких делах – подобных случаев тьма; наш ум волен вытворять с нашим телом, что ему заблагорассудится, порою удивительные вещи. Макс, послушай: я сию минуту напротив и смотрю на тебя. Я не вижу ничего. Никаких изменений. Глубоко вдохни, успокойся и подумай. Посмотри – никто не кидается бежать, девушка не визжит, наш проповедник не молится громогласнее обыкновенного, а главное Ян не порывается схватиться за оружие. Вот так, – одобрил он, когда Хагнер медленно, с напряжением, перевел дыхание. – Посмотри на свои руки, они прямо перед тобой, – продолжил Курт в прежнем спокойном тоне. – Это руки человека; не изменилось ничего. Ведь я уже видел, как это бывает, и, Макс, прошлой ночью это заняло меньше минуты. Будь что-то на самом деле, а не только в памяти – это уже было бы заметно.

– Но боль на самом деле, – возразил Хагнер тихо, и он кивнул:

– Разумеется. Наш разум – строптивая штука, он ни в какую не желает отбрасывать то, что привычно, а тело – бесхарактерная, безвольная дура, которая легко повинуется. А вот твой дух, Макс, это то, что принадлежит только тебе, это и есть ты сам. Вот только – *кто* ты сам? Быть может, сейчас, в эту минуту, ты просто пытаешься это решить? Колеблешься после услышанных этим вечером слов нашей гостьи?

– Нет, – отозвался Хагнер твердо.

– Хорошо, – согласился Курт, следя за тем, как мало-помалу меркнет пламенное отражение в зрачках и ореховый оттенок медленно растворяется в серых глазах. – Я иного от тебя и не ждал. В таком случае просто возьми себя в руки. Рассуди здраво. Осознай: прошло слишком много времени, чтобы продолжать верить в то, что обращение началось и продолжается. С тобой ничего не происходит. Просто привычка. Слышал ведь, что это наша вторая натура; в твоём случае это утверждение даже слегка тянет на анекдот. Просто перестань забивать этим мысли, и все закончится.

– Не думаю, что это так просто...

– Заметь, – призвал Курт, позволив себе пропустить в голос чуть легкомысленности, – в горле уже не хрипит. Руки расслабились. Вижу, дыхание идет ровно. Поверь, если сейчас Бруно подкрадется со спины и внезапно воткнет тебе иглу чуть ниже этой самой спины – остатки твоей боли улетучатся в тот же миг. Разум перекинется на другое, и тело ему

подчинится. Испытаем на практике?

– Благодарю, – с принужденной улыбкой откликнулся Хагнер, снова глубоко вобрав в себя воздух. – Думаю, я обойдусь вашей теорией.

– Все в порядке, Макс, – действительно сказал Курт. – Подумай сам – ведь эти побрякушки мы с Яном навесили на тебя не наобум, мы ведь знали, что делали. Напомню: такое количество железа препятствует изменению даже тех, кто всеми силами пытается его осуществить, кто всей душою этого хочет. Но ты – не хочешь; по крайней мере, сегодня и сейчас. Так?

– Так, – подтвердил Хагнер, на миг утомленно прикрыв глаза, и когда поднялись веки, ничто в них уже не напоминало о пробуждавшемся минуту назад звере. – Не хочу.

– А это лишнее обстоятельство в твою пользу, – кивнул Курт. – По логике вещей, это должно, напротив, облегчить твоё состояние. Логично?

– Логично, – согласился парнишка уже почти спокойно.

– Знаешь, что говорил мне мой инструктор, Макс? «Тело – лишь одежда для духа, и не твоим штанам указывать тебе, что делать». Довольно точное определение, не находишь?..

– Нельзя не согласиться, – признал тот, вновь переведя дыхание, и, зажмурясь, встряхнул головой, проведя ладонью по покрывшемуся испариной лбу.

– Как себя чувствуешь? – поинтересовался Курт, выждав несколько мгновений молчания, и Хагнер, снова открыв глаза, медленно кивнул:

– Нормально. Только кости все равно ломит.

– Это пройдет через минуту-другую, – уверенно проговорил Курт, и парнишка недоверчиво уточнил, бросив короткий взгляд исподлобья:

– Да? Откуда вы знаете, майстер Гессе, если я первый, над кем вы ставите подобный опыт?

– Это тоже логично, Макс, а против логики, как мы выяснили только что, не попрешь.

Если Хагнер и намеревался возразить, невысказанные слова остались в небытии – из рыдающей метели донесся внезапный вой, близкий, явственно различимый до каждой ноты, от самой низкой до самой высокой, звенящей.

– А те как раз закончили, – констатировал Ван Ален, осторожно отстранив Марию к столу и почти насильно усадив. – По крайней мере, вожак... Любопытно, для чего он воет сегодня? Ведь стая уже здесь.

– Предупреждение, – негромко пояснил Хагнер. – «Эй, людишки, я иду. Готовьтесь умереть».

– Ты... – пробормотал Карл Штефан почти с благоговейным испугом, – ты... понимаешь, что он... говорит?

– Нет, – передернул плечами тот, одарив парня насмешливым взглядом. – Просто это логично.

– Я так понимаю – ты в порядке? – снова уточнил Курт. – Как состояние?

– Терпимо.

– Стало быть, так, – чуть повысил голос он, вышагав на середину зала и одарив каждого красноречивым взглядом. – Как видим, угрозы внутри более не существует, все внимание на опасность снаружи. Сегодня, думаю, они тянуть не станут, и вскоре надо быть готовыми к атаке. Остался последний штрих в нашей обороне; поспешим. Тот, кто не в силах помочь, – обратившись поочередно к трактирщице и притихшей бледной Марии, продолжил он, – не мешает. Не бегают по залу, не визжит на ухо, не виснет на наших шеях и не цепляется за руки. Указания мои и Яна исполняются быстро и четко, без обсуждений и возражений. Особенно это касается некоторых, Феликс. Это – понятно?

– Ведь я уже сказал, я сделаю все, что в моих силах, и...

– Надеюсь. Альфред? Встряхнись. Не знаю, кто из них убил Вольфа, но сегодня будет хорошая возможность свести счеты. Карл? Держи себя в руках. Страшно здесь не одному тебе. Элиас? Нам с вами сегодня смотреть друг другу за спину. Без обид?

– Ведь я уже покался, майстер инквизитор, – с неровной, натянутой усмешкой отозвался фон Зайденберг. – Я в вашем распоряжении. Командуйте.

– Что ж, – кивнул он, коротко переглянувшись с Ван Аленом. – Коли так – по местам.

Глава 15

В предсказаниях, касающихся неприятностей, он промахивался редко, это Курт знал и до сей ночи, а потому донесшиеся уже через несколько минут удары в дверь черного хода воспринял как нечто само собой разумеющееся.

– Ну, погнали, – выдохнул Ван Ален, снимая ставню с одной из бойниц, и в лицо ему устремился морозный поток. – Эй, а метель стихает, – отметил он с напускным весельем, перейдя ко второму проему. – Ветер все тот же, а снега поубавилось; видно хреново, но все ж лучше, чем вчерашней ночью. Любопытно, чьи именно молитвы помогли?

– Не отвлекаться, – скомандовал Курт, когда при очередном, особенно оглушительном ударе присутствующие обернулись в сторону кухни, напрягшись и побледнев. – Вторую дверь исключаем из внимания – сквозь нее не пробиться. По крайней мере, в ближайшие несколько часов.

– Думаю, и они это поймут, – согласился фон Зайденберг. – Сделают несколько попыток, осознают, что внутри теперь укрепление, и перенесут все внимание на главный вход.

– А вот и они, – с мрачным удовлетворением отметил охотник, отступив в сторону от бойницы, и, всмотревшись в темноту, окликнул: – Молот Ведьм! Думаю, тебе стоит на это посмотреть.

– Что там? – опасливо уточнил трактирщик; Курт отмахнулся, молча повелев не лезть, и взбежал по лестнице к бойницам, так же прижавшись к стене и выглянув наружу.

Метель и вправду стихала; вихрь по-прежнему носился вокруг, взвивая снежинки круговоротами, но сама буря утратила значительную часть своей силы, да и снег не валил такой непроницаемой стеной, как прежде – просто ветер подхватывал сухую морозную крупу с вершин сугробов, вздымая ее в стылый воздух. Две бойницы бросали в ночь узкие светлые пятна, не озаряя подступов, и видно было немногим лучше, чем прежде; идея вывесить наружу фонарь, высказанная фон Зайденбергом, была отринута как бессмысленная – нападающие разнесли бы его на куски первым делом, и высота, если судить по произошедшему с Вольфом, не имела бы значения. Мрак по-прежнему окружал трактир со всех сторон, однако сегодня Курт сумел распознать в отдалении те самые темные силуэты, похожие на отощавших за зиму хозяев леса.

– Предположи, что это за штука, – предложил Ван Ален; он молча

передернул плечами.

Оборотни не приближались вплотную к двери – мялись в стороне, перерываваясь, перетаптываясь, словно пытаясь выстроиться в какое-то задуманное подобие порядка, и кроме четко видимого колоссального бревна в лапах двоих, во тьме различалось нечто прямоугольное, похожее на погубленную столешницу у задней двери трактира.

– Больше всего, – ответил Курт, когда огромные тела сдвинулись, наконец, чуть ближе, – это напоминает створу ворот конюшни. И не испытаю ни малейшего удивления, если это она и окажется.

– Что там такое? – снова окликнул снизу трактирщик, и он пояснил, не оборачиваясь:

– Не только мы подготовились: на сей раз они соорудили таран по всем правилам, с щитом, закрывающим от ударов сверху.

– Римская, мать ее, черепаха в исполнении вервольфов, – покривился Ван Ален. – Жаль, видимость такая паршивая – подобное зрелище, думаю, еще раз повидать не случится... А папаша, заметь, снова сидит в сторонке и не высовывается.

– Это логично. От него тут толку мало. Хочу обратить внимание на другое: стая, судя по всему, подчиняется ему беспрекословно, если уж после вчерашнего они согласились снова лезть под огонь. Любопытно узнать, какие причины имеет под собою такое послушание. Важен ли и им будущий преемник так же, как ему, а стало быть – нужен ли таким существам вожак вообще и дает ли какие-то преимущества? Или сие явление нетипичное, и лишь наш приятель сумел взять своих сородичей в такие ежовые рукавицы...

– Сдается мне, если тебя изловит свирепый малефик-людоед и начнет поддурманивать на сковороде, ты станешь интересоваться у него, по какой причине он избрал именно тот, а не иной рецепт, – буркнул охотник и, умолкнув, замер, вслушиваясь.

– Оставили заднюю дверь в покое, – сообщил Бруно, явившийся из недр коридора второго этажа; тот удовлетворенно кивнул:

– Отлично. Стало быть, теперь вся эта братия соберется здесь.

– Но не могут же они не понимать, что мы готовим им отпор? – с опаской поинтересовался Альфред Велле. – Неужто станут подставляться снова? Положим, те твари невеликого ума, но вожак?

– А кто сказал, что он гений? – передернул плечами Ван Ален, наблюдая за тем, как из темноты выдвигается вторая группа – та, что отступилась от двери черного хода. – Может, нам повезло, и он идиот.

– Он не знает, что теперь мы лучше вооружены. А кроме того, у него

нет выбора. Точнее – есть, – сам себя поправил Курт. – Плюнуть на все, развернуться и уйти, но этот вариант он, судя по всему, не рассматривает; что меня, правду сказать, особенно не удивляет. Вижу лишь зримое подтверждение услышанного мною: за свое потомство ликантропы готовы на все.

– Кстати, о потомстве, – заметил Карл Штефан многозначительно. – Зверь, быть может, с нами говорить сейчас и не в состоянии, но понимать-то он понимает, что творится вокруг него? Пригрозить ему, что пустим его обожаемого наследника под нож... Без обид, парень, – оговорился он, обратившись к хмурому Хагнеру. – Не восприми как личное.

– Какие обиды, – согласился тот сухо.

– И чего ты собрался потребовать? – уточнил Курт. – Чтобы он, в самом деле, ушел? Чтобы отозвал стаю? Чтобы дал нам уйти? Ты всерьез полагаешь, что он исполнит хоть одно из твоих требований?

– Нет, но...

– Тогда умолкни и не лезь с пустыми идеями.

– Почему ты не стреляешь сейчас? – нервно теребя подол платья, спросила Мария Дишер. – Ведь ты их видишь, и недалеко, почему не стреляешь в них?

– Слишком сильный ветер, – отозвался Ван Ален с неудовольствием. – А лук дерьмо. Не дотянет... Видел? – уточнил охотник, понизив голос, и Курт молча кивнул.

Уже привыкшие к темноте глаза уловили другой силуэт, на миг возникший из чуть утихшей метели подле высоких теней; очередной порыв ветра заглушил звуки, однако и без того было ясно, что происходит.

– Принял доклад, – констатировал Курт. – Похоже, они и в самом деле способны как-то изъясняться...

– Начали, – оборвал охотник, и он умолк, видя уже и сам, как тронулась вперед первая группа осаждающих.

– Бруно, – позвал Курт, не оборачиваясь. – К делу.

Они двигались нескладно и неслаженно, утопая по колено в снегу, и невиданные звери с бревном в лапах, коих прикрывали их сородичи, несущие над головами деревянный щит, смотрелись бы потешно в иных обстоятельствах. Вторая группа, что прежде пыталась одолеть запасную дверь, мялась в стороне, и за их спинами порою можно было увидеть выступающую на мгновение из темноты тушу исполинского древнего волка.

Помощник, поднявшись на галерею, осторожно поставил на пол подле бойниц два горшка с маслом, приняв от сосредоточенного насупленного

торговца еще два и установив рядом. Карл Штефан, уже бледный от испуга, как смерть, переминался в двух шагах позади, держа наготове сооруженные днем короткие факелы и избегая смотреть наружу, и когда Бруно забрал их, кивком головы велел обоим убираться, исполнил указание с видимым облегчением.

– Не спеши, дай подойти, – порекомендовал охотник, понизив голос, будто боясь, что существа внизу могут услышать его; Курт отмахнулся:

– Знаю. Не психуй.

Последние звуки его слов потонули в грохоте дерева, Мария взвизгнула, Карл Штефан грязно и пронзительно ругнулся, попятившись от содрогнувшейся двери.

– Чего же вы ждете! – выкрикнул трактирщик, перекрывая звуки тарана, и Ван Ален раздраженно бросил, не оборачиваясь:

– Твоей команды, наверно?

– Готов? – уточнил Курт и, увидев молчаливый кивок помощника, поднял с пола два наполненных маслом вместилища.

Целиться на этот раз было намного легче – поредевшая снежная взвесь уже не застила так глаза, ветер дул мимо бойниц, да и попасть в огромный прямоугольник прямо под проемами было куда проще, нежели в невидимые во мраке темные тела. В прикрывавший нападающих щит оба сосуда ударили почти разом, разлетевшись в куски, и пламя упавших следом факелов разлилось по промаслившейся древесине огненными ручьями. Снизу донесся отчаянный рык, удары в дверь на несколько мгновений стихли, под горящим кровом обозначилось видимое смятение, однако отступления не произошло: из-за пределов видимости докатился не определимый словами звук, не то рычание, не то вой, и таран вновь заколотил в доски, кажется, с еще большим усердием.

– Невероятно, – зло выговорил Ван Ален, накладывая стрелу, и, щурясь, всмотрелся в рассеченную пламенем темноту. – Эти твари боятся огня панически. Что же этот гад сумел с ними сделать, что они воют со страху, но повинуются?

– Сейчас они узнают, что у нас есть стрелковое оружие; не лупи наугад, – предупредил Курт, и охотник отмахнулся одним плечом:

– Не каркай под руку.

Бойницы поднимались прямо над дверью, и из-под горящего щита были видны лишь ноги одного из оборотней почти по колено в снегу. Ван Ален прицелился, помедлил, не дотянув тетиву до конца, и, подумав, приподнял лук чуть выше.

– Да стреляйте же! – не выдержал торговец снизу, и охотник, не

оборачиваясь, угрожающе пообещал:

– Я сейчас кое-куда выстрелю, Феликс, если не заткнешься.

Согнувшееся древко жалобно скрипнуло, и на миг Курт всерьез испугался того, что пересохшее дерево, невзирая на все ухищрения, впрямь не выдержит нагрузки. Тетива звонко ударила в полосу кожи, защищавшую сустав, стрела врезалась в колено оборотня, и ледяной воздух, пропитанный снегом, пронзил истошный рев, похожий на рыдание. Зверь пошатнулся, выпустив щит, и кувыркнулся в сугроб у порога, совершенно по-человечески схватившись за рану и пытаясь выдернуть засевшую в теле стрелу. Горящий щит поколебался, сползая на сторону, и рухнул рядом, открыв взорам три мохнатых туши, на миг оцепеневшие в оторопи.

– Сезон открыт, – удовлетворенно объявил Ван Ален, накладывая вторую стрелу.

– Амен, – подтвердил Курт и, не дожидаясь следующего выстрела, один за другим швырнул в застывшие под бойницами тела оставшиеся два сосуда, отскочив в сторону, когда помощник метнул вслед факелы.

Ревущий вопль перекрыл свист ветра и подвывания раненого, и если вожак вновь пытался призвать своих подданных к порядку, его никто не услышал. В свете медленно гаснущего в сугробе деревянного щита и горячей шерсти стало явственно различимо всё на несколько шагов вокруг, и теперь Ван Ален стрелял, уже почти не выцеливая. Две стрелы вошли в разверстую пасть раненого, одна прошла насквозь горло мечущегося в огне зверя у самого порога; еще две унеслись вдогонку пустившимся в бегство. Оборотень со стрелой в шее, запнувшись, упал, наполовину сбив с себя пламя, вскочил и снова бросился прочь уже на всех четырех, неуклюже, но вполне резво.

– Куд-да, тварь... – ожесточенно прошипел Ван Ален, и пущенная вслед стрела, угодившая в спину, бросила зверя наземь.

Тот кувыркнулся, перевернувшись через голову, повалился в снег, утопнув в нем мордой, и второй выстрел, в затылок, не дал ему подняться снова. Вой ветра, перемешанный со звериным воем, резал слух, удаляясь и затихая, ему отзывались ржание и грохот копыт из дальней кладовой, где бунтовала доведенная до бешенства затворничеством и близким волчьим запахом вороная кобыла; в какой-то миг сквозь эту какофонию прорвался узнаваемый голос вожака, однако достиг ли он нужной ему цели, осталось неизвестным. Вдали, в темноте, еще раз мелькнули темные силуэты, чей-то визг пронзил стылый воздух, и наступила тишина, по-прежнему нарушаемая только свистом бури в трубе и пустых кронах близких деревьев. Покосившаяся в сугробе створа конюшенных ворот, почти уже

погасшая, озаряла трепещущим на ветру пламенем два неподвижных тела у порога.

– Тишина... – недоверчиво пробормотал трактирщик. – Тишина! Они сбежали?

– Отступили, – уточнил Ван Ален, бросив последний взгляд наружу, и тщательно прощупал обмотанное пенькой древко лука. – Но мы уложили двоих.

Карл Штефан издал звук, не похожий ни на что, однако совершенно явно выражающий крайнюю степень ликования; охотник поморщился.

– Остались еще пятеро, – вместо него высказал фон Зайденберг. – Торжествовать рано.

– А вам надо все испортить, да? – отозвался неудачливый любовник, лишь чуть сбавив голос. – Мы бьем их!

– «Мы пахали», – сказала муха, сидящая на шее у вола, идущего с поля, – буркнул Ван Ален, отступив от бойницы. – Будь у меня нормальный лук, за это время я перестрелял бы всех. Двое – результат неплохой, учитывая наше вооружение, однако довольно паршивый в целом. И, кстати, у конюшни осталось еще полдвери; хотя, как показала практика, от этого их щита пользы больше нам, чем им... Однако теперь они знают, чего можно ждать от нас.

– Но остальные ранены, – возразил трактирщик неуверенно; Бруно вздохнул:

– Лишь двое. Ранены, но все же живы. Даже если учесть, что они обожжены и поражены железом, это невеликое достижение: им не обязательно дожидаться, пока наступит полное исцеление, драться можно и раненым. Люди это могут, отчего бы не суметь и им?.. Думаю, их вожак много и не примет.

– Он спешит, – кивнул охотник. – Предпоследняя ночь; даже если Молот Ведьм прав в своих предположениях, и сам он вправду способен менять облик по желанию, все же послезавтра он лишится своей тупой, но сильной армии. Сейчас он перегруппирует их или раздаст какие-то особые указания, приняв во внимание все увиденное, и повторит попытку. Посему не расслабляйтесь.

– Господи, – проронил вдруг помощник упавшим голосом. – Что это...

– Что? – насторожился Ван Ален и, проследив его взгляд, остановившийся на убитых снаружи, передернул плечами: – Ах, это. Это всегда с ними происходит, как я уже упоминал, если смерть наступила не мгновенно.

Тела оборотней, уже припорошенные снегом, содрогались, точно уже

после гибели, вот так запоздало, их вдруг начали сотрясать конвульсии. Лапа того, что лежал ближе, дернулась, будто он вознамерился упереться ею в заледенелую землю и подняться, скрюченные пальцы с огромными кривыми когтями распрямились, и опаленная шерсть на глазах исчезла, не втянувшись снова в тело, как то Курт наблюдал минувшей ночью, а осыпавшись и словно растворившись в снегу. На поверхности, покрываясь белой крупой, осталась лежать рука – испещренная пятнами ожогов и потемневшей кровью рука человека.

– Что вы там видите? – тихо спросил Хагнер; Курт промолчал, не зная, что ответить, и за спиной скрипнула скамья и зазвучали шаги – парнишка поднялся и направился к лестнице.

– Не стоит тебе этого видеть, Макс, – наставительно сказал Бруно. – Вернись.

– Думаю, именно мне и стоит, – возразил тот решительно и, поднявшись, остановился рядом, глядя вниз угрюмым сумрачным взглядом.

Человеческая рука все так же лежала на снегу, уже не шевелясь, но тело по-прежнему дрожало, словно в судорогах, и что-то под тонким снежным покровом шевелилось и перекатывалось, точно внутри вместо костей и мышц возникли неведомые маленькие существа, переползавшие взад и вперед под кожей. Второй зверь, смотрящий в небо остекленевшим взглядом, дернул пастью, и сомкнувшиеся челюсти перекусили пронзившие его стрелы; бурая морда точно скорчила гримасу, и вытянувшиеся челюсти с хрустом съежились, облезая и обнажая темную кожу. На обезображенное лицо, так и не достигшее человеческого облика, Хагнер смотрел, не отрываясь, не говоря ни слова, не двигаясь, лишь дернув плечом, когда Бруно попытался отстранить его от бойницы. Мертвые словно никак не могли решить, какое же обличье им надлежит принять, и останки двух существ в снегу корчились и изменялись, не умея довести преобразование до конца. Сквозь все гуще укрывавший тела снег виделось, как части безжизненных тел, так и не сумевшие обрести даже подобие человеческих, опадают, сплюсываясь, точно бы тая, растекаясь в грязные лужи, тут же замерзающие на пронзительном февральском холоде. Спустя долгие две минуты у порога одинокого трактира остались лежать пара рук, голова с недочеловеческим лицом, мешанина внутренностей и еще что-то, чего разглядеть уже было невозможно в побуревшем снегу и мерзкой темной жиже.

– Так значит, – вымолвил, наконец, Хагнер, – вот как я буду выглядеть после смерти.

– Не значит, – нехотя возразил Ван Ален, не глядя на него. – Для

начала – ты другого типа. Вы... умираете иначе. И к тому же, если смерть естественная...

– Мне, думаю, это не грозит, учитывая обещанное мне будущее.

– В любом случае, сейчас это не самая важная тема для обсуждения, – с заметной поспешностью произнес охотник, потянув Хагнера за локоть и оттолкнув от бойницы. – И не на что здесь с таким тщанием пялиться. Сбегай-ка лучше к тому окошку в комнате и посмотри, что творится у задней двери – ну как они задумали провернуть там какую-нибудь пакость, пока мы здесь точим ляды.

– Так ведь вы же сказали, что черный ход защищен, – настороженно возразил торговец, и Хагнер тяжело усмехнулся, отходя от проемов:

– Просто он хочет, чтобы я ушел и не видел того, что вижу.

– Однако пойд и взгляни, – подтвердил Курт, пытаясь разглядеть шевеление в темноте и не видя ничего. – Все же мало ли. Только в окно не высывайся.

– Парень в большей безопасности, чем все мы вместе взятые, – заметил охотник, когда Хагнер ушел; Курт кивнул:

– Знаю. Потому и отпустил его со спокойной душой.

– Сейчас он сиганет в это самое окно, – пробубнил Карл Штефан, – и только мы и видели наше прикрытие. И из всех наших преимуществ останется только ваша спокойная душа.

– Никуда он не денется, – осадил его Бруно. – Не болтай попусту.

– Почему тишина? – скосившись в темноту за бойницами, пробормотал Курт. – Времени прошло достаточно для того, чтобы перестроиться. У него под рукой, даже если не брать в расчет раненых, остались еще трое живых и здоровых. Почему не повторяет штурм?

– Испугались? – предположил фон Зайденберг. – Быть может, в эту минуту он пытается урезонить их, а они противятся.

– Они продолжали атаку даже окруженные пламенем, – возразил охотник. – Стало быть, возражений в этой армии не принимается, и его они боятся больше, чем своего самого сильного страха. Больше похоже на то, что ему не понравилось вот так просто терять своих подручных, и теперь он замышляет какую-то гадость.

– У него нет иного варианта – только дверь, – с сомнением заметил Бруно. – Через крышу не проникнуть, окна слишком малы для них... Что бы ни пришло ему в голову, а идеи с тараном он не оставит...

– Я не дошел до окна, – оборвал его голос Хагнера, и парнишка почти выбежал из коридора на площадку лестницы, оглядываясь за спину и словно бы пытаясь услышать что-то за воем ветра. – Но там, позади, что-то

происходит.

– Что именно и где? – уточнил Ван Ален; он неопределенно махнул рукой:

– Я не знаю. Но я что-то слышал – за стеной, под самой крышей.

– Под крышей? – переспросил рыцарь недоверчиво. – Ты не мог услышать что-то отсюда, через чердак.

– Мог, – отозвался охотник, бросив взгляд за окно, и отступил назад, с сомнением косясь в сторону коридорного прохода. – Парень на взводе: обращение не состоялось, однако зверь в нем все же бодрствует, и кое-что, хочешь или нет, прорывается; слух же у волка не чета нашему. Что именно ты слышал?

– Не знаю. Словно кто-то шуршит по стене под кровлей... Но ведь это невозможно, – сам себе возразил Хагнер. – Возможно, ветер просто, какая-нибудь ветка...

– Здесь нет деревьев, стоящих вплотную, – заметил Курт, кивнув рыцарю и помощнику. – Элиас, со мной, взглянем, что происходит. Бруно – останься.

– И все же мне кажется... – начал фон Зайденберг и подскочил на месте, когда снова раздался грохот, только теперь доносящийся не от дверей, а сверху, и в самом деле из-под самой крыши.

– Какого черта... – проронил Карл Штефан, попятившись. – Ваш помощник же сказал – через крышу не пробраться...

– Лестница! – ахнул трактирщик. – Лестница в дровянике! Она по самую крышу – я с нее туда и взбираюсь; если те твари двулапые по ней сумели вскарабкаться...

– За мной! – бросил Курт и метнулся бегом, не оглядываясь, дабы удостовериться в том, что рыцарь исполнил указание.

– Как это? – растерянно спросил фон Зайденберг, когда оба, наткнувшись на глухую стену, встали в дальней оконечности коридора, слыша треск разлетающейся на куски черепицы и удары в дерево кровли прямо над головой. – Неужто когтями? Быть того не может!

– Нет, – возразил Курт, озираясь. – Прислушайтесь, это металл. Думаю, в дровяном сарае, кроме лестницы, и топор тоже нашелся, и наверняка немаленький; у хозяина не хватило ума об этом сказать, ну, а у нас – этим поинтересоваться... За мной, – повторил он, развернувшись, и так же бегом устремился обратно в трапезный зал.

– Что там? – шагнув к нему навстречу, настороженно спросил Ван Ален. – Они разгуливают в отдалении от двери, я их вижу, но они не нападают. Что он задумал?

– Один из его подручных долбит крышу – судя по всему, с той самой лестницы. Удручает то, что место выбрано удачно – поблизости нет окон, из которых мы могли бы его увидеть, а чердачное и вовсе в другой стороне.

– То есть, мы ничего не сможем сделать, пока они не прорубят дыру в крыше и не хлынут сюда? – уточнил торговец. – Быть может, стоило бы господину охотнику с луком подняться на чердак и отстреливать их?

– Дурная идея, – не дав Ван Алену ответить, возразил рыцарь. – Чердак не лучшее место для такой обороны, и если хоть один из них сумеет пробиться, мы обречены. Думаю, майстер инквизитор, пришла пора для вашего замысла. Откроем, наконец, дверь и дадим им бой.

– А вам всё лишь бы в драку, – буркнул Карл Штефан, не зная, от чего пятиться теперь – от порога или от лестницы. – Кулаки чешутся?

– Он прав, – оборвал его Курт. – Выбора не осталось.

– Господи... – прошептала Мария, глядя на дверь с ужасом. – Неужели иного выхода нет? Совсем никакого?

– Довольно, – подытожил Ван Ален решительно и, подобрав связку стрел, сбежал по лестнице вниз. – Пока мы здесь треплемся, эта тварь разносит нашу крышу. Отставить споры.

– Может, все-таки обсудим? – попытался возразить Карл, и Курт повысил голос, не дав охотнику разразиться долгой и явно нецензурной тирадой:

– На готовность десять секунд. Все по местам. Женщины – на кухню.

– Наверное, стоило бы кому-нибудь за ними присмотреть? – предложил отставной возлюбленный, медленно отступая следом за Бертой Велле. – Мало ли что, и оставлять их одних...

– Замри, – повелел Курт холодно, и тот застыл на месте, окончательно сравнившись по цвету со скопившимися у порога сугробами. – Займи свое место и соберись. Макс, ты понял, что ты должен делать и чего не должен?

– Должен стоять за вашими спинами, чтобы меня можно было увидеть в дверь. Должен уйти на кухню, когда все начнется. Не должен вмешиваться. Хотя лично я полагаю, что пренебрегать мною...

– Не обсуждается, – оборвал Курт, на миг обернувшись к лестнице. – Время вышло. Готовы?

– Нет, – тоскливо отозвался Карл Штефан, и он кивнул:

– Начали.

– Вот теперь, – с нездоровым весельем сообщил Ван Ален, обнажив клинок и сдвинув засов в сторону, – молиться могут все желающие. Не возражаю.

– *Fiat voluntas Tua*^[36], — с готовностью отозвался фон Зайденберг, на

миг зажмурясь, когда из распахнувшейся двери навстречу рванулось студеное дыхание ветра.

– Думаешь, сработает? – спросил Бруно напряженно, и охотник уверенно отозвался:

– Он зол и спешит. Сдадут нервы. Просто будьте готовы.

Ему никто не ответил – возражения не имели уже смысла, согласие ничего не меняло, и конечный рубеж в любом случае был уже в действии.

То, что Курт назвал «последним штрихом» в обороне осажденных, представляло собою довольно приближенное подобие баррикады – участок в несколько шагов перед дверью был огражден тремя опрокинутыми набок столами, упроченными мешками с зерном из трактирных кладовых. Сейчас за столешницами, съежившись, дабы не быть увиденными в открытую дверь, на полу сидели Альфред Велле и сам Курт, готовясь распрямиться по сигналу охотника. Их оружием были длинные толстые жерди, с помощью отчищенных от ржавчины и заточенных кос превращенные в пики – в случае верного стечения всех обстоятельств на это произведение оружейного мастерства должны были, не успев увернуться, напороться как минимум первые двое, ворвавшиеся в раскрытую дверь. Рядом, попросту выложенное на пол, покоилось все железное добро из найденного в повозке скарба, которое обладало хоть малой возможностью быть использованным как колющее, режущее или рубящее.

Поддержкой пикинерам были фон Зайденберг и Бруно, стоящие сейчас далеко по сторонам баррикады, не видимые сквозь дверной проем. Две комнатные двери, снятые с петель, превратились в огромные щиты, утыканные всевозможными обломками длиной с ладонь, наточенными, насколько это позволили само железо и время. При все том же нужном совпадении факторов в этих своеобразных щитах должны оказаться зажатými те, кто сорвется с пики либо сумеет от нее увернуться. На Хагнера выпадала не более чем роль приманки, которая должна будет исчезнуть с началом боя; что бы ни говорил Ван Ален или сам Курт, все же оставалась малая, но допустимая вероятность того, что вожак, отчаявшись заполучить своего отпрыска, попытается убить его – не став одним из стаи, парень будет нежелательным свидетелем для него и желанной добычей для Конгрегации.

Принесенное из дровяного сарая бревно Ван Ален, поколдовав с двумя веревками, повесил под галереей у бойниц. Третья, протянутая к противоположной стене, удерживала его, и, отпущенное Карлом с этой крепости, массивное сосновое чудище должно будет смести того, кто появится на пороге. Феликс стоял на галерее с двумя ведрами кипятка,

предназначенными для явившихся внизу; идея использовать кипящее масло была отринута, ибо никто не мог предположить, как станут развиваться события и не придется ли обороняющимся впоследствии вступить в рукопашную схватку именно здесь, у двери, и наличие скользкой субстанции под ногами в этом случае было бы крайне некстати. И, наконец, последним оружием осажденных был сам охотник с его железным клинком, стоящий сейчас чуть впереди, за возведенной против двери баррикадой.

Стояние всё длилось, и, перекрывая ветер, всё грохотал громящий кровлю топор, и Хагнер, помявшись, неуверенно предложил:

– Быть может, мне стоит выйти наружу?

– Не суетись, – возразил Ван Ален убежденно и осекся на полуслове, когда снаружи, сквозь распахнутую дверь еще более близкий и явственный, донесся до боли знакомый вой, и стук топора под крышей стих. – Заметил, – констатировал охотник удовлетворенно. – Ждите команды. Пока не услышите меня – сидите, как мыши.

– Не дави на нервы, – отозвался Курт, понимая рассудком, что нельзя злиться на Ван Алена за то, что сидеть, скрючившись, на продуваемом полу неловко и холодно, однако не сдержав раздражения. – Следи лучше, чтоб самому не упустить момент.

– Дай насладиться, – беззлобно усмехнулся тот. – Когда еще доведется покомандовать инквизитором первого ранга? Да еще особо уполномоченным.

– Я их вижу, – тихо произнес Хагнер, и охотник, посерьезнев, умолк, всмотревшись в темноту за дверью.

– Где? – уточнил он; парнишка кивнул:

– Вон там. Прямо напротив двери. Я их вижу.

– Там все?

– Не могу разобрать. Просто вижу шевеление.

– Он с ними?

– Не знаю... Они идут, – понизив голос, сам себя оборвал Хагнер. – Идут сюда.

– Теперь и я вижу, – кивнул Ван Ален. – Итак, господа и не очень, – призвал он, перехватив рукоять поудобнее. – Погнали. Люпус, пошел вон.

– К женщинам на кухню? Уже иду, – отозвался тот, не шелохнувшись, и Курт пристукнул кулаком по полу:

– Макс!

– Готовность, – произнес Ван Ален напряженно, и он требовательно повторил:

– Макс! Это не в моих правилах, но – выпорю!

– Ради Бога, – передернул плечами парнишка, и по его внезапно побледневшему лицу стало ясно, что времени на диспуты не осталось.

Хагнер отшатнулся, едва не споткнувшись, когда Ван Ален, сделав шаг назад, рывкнул нечто нечленораздельное, перекрыв рык, раздавшийся над самой головой, и Курт распрямился, выбросив самодельную пику вперед, к тени, явившейся из ниоткуда.

Когда такое случалось в последний раз, он уже не помнил: руки дрогнули. За почти шестилетнюю службу сталкиваться приходилось со многим, но видеть нечто подобное, стоять в двух шагах от такого еще не доводилось. Существо на две головы выше, вдвое шире и явно втрое сильнее налетело на подставленное лезвие, нанизав себя на железное полотно, и вытянутая пасть с клыками в полпальца оказалась над самой головой, обдав тошнотворным духом и оглушив болезненным громopodobным воем. Курт отпрянул, уперев древко в пол; лапа толщиной с его ногу выбросилась вперед, кривые когти, похожие на мясные крюки, зацепили свитер, разорвав плотную шерсть и скрежетнув по кольчуге. Серый блеск меча Ван Алена мелькнул перед глазами, в ушах зазвенело от бешеного визга, и жердь едва не выскользнула из ладоней, когда грузная туша с перерубленным горлом опрокинулась назад, тяжело соскальзывая с лезвия.

Трактирщик запоздал на полмгновения, а поднявшись, и вовсе остоленел, едва не выронив древко, и Хагнер подхватил его жердь, ткнув вперед изо всех сил. Охотник метнулся в сторону, краем глаза Курт уловил замах, и второе косматое тело рухнуло на пол, сотрясаясь в судорогах и оглашая тесный зал истошным ревом.

– Карл! – зло гаркнул Ван Ален, и подвешенное к галерее бревно, неслышно прорубив воздух, вмазало в дверь, с хрустом вмявшись в грудь оказавшегося на пороге оборотня с обожженной мордой.

Тот отлетел назад, не издав ни звука, опрокинув собою стоящих позади, и у порога образовалась свалка из трех бурых тел. Замешательство длилось несколько мгновений, и Курт пожалел о том, что никто, кроме Ван Алена, не умеет ладить с луком – этот копошащийся комок был идеальной мишенью, однако руки охотника сейчас были заняты мечом, и бросать его, надеясь успеть взять лук, прицелиться и выстрелить, а после снова взяться за клинок, было попросту глупо. Заряженный арбалет самого Курта лежал на полу у ноги, однако особенных повреждений стальные стрелки нанести не могли, и он предпочел не рисковать по той же причине.

Оборотень с пробитой грудью вскочил, захлебываясь рычанием; из

полураскрытой пасти со сгоревшей до мяса шкурой свешивалась длинная нить кровавой слюны, вязко стекая на пол и налипая на почти полностью сожженную шерсть на груди. Тот встряхнул головой и, с силой оттолкнув повисшее против двери бревно, ринулся вперед, замявшись лишь перед самой баррикадой. Бревно, качнувшись, возвратилось назад, довольно ощутимо наподдав по морде существа у порога, в этот миг поднимавшегося на ноги, и зверь, разразившись озлобленным коротким рыком, впрыгнул внутрь, повиснув на бревне и с силой дернув его вниз за обе веревки. Деревянные балки, держащие галерею, переломились с оглушительным треском, и дощатая площадка, покосившись, обвалилась на пол, накрыв его обломками. Ведра, наполненные водой, рухнули вниз вместе с Феликсом, обдав кипятком замешкавшегося оборотня и самого торговца, и человеческий вопль смешался со звериным ревом.

– Стоять! – крикнул Курт, перекрывая какофонию, когда рыцарь рванулся вперед, явно порываясь бросить свой щит на пол, и на сей раз тот подчинился, застыв на месте.

Фон Зайденберг не успел бы – это он понял еще до того, как зверь, распрямившись и сбросив с себя остатки досок, сгреб обожженного человека в охапку, точно домохозяйка грязное белье, несомое к кадушке с водой, и крик оборвался, когда на пол шлепнулось смятое и изорванное когтями тело. Замерший у баррикады зверь взрыкнул, когда горячие брызги угодили на его спину, и бросился вперед, перескочив баррикаду стремительным прыжком, кажется, даже не видя за яростью и болью выброшенного навстречу утыканного железом щита в руках Бруно. Помощник, покачнувшись, отступил, попытавшись выбросить руки вперед, но, не удержавшись на ногах, упал на спину, придавленный исполинской тушей. Справа мелькнула бурая тень, и зверь, до сих пор в нерешительности мявшийся по ту сторону двери, кинулся следом за сородичем, налетев на подставленный рыцарем щит. Огромное тело забилося, пытаясь содрать себя с железных штырей и лезвий, и фон Зайденберг, рыкнув едва ли не громче раненой твари, одним сильным рывком вздернул свой щит, притиснув оборотня к каменной стене трактира и навалившись на него плечом.

Курт метнулся к лежащему на полу Бруно, отбросив не слишком годящуюся для боя в такой тесноте самодельную пику и выхватив меч, но удара нанести не успел – ошпаренный водой оборотень, в один скачок покрыв расстояние до баррикады, перемахнул ее, оттолкнувшись от перевернутой столешницы, и оказался по другую ее сторону. Отшатнулся от меча Ван Алена, увернувшись и отпрыгнув назад и в сторону, и

очутившийся прямо перед чудищем Карл Штефан застыл на месте, глядя на зверя расширившимися глазами.

Курт рванулся вперед; достать он мог лишь до открывшейся ему спины, и для того, чтобы стальной клинок нанес сколь-нибудь ощутимое повреждение, бить надо было наверняка и со всей силой, на какую был способен. Лезвие вошло в спину у самого хребта, он дернул вниз, скрипя клинком о кость, и подался вперед, вгоняя меч глубже, в утробу. Оборотень с ревом выгнулся, взмахнув лапами, и Карл отлетел назад, ударившись о стойку; что-то на его одежде пунцовело кровавым пятном, но сейчас не было времени разбираться, ранен ли он или же это чужая кровь. Зверь развернулся, едва не выдернув рукоять из ладоней Курта; из рваной сквозной раны лилась алая жижа, перемешанная с содержимым нутра, и глаза, полные ярости, вряд ли видели что-то перед собой, затуманенные исступленным бешенством и болью. Ван Ален возник словно из-под пола, косым ударом снизу вверх вспоров твари плечо, и Курт, поднырнув под когтистую лапу, со всей мочи саданул по горлу, взрезав глотку и почти перерубив позвоночник.

Не глядя на содрогающееся тело, он развернулся, снова бросившись к помощнику, и остановился, внезапно осознав, что уже несколько мгновений слышит только тишину, нарушаемую лишь свистом ветра и тихими причитаниями Карла Штефана.

Бруно с ободраным лицом сидел на полу, прижимая к груди правую руку, а оборотень, испещренный зияющими в темной шерсти ранами, лежал в стороне, наполовину сползший с перевернутого щита. В горле зверя засела заточенная этим вечером кочерга, глазницу пропорол кусок железа, чье бывшее назначение угадывалось уже с трудом, и Хагнер, дыша тяжело, словно после долгого бега, стоял над ним с арбалетным болтом Ван Алена в руке, залитой кровью по запястье. Фон Зайденберг, все еще припирая к стене нанизанное на щит существо, смотрел в помутившиеся мертвые глаза прямо перед собою пристально и напряженно, явно ожидая внезапного рывка и не решаясь отступить и сбросить оборотня на пол.

– О, Господи, – сумел, наконец, разобрать Курт и медленно повернулся на голос, глядя на Карла Штефана, лежащего у стойки. – Господи, он меня порвал... О, Господи...

– Альфред, – тихо, через силу выговорил Хагнер, и он обернулся к трактирщику.

Тот сидел кривобоко, прислонясь спиной к накренившейся баррикаде, ловя воздух посиневшими губами, и лицо его было цвета цементной пыли.

– Сердце... – прошептал Велле чуть слышно. – Отпустит, ничего...

Отдыхаться только...

– Брось его уже, – повелел рыцарю Ван Ален и, перешагнув труп оборотня, приблизился к Карлу. – Первый бой за нами.

Глава 16

– Надо убрать доски и бревно от двери, – все так же с трудом складывая слова, произнес Хагнер. – Надо закрыть ее, майстер инквизитор.

– Нельзя, – возразил он, кивнув помощнику: – Как ты?

– Нормально, – отозвался Бруно, медленно и неловко поднимаясь. – Просто ушиб сустав и оцарапал щеку.

– Нельзя трогать дверь, – продолжил Курт, подходя к трактирщику. – Сейчас ему плохо различимо, что происходит здесь, но если он увидит, что мы спокойно разгребаем завалы, тотчас поймет, что стая перебита. И нападет... Альфред? Точно в порядке?

– Да, – отозвался тот, встав на ноги, и покачнувшись, побледнев еще больше. – Переведу дух и...

– ...и уйдешь на кухню к жене, – закончил за него Ван Ален, сидящий на корточках перед раненым. – И этот тоже. Помощи от вас теперь никакой, так хотя бы не будете мешать. Нападет он в любом случае, и вполне возможно, что уже примеривается, как бы поудачнее вскочить в дверь; этот гад не чета своим подручным, он и сноровистей, и прытче. Посему – не тянем время; встали и пошли.

– Я умру? – плачуще спросил Карл Штефан, зажимая обеими ладонями кровоточащий бок, и, когда охотник отвел его руки в сторону, вскрикнул, болезненно зажмурясь. – Господи, я умру... Я не могу сейчас умереть, я не хочу, я не готов...

Курт подступил ближе, заглянув через плечо Ван Алена. На ребрах неудачливого возлюбленного и еще менее удачливого вояки пролегли две рваные полосы, явно была задета кость, а чуть ниже, едва коснувшись мышцы, краснел еще один порез.

– Есть еще время подготовиться, – не дав охотнику пренебрежительно отозваться о его боевых трофеях, серьезно сказал Курт. – Все умирают когда-нибудь, Карл, и готовым к этому надо быть в любую минуту. Или ты надеялся жить вечно?

– О, Господи, – простонал тот, снова прижав ладони к ребрам, – я не могу сейчас! Не сейчас, только не сегодня! Господи, я больше не буду, я исправлюсь, честное слово, только не дай мне умереть, не сегодня!

– Либо душа нашего кликуши переселилась, либо молитвословие заразно, – буркнул Ван Ален; Курт пожал плечами:

– В его случае это нелишне. Как знать, Карл, быть может, случится

чудо, и тебе дадут еще время.

– И пару пенделей, – dokonчил охотник, довольно бесцеремонно вздернув раненого на ноги, и кивнул трактирщику: – Уведи его на кухню, напоите серебряной водой, промойте ею и затяните чем-нибудь эти... до чрезвычайности опасные смертельные раны. Когда мы разберемся с вожакom, я его заштопаю.

– А если не разберетесь? – уточнил Велле тихо, и Ван Ален усмехнулся, подтолкнув его в спину:

– Ну, тогда и суетиться будет ни к чему... Шагай резвее.

– Макс, ты тоже, – подал голос Бруно, когда кухонная дверь уже закрылась за уходящими. – Нечего тебе делать здесь.

– Я останусь, – твердо возразил парнишка; охотник кивнул:

– Разумеется, останешься. А ты, помощник инквизитора, подумай о том, что, не окажись парень рядом, эта тварь раздавила б тебя, как лягушку. Решает, само собой, Молот Ведьм, мальчишка под его покровительством, но я б советовал его не гнать.

Сейчас Хагнер никуда не пойдет и слушать никого не станет; чтобы понять это ясно и четко, не надо было иметь в своем арсенале макаритскую выучку и почти шесть лет инквизиторской службы – в лице парня была решимость, а в глазах упоение своей первой победой и упрямство, переломить которое можно было разве что силой. Приказным тоном повелеть сейчас исполнить указание, услышать в ответ отказ и не суметь ничего этому противопоставить, кроме рукоприкладства... В сложившейся ситуации это одно способно уронить авторитет майстера инквизитора ниже пола.

– Как чувствуешь себя? – помедлив, осведомился Курт, и Хагнер криво усмехнулся, приподняв окровавленную руку с железным штырем в ней:

– Как никогда хорошо.

– Оставайся, – согласился он. – Ты впрямь себя отлично показал.

– На его месте я уже напал бы, – заметил фон Зайденберг, отпустивший, наконец, ошетиженный железом щит, и сделал шаг к середине зала, пытаясь выглянуть в темноту за дверь. – Чего он ждет? И какой неожиданности ждать нам?

– Вы целы? – уточнил Курт и, когда рыцарь равнодушно отмахнулся, кивнул: – И в самом деле. Что-то затишье слишком затянулось; я полагал, что у нас будет меньше полуминуты на то, чтобы вздохнуть. Ян?

– А что сразу Ян? – огрызнулся охотник. – Я понятия не имею, что там происходит. Может быть, он, наконец, перетрусил, плюнул на все и свалил – сделать другого звереныша на поверку выходит дешевле.

– Надеюсь, вы ошибаетесь, – угрюмо выговорил Хагнер; Курт, нахмурившись, покосился в его сторону, однако придержал наставления о незлобии, готовые уже сорваться с языка. – Повторю свое предложение: быть может, мне все же стоило бы выйти наружу и показаться ему?

– Нет необходимости, – возразил Ван Ален и, когда к нему обратились вопрошающие взгляды, кивнул за дверь: – Он не ушел.

Курт, помедлив, неспешно сделал несколько шагов к центру зала, встав против порога; в открытую дверь сквозь полупрозрачную пелену затихающей метели был виден силуэт в отдалении – человек в длинном одеянии стоял подле купы близких деревьев, стоял, не двигаясь, не подходя и не удаляясь. Во всеобщем молчании и неподвижности протекли два мгновения, и, когда позади послышался шорох, Ван Ален вздрогнул, развернувшись и вскинув меч, а Бруно отпрыгнул от внезапного шевеления у себя под ногами.

– Тьфу ты, чтоб вас, – выговорил охотник зло, брезгливо отойдя от убитого оборотня, чье остывшее тело начало содрогаться в посмертных метаморфозах, отступил в сторону, убрал клинок в ножны и, наложив стрелу, нацелился на дверь, не натягивая тетивы до конца. – Не знаю, что он задумал, но – люпус, давай назад и без нужды не лезь.

– Почему он в таком виде? – непонимающе пробормотал фон Зайденберг. – Я полагал, нам следует ждать зверя, ждать нападения, ждать... Для чего он принял человеческий облик?

– Он идет сюда, – напряженно констатировал Хагнер. – Почему он не боится, что мы убьем его прямо на пороге?

Курт переглянулся с охотником, и тот тяжело вздохнул, покривив губы в понимающей усмешке.

Разумеется, сейчас, с каждым шагом этого человека, приближался все более благоприятный момент, когда избавиться от угрозы можно будет легко и просто – всего-то Ван Алену надо спустить с тетивы стрелу, а Курту подобрать с пола свой арбалет и всадить все четыре болта разом. Все, что останется сделать после – это добить раненого, останется ли он человеком или, сумев выскочить прочь, обратится зверем. Но брошенная минуту назад фраза Хагнера ясно давала понять, что парню такой оборот дела не понравится. Тот, кто уверенно шел к их двери, явно осознавал то, что понимал и сам Курт: рискуя напороться на очередной подвох, все ближе подступающего противника все же придется пустить на порог, ибо стоящий за их спинами мальчишка, чью злость и нетерпение он сейчас ощущал затылком, хочет этого. Хочет увидеть того, кого не видел почти пятнадцать лет, и сказать ему все то, что наверняка говорил уже не раз – в мыслях,

которых за последние пару дней уж точно было немало...

– Не стреляй, – попросил Курт тихо, и охотник вздохнул снова.

– Да я уж понял, – согласился Ван Ален, приподняв лук выше.

– Почему? – нахмурился рыцарь. – Что вы задумали, майстер инквизитор?

– Ничего, – ответил вместо него Бруно. – Просто так надо.

– Только держи себя в руках, люпус, – строго велел охотник. – Не надейся на глупостей.

Хагнер не ответил, лишь медленно, с напряжением переведя дыхание.

Человек по ту сторону на миг приостановился и снова двинулся вперед, войдя в полосу света, падающего из двери на окрашенный кровью снег. Он был бос, и никакой иной одежды, кроме длинной овчинной шубы, на нем не имелось; в волосах запутался снег, похожий на седину, кожа покраснела от мороза, однако не было похоже на то, что его одолевает что-то серьезней озноба. За несколько шагов до двери он замер снова и, помедлив, решительно ступил вперед.

– Застынь, – потребовал Курт, и тот остановился на пороге, переведя взгляд ему за спину, где все так же молча стоял Хагнер. – Ни шагу больше.

– Курт Гессе, – отметил тот. – Знаменитый Молот Ведьм.

Он не ответил, рассматривая человека напротив внимательно и придиричиво.

Максимилиан-старший занимал собою дверной проем почти совершенно, однако вовсе не из-за толстой шубы, и внутрь он вошел, пригнувшись под притолокой. Что-то общее в этом лице и лице Хагнера, несомненно, было – и острые скулы, и прямой нос, и тяжелый подбородок, хотя прищелец все же не был повзрослевшей копией мальчишки. Однако было что-то, кроме родственной схожести, что-то неуловимое, что объединяло этих двоих между собой и отличало от прочего рода людского, но что – этого Курт определить не мог. Три года назад ему случилось свести знакомство со следователем, необъяснимым чутьем умевшим выделить из толпы вот таких, отличных от других людей и зачастую оказывающихся вовсе не людьми, но и тот не умел разъяснить, как и по каким приметам узнавал это. Просто было – *что-то*. Что-то не то...

– И сам Ян Ван Ален, – продолжил оборотень. – Надо же.

– Вижу, я среди вашего брата личность известная, – хмуро отозвался охотник, приподняв лук еще чуть выше. – Что тебе нужно?

– Поговорить.

– Полагаешь, есть о чем?

– Не с вами, – возразил тот, кивнув на Хагнера. – Мне с моим сыном.

– Думаешь? – мстительно усмехнулся Ван Ален. – Посмотри на него. У него в руке железный штырь, которым он пару минут назад уложил одну из твоих тварей. Ты в самом деле считаешь, что он кинется тебе на шею?

– Просто эта глупая девчонка вместе с вами заморочила ему голову, – уверенно произнес оборотень. – Пройдет время, и он уразумеет, что к чему.

– Эта девчонка моя мать, – заговорил Хагнер, явно позабыв все наставления, данные ему майстером инквизитором и иже с ним – голос дрожал от злости. – Следи за словами. Довольно того, что ты убил ее.

– Ты не такой, как она, – оборвал его пришелец. – Не такой, как все они; ты такой, как я. Моя плоть и кровь, и я знаю, что ты всегда нутром это чуял. И я когда-то это познал на себе.

– Я – не такой, как ты.

– Да полно тебе. Ты же всегда знал, что ты другой, и сейчас это знаешь. Боишься просто, потому что меня не было рядом, и никто тебе не мог рассказать, что за жизнь тебе определена. Просто не знаешь еще, кто ты такой.

– Я человек, – коротко ответил Хагнер, и тот покривился:

– Все это пустые слова. И люди тоже держатся своих – крестьяне живут в обществе крестьян, солдаты знают с солдатами, монахи с монахами, а твоя жизнь рядом с тебе подобными. Со мной. И эти – они не сумеют тебя удержать, если только ты сам захочешь уйти. Я положил ради тебя столько сил, потерял всех, но жалеть об этом не стану, если ты выбросишь эту дурь из головы и уйдешь со мной. Ты просто еще дитя и не понимаешь всего, лишь повторяешь то, чего наслушался от других, а они просто хотят поломать тебя, подчинить; посмотри на себя – что они с тобой сделали? Нацепили ошейник, точно на ручную собачонку!.. Образуься, Максимилиан. Не знаю, что забил тебе в мозги этот инквизитор, но против крови не пойдешь, а кровь в тебе моя.

– К сожалению, – согласился Хагнер. – Но кто тебе сказал, что ты можешь выбирать за меня мою жизнь?

– А кто ж тогда? – покривился в улыбке оборотень, кивнув на людей вокруг. – Они? У тебя нет с ними ничего общего. Ты другой, ты не из их рода, не из их бытия. Они тебе никто.

– Как и ты.

– Я твой отец.

– А я все ждал, повернется ли у тебя язык это произнести, – с ожесточенным презрением усмехнулся Хагнер. – Отец – это тот, кто рядом, когда он нужен, кто заботится, защищает, тревожится о тебе и радуется за тебя. А где ты был пятнадцать лет? Когда меня мешали с грязью, потому

что ты решил исчезнуть – где ты был? Когда нам пришлось бросить все и уйти в никуда? Где ты был, когда мать не спала ночами, оберегая меня? Когда мы оба горбались, как ломовые лошади, чтобы не сдохнуть с голоду – где ты был? Там же, где и был бы до сих пор, если бы я не перенял от тебя твоей звериной сути, и не смей говорить мне о крови, потому что – да, с ней не поспоришь, и на тебе, сукин сын, кровь моей матери.

– Эта...

– Не смей, – осадил Хагнер недобро. – Не смей продолжать. Ты и без того сказал слишком много. Ты все еще здесь? Все еще ждешь чего-то? Ждешь от меня ответа? Ты его получишь. Я покажу тебе кое-что, – кивнул он, наклонившись к полу, а когда распрямился, на человека у порога уставились четыре стрелы, вложенные в заряженный арбалет, до сих пор лежащий у покосившейся баррикады. – Как тебе такой ответ?

– Макс, – остерегающе произнес Курт, и парнишка, зло стиснув зубы, сжал палец на спуске.

Как ладить со сложной механикой столь необычного оружия, Хагнеру было неведомо, и стрела сорвалась лишь одна; стальной снаряд с расстояния в четыре шага, пропоров толстую овчину, просто исчез в теле, со звучным чмоком войдя в живот. Человек на пороге покачнулся, схватившись ладонью за косяк, глядя на все еще смотрящее в его сторону оружие оторопело и неверяще.

– Вот черт... – пробормотал Ван Ален во внезапной тишине и, словно очнувшись, рывком вскинул лук.

Стрела ушла в пустоту, со свистом вылетев в открытую дверь.

Неизвестно, мог ли ждать подобной выходки Максимилиан-старший, был ли готов к такому развитию событий, однако его оторопь длилась меньше, чем растерянность его противников, чем ошеломление самого Хагнера. Уже когда тетива лишь только срывалась с пальцев, стало ясно, что охотник промахнется: раненый человек у двери одним движением стряхнул с себя свое немудреное одеяние, и человека не стало.

Это было лишь чуть похоже на то, что довелось видеть минувшей ночью в отдаленной маленькой комнате; все было так же и не так. Он словно взорвался изнутри, точно бы и впрямь вывернувшись наизнанку, и оттого почудилось на миг, что зверь на пороге просто явился ниоткуда. Курт выхватил арбалет из пальцев Хагнера и, вскинув руку, спустил оставшиеся три стрелы разом, не надеясь попасть и не слишком разочаровавшись, когда и они тоже, прошив воздух, исчезли в снежной темноте. Засевший в теле стальной снаряд выскользнул прочь, загремев по обломкам досок, и возникший в нескольких шагах впереди волк уже

знакомым сильным толчком взвился в воздух, покрыв одним прыжком половину трапезного зала.

Ван Ален отшвырнул лук, выдернув клинок, и Курт, бросив арбалет на пол, тоже обнажил меч, пытаясь угадать следующее движение оборотня: не остановившись, тот прыгнул снова – прыгнул, не нападая, оказавшись за их спинами, на лестнице ко второму этажу, и спустя долю мгновения темная туша исчезла и оттуда, мелькнув где-то слева. Стремительность вожака и впрямь не шла ни в какое сравнение с неуклюжими, нескорыми движениями его собратьев, и теперь, не скованный прежде мешавшими ему сугробами, он словно летал по тесному залу. С каждым новым прыжком взгляд все хуже поспевал следом, все хуже улавливал эти движения, и когда оборотень оказался позади фон Зайденберга, тот не сумел развернуться вовремя, успев лишь отпрянуть в сторону. Бруно, стоящий в двух шагах от рыцаря, метнулся вперед; от удара его широкого тесака волк увернулся, снова взвившись в воздух, оттолкнулся от стойки и прыгнул снова, приземлившись между Куртом и Хагнером.

Проверить, насколько верны его догадки, намерен ли продолжить Максимилиан-старший свои попытки образумить отпрыска или предпочтет избавиться от него, Курт не желал, и через недочеловеческие кости оборотня на полу он перемахнул прыжком едва ли менее изрядным, чем зверь, оказавшись перед самой пастью. Удар в голову прошел мимо, и кромка лезвия лишь срезала клочок жесткой шерсти на загривке, когда тот отпрыгнул снова, уклонившись от выброшенного навстречу тесака и походя успев хватануть Бруно за руку. Помощник отпрянул, поскользнувшись на полуразложившихся останках под ногами; широкий клинок, выбитый из ладони, отлетел на стойку, с грохотом проехавшись по оттертому дереву и оставшись лежать у дальнего края. Охотник невозможно вывернулся, едва не споткнувшись о Бруно, и ударил просто, наотмашь, прочертив острием клинка короткую полосу поперек мохнатого плеча.

Волк сбился с движения лишь на миг, даже не обернувшись и не издав ни звука, и продолжил прыжок, упав всей тяжестью огромного тела на рыцаря. Фон Зайденберг опрокинулся на спину, выронив меч и с оглушительным хрустом ударившись головой о перила лестницы; Курт бросился вперед, перепрыгнув через помощника, однако охотник успел первым – железное лезвие его клинка вошло в загривок. Удар хорошо отточенного железа погасила жесткая, словно проволока, спутавшаяся мокрая шерсть и толстая шкура, и все же длинная полоса пролегла поперек, тут же разведясь широкой алой улыбкой.

Зверь зарычал, рывком обернувшись, и Ван Ален едва успел отскочить назад, оставив в его зубах хороший кусок свитера. Зажатый между стойкой, съехавшей на сторону баррикадой и деревянным щитом с прилипшей к нему невнятной осклизлой грудой костей, Курт ударил, насколько сумела достать рука – выпадом; острое чиркнуло по морде, брызнув кровью в темно-коричневый глаз, и волк свирепо рявкнул, рванувшись в сторону. Отпрыгнув на стойку, оборотень взвился в воздух снова, немисливо оттолкнувшись всеми четырьмя лапами от каменной стены, и, снова сбив на пол едва поднявшегося на ноги Бруно, скакнул обратно, миновав меч охотника и мимоходом задев Курта лапой. В грудь словно врезалось конское копыто – мир перед глазами на мгновение подернулся темнотой, дыхание остановилось, а собственное тело вдруг перестало ощущаться, словно все оно, кроме ушибленной грудины, внезапно исчезло.

Тело вернулось не сразу и привело с собою дикую боль в правой ноге. Сквозь затопившую взгляд мглу виделась темная туша волка где-то в стороне, сапоги охотника и неподвижный фон Зайденберг, и лишь поэтому стало понятно, что и сам он лежит на полу, рядом со смрадным месивом, некогда бывшим живым существом. Вбитый в дерево щита железный обломок пропорол кожу сапога, застряв в ней, выкрутив щиколотку в сторону, и зажатая меж двумя соседними штырями нога сейчас представляла собою нечто похожее на переломленную ветку.

Темнота в глазах не расступилась всецело, и тело еще не подчинялось, как должно было бы; швы на лбу пронзило острой болью, а тьма взорвалась цветными звездами, когда Курт развернулся, сдернув ногу со щита и приподняв себя на одно колено. Помощник лежал в шаге чуть в стороне, держась раненой рукой за кровоточащее плечо, рыцарь по-прежнему не двигался, пребывая в мире ином временно или уже навеки, и лишь Ван Ален оставался на ногах, прижавшись спиной к перилам и держа меч перед собою. Оборотень замер напротив него, припав к полу, больше похожий сейчас на изготовившегося к прыжку кота.

Арбалет валялся в трех шагах, до бешенства близко, но недоступно, собственный клинок отлетел далеко прочь, из разбросанного под ногами железного лома ничего, что способно было бы стать мало-мальски годным метательным оружием, не имелось, и лишь теперь, лишь в этот момент пришла мысль о том, что победы, скорее всего, ждать не стоит. В одиночку охотник не справится с этим реликтом незапамятных времен, чьи предки, в точности такие же, как он, наверняка сталкивались с противниками и посерьезней, нежели слабый человек без когтей и клыков, вооруженный лишь куском металла. На то, чтобы одолеть его, у зверя уйдет

не более нескольких секунд, а уж на то, чтобы покончить с остальными, и того меньше. И, как это, судя по всему, всегда бывало прежде, не останется в живых никого, кто мог бы рассказать о том, что же произошло в одиноком трактире у дороги...

Когда оборотень прыгнул, навстречу ему выбросилось острие железного меча; тот извернулся в воздухе, пропустив удар мимо, и ударил сам – как-то совершенно не по-звериному, как мог бы ударить человек, лапой по запястью. На светлое дерево перил брызнула рубиновая россыпь, и отлетевший клинок, с глухим звоном ударившись о стену, отлетел в сторону, приземлившись в шаге от Курта. Волк развернулся к Ван Алону, схватив зубами воздух – охотник, опершись о перила, подпрыгнул, перемахнув через деревянный брус и перебросив себя на лестницу. Зверь бросился следом, в один невероятный прыжок преодолев преграду и повалив человека на ступени.

Тот рванулся, упершись ногой в перекладину перил, однако подняться не успел; широкая лапа вперилась в плечо, и тяжелая бурая туша навалилась сверху, не давая шевельнуться. Разверстая пасть, источающая вязкую слюну, нависла над самым лицом, и зубы сомкнулись опять, снова поймав пустоту – Ван Алон, ухватившись обеими руками за косматое горло, стиснул пальцы, пытаясь зажать в кулаках кадык. Густая шерсть собралась в комок, мешая добраться до горла, и напрягшиеся руки дрогнули, когда зверь напружинился, пытаясь переломить последнее бессмысленное сопротивление обреченного человека...

Я верил в человека, а не в ничтожную безответную тварь...

Это было даже не мыслью, не намерением – просто бесчувственное, холодное сопоставление фактов. Меч в шаге – рядом. Сломана нога; но ведь не отрублена?..

Я не знаю, где пределы человеческим возможностям...

Это было слышано не раз в далеком альпийском лагере от наставника, убедившего его однажды, навсегда и неоспоримо в том, что человек мерило всех вещей. Что человек может все.

«Debes, ergo potest»^[37]...

Девиз, врезанный в камень над входом. Прочтенный, осмысленный и переосмысленный не одну сотню раз. Человек может все. Если сейчас удастся заставить себя забыть о том, что он – единственное и последнее спасение для всех, что времени на сосредоточение нет, забыть о боли в сломанной кости.

Боль – чушь, майстер инквизитор...

Вдох.
Цель впереди, и больше ничего.
Ничего нет. Никого нет.
Все, как всегда.
Вдох. Выдох.

Боль, пронзившая тело до самой поясницы, дошла до сознания, словно письмо от давней любовницы, живущей в отдаленном городе на другом конце страны – с долгим, невообразимым запозданием. До клинка, лежащего в шаге от него, Курт почти допрыгнул – одним коротким рывком, не заметив, как ступил и куда, оперся ли о сломанную ногу или просто перебросил себя, как мешок с зерном...

Когда рука сама собою, без участия разума, не тратя времени на раздумья и расчеты, метнула железный клинок вперед, уже вдогонку, запоздало, вспыхнула мысль – «а если»... А если промах...

«Господин рыцарь фон Вайденхорст»...

Та самая рыцарская выучка, над которой так любит потешаться майстер инквизитор Гессе...

О том, что именно эта выучка и подразумевает умение метать всё, что только может называться словом «оружие» или хотя бы способно сойти за таковое, он знал, слышал, но никогда не придавал этому значения. До этого момента...

«Повезло»...

Ничему иному, кроме как везению или столь лелеемой помощником Господней милости, нельзя было приписать то, что брошенный неумелой рукой клинок не пропорол голову Ван Алена, а вошел четко, точно, словно нож в масло, в шею оборотня.

Волк замер, точно статуя, поперхнувшись вдохом, и Ван Ален, уставившись на рукоять, торчащую из тела оборотня, словно окаменел, все еще стискивая мощную шею. Из полураскрытой пасти, наполнившейся кровью, на его лицо соскользнула тягучая крупная капля, и охотник, опомнившись, напрягся, оттолкнув от себя зверя и вырвавшись из-под оседающего на него тяжелого тела. Через перила он перевалился, как мешок, с трудом воздвигнув себя на ноги, и бросился к стойке, не с первой попытки подобрав валяющийся на ней тесак Бруно. Оборотень обвалился на ступени, выгибаясь и хрипя, и в мутных глазах мелькнуло что-то похожее на удивление и испуг. Ван Ален споткнулся уже у самой лестницы и, не пытаясь подняться на ноги, ударил снизу, явно вложив в этот удар все оставшиеся силы.

Лезвие вонзилось под нижнюю челюсть, со скрежетом упершись в череп и пойдя в сторону, и после мгновенной заминки пробилось наружу сквозь затылок, вытолкнув с собою ошметки кости и мозга. Охотник рванул клинок на себя, отпрянув от плеснувшей сверху крови, и отполз назад, не отрывая взгляда от содрогающегося зверя на лестнице. Твердые, как камень, когти скрежетнули по доскам, лапы напряглись, пытаясь поднять тело; волк, со свистом выдохнув, упал, проехавшись по ступеням вниз, и остался лежать, глядя потускневшими глазами в потолок.

В наступившей тишине неподвижность царила еще долго; Ван Ален все так же сидел на полу, глядя на замершее тело у подножия лестницы, Бруно смотрел на стойку, где еще несколько секунд назад лежал его тесак. Курт с усилием повернулся, пытаясь отыскать взглядом Хагнера; тот обнаружился у стены, бледный, словно оледеневший, и такой же безгласный, как и все вокруг.

– Черт... – пробормотал охотник, и словно кто-то отдернул занавесь, что прежде глушила звуки окружающего мира – стал снова слышен свист ветра, тяжелое дыхание людей рядом и стук поредевшего снега в оконные стекла.

– Мертв? – уточнил помощник хрипло, и Ван Ален резко обернулся, вскочив на ноги и глядя на Курта ошалелым взглядом.

– Вот ведь черт... – повторил он тихо, вяло махнув рукой в сторону клинка, застрявшего в теле оборотня. – Ты ж и меня мог...

– Он убит? – повторил Курт, и охотник раздраженно отозвался:

– Да, черт тебя дери! Твою мать! Ты ж мне чуть уши не пообрубал!

– Бывает. – Курт, поморщившись, подтянул к себе ногу, постаравшись усесться так, чтобы кромка сломанной кости не упиралась в мышцу. – Ян... Ты и в самом деле думаешь, что сейчас твои не пострадавшие уши – это самый важный вопрос?.. Ты в относительно лучшем состоянии, нежели мы, посему взгляни, что с господином рыцарем. Макс, – позвал он и, не услышав отклика, повысил голос: – Макс!

Парнишка вздрогнул, переведя на него взгляд медленно, словно во сне, и вытолкнул сквозь плохо шевелящиеся губы:

– Я в порядке.

– Этот тоже, – сообщил охотник от лестницы, склонившись над фон Зайденбергом. – Может, мутить будет, когда почувствуется, но помирать он уж точно не собирается.

– Бруно?

– Я не буду говорить, что я в полном порядке, – покривился помощник, осторожно поднимаясь с пола. – У меня едва не выхватили хороший клок

мяса из руки и порвано плечо. Неплохо было б сделать что-нибудь, чтоб я не истек кровью.

– Простите, – снова заговорил Хагнер, переведя взгляд на убитого оборотня. – Я ничем вам не помог.

– Хорошо, – отозвался Ван Ален мрачно. – Еще не хватало твоим будущим наставникам возиться с задвигами вроде как у царя Эдипа.

– При чем тут царь Эдип? – возразил Курт, и охотник передернул плечами:

– Замочил отца. Была еще какая-то тема насчет матери... только этого я уже не помню.

– И слава Богу, – буркнул Курт, пытаясь по ощущениям в кости понять, насколько серьезно обстоит дело. – Забудь, Макс. Ты сегодня держался отлично и сделал больше, чем был должен; а требовать больше, чем ты можешь, просто глупо... Зови остальных, Ян, – распорядился он. – Пусть, кто на ногах, помогут. Закрыть дверь и бойницы; холодно. Очаг гаснет. Нужно серебряной воды побольше. И – переломы складывать умеешь?

Глава 17

Утро пришло в одинокий трактир вместе с солнцем – почти настоящим, почти зримым: метель постепенно утихала, и сквозь снежную пелену уже можно было различить стену конюшни в отдалении, прежде скрытую белой завесой. Спать так никто и не ушел; отошедший от приступа Альфред Велле вместе с супругой бродил по трактиру, довольно бессистемно и как-то бездумно пытаясь водворить порядок, Мария Дишер тихо плакала, таскаясь с наполненной водой миской следом за охотником, вновь взявшим на себя роль врача. Хагнер разгребал баррикаду, оскальзываясь в вязких лужах из бывших сородичей, и переворачивал в прежнее положение столы, по временам поглядывая в сторону убитого волка; мертвый зверь не изменился, его не тронуло разложение, и неподвижное огромное тело все так же лежало на ступенях.

Бруно, после перевязки и штопки бледный и измотанный, сидел на скамье у стены, а спустя полчаса улегся, тихо постанывая от одолевающей его тошноты и дыша сквозь зубы. Ван Ален, оглядев его, вздохнул и повелел убираться в постель. Сам охотник выглядел лишь чуть лучше, поминутно останавливаясь и переводя дыхание, потирая забинтованную руку. К своей вороной, удивительно как не лишившейся своего лошадиного рассудка от трехдневного заточения, он заглянул на минуту и, выйдя из тесной кладовки с зажатым рукавом носом, повелел трактирщику озаботиться согреванием конюшни как можно скорее в его же собственных интересах.

Фон Зайденберг восседал на ступеньке подле волчьей туши, прижав к затылку кусок льда, завернутый в ткань; на редкие вопросы он отвечал односложно и почти не разжимая губ, порою закрывая глаза и осторожно, размеренно дыша.

Курт долго сидел на стойке, уложив на нее вытянутую ногу, зажатую в две дощечки, и пытался, как учили, мысленно вытравить из тела боль, снова возвратившуюся и поселившуюся в голове, ушибленной груди и сломанной ноге. Выходило это довольно скверно, и вскоре он плюнул на свои попытки, предпочтя с болью просто смириться.

Карл Штефан, притихший и непривычно серьезный, уйти в снятую им комнату наотрез отказался; пользы от него не было никакой, помощи он оказать был не в силах, отравленный организм явно вожделем отдохновения, однако гнать его никто не стал, осознав, что неудачливый

любовник попросту боится оставаться в одиночестве.

С наступлением рассвета Хагнер, трактирщик и уже беспрерывно плачущая Мария взялись за неблагодарный и, в общем, почти безнадежный труд, пытаясь убрать с пола останки убитых оборотней. Силы у всех были на исходе, однако проснувшийся после всех ночных переживаний аппетит требовал удовлетворения, и употреблять пищу в таком окружении не хотелось никому. Невиданного обличья кости, смешанные с вязкой зловонной жижей, прилипали к камню, и в конце концов к авгиевой конюшне, в которую за одну ночь превратился трапезный зал, был применен метод мифического Геракла – несколько ведер воды, не мудрствуя лукаво выплеснутые на пол. Образовавшуюся несусветную мешанину попросту прогнали за порог конюшненными скребками и лишь после этого с применением всех нашедшихся в запасах Берты средств темные смрадные пятна стало возможным оттереть хотя бы немного. Волчью тушу Хагнер, уже шатающийся Ван Ален и трактирщик выволокли наружу, уложив поодаль от двери в сугроб, а изуродованное тело торговца перенесли к прочим погибшим. Завтрак, появившийся нескоро, был съеден в молчании, нарушаемом лишь стонами мучимых дурнотой раненых, всхлипами женщин и уже обыденным свистом ветра за стенами трактира.

На теперь уже никчемном, но каком-то привычном дежурстве у вновь запертой двери остались Ван Ален и Альфред Велле; собственно, бдения как такового не было – попросту оба улеглись спать на скамьях в трапезном зале. Опасаться было уже явно нечего и некого, однако охотник, заметив, что «береженого Бог бережет», пристроил подле себя свой оттертый от волчьей крови железный меч.

Курт проснулся, когда за окнами начинали уже сгущаться сумерки, затмевая тускло-белое небо, и разбуженный им помощник, уже не такой бледный и даже чуть взбодрившийся, помог спуститься по узкой лестнице вниз. Ненужные часовые уже не спали – трактирщик возился на кухне, а Ван Ален сидел у стола напротив очага, глядя задумчиво и хмуро на стоящую перед собою бутыл. В зале витали отголоски запаха паленой шерсти, и Курт, приблизясь, остановился, разглядывая брошенную на плечи охотника куртку. Волчьего воротника на ней не было.

– Попробуй только что-нибудь сказать, – пригрозил Ван Ален, не оборачиваясь, и Курт молча уселся напротив, подальше от полыхающего очага. – Как там наш герой?

– Спит, – передернул плечами он, осторожно вытянув ногу в сторону. – Причем, как младенец.

– Любитель горожанок наверняка тоже, – усмехнулся охотник,

пояснив: – Во сне плакал и пару раз обделался... А как сам?

– Благодарю, ощущения самые неприятнейшие. Голова раскалывается, нога болит, дышать тяжело. Но жить буду.

– Будем жить, – кивнул Ван Ален, придвинув к ним два наполненных стакана и налил себе. – Только не увлекайтесь – кровотечение откроется... Какие планы? – поинтересовался он, опустошив стакан, и Курт кивнул на ногу:

– В ближайшие пару дней я отсюда никуда не денусь. И в любом случае – у Макса впереди еще ночь; лучше переждать ее здесь.

– И как ты намерен добираться до города с этой колодой и без лошади?

– А в этом, надеюсь, мне поможет ты, – ответил Курт, и тот удивленно поднял брови, глядя на него с подозрением. – Ты ведь, полагаю, предпочтешь свалить отсюда как можно скорее?

– Разумеется. Задержусь в городе на денек; довезу Марию до дому и, быть может, попытаюсь впарить ее родителям какую-нибудь историю, дабы не слишком на нее крысились. Девчонке и без того досталось.

– Хочу попросить тебя заглянуть в тамошнее отделение Конгрегации...

– Тю! – оборвал его Ван Ален, отодвинувшись в показном ужасе. – Так мы не договаривались.

– Я не прошу тебя являться на прием к обер-инквизитору. Просто передай им письмо от меня – кому угодно, хоть стражу у двери; и можешь ехать по своим делам.

– А в письме будет написано «задержать этого человека и посадить под замок»?

– В письме просьба забрать меня из этой дыры, – вздохнул Курт снисходительно. – И прислать кого-нибудь, дабы разгрести этот мертвячник.

– Ладно, – согласился Ван Ален неохотно. – Письмо передам. Если поклянешься, что не подкинешь никакой подлянки, и я не окажусь в камере.

– Клясться не буду; все равно моим клятвам ты не поверишь, и правильно. Я скорее призову в свидетели логику; ведь мы, кажется, договорились, что, когда все это кончится, мы обсудим условия, при которых ты сумеешь связать меня со своими. А от добра добра не ищут.

– Ты надолго в этом отделении?

– Ну, пару месяцев я уж точно никуда уехать не соберусь, что понятно. А там – как знать; не в моей это воле.

– Я еду к брату, – спустя мгновенное колебание вздохнул охотник. – Займет это немного времени, и я вполне успею связаться со своими и

обсудить твои... предложения. В первых днях июня я снова посещу этот трактир. Если не передумаешь, будь здесь. Я скажу, что наши думают обо всем этом. Большого от меня не жди.

– Вполне разумно, – пожал плечами Курт. – Да и я к тому времени сумею достучаться до начальства и узнать, какими благами уполномочен соблазнять вас... А теперь – чего попросишь ты?

– Я? – переспросил Ван Ален с искренним удивлением; Курт усмехнулся, коснувшись двух пересекающих бровь швов:

– Ты, помнится, в уплату за мою спасенную жизнь грозился потребовать что-нибудь, когда все закончится. Итак, Ян, все закончилось; я готов платить долги.

– Да брось ты, – покривился охотник, отмахнувшись. – Это я так. Вас туда, в вашу академию, нарочно набирают без чувства юмора?

– Инквизитор первого ранга, – напомнил он серьезно. – Со связями и репутацией. До нашей следующей встречи другой такой возможности выключить что-нибудь не представится.

– Ну, – не слишком уверенно начал охотник, умолкнув, и Курт ободряюще кивнул. – Ну, – решительно повторил Ван Ален, – хорошо. Да, есть одна вещь. Я, поскольку на вашу братию не работаю, действую на свой страх и риск; бумажек с подписью не имею, арестов не произвожу, отчетов не пишу, а посему мои деяния порою вступают... как бы так помягче... в противоречие с законом. Бывает, что местным, особенно местным властям, не растолкуешь, что и к чему – не слушают.

– Ясно. И где же тебя разыскивают? И за что?

– Ну, не так чтоб по всей Германии и не так чтоб за сплошные душегубства; есть проблемы, но серьезная только одна. В одной деревеньке под Линдхаймом местный владетель – такой, зараза, правильный; на него его крестьянство молится просто... Словом, взяло его отрядить своих людей на расследование убийства одной из его крестьянок. Нет, эта гнусная ухмылка ни к чему: как я уже сказал, просто дядька слишком правильный. Крестьянка – бабка лет ста. А то и тыщи. С виду старушка такая тихая, а на деле – ну просто полный инквизиторский набор, от жертвоприношений до человекоядения. Так сложилось, что бабку пришлось валить на месте, не успев вступить с властями в разъяснительное общение, а уж после, когда шум поднялся, когда разозленные соседи да этот барончик праведный... Пришлось брать ноги в руки. Если ты и впрямь можешь чем-то помочь, то просьба такая: растолкуй там, что два парня, которых приметы разосланы по всему предместью, вполне себе парни ничего даже. А бабкина светлая память ощутимо пошатнется, если они перекопают ее сад. Один

младенческий труп там уж точно есть, но я полагаю, что их существенно больше. Вот, собственно, и все. Знаешь, это охотничий принцип: не работаем дважды в одном месте, но – как знать, вдруг доведется сунуться в те края еще раз, а когда тебя ищет каждая собака, работать как-то не с руки.

– Съездим, – кивнул Курт. – Перекопаем. Или при следующей встрече я скажу тебе, что можешь заглянуть к тому барону на кружечку, или – что ты убил невинную старушку.

– Поверь, – возразил Ван Ален мрачно. – И без этого доказательств было довольно – это кроме того, что она нас с братом едва не свернула в бараний рог. Старая карга – Сатана в юбке.

– Макс, – тихо произнес Бруно, и Курт обернулся к лестнице, глядя на Хагнера, идущего вниз неспешно и словно бы нерешительно. На последних ступенях он остановился, оглядывая трапезный зал, и снова двинулся вперед, ступая осторожно, точно по льду.

– Все это кажется небылью, – без приветствия пояснил парнишка, остановившись подле стола, и так же медленно уселся напротив, рядом с Ван Аленом. – Кажется, что все это приснилось...

– Это нормально, – усмехнулся охотник, наливая на самое доньшко стакана. – Первая стычка, первая добыча, первая кровь. Главное, что этот свой первый бой ты можешь вспоминать без стыда; для новичка ты был вполне на высоте. А для встряски, – наставительно добавил он, поставив перед Хагнером стакан, – держи. Не помешает.

– Не думаю, что это хорошая идея, – настороженно скосив глаза на стол, возразил тот, и охотник придвинул стакан ближе:

– Не ломайся. Давай. За победу. Если, разумеется, твой опекатель не возражает; он, помнится, грозился ограждать тебя вовсе от пива...

– Можно, – согласился Курт, и Хагнер, помедлив, одним движением схватил со стола стакан и опрокинул в рот, подавившись первым же вдохом и закашлявшись.

Охотник шлепнул его ладонью по спине, усмехнувшись; тот пригнулся к столешнице, отерев выступившие слезы, и зашипел, когда цепь на запястье скребанула по щеке.

– После ужина снимем, – сказал Бруно, и Хагнер, протолкнув комок в горло, качнул головой, с усилием выговорив:

– Скоро ночь. И, знаете, мне больше пришлось по душе так, с кандалами.

– А монашек прав, – уже серьезно возразил Ван Ален. – Теперь эти железки ни к чему. И веревки тоже. Просто пересидишь в той самой комнате, за закрытой дверью, и всё. Если ты в самом деле намерен когда-

нибудь справиться с собою, не злоупотребляй такими уловками; чем чаще будешь сходиться со своим зверем, тем быстрее совладаешь с ним.

– Думаете, совладаю?

– А куда ты денешься, – хмыкнул охотник, и Хагнер вяло улыбнулся в ответ. – Просто не забывай, кто ты есть. А с тем, кто ты, ты вчера окончательно определился... Наконец-то, – обрадованно выговорил Ван Ален, завидев трактирщика, приблизившегося к столу с пбрящей миской. – Завтрак.

– Придется таки разбудить супругу, – заметил Курт, кивнув на рыцаря и Карла Штефана, появившихся на лестнице. – Сейчас ее умения будут весьма востребованы; после вчерашнего аппетит у всех будет зверский.

– Я уже потерял счет всему, – вздохнул Велле, – и даже не стану спрашивать, кто будет возмещать мне все эти разрушения. Понимаю; стечение обстоятельств, кого тут обвинишь... Поэтому небольшая затрата уже, если это кормление будет безвозмездным. Как товарищам по несчастью.

– У меня к тебе еще одна просьба, – остановил его Ван Ален, когда трактирщик развернулся, уходя. – В начале лета я появлюсь здесь снова. Весной, как снег сойдет – будь добр, отыщи мой арбалет раньше, чем его найдет кто-то из твоих постояльцев. Если возвратишь мне его в целости, я в долгу не останусь.

Тот, молча кивнув, отошел к соседнему столу, куда осторожно, кривясь и держась за ребра, подсел Карл Штефан, и Курт махнул рукой:

– Идите к нам, Элиас. Как вы? – осведомился он, когда рыцарь присел рядом, и фон Зайденберг вздохнул:

– Не лучшим образом, майстер инквизитор. Я не успел ничего сделать и, в чем главный позор, пропустил все самое главное.

– Побойтесь Бога, – укоризненно возразил Курт. – Вы убили одну из тварей сами и оказали помощь в убийстве вожака, немалую, причем. Некоторое отсутствие опыта, разумеется, сказалось, однако я признаю, что ваши воинские навыки вполне достойны похвалы.

Рыцарь с сомнением покривился, вздохнув, однако возразить не успел – Карл Штефан, поднявшись, подступил ближе к их столу и старательно кашлянул, привлекая к себе внимание. Курт обернулся, глядя на него с вопросительным ожиданием, и парень нерешительно произнес, переминаясь с ноги на ногу и косясь на охотника:

– Я хотел бы поговорить с вами, майстер инквизитор.

– Да? – подбодрил он, когда Карл замялся, и тот продолжил все более неуверенно:

– Я... хотел вас попросить... Не сдавайте меня.

– Почему я так и знал? – хмыкнул Ван Ален, и тот повысил голос, заговорив чуть тверже:

– Я поговорил с Марией. Она сказала, что зла держать не намерена. То есть, злится, конечно, и злиться будет, но полагает, что я получил уже свое. И я... не знаю, как сказать... Я больше не буду.

– Ну, конечно, – скептически согласился охотник; отставной возлюбленный поджал губы:

– Правда. Я теперь уже знаю, что мои раны не опасны, что... Но вчера я так не думал. Я думал, что умру. Что это конец моей жизни. А жизнь... Так себе была жизнь. Я это навсегда запомню, что вы сказали тогда: готовым надо быть в любую минуту. Я об этом прежде не думал; а ведь может и попросту кирпич на голову свалиться, и что я тогда предъявлю, на последнем суде? Да ничего. Из всех добрых дел за всю мою жизнь – горсть медяков, которые я отсыпал какому-то попрошайке, когда он меня окончательно достал просьбами. Ну, – оговорился Карл Штефан, бросив короткий взгляд на Бруно, – в монастырь я не уйду, да и самым добрым христианином на белом свете стать не обещаю, но ремесло свое забуду.

– Найди работу, – вздохнул Курт, помедлив, и парень неуверенно усмехнулся, кивнув в сторону кухни:

– Уже нашел. Наш хозяин предложил остаться, пока эти дыры не затянутся, а потом – ему с женой ведь теперь нужен помощник. Я сказал, что подумаю, но все зависит от вас.

– Теперь – только от тебя. Однако, – заметил Курт, когда тот довольно улыбнулся, – учти. Я здесь появлюсь еще спустя пару-тройку месяцев или, быть может, через полгода, и проверю, сколь надолго хватило твоего покаянного рвения. Узнаю от Альфреда, что ты выкидываешь какие-то непотребства или что удрал отсюда через неделю после моего отъезда вместе с кассой – найду. И вздерну сам, без всяких магистратских судов.

– И ты ему веришь? – уточнил охотник, когда Карл ушел за свой стол; Курт передернул плечами:

– Знаешь, Ян, вопреки расхожему мнению, многие из осужденных в ночь перед казнью действительно раскаиваются полно и искренне. Когда стоишь на пороге смерти, кое на что начинаешь смотреть иначе. Парень вчера перепугался до одури; если хотя бы это сумеет его изменить – что ж, неплохо. Разумеется, его усердное самобичевание через пару недель ослабнет, а там и сойдет на нет, но за это время, глядишь, и втянется. Он ведь, по большому счету, бродяга, а такая жизнь рано или поздно надоедает, начинает тянуть к дому, к стабильности... Верно?

– Верно, – в один голос отозвались Хагнер и фон Зайденберг, и Курт усмехнулся:

– Вот и я так полагаю. И, к слову; Элиас, а вы теперь куда? Дальше по дорогам в поисках рыцарского счастья?

– А у меня выбор невелик, – ответил тот со вздохом. – Мне никаких предложений не поступало.

– А остались бы?

– Ну, не конюхом, во всяком случае, – покривился рыцарь. – Лучше я замерзну на дороге или погибну в стычке с грабителями.

– А в вашем возрасте пора бы задуматься о постоянной службе, – заметил Курт, и фон Зайденберг лишь снова вздохнул. – С хорошей оплатой и перспективой обзавестись, наконец, собственным домом; да и семьей когда-нибудь. С вашими навыками и небольшим их усовершенствованием вы вполне могли бы обрести и то, и другое, и третье. Не желаете обдумать эту мысль, Элиас?

– То есть, вы мне что ж – службу предлагаете, майстер инквизитор? – переспросил рыцарь настороженно. – В Конгрегации?

– Вы доказали вашу способность противостоять опасности, – кивнул он, – ваше благочестие временами даже чрезмерно; есть некоторые проблемы с субординацией, но это, думаю, в основном по вине обстоятельств и в некотором роде по недоразумению.

– И что же вы предлагаете мне делать? На какое место хотите определить меня?

– Понятия не имею; обсудите это с начальством. Область применения хорошо обученных бойцов в Конгрегации наиобширнейшая. Подумайте. В ближайшие пару-тройку дней я все еще здесь, в ближайшие несколько месяцев в городе; решитесь – дайте знать.

– Я подумаю, – не сразу отозвался фон Зайденберг, и Курт лишь согласно кивнул, не высказав вслух того, что увидел: думать он не станет; попросту согласиться тотчас же не позволяла гордость имперского рыцаря.

В тесном зале вновь повисла тишина; Хагнер с хмурой задумчивостью смотрел на свою руку с обвитой вокруг цепью, Ван Ален всецело был поглощен завтраком, сам же Курт предавался сочинительским мукам. Сегодня, когда постояльцы пробудятся, утолят голод и несколько придут в себя, надлежит прочесть им долгую и увлекательную сказку – то, что они должны будут рассказывать всякому, кто поинтересуется происходящим здесь в эти дни и особенно ночи. Предать ли в этой сказке Хагнера смерти или же вовсе вычеркнуть его из повествования, он еще не решил и сейчас прикидывал все «pro» и «contra», пытаясь просчитать возможные

последствия того или иного решения.

Когда из-за плотно закрытых ставен сквозь свист ветра прорвался знакомый звук, тишина стала гробовой, все вздрогнули, обернувшись к окнам, и Карл Штефан, побелев, оглянулся на их стол с откровенной паникой в глазах.

– Спокойно, – не поднимая взгляда, произнес Хагнер отстраненно. – Просто волк.

Август 2010

notes

Примечания

Судит ли закон наш человека, если прежде не выслушают его и не узнают, что он делает? (*лат.*) (Иоанн, 7;51).

Расследование (*лат.*).

...ибо всякое естество звериное и птичье, пресмыкающихся и морских животных укрощается и укрощено естеством человеческим (*лат.*) (Иакова, 3;7).

Буквально «полевой мундир» (нем.).

На все случаи жизни (*лат.*).

Нет худа без добра (*лат.*).

Если не станете, как дети, не войдете в Царство Небесное (*лат.*).

Подводя итог (*лат.*).

Да ладно тебе, да иди ты (*лат.*).

Довольно, хватит (*лат.*).

То есть (*лат.*).

Трусишка, букв. – «заячья лапка» (нем.).

Все меняется (*лат.*).

Congregatio – общество (лат.).

Ого (вот как; ух ты и пр.) (*лат.*).

В один момент случается то, на что не надеешься и годами (*лат.*).

Далее (*лат.*).

право голоса (*лат.*).

Как мило (*лат.*).

Если другие облечены у вас властью, не паче ли и я? (*лат.*).

Каламбур (*лат.*).

Ты (лишь) человек (*лат.*).

К слову (*лат.*).

Лучшее враг хорошего (*лат.*).

Здесь угрожает волк, здесь пес (т. е., «меж молотом и наковальней» и пр.) (*лат.*).

Не проворным достается успешный бег, не храбрым – победа, не мудрым – хлеб, и не у разумных – богатство, и не искусным – благорасположение, но время и случай для всех них (*лат.*).

Слово Мое не подобно ли огню, говорит Господь, и не подобно ли молоту, разбивающему скалу (*лат.*).

Молитесь, чтобы не случилось бегство ваше зимою (*лат.*).

Наглость – второе счастье (*лат.*).

Книги в средневековой Европе зачастую продавались в аптеках.

Доброй охоты (*нем.*).

Прочь с глаз – прочь из мыслей (*лат.*).

Вывод (*лат.*).

Non est inventus – «не найден» состав преступления (лат.).

Lupus (лат.) – волк.

Да будет воля Твоя (*лат.*).

Должен, следовательно, можешь (*лат.*).